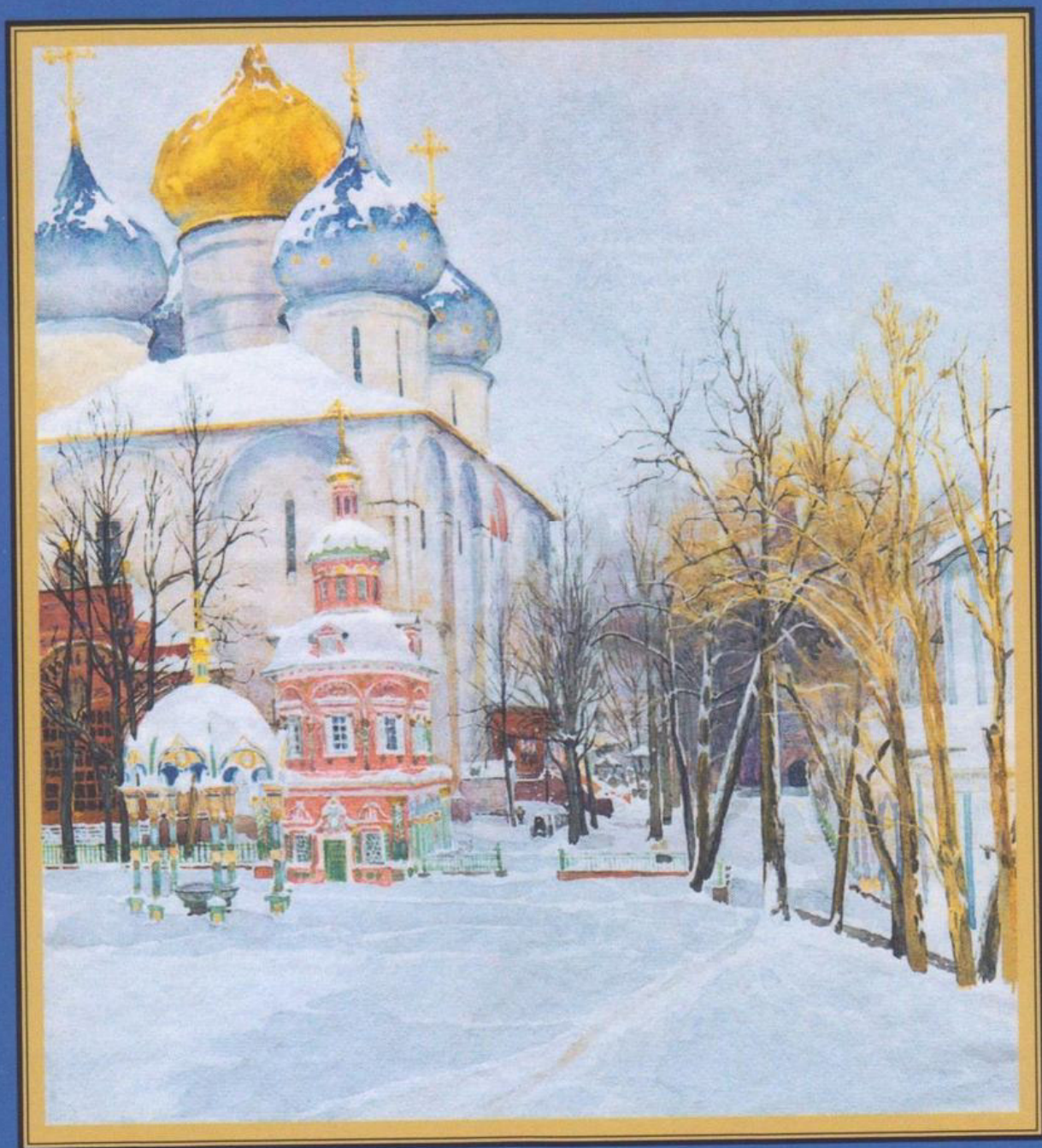

СЕРГИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ:

аннотированный
биобиблиографический
указатель трудов
Т. В. Смирновой

Т. В. Смирнова

**СЕРГИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ:
АННОТИРОВАННЫЙ
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ
Т. В. Смирновой**

СЕРГИЕВ ПОСАД
2019

ББК: 91.9:63+63.3(2Рос-4МО)

С 50

Смирнова Т.В.

С 50 Сергиевская земля: аннотированный биобиблиографический указатель трудов Т.В. Смирновой. / Т.В.

Смирнова.– Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад»; 2019.– 288 с.: фото.

ISBN 978-5-9976-0127-0

В указателе приводится аннотированный предметно-хронологический перечень книг и статей Т.В. Смирновой, написанных в основном о людях, которые жили в Сергиевом Посаде и его окрестностях, об истории Сергиево-Посадского музея-заповедника, о художниках, запечатлевших образ Сергиевской земли. Часть статей и книг написана и на другие темы, связанные с жизнью страны, с ее историей в XX веке, а также об известных краоведах 1920-х гг.: В.И. Смирнове, М.И. Смирнове, Д.О. Святском и др.

Даны алфавитный, именной и географический указатели. Приведен также перечень газетных публикаций.

В приложении даны тексты нескольких избранных газетных статей и статьи автора, написанные для сайта «Международного Мемориала» «Уроки истории».

Значительное место занимает рассказ автора о творческих встречах и об истории создания им основных трудов.

Надеюсь, что указатель может быть полезен не только тем, кто интересуется Сергиевым Посадом. Ведь для многих, о ком идет речь, Сергиево-Посадский период был лишь какой-то частью их жизни.

ББК: 91.9:63+63.3(2Рос-4МО)

На титульном листе рис. М.П. Митурича-Хлебникова.

ISBN 978-5-9976-0127-0

9 785997 601270

© Смирнова Т.В., [текст]

ВСТУПЛЕНИЕ

Любой отдел музея, любую экспозицию можно уничтожить. Но напечатанное, хотя бы в ограниченном количестве, все же останется где-то по научным библиотекам и будет существовать, пока не обратится в труху бумага.

М.И. Смирнов

Наверное, если человек может издать том своих избранных трудов, то это оптимальный вариант. Ведь журналы мало кто хранит. У книги больше шансов уцелеть, больше вероятность, что к ней будут обращаться снова. Если же такой возможности нет, то целесообразно сделать биобиблиографический указатель работ. На этом настаивает Владимир Фотиевич Козлов, председатель Союза краеведов России. Мне сначала казалось, что достаточно выложить такой указатель в интернете. Потом я согласилась с В.Ф. Козловым. Ведь мой сайт будет существовать до тех пор, пока я за него плачу.

У многих людей занятия краеведением сочетаются с работой по основной, чаще всего какой-либо инженерной, специальности. И тогда человек включает в свой биобиблиографический указатель труды технического характера. Сама я решила этого не делать, тем более что часть моих давних публикаций, связанных с химическими технологиями, была под грифом «секретно».

Заниматься краеведением я начала с 1995 г., когда была принята в Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. И большая часть моих работ, включенных в данный указатель, связана с историей Сергиева Посада и района и с людьми, жившими в этой местности. Но ряд трудов посвящен моим родным, в том числе известным краоведам 1920-х гг. – Василию Ивановичу и Михаилу Ивановичу Смирновым. Кроме того, бывало, что в процессе работы в музее я обнаруживала ценные материалы, лишь частично связанные с Сергиевской землей. Так, в трудах Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина опубликовано несколько моих докладов, сделанных на Голицынских чтениях. В результате я была награждена пушкинским знаком «За заслуги перед музеем». Некоторые мои статьи имеют отношение к другим районам Подмосковья, а также к таким городам и областям, как Архангельск, Кострома, Ярославль, Переславль-Залесский и др.

В предметно-хронологическом списке работ приведены не только названия статей и книг, но аннотации к ним. А сами статьи и книги распределены по шести темам:

- I. Сергиев Посад, Лавра, Сергиево-Посадский музей-заповедник;
- II. Сергиево-Посадский район;
- III. Краеведение и краеведы;
- IV. Художники;
- V. Книги и брошюры научно-популярного характера;
- VI. Разное.

В каждом разделе работы даны в хронологическом порядке.

Часть моих статей опубликована дважды. Так вышло, потому что порой была потеряна надежда на публикацию, а она, спустя несколько лет, все-таки произошла. Другой причиной иногда было то, что хотелось опубликовать работу с иллюстрациями. А бывало и так, что появились новые сведения. И потому несколько расширенный текст я публиковала снова. Названия таких повторных работ выделены курсивом.

Меня всегда беспокоил разрыв между научно-исследовательской и научно-популярной литературой. Сейчас накоплена масса научной информации, но труды ученых «страшно далеки от народа». А писать популярно многие ученые, видимо, считают ненужным или не умеют. В моем указателе значительное место занимают труды научно-популярного характера. При этом иногда трудно провести грань между работой научной и работой научно-популярной. Примером может быть книжка «Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие». Так как текст снабжен комментариями, я включила ее в раздел научных работ. Но ее можно было отнести и к научно-популярным.

В указатель включены сведения о 14 книгах и брошюрах, где я была автором или составителем, о 90 статьях в журналах, альманахах и сборниках и двух мультимедийных изданиях.

Кроме предметно-хронологического, сделаны также следующие алфавитные указатели: названий статей и книг, именной, географический, журналов и сборников, в которых публиковались работы автора. При этом именной и географический списки сделаны по аннотациям.

Отдельно дан перечень моих газетных публикаций в хронологическом порядке. Публиковаться в местной газете я начала с 1985 г. Примерно 90 % газет я нашла дома. Ими и решила ограничиться. Всего перечислено 255 газетных статей.

К Указателю я помещаю несколько приложений.

1. Несколько газетных заметок, которые кажутся мне важными.
2. Страницы биографии автора.

Решив не ограничиваться краткой биографической справкой, в приложении я написала о главных моментах моей жизни: знакомстве с фресками Дионисия, организации праздников поэзии Бориса Пастернака, а также о той обстановке, в которой довелось работать в музее, о том, как возникала та или иная тема, с какими людьми я при этом встречалась. Ведь я занималась историей XX века, что дало счастливую возможность общения со многими интереснейшими людьми. Так что не могу назвать себя кабинетным ученым, как с гордостью говорит о себе один мой знакомый историк. Небезынтересна, на мой взгляд, в ряде случаев бывает и история публикации или издания.

3. «Уроки истории» – тексты для сайта Международного общества «Мемориал».

Так счастливо сложилось, что я познакомилась с сотрудницей «Мемориала» Светланой Яковлевной Фадеевой. И она предложила мне написать сначала о тех художниках, работы которых есть в музее «Мемориала», потом и на другие темы, связанные с репрессиями. Эти материалы выложены в интернете. Но я убедилась, что по прошествии некоторого времени разыскать их почти невозможно. Я же считаю эту форму работы очень существенной, а тему репрессий исключительно важной. Потому решила дать тексты моих «Уроков истории» в приложении.

К приложениям дан именной указатель. В нем названы только те лица, с которыми я встречалась.

Т. В. Смирнова

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Т. В. Смирнова

*Москва. РГГУ. Встречи
на Никольской. 2011*

Мой будущий отец Василий Иванович Смирнов, известный костромской краевед, был выслан в Архангельск в 1931 г. Я родилась в этом городе 18 февраля 1935 года. Осенью 1941 г. папа умер. Мама моя, Лидия Сергеевна Кितिцына, во время войны с большим трудом сумела спасти нас с бабушкой. Но дальше мне оставаться в северном климате было нельзя. Мой дедушка, мамин отец, оказался во время войны в станице Глазуновской Сталинградской области. Мы и переехали туда летом 1945 г. Мама работала в школе учительницей русского языка и литературы,

Я училась хорошо по всем предметам, но мама не советовала получать гуманитарную специальность. И после школы я поступила в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева.

В студенческие годы проснулся у меня и интерес к поэзии и изобразительному искусству. Хотя я хорошо знала Пушкина, как и многих других поэтов, но только в Москве, в 17 лет, случайно попавшаяся книга стихов Валерия Брюсова открыла мне чудо поэзии.

Третьяковская галерея, Музей изобразительных искусств ... А зимой, на каникулах, — поездка в Ленинград. Музей Академии художеств открыл мне глаза на архитектуру. С тех пор в течение многих лет я посвящала все свободное время поездкам в разные места для знакомства с архитектурой.

Но меня мучила мысль, что большинство людей ничего этого не видят. Речь даже не о тех, кто живет в глубинке. Москвичи мало тогда ходили в музеи, на выставки. Попытки заинтересовать сверстников успеха не имели. И вот с тех давних пор живет во мне желание всех приобщить к тому, что мне представляется исключительно интересным и важным. Насмешливо такое желание называют «зудом культуртрегерства». Оно определило поворот в моей жизни, произошедший в 1990-е годы.

В 1957 г. я окончила институт по специальности технология лаков и красок и была направлена на Загорский лакокрасочный завод, где проработала четыре года (1957–1961). В дальнейшем работала старшим научным сотрудником в НИИ технологии лакокрасочных покры-

тий в г. Хотьково Московской области (1961–1977). Там мне довелось разрабатывать весьма интересную тему: «Лакокрасочные покрытия для машин, эксплуатирующихся на Крайнем Севере». В связи с этим я побывала в Норильске, Магадане и Сусумане. Последним местом моей работы в области химии был НИИ прикладной химии в г. Загорске (Сергиевом Посаде) (1978–1988). Мной опубликован ряд научных статей в области лакокрасочных покрытий и других химических технологий, получено несколько авторских свидетельств.

В 1988 г. я тяжело заболела и получила инвалидность 2-й группы. К работе по специальности уже не вернулась.

Все это время была членом общества «Знание». Читала лекции на темы литературы и истории. Стала членом Клуба любителей поэзии при Хотьковской библиотеке, потом создала литературную гостиную при одной из библиотек Сергиева Посада. С 1985 г. публиковала статьи в районной газете. С 1987 г. организовывала в г. Хотькове праздники поэзии Бориса Пастернака. С 2000 г. эти праздники приняли форму конкурсов произведений местных авторов. Теперь они проводятся в Центральной районной библиотеке имени В. В. Розанова в Сергиевом Посаде. По моей инициативе в 1990 г. в деревне Мutowки Сергиево-Посадского района на доме, где жил поэт летом 1927 г., установлена памятная доска.

В то время, пока у меня была нерабочая группа инвалидности, я читала лекции по путевкам общества «Знание», руководила клубом «Знание», писала заметки в местную газету «Вперед». А в 1991 г. мне удалось получить разрешение на работу «в специально созданных условиях». И меня пригласили в Хотьковскую среднюю школу № 4 вести занятия по МХК (мировой художественной культуре), а потом и в Сергиево-Посадский дом творчества детей и юношества в качестве руководителя клуба «Родник» (1992–1995).

В 1995–2013 гг. я работала в краеведческом отделе (отделе истории и культуры XX–XXI вв.) Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника в должности старшего научного сотрудника. Большая часть работ, приведенных в указателе, относится к этому последнему периоду моей жизни.

С 1999 г. являюсь членом Союза краеведов России. С большей частью моих опубликованных работ можно ознакомиться на сайте www.tvsm.ucoz.ru.

С 1958 г. живу в г. Хотьково Сергиево-Посадского (Загорского) района Московской области.

АННОТИРОВАННЫЙ ПРЕДМЕТНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ В ЖУРНАЛАХ, АЛЬМАНАХАХ И СБОРНИКАХ

Нумерация в списке сквозная. Публикации распределены по разделам: Сергиев Посад, Лавра, Сергиево-Посадский музей-заповедник; Сергиево-Посадский район; Краеведение и краеведы; Сергиев Посад в произведениях художников; Научно-популярные книги и брошюры краеведческого характера; Разное.

В каждом разделе названия статей и книг даны в хронологическом порядке.

1. Сергиев Посад; Троице-Сергиева лавра; Сергиево-Посадский музей-заповедник

1. Дом на Вальной и его обитатели. 1920-е годы в Сергиевом Посаде // Московский журнал. – 1997. – № 3. – С. 33–40.

Граф Юрий Александрович Олсуфьев, уехав из усадьбы Буйцы в Тульской губернии, поселился в Сергиевом Посаде по благословению своего духовника, старца Оптиной пустыни Анатолия (Потапова). В 1917 г. он купил двухэтажный дом на Вальной улице. В 1918 г. на первом этаже поселилась родственная Олсуфьеву семья Мансуровых, а в 1923 г. – и семья графов Комаровских. Ю. А. Олсуфьев, С. П. Мансуров и В. А. Комаровский работали в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Приведено описание этой городской усадьбы и рассказана дальнейшая судьба обитателей дома.

2. Сборник «Троице-Сергиева лавра» и его авторы // П. А. Флоренский: Первые гимназические чтения – (Сергиево-Посадская гимназия), – 1999. – С. 54–68.

Сборник «Троице-Сергиева лавра» был напечатан весной 1919 г. Он был задуман членами Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры как путеводитель по Лавре. В нем опубликованы статьи об истории Лавры, ее архитектуре, об иконописи, книгах, церковной утвари, библиотеке Лавры и др. Открывался сборник статьей П. А. Флоренского «Троице-Сергиева лавра и Россия».

Приведено подробно содержание статей Ю. А. Олсуфьева «Иконопись», С. П. Мансурова «О библиотеке» и М. В. Шика «Колокольня и колокола». Отмечена доступность изложения. Даны биографии авторов.

Судьба сборника сложилась несчастливо. В мае 1919 г. в журнале «Революция и церковь» была опубликована статья «Черная доска» снявшего с себя сан священника Михаила Галкина, публиковавшегося под псевдонимом М. Горев. Он поставил в вину о. Павлу Флоренскому, что тот писал о преподобном Сергии Радонежском, как о национальном герое. М. Горев также негодовал по поводу социального происхождения авторов. В результате тираж сборника остался несброшюрованным, потом был уничтожен. Сохранилось только несколько экземпляров. Была высказана мысль о необходимости переиздать книгу.

3. В. Д. Дervиз – один из первых создателей Сергиевского музея // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000. – М: Подкова, 2000. – С. 147–162.

Владимир Дмитриевич Дervиз (1853–1937), художник-акварелист, владелец усадьбы Домотканово в Тверской губернии. В 1919 г. Дervиз, изгнанный из усадьбы, поселился в Сергиевом Посаде, где уже жила в то время одна из его дочерей. Вскоре он начал работать в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а потом в Сергиевском историко-художественном музее. Вынужден был уйти из-за начавшейся в 1927–1928 гг. антирелигиозной кампании, сопровождавшейся травлей музея. В 2000 г. в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике состоялась выставка его замечательных акварелей, находящихся в частном владении.

4. [Сергий Трубочев – дирижер и церковный композитор] // Московский журнал. – 2000. – № 3. – С. 43–44.

Сергей Зосимович Трубочев (1919–1995) после школы поступил в Музыкальное училище имени Гнесиных, был призван в армию, участвовал в Великой Отечественной войне. Вернулся домой только через восемь лет. Женился на дочери о. Павла Флоренского Ольге. Окончил институт имени Гнесиных и Московскую консерваторию, работал главным дирижером симфонического оркестра, преподавал в родном институте. Последние годы жизни провел в Сергиевом Посаде, был церковным композитором, изучал труды о. Павла Флоренского. Незадолго до смерти был рукоположен в сан диакона. В 1999 г. в Сергиево-Посадском музее-заповеднике состоялась посвященная ему выставка.

5. Юрий Олсуфьев и его статья «Иконопись» // Русская галерея. – 2001. – № 2. – С. 24. Ю. А. Олсуфьев. Иконопись / публ. Т. В. Смирновой. Там же. С. 24–27.

Публикация статьи графа Ю. А. Олсуфьева (в сокращении) из сборника «Троице-Сергиева лавра» 1919 г. сделана по фотокопии, хранящейся в библиотеке Сергиево-Посадского историко-художественного музея-

заповедника. Авторами статей сборника, мыслившегося как путеводитель по Троице-Сергиевой лавре, были члены Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Тираж сборника остался несброшюрованным вследствие нападков со стороны журналиста М. Горева (Галкина), выступавшего с антирелигиозной позиции. Впоследствии сборник был уничтожен. Переиздан в московском издательстве «ИНДРИК» в 2007 г.

Олсуфьевым в этой статье дан обзор икон Троице-Сергиевой лавры как находившихся в храмах, так и в Ризнице. Им дана классификация икон по эпохам. Сказано, что к иконе надо подходить «трепетно, как к чудесному, как к стоящему вне нашей обыденной повседневной жизни».

Во вступительной статье приведены краткие биографические сведения об Олсуфьеве.

6. Опыт работы с респондентами при изучении истории XX века Сергиева Посада // История, современное состояние и перспективы развития: труды научной конференции «Историческое краеведение Подмосковья»: Музейный сборник. – М.: Государственный исторический заповедник «Горки Ленинские», 2001. – Вып. 6. – С. 57–61.

В 1995 г. автор начал работу над темой «Князя Трубецкие в нашем крае». Благодаря знакомству с ныне живущими представителями этого рода, удалось познакомиться с потомками некоторых известных людей, живших в Сергиевом Посаде после революции, и начать разработку темы «Сергиев Посад. 1920-е годы. Судьбы бывших». Ценно было то, что многие респонденты сами собрали материалы о своих предках, написали воспоминания, частично опубликовали их в малоизвестных журналах. Их мемуары не только рисуют живые образы родных, но и дают яркие картины жизни города. Особенно важными оказались воспоминания С. П. Раевского, А. В. Комаровской, А. В. Трубецкого. Существенно было и то, что многие вопросы удалось уточнить в устных беседах. Всего по этой теме работа проводилась с 12 респондентами, и были собраны сведения по судьбам 60 человек.

7. Первый директор Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника // Московский журнал. – 2003. – № 7. – С. 17–20. (Статья о В. Д. Дервизе, аналогичная № 3, несколько расширенная).

8. Сергиев Посад. 1920-е годы. (Судьбы бывших) // Труды Государственного Центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки. – М.: Изд. «Дека-ВС», 2003. – Вып. II. – С. 345–354.

После революции в Сергиевом Посаде жили многие люди, вынужденные из-за голода, холода и опасений за свою жизнь покинуть Москву или свою усадьбу.

Выбор города, в первую очередь, был связан с Троице-Сергиевой лаврой. В городе поселились графы Олсуфьевы и Комаровские, князья Трубецкие и Шаховские, дворяне Мансуровы, Огневые, Раевские, Хвостовы и другие, названные «бывшими». Рассказано о том, чем они занимались, как относились к ним местные жители, когда и по каким причинам они вынуждены были покинуть город.

9. Сергиев Посад. 1920-е годы. Судьбы «бывших» // Забелинские научные чтения – год 2002-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2004. – Вып. 136. – С. 422–444.

Статья, сходная с № 8.

10. Частные архивы как источник исторической антропологии // Проблемы истории Московского края: тезисы докладов четвертой региональной научной конференции, посвященной 75-летию образования Московской области. – М.: МГОУ, 2004. – С. 120–122.

Источниками исторической антропологии являются дневники, письма, мемуары, дающие представление о повседневной жизни людей. Часть источников такого рода попала в государственные архивы и была в последнее время опубликована. Примером вклада в военно-историческую антропологию может считаться дневник краеведа Михаила Ивановича Смирнова. Очень важны дневники М. М. Пришвина, которые постепенно публикует Дом-музей писателя. Но многие материалы такого рода находятся пока у частных лиц. Примером могут быть воспоминания графа Алексея Владимировича Комаровского о скитах, расположенных близ Сергиева Посада, в которых он побывал в 1920-х гг. Жизнь Сергиева Посада в период НЭПа описана Сергеем Петровичем Раевским. Автор доклада призвал собирать подобные рукописи и, по возможности, публиковать их.

11. Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы // Забелинские научные чтения – год 2003-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2004. – Вып. 143. – С. 205–209.

Приведена информация о жителях г. Сергиева, лишенных избирательных прав. Использованы при этом списки 1926, 1928 гг. и дополнительный список 1929 г. Выявлено резкое увеличение числа лишенцев к концу НЭПа. Установлено, что в 1926 г. большая часть лиц, подвергнутых этому виду репрессий, – торговцы, а также духовенство. В 1928 г. к ним добавилось значительное число женщин-дворянок.

Приведены примеры того, как сказывалось лишение избирательных прав на судьбах людей.

12. О книге П. А. Флоренского и Ю. А. Олсуфьева «Амвросий, троицкий резчик XV века» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия «Культурология». – Энтелехия. – 2005, № 10. – С. 48–53.

Осенью 1918 г. была образована Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. С первого дня ее члены Ю. А. Олсуфьев и П. А. Флоренский занимались инвентаризацией и научным описанием ценностей. При этом Олсуфьев настаивал на необходимости издания каталогов с иллюстрациями. Первый такой каталог – «Амвросий, троицкий резчик XV века» – удалось выпустить только в 1927 г. Впервые в нем были приведены в увеличенном воспроизведении памятники миниатюрной резьбы. В 1920-м Флоренский был вынужден уйти из Комиссии. Но его имя на книге поставлено первым. Автором статьи высказана гипотеза, что оценки формы крестов и панатий, как теплых или холодных, принадлежат о. Павлу Флоренскому. Книга получила резко отрицательный безграмотный отклик в газете «Рабочая Москва». Видимо, эта статейка сыграла роль в аресте о. Павла Флоренского в мае 1928 г. по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». Олсуфьев избежал тогда ареста, но навсегда уехал из Сергиева Посада.

13. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 гг. (по материалам архивов СПМЗ и ОПИ ГИМ) // Забелинские научные чтения – год 2004-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2005. – Вып. 149. – С. 414–429.

В конце 1920 гг. началась кампания травли сотрудников музея. Произошла полная смена кадров. В 1928–1930 гг. изменился профиль музея. Сначала возник проект превратить его в антирелигиозный музей, потом – в краеведческий (с отделом природы). Но в 1936 г. музей перешел в подчинение Управлению по делам искусств Мособлисполкома, и краеведческое направление оказалось ненужным.

Тревогу вызывало состояние архитектурных памятников Лавры. В 1938–1939 гг. начались реставрационно-восстановительные работы под руководством И. В. Трофимова. При инвентаризации, начатой в 1939 г., были выявлены серьезные утраты музейных ценностей. Особенностью музейных экспозиций 1930-х гг. был их социологический аспект в ущерб художественному. С конца 1930-х гг. началось постепенное преодоление негативных тенденций в работе музея и возвращение ему первоначального историко-художественного профиля.

14. О судьбах авторов сборника // Приложение к сборнику «Троице-Сергиева лавра». М.: «Индрик», 2007. С. 135–154.

В приложении приведены краткие биографии П. А. Флоренского, П. Н. Каптерева, И. Е. Бондаренко, Ю. А. Олсуфьева, Т. Н. Александровой-Дольник, Ф. Я. Мишукова. М. В. Шика, С. П. Мансурова – авторов сборника «Троице-Сергиева лавра», который был выпущен Комиссией по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры в 1919 г. и в то время не увидел света.

15. Ю. А. Олсуфьев: материалы к биографии // Забелинские научные чтения – год 2005-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2006. – Вып. 158. – С. 328–342.

Граф Ю. А. Олсуфьев (1878–1938) возглавлял строительство храма во имя Сергия Радонежского на Куликовом поле. В 1917 г. он переехал из своей тульской усадьбы в Сергиев Посад. Работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Принимал большое участие в выставках Сергиевского историко-художественного музея «Древнерусская книга» и «Искусство XIV и XV вв.». Был арестован в 1925 г., но, видимо, благодаря заступничеству А. В. Щусева, скоро отпущен. В 1928 г., когда началась кампания травли музея, уехал из города. Работал в Центральных реставрационных мастерских, потом в Третьяковской галерее. Арестован в 1938 г. и расстрелян на Бутовском полигоне.

16. Антирелигиозная пропаганда в деятельности Сергиево-Посадского музея-заповедника в 1945–1965 годах // Проблемы истории Московского края: труды пятой научно-практической конф., посвященной 75-летию Московского государственного областного университета. – М.: Изд. МГОУ, 2006. – С. 203–206.

Так как музей находился на территории монастыря, и значительную часть его коллекций составляли предметы культового характера, власти с конца 1920-х гг. предъявляли к музею особые требования по проведению антирелигиозной пропаганды.

После окончания Великой Отечественной войны, благодаря некоторому улучшению отношений между Церковью и государством, была возобновлена деятельность Троице-Сергиевой лавры как монастыря. Однако это не сняло с музея обязанности вести антирелигиозную пропаганду. А в 1950 г. власть потребовала отражать в экспозиции музея и эксплуататорскую роль монастыря как феодала. В хрущевский период резко увеличилось число атеистических лекций и передвижных атеистических выставок. Заслугой сотрудников музея было участие

в выявлении и изъятии из закрываемых церковей предметов, имеющих историческую или художественную ценность.

17. Доклад о. Павла Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств» и современное музейное дело // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки» – Энтелехия – 2007. – Т. 13, № 16. – С. 28–30.

Доклад был прочитан о. Павлом Флоренским в октябре 1918 г. в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Флоренский утверждал, что художественное произведение живет только в присущих ему условиях, а в музее умирает. Наиболее полно оно воспринимается, когда обстановка действует не только на зрение, но и на другие органы чувств. Флоренский высказывал эти соображения в связи с церковным искусством. Автор статьи считает, что они справедливы и для обычной музейной практики. Ансамблевый показ экспонатов существует во многих музеях. Так было первое время и в Сергиевском музее, созданном Комиссией, но в дальнейшем от него отказались. Частичный возврат к такому экспонированию начался только в 1990-е гг.

Автор пишет также, что в некоторых случаях бывает полезно использовать копии экспонатов, приводя в пример икону Андрея Рублева «Троица», которая теперь находится в Третьяковской галерее, а ее копия в Троицком соборе Лавры. То же относится и к серовской «Девочке с персиками», которую можно увидеть в Третьяковской галерее, а ее копию в Абрамцевском музее в той самой комнате, где она была написана. Во многих случаях целесообразно включение в экспозицию копий, дубликатов, а также серийных изделий для интерактивного использования.

18. Иван Федорович Казаков // Московский журнал. – 2007. – № 6. – С. 23–28.

Иван Федорович Казаков (1876–1966) работал в Загорском (Сергиево-Посадском) историко-художественном музее-заповеднике в 1939–1954 гг. старшим научным сотрудником, потом заведующим отделом народного художественного творчества. Он является автором неопубликованных трудов о деревянной резной миниатюре и биографий резчиков по дереву. Во время Великой Отечественной войны И. Ф. Казаков спас ценности Абрамцевского музея. Приведена необычная биография этого человека, внука крепостных, прошедшего школу жизни, окончившего еще в 1910 г. Археологический институт и нашедшего применение полученному образованию только на склоне лет.

19. О записке графа Ю. А. Олсуфьева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». – Энтелехия. – 2008. – Т. 14, № 2. – С. 139–141. **Олсуфьев Ю. А. В Комиссию по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой лавры** / публ. Т. В. Смирновой. Там же. – С. 137–139.

Записка Ю. А. Олсуфьева датирована 1924 г. Олсуфьев указывал на то, что помещение Ризницы слишком тесно: невозможно сколько-нибудь удовлетворительно разместить в ней, помимо произведений искусства XIV и XV вв., также предметы XVI, XVII и XVIII вв. Он считал целесообразным использовать палату XVII в., которая раньше служила портновской, и предлагал конкретные переделки для размещения в ней экспозиции искусства XVI в. Автор статьи привел краткую биографию Ю. А. Олсуфьева. И подчеркнул, что из текста записки видно, насколько тот понимал важность открытия музея для народа, а не только для ученых занятий специалистов. Указал на то, что Олсуфьев был редким человеком, сочетавшим в себе талант, энергию и опыт организатора-хозяйственника со склонностью и умением заниматься научной работой.

20. Из опыта работы Центральной районной библиотеки (Сергиев Посад) // Проблемы истории Московского края: материалы шестой научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Московской губернии. – М.: Изд. МГОУ, 2008. – С. 103–107.

Центральная библиотека Сергиево-Посадского района Московской области имени В. В. Розанова стремится приобщить широкие круги читателей к культурным и духовным ценностям, связанным с этим краем. В ней проходят заседания историко-краеведческого клуба «Хронос», проводятся презентации книг о крае. Библиотека издает биобиблиографические указатели. В ней бывают выставки местных художников. Ежегодно в день смерти В. В. Розанова собираются специалисты, изучающие его труды. В библиотеке проходят также литературные конкурсы «Пастернаковское лето» в память того, что поэт прожил лето 1927 г. в деревне Мutowки Сергиево-Посадского района.

21. Памяти графа Ю. А. Олсуфьева, ученого и исповедника (1878–1938) // Кадашевские чтения: сб. докладов конференции. – М: Издательство ОРПК, 2009. – Вып. V. – С. 206–213. Статья, близкая по содержанию № 15.

22. Семья Розанова в Сергиевом Посаде // Наследие Розанова и современность: материалы Международной научной конференции (М., 29–31 мая 2006 г.). – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 618–622.

В. В. Розанов с семьей приехал в Сергиев Посад из Петрограда летом 1918 г. Ему удалось привезти все вещи, включая книги и мебель. Жили продажей мебели и одежды, обменивая на продукты. Жилье заранее приискал о. Павел Флоренский: хороший новый дом на Красюковке. Дочери Розанова не были готовы к жизни, не приучены к труду, к бытовым обязанностям. Розанов считал, что девочки просто должны выйти замуж, когда подрастут. Чтобы спасти семью от голода, Татьяну Розанову, зачислили машинисткой в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, хотя она и не умела печатать на машинке. Семье большую помощь оказывали Олсуфьевы и Флоренские. По просьбам В. В. Розанова многие присылали ему деньги. Конечно, Розанов страдал от голода и холода, как и другие приехавшие в город после революции. Но ни он, ни дочери не стремились найти свое место в новых условиях.

Для сравнения приводится судьба семьи княгини Урусовой, которая потеряла все вещи в пожаре при подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле. И сама княгиня Наталья Владимировна, и ее дети брались за любую работу.

23. М. С. Елов – последний издатель В. В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 15, № 19. – С. 30–31.

М. С. Елов (1862– не ранее 1928) был известным книготорговцем и книгоиздателем, жил в Сергиевом Посаде в собственном доме и являлся старостой Успенской церкви. Поставлял книги в МДА и другие учебные заведения. В Сергиевом Посаде организовал читальню под открытым небом и открыл собственный магазин. Имел отделения в Рыбинске, Ярославле и Костроме. Издавал открытки с видами Лавры и Сергиева Посада. После революции книг из его магазина отобрали на 100 тысяч рублей. Арестовали его в мае 1928 г. в числе 80 человек по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». В обвинении было указано, что «Елов устраивал в своей квартире нелегальные собрания реакционного духовенства и мирян». Был приговорен к высылке на три года и отправился из Бутырской тюрьмы в г. Киржач Владимирской области. Дальнейшая судьба неизвестна.

В 1918–1919 гг. М. С. Елов издал 10 выпусков розановского «Апокалипсиса нашего времени».

24. Создание музея в Троице-Сергиевой лавре // Подмосковный летописец. – 2010. – № 4. – С. 58–65.

20 апреля 1920 г. считается днем рождения Сергиево-Посадского историко-художественного музея – в этот день Ленин подписал декрет

об обращении ценностей Троице-Сергиевой лавры в музей. Однако работа по созданию музея началась еще осенью 1918 г. Инициатором был И. Е. Бондаренко, известный архитектор и реставратор, по предложению которого была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Он и стал первым председателем Комиссии. Члены Комиссии занимались приемкой ценностей Лавры и созданием музея. Огромный вклад в работу Комиссии внес граф Ю. А. Олсуфьев, сменивший Бондаренко на посту председателя. Но деятельность Н. М. Щекотова, который был прислан Коллегией Наркомпроса для проверки, а также негативное отношение местной власти к музею привело к тому, что Олсуфьеву и другим членам Комиссии пришлось уйти. В дальнейшем Олсуфьев работал в Комиссии в качестве нештатного сотрудника-эксперта. Спас дело приход в Комиссию художника В. Д. Давида и искусствоведа А. Н. Свирина. А Щекотов ушел «на повышение». Создание музея происходило в тяжелейшей обстановке голода и холода. Несмотря на это, научные сотрудники устраивали выставки древнерусского искусства. В 1925 г. был выпущен путеводитель по музею, написанный А. Н. Свириным. А сторожа-монахи, даже не получая оплаты, не допустили хищения ценностей. Музей был создан в короткие сроки фактически тремя подвижниками: Олсуфьевым, Давидом и Свириным.

В 1927–1928 гг. развернулась кампания травли музея, и его создатели вынуждены были уйти.

25. Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре // Кадашевские чтения: сб. докладов конференции. М.: О-во сохранения лит. наследия; Изд. ОРПК «Кадашевская Слобода», 2010. – Вып. VI. – С. 255–267. Статья, аналогичная 24.

26. Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы VII Международной конференции. – Сергиев Посад: Ремарко, 2012. – С. 116–125. Статья, аналогичная № 24.

27. Краеведческий музей в Сергиевом Посаде // Проблемы истории Московского края: материалы седьмой научно-практической конференции. (Москва, 23 ноября 2010 г.). – М.: Изд. МГОУ, 2010. – С. 75–77.

Редакцией сборника дано ошибочное название: речь идет не о Краеведческом музее, а о Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике.

Все годы существования музея существовала тесная связь его с научными, культурными и учебными учреждениями Москвы. В свою очередь

эти учреждения нередко пополняли свои коллективы сотрудниками, получившими значительный опыт при работе в Сергеево-Посадском музее. Большую роль сыграли крупные московские специалисты и деятели культуры в организации реставрационных работ архитектурных памятников Лавры. Сотрудники Музея выступают с докладами в Москве. А в Музее проводятся Международные конференции с приглашением докладчиков из разных городов.

28. Новые темы музейных выставок в 1990–2000 гг. // Четвертые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Казань, 7 октября 2011). – Казанский институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 81–85.

Перемены в жизни страны ярко отразились в тематике выставок Сергеево-Посадского музея-заповедника. В 1995 г. был создан в нем краеведческий отдел (отдел истории и культуры XX–XXI вв.). На одной из первых выставок отдела – «Князя Трубецкие в нашем крае» (1996) – впервые были затронуты темы судеб дворянства после революции, сталинских репрессий и эмиграции. На выставке было представлено немало произведений изобразительного искусства, в частности, скульптуры Паоло Трубецкого из Третьяковской галереи. Целый зал был отдан работам Иллариона Голицына. Центральное место в нем занимала картина «Трубецкие», на которой художник изобразил на фоне Лавры большую семью Трубецких, потомков владельцев усадьбы Ахтырка. Возле фигур надписи черной краской: «зэк», «воин» и кресты с датами смерти. Выставка зримо показала, что времена изменились, что можно говорить о том, о чем умалчивали долгие годы.

К 80-летию музея была открыта выставка «Акварели В. Д. Давида» (2000 г.). Этот художник и владелец усадьбы Домотканово Тверской области после революции был выселен из усадьбы с конфискацией имущества. Он приехал в 1920 г. в Сергиев Посад к своей дочери М. В. Фаворской, начал работать в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры и позже стал первым директором созданного этой Комиссией музея. На выставке были представлены замечательные пейзажи Домотканова, Ниццы, Финляндии, Крыма, а также групповые фотографии сотрудников музея 1920-х гг., среди которых был и граф Ю. А. Олсуфьев, один из создателей Музея, расстрелянный в 1938 г.

Особенностью Сергиева Посада было то, что после революции в нем поселились многие так называемые бывшие. Их портреты и портреты других аристократов можно было увидеть на выставке «Образы минувшего. Графика М. М. Осориной» (2002 г.). Сама художница не бывала

в Сергеевом Посаде, но в подмосковную усадьбу Измалково, где после революции жила семья Осоргиных, приезжали из Москвы и Сергиева Посада в гости их родные и знакомые. Впереди у многих из них – эмиграция, мучения, гибель ... На этикетках были указаны их судьбы.

В 1920-х гг. в селе Глинково под Сергеевым Посадом снимали дачи две семьи князей Голицыных. В центре выставки «Голицыны в Глинкове» (2002 г.) были работы Владимира Михайловича Голицына, художника, моряка, изобретателя детских игр, погибшего в Свияжском концлагере в 1943 г.

К 2000-летию христианства была открыта выставка «Сергий Трубачев (диакон) – церковный композитор и дирижер». В прежние времена, конечно, была невозможна выставка, посвященная церковному композитору, который к тому же был зятем о. Павла Флоренского.

К 110-летию юбилею Бориса Пастернака открылась выставка «Мир Пастернака» (2000 г.). Поэт прожил с семьей летние месяцы 1927 г. в деревне Мutowки Сергеево-Посадского района. И с 1987 г. в районе проходили праздники поэзии Бориса Пастернака, а с 2000 г. проходят литературные конкурсы «Пастернаковское лето».

Особенностью всех этих выставок было то, что предметы демонстрировались не только в витринах, но и во фрагментах интерьеров. Таким образом, новизной отличались не только темы выставок, но и способы их оформления.

29. Труды сотрудников Сергеево-Посадского историко-художественного музея-заповедника по популяризации истории края и церковного искусства Нового времени // Забелинские научные чтения – год 2010-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2012. – Вып. 190. – С. 430–440.

В статье рассказывается о серии популярных брошюр написанных сотрудниками СПМЗ. Их стали издавать с середины 1990-х гг. по инициативе директора музея-заповедника К. В. Бобкова об окрестностях Сергиева Посада и о самом городе: Черниговский и Гефсиманский скиты, Спасо-Вифанский и Покровский хотьковский монастыри, Радонеж, приходские церкви Посада. Рассказывается также о популярных книгах К. А. Филимонова «Сергиев Посад. Страницы истории. XIV – начало XX века», Т. В. Смирновой «... под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергеевом Посаде в 1920-е годы; о трудах сотрудниц музея-заповедника Л. А. Шитовой и О. И. Зарицкой по созданию экспозиций церковного искусства Нового времени (XVIII–XIX вв.), рассчитанных на массового посетителя, и о их научных трудах.

30. Из истории реставрации стенописи Троицкого собора Лавры // Забелинские научные чтения – год 2010-й: труды ГИМ.– М.: Государственный исторический музей, 2012. – Вып. 190. – С. 441–455.

Реставрация стенописи Троицкого собора Лавры велась в 1948–1952 гг. по инициативе И. Э. Грабаря, надеявшегося найти фрески Андрея Рублева. Надежда не оправдалась. Была восстановлена стенопись XVII в. Утраченные части удачно восполнены по выработанной в процессе этой реставрации методике. Работа осуществлялась бригадой реставраторов под руководством художника П. И. Нерадовского. Приведены сведения о судьбе Нерадовского, репрессированного в 1930–1940-х гг.

31. Из истории реставрации стенописи Троицкого собора Лавры // Кадашевские чтения: сб. докладов конференции. М.: «Луг духовный»; Общество сохранения лит. наследия; Изд. ОРПК «Кадашевская Слобода», 2012. – Вып. X. – 206–220. Статья, аналогичная № 30.

32. Об экспозиции икон в Сергиевском музее в 1920-годы // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. статей по материалам научн. конф. (25–28 мая 2012 г.) / ГТГ. М.: ООО «Издательство ИНИКО», 2012. – С. 463–480.

Деятельность Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры закончилась в середине 1920-х гг. Итог подвел выпуск путеводителя по созданному Комиссией Сергиевскому историко-художественному музею. Его автором был директор музея Алексей Николаевич Свирин. В путеводителе вслед за небольшим вступлением идет описание памятников искусства по их родам: архитектура, живопись, древнерусская книга и т. д. В разделе «Живопись» автор писал об иконах: об их расчистке, о связи русского искусства с искусством Византии. Дал обзор развития русской школы иконописи, а потом привел описание икон как находившихся на выставке «Искусство XIV и XV вв.», так и в Троицком соборе. В создании этой выставки, открытой весной 1924 г. в трех залах Наместнических покоев, велика была роль Ю. А. Олсуфьева, в то время эксперта Комиссии. К выставке выпустили каталог, вышедший вскоре вторым изданием. В 1929-х гг. это была единственная выставка икон в России, сопровождавшаяся и каталогом, и путеводителем. Свирин, и Олсуфьев стремились приблизить искусство иконописи к «широким массам». Но реально ли вообще решение такой задачи?

О. Павел Флоренский считал, что надо представлять посетителю лучшие иконы в сравнительно небольшом количестве. Это мнение, види-

мо, разделял Олсуфьев. На выставке были представлены не все иконы, расчищенные к тому времени, а лучшие. Расчистку вели несколько реставраторов, присланных в 1918–1920 гг. Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства. Олсуфьев и Флоренский трудились над Описью икон Лавры с момента создания Комиссии. В 1920 г. Опись была издана. Позже Олсуфьев сделал к ней еще три дополнения. Выставка стала отделом музея. А дополнением к этому отделу являлась Показательная живописная мастерская.

В конце 1920-х гг. музей подвергся коренной реорганизации с целью превращения его в антирелигиозный. Экспозицию икон для обычных посетителей закрыли. Часть икон передали в Третьяковскую галерею, благодаря энергии Я. П. Гамзы, сотрудника ГТГ, ранее некоторое время работавшего в Сергиевском музее. А в 1929 г. по распоряжению А. В. Луначарского в Третьяковскую галерею были переданы из Троицкого собора иконы «Троица» Андрея Рублева и «Апостол Павел». Музей просил иконы вернуть, но «Троица» так и осталась в ГТГ.

33. Использование частных архивов в работе краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника // Материалы Первых и Вторых областных историко-краеведческих архивных чтений «Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области». – М.: Кучково поле, 2013. – С. 217–223.

В Сергиевом Посаде после революции жили многие аристократические семьи. Благодаря сохраненным ими и их потомками частным архивам, мы имеем теперь представление о жизни города в 1920-х гг., об уничтоженных впоследствии скитах, о заметных личностях, живших или бывавших в этом городе. Так, благодаря воспоминаниям К. П. Истоминой (в замужестве Трубецкой), мы знаем, каким был несохранившийся Гефсиманский скит. Годы НЭПа описаны в мемуарах С. П. Раевского. А о том, как изменилась жизнь с концом НЭПа, писал А. В. Трубецкой. Чтобы найти объяснение особенностям портрета графа Ю. А. Олсуфьева, написанного В. А. Комаровским, пришлось использовать сведения из многих неопубликованных или лишь недавно опубликованных частных архивов. В таких архивах нередко удастся найти и интересный фотоматериал, и произведения изобразительного искусства. Так у А. В. Комаровской была обнаружена большая коллекция графики ее родственницы М. М. Осоргиной. Впервые эти графические работы были показаны в Сергиево-Посадском музее-заповеднике.

В статье также обсуждается вопрос о дальнейшей судьбе материалов, хранящихся в частных архивах.

34. Самое страшное преступление века // Сергиево-Посадский район в зеркале истории. XX век: в 3 ч. – Сергиев Посад: Издательство Ремарко, 2013. – Ч. I. – С. 59–61.

В статье рассказывается о лишении избирательных прав жителей города, об арестах и расстрелах. Так, по воспоминаниям М. Пришвина, лишенцев выкидывали из больницы, дети лишенцев не могли продолжить образование и т. д. В мае 1928 г. были арестованы 80 человек по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». Их приговорили к административной высылке или к «минусу», то есть к запрещению проживать в определенном числе городов и областей, обычно на 3 года.

В 1937–1938 гг. на Бутовском полигоне под Москвой в числе 20 тысяч расстрелянных было 84 жителя Загорского района. 42 % из них – представители духовенства. В списки расстрелянных попали также рабочие, крестьяне, служащие. Среди них 11 % членов партии. 82 % приговоров вынесено по обвинению в антисоветской или контрреволюционной агитации или в участии в контрреволюционных группировках. 12 % жителей района были приговорены к расстрелу по национальному признаку – обвинялись они в шпионаже в пользу Японии, Польши, Эстонии. Еще больше людей попало в лагеря.

35. Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник // Сергиево-Посадский район в зеркале истории. XX век: в 3 ч. – Сергиев Посад: Издательство Ремарко, 2013. – Ч. III. – С. 269–272.

Кратко изложена история музея, начиная с деятельности созданной осенью 1918 г. Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Благодаря Ю. А. Олсуфьеву, В. Д. Дервизу и А. Н. Свирину, к 1925 г. был создан Сергиевский историко-художественный музей. В конце 1920-х гг. была сделана попытка превратить музей в Антирелигиозный центр. Музей тогда объединили с Краеведческим и Кустарным музеями. Из музея изыали большое количество ценных экспонатов. Были серьезные трудности и с устройством экспозиций.

В конце 1930-х гг. начались реставрационные работы памятников Лавры под руководством архитектора И. В. Трофимова. В начале войны часть музейных ценностей была эвакуирована. После войны началась передача Патриархии строений Лавры, занятых музеем, что очень осложнило работу музея. С 1950-х гг. под руководством Т. В. Николаевой было создано несколько новых экспозиций, стали проводиться систематические наблюдения за проводившимися в Лавре земляными

работами. Благодаря новым сотрудникам – О. В. Кругловой и Л. Э. Калмыковой, активизировалась работа отдела народного творчества. Г. А. Макаровская подготовила необходимые документы, и архитектурный ансамбль Лавры был включен в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

С 1980-х гг. развернулись археологические работы (археолог В. И. Вишневский). Исследованиями истории города и его окрестностей занялись К. А. Филимонов и В. А. Ткаченко. В 1990-х гг. был создан отдел изобразительного искусства и краеведческий отдел (отдел истории и культуры XX–XXI вв.).

1990-е гг. были временем борьбы Музея и Лавры. В начале 2000-х гг. музею пришлось освободить помещения, находящиеся на территории монастыря, за исключением Ризницы, и расположиться в трех зданиях в центре города.

36. Крестьянские волнения в связи с закрытием Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции.. М.: «Луг духовный»; Об-во сохранения лит. наследия; Общество Ревнителй Православной Культуры, 2014. – Вып. XIII. – С. 66–71.

7 мая 1920 г. Сергиевский исполком распорядился запереть Троицкий собор, в котором находились мощи преподобного Сергия, что вызвало недовольство крестьян. В июне следующего года крестьяне Сергиевского уезда и части Александровского уезда организованно выступили с просьбой открыть собор. На сходах в деревнях выбрали более ста делегатов. Делегаты собрались в назначенный день и час в Сергиеве близ Лавры и выделили из своей среды пятерых уполномоченных, которые и обратились в исполком. Оттуда их отправили в Москву. Из Президиума Моссовета пришел отказ на просьбу. Но крестьяне не успокоились. В сентябре все повторилось. Однако тут власти оказались предупреждены, и собравшихся делегатов задержали. На допросах выяснили, что «летучки» (листочки) крестьяне получили на базаре в Сергиеве. Их распространял крестьянин С. Н. Игнатъев из деревни Псареве Сергиевской волости Сергиевского уезда. Его поместили в одиночную камеру местной тюрьмы. На допросах он все отрицал, а жители Псарева просили передать его им на поруки. Уполномоченный Сергиевского бюро Селиванов предложил дело Игнатьева передать в Политбюро МЧК для приговора к высшей мере наказания. Но в Москве арестованного приговорили к высылке на Север на три года. Его освободили по амнистии к четвертой годовщине Октября.

Приведены тексты решений нескольких крестьянских сходов.

В тяжелый 1921 г, когда царили разруха и голод, тысячи деревенских жителей испытывали настоятельную потребность просить помощи и защиты у преподобного Сергия. В то время крестьяне еще не были запуганы. Несмотря на то, что власть с самого начала проводила антирелигиозную политику, люди не боялись участвовать в сходах и подписывать просьбы о доступе к мощам Преподобного.

37. Музей. Церковь. Власть // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: «Луг духовный»; Об-во сохранения лит. наследия; Издательство ОРПК «Кадашевская Слобода», 2014. – Вып. XIV. – С. 164–176.

С 1920-х гг. на территории Лавры существовали Сергиевский историко-художественный музей и Педагогический техникум, занимавший помещения, в которых раньше была Московская духовная академия. Это приводило к конфликтам. К тому же завхоз музея коммунист Пятков начал самовольно проводить по музею антирелигиозные экскурсии, что не могло не задевать музейных сотрудников, таких как Ю. А. Олсуфьев. А с 1927 г. кампания травли музея началась в печати. Научный персонал вынужден был из музея уйти. Новые сотрудники брались превратить музей в Антирелигиозный центр, но все заканчивалось воровством и пьянством.

Власти требовали от музея выдачи лаврских ценностей для продажи за границу. Новые музейные руководители и не думали возражать, тем более что в музее вообще не осталось специалистов. А отношение новых сотрудников к религии видно уже из того, что они использовали иконы для изготовления помоста в Красном уголке. Принятый на работу в музей краевед М. И. Смирнов пытался обелить Сергия Радонежского, «заплеванного самым грубым образом». Но эта попытка кончилась тем, что уволили и Смирнова, и директора, и еще нескольких сотрудников. Музей после этого закрыли, приемка новых экспозиций затянулась на долгое время.

В конце войны в музее возникла мысль отметить 25-летний юбилей и устроить к этому времени научную сессию и выставку, посвященные творчеству Андрея Рублева. Однако внезапно, без объяснения причин, сессия была запрещена. Изменение отношений между властью и Церковью привело к передаче многих зданий Лавры, а также икон, богослужебных книг, утвари и облачений от музея монастырю. Бесплановая передача создала большие трудности для музея и способствовала конфликтным отношениям. Музей усилил антирелигиозную направленность своей деятельности. Во времена Хрущева эта тенденция еще усилилась. Но и с окончанием хрущевского периода антирелигиозная

пропаганда не прекратилась, так что в связи с очередным юбилеем музей получил первую категорию, «как культурно-просветительное и научно-исследовательское учреждение, изучающее и пропагандирующее с позиций научного атеизма русскую историю и культуру».

В 1990-х гг. музей учел перемену политики. В 1992 г. была проведена первая научная конференция, посвященная 600-летию со времени кончины Сергия Радонежского, Но одновременно между музеем и Лаврой возник серьезный конфликт. Он был связан с тем, что Лавра требовала передачи ей Ризницы и удаления остальных отделов музея с территории монастыря. Конфликт длился около 10 лет. В конце концов, музею пришлось выехать. Ризница осталась на территории Лавры в качестве одного из отделов музея. А позже архимандрит Феогност, наместник Лавры, стал генеральным директором музея.

38. Сергиев Посад. Репрессии 1920-х годов // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: Луг духовный; Об-во сохранения лит. наследия (ОСЛН); издательство ОРПК «Кадашевская Слобода», 2014. – Вып. XV. – С. 17–33.

После революции Сергиев Посад стал прибежищем для нескольких аристократических семей. Аресты приезжих начались в 1925 г. Графа Ю. А. Олсуфьева и князя В. С. Трубецкого тогда вскоре отпустили, а графа В. А. Комаровского и А. И. Хвостову выслали. Они были расстреляны позже. В конце 1925 г. по так называемому делу «Даниловского синода» были арестованы те, кто предостерегал патриарха Тихона от уступок власти. Из этого дела выделили «Сергиевскую Самаринскую группировку» и арестовали бывшего обер-прокурора Синода А. Д. Самарина, жившего тогда в усадьбе Абрамцево, а также нескольких жителей Сергиева Посада из числа тех, кто поселился в нем после революции. Их судьба была сходна с судьбой тех, кого арестовали в начале 1925 г.: высылка или лагерь, впоследствии расстрел.

В мае 1928 г. было сфабриковано дело «Антисоветской группировки черносотенных элементов в г. Сергиево», по которому арестовали 80 человек. Власть декларировала необходимость «очистки» города от так называемых бывших: князей, графов и т. п. Однако в списке арестованных оказалась только одна титулованная особа: княжна А. Д. Шаховская, работавшая в Музее местного края. Среди арестованных были женщины-дворянки, священнослужители, монахи, лица, близкие к церкви (церковные старосты и т. п.), а также, видимо, чем-то не угодившие местным властям торговцы и кустари. Часть арестованных выслали на Север или в Среднюю Азию, а часть получила «минус шесть», то есть запрет проживать в ряде местностей.

39. Сергиев Посад. Репрессии 1930-х годов // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: Об-во сохранения лит. наследия, 2015. – Вып. XVI. – С. 197–217.

В первой половине 1930-х гг., прежде всего, подвергались репрессиям верующие, несогласные с политикой возглавлявшего РПЦ митрополита Сергия (Страгородского) из-за его сотрудничества с советской властью. Их называли «непоминающими». Социальная основа «непоминающих» – духовенство, монахи и раскулаченные крестьяне. В 1931 г. прошли аресты по делу «Истинных православных христиан»: арестовано было 50 человек, из них 20 по т. н. «Загорскому филиалу».

В 1933 г. было сфабриковано дело «Контрреволюционной националистической фашистской организации "Партия Возрождения России"». В числе арестованных по нему оказался П. А. Флоренский. В том же году возникло дело «Российской национальной партии» («Дело славистов»), по которому был арестован живший в Загорске В. С. Трубецкой и его дочь Варвара. В конце 1935 г. было создано «Дело духовенства и церковников во главе с архимандритом Мавриkiem». Архимандрит Маврикий был настоятелем церкви Всех Святых на Кокуевском кладбище в Загорске. Значительная часть репрессированных в 1937–1938 гг., как и раньше, проходила по групповым делам. Так, в 1937 г. было создано «Дело Ипполита». По этому делу арестовали несколько жителей Загорска, в том числе архимандрита Кронида (Любимова), последнего наместника Лавры перед ее закрытием.

В статье приведены имена многих расстрелянных в 1930-е гг. людей и их биографии. Показано, что в Загорском районе в годы большого террора расстреляны были в основном священнослужители и лица иностранного происхождения, а также некоторые еще уцелевшие дворяне. Мнение, что репрессировали в то время главным образом членов партии, на примере Загорского района не подтверждается.

40. Сергиево-Посадский музей-заповедник и Троице-Сергиева лавра: 1990-е годы // Забелинские научные чтения – год 2012-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2015. – Вып. 199. – С. 406–433.

Противостояние Троице-Сергиевой лавры и Сергиево-Посадского музея-заповедника длилось около десяти лет. Музей упорно не хотел уходить с территории Лавры, а наместник монастыря архимандрит Феогност настаивал на этом. Но музею пришлось отступить шаг за шагом. Церкви тоже пришлось отказаться от части своих требований. В статье подробно изложены этапы борьбы, в которую было вовлечено множество учреждений, организаций и разных лиц вплоть до Пре-

зидента России. Конец спору положил приказ Комитета по культуре правительства Московской области от 15 февраля 2001 г., по которому Музей обязан был закрыть имевшиеся на территории Лавры экспозиции, за исключением Ризницы, и начать работы по демонтажу, упаковке и транспортировке коллекций.

41. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника. 1941–1965 гг. // Забелинские научные чтения – год 2014-й: труды ГИМ. – М., 2017. – Вып. 204. – С. 490–530.

Музей пережил годы Великой Отечественной войны без больших потерь. Эвакуированные ценности были возвращены уже в 1944 г., но большие трудности вызвало проведение инвентаризации фондов, затянувшееся на несколько лет. Это было связано с тем, что к Музею-заповеднику в 1941 г. был присоединен Музей народных художественных ремесел, в котором учет велся ненадлежащим образом. Трудности возникли и из-за начавшейся в конце войны передачи Патриархии части зданий, занятых музеем, потому что процесс передачи отличался непоследовательностью.

В середине 1950-х гг. с приходом новых сотрудников активизировалась собирательская работа, прежде всего, предметов советского декоративно-прикладного и народного искусства. Кроме того, сотрудники музея занимались обследованием закрываемых в то время храмов и изъятием ценных икон, книг и церковной утвари. Благодаря этому значительно пополнились фонды музея. Проводили также наблюдения за земляными работами в Лавре. Открывали все новые экспозиции. Музею приходилось откликаться на все политические кампании: сначала он боролся с низкопоклонством перед Западом, потом, при Хрущеве, усиливал антирелигиозную пропаганду, затем пришлось противостоять художникам, названным формалистами.

42. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника. 1964–2003 гг. // Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской православной церкви: Труды ГИМ. – М., 2017. – Вып. 206. – С. 326–374.

В конце 1960–1970-е гг. сохранялись тенденции времени Хрущева: изъятие ценных памятников искусства и истории из закрывшихся церквей, усиленный сбор произведений советского декоративно-прикладного искусства, усиленная антирелигиозная пропаганда. Значительно возросло число посетителей. Музей стремился расширить экспозиционные площади, открывал многочисленные выставки советского декоративно-прикладного искусства. Сотрудники активно занимались каталогизацией музейных коллекций. Издавалась научно-популярная литература.

1980-е гг. характерны тем, что началось изучение самого города и района. Развернулись археологические работы. Тенденция краеведческой работы сохранилась и в 1990-е гг.

С начала 1990-х гг. музей пытался остаться в стенах Лавры, но проиграл борьбу и был вынужден уйти с ее территории. В Лавре осталась только Ризница.

В качестве примера работы краеведческого отдела музея приведен рассказ о выставке, посвященной Сергею Трубачеву (диакону Сергию), дирижеру и церковному композитору.

43. Троице-Сергиева лавра и музей-заповедник во время Великой Отечественной войны // Кадашевские чтения: сб. докладов конференции. – М.: Об-во Ревнителеей Православной культуры; Об-во сохранения лит. наследия, 2016. – Вып. XIX. – С. 267–286.

В начале Великой Отечественной войны большая работа была проделана реставраторами. Они замаскировали золотые купола, замазав их краской, а купол Троицкого собора закрыли полотняным куполом. Восстановили сводчатые помещения в Больничных палатах и в нижнем ярусе колокольни, чтобы спрятать в них часть музейных ценностей. Воспользовавшись эвакуацией жильцов и Педагогического техникума, сделали обмеры, необходимые для последующей реставрации. Был выполнен и ряд других работ. Реставрационными работами после мобилизации руководителя Стройучастка И. В. Трофимова руководил архитектор Н. Д. Виноградов. В 1944 г. им была издана книга «Троице-Сергиева лавра» в серии «Сокровища русского зодчества». Большую работу по исследованию памятников Лавры, нужную для дальнейших реставрационных работ, провел в годы войны В. П. Зубов.

Трофимов вернулся в конце 1943 г. и подал рапорт о нетерпимом состоянии, в которое пришли здания Лавры и вся территория. Он обвинял в этом и местное население, и городские власти, и руководство музея-заповедника. (Приведена обширная цитата из рапорта). Несмотря на военное время, реставрационные работы были продолжены. Велась в это время и археологические раскопки у северной стены Духовской церкви (археолог Г. А. Красноцветов).

Часть музейных ценностей в начале войны была эвакуирована в г. Соликамск в сопровождении директора музея И. З. Птицына. Он вскоре погиб на фронте. Директором была назначена З. Я. Швагер. До этого она была директором Музея народных художественных ремесел, который в начале войны присоединили к музею-заповеднику. Но вскоре был назначен новый директор – В. К. Ряховский. Он повел борьбу

со Швагер, оставшейся на должности заведующей отделом народных художественных ремесел, и добился ее увольнения. А сотрудники музея-заповедника в течение нескольких лет были отвлечены на инвентаризацию вещей этого отдела в ущерб всей остальной деятельности. Хотя музей-заповедник считался законсервированным, с лета 1942 г. стали открывать выставки и восстанавливать некоторые экспозиции. По инициативе ученого секретаря Ю. А. Лебедевой началась подготовка к 25-летию юбилею музея. Предполагали провести Рублевскую сессию и выставку икон, написанных Андреем Рублевым и художниками его круга. Однако в последний момент сессия была запрещена.

Основными посетителями во время войны были бойцы и командиры проходивших через город частей Красной Армии. Немало приезжало и представителей иностранных государств.

В конце войны началась передача Патриархии зданий, занятых музеем, а также церковных облачений, книг и утвари из фондов музея.

44. Профессора и сотрудники Московской духовной академии после революции // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: Музей «Кадашевская слобода»; Общество сохранения литературного наследия (ОСАН), 2017. – Вып. XX. – С. 62–68.

Рассмотрены судьбы 33 профессоров и сотрудников МДА, находившихся в ней к 1919 г., когда Академия была закрыта. Многие из них стали служить в храмах в качестве священников, но почти все впоследствии были расстреляны или погибли в лагерях. Некоторым удалось продолжить преподавательскую или научную деятельность, но лишь немногие из них избежали репрессий.

45. Революция: надежды крестьян и реальность // Подмосковный летописец. – 1917. – № 3. – С. 40–46.

Вскрытие мощей преподобного Сергия; требования крестьян открыть доступ к мощам; крестьянство в годы НЭПа и аресты тех, кто за эти годы построил новые дома.

46. Воинствующие безбожники 1920-х годов и Сергиевский историко-художественный музей // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: Музей «Кадашевская слобода»; Об-во сохранения литературного наследия (ОСАН), 2017. – Вып. XXI. – С. 196–200.

Приведены сведения о деятельности уездного отделения Союза воинствующих безбожников, их деятельности в Сергиевском историко-художественном музее. Использован личный фонд Ф. К. Попова (ЦГАМО).

II. Сергиево-Посадский район

47. Выставка «Голицыны в Глинкове» в Сергиево-Посадском музее-заповеднике // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы X Голицынских чтений 25–26 января 2003 г. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2004. – Ч. II. – С. 175–179.

Семьи князя Михаила Владимировича Голицына и его сына Владимира в 1920-е гг. жили в 1920-е гг. летом в селе Глинкове под Сергиевым Посадом. Основой выставки стали графические работы Владимира Михайловича Голицына. Он был представлен как художник-маринист и художник-юморист. Были экспонированы подлинники книжных иллюстраций на морские темы и ксерокопии его замечательных юмористических рисунков. Показаны семейные фотографии, открытки из заключения и справка о его смерти в лагере в 1943 г.

Облик села в ту пору запечатлен в акварели В. М. Голицына и в воспоминаниях его брата Сергея Михайловича «Записки уцелевшего». В связи с этим в одном зале была создана интерактивная выставка «Крестьянский двор летом».

48. Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас. Сергиев Посад», 2006. – 100 с.: фото.

Книга о подмосковной усадьбе князей Трубецких, ее владельцев, а также об их потомках как оставшихся в России, так и оказавшихся за границей. Содержание: Первые владельцы; Князья Трубецкие в XVI–XVIII веках и их связь с Троице-Сергиевым монастырем; Архитектурный ансамбль усадьбы; Князь Петр Иванович Трубецкой; Князья Трубецкие – Николай Петрович и Софья Алексеевна. Музыка в Ахтырке; Воспитанные Ахтыркой (Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие); Усадьба Ахтырка после продажи ее Трубецкими; Князья Трубецкие в Узком; Трубецкие в изгнании; Оставшиеся в России; И вновь Трубецкие в Сергиево-Посадском крае; XX век. Село Ахтырка и его жители.

Книга имеет характер научно-популярного издания.

49. «Тебе, мать нежная, драгая...» (Семейная атмосфера в усадьбе князей Трубецких и их потомков) // Русская усадьба: сб. ОИРУ – М.: Изд. «Жираф», 2006. – Вып. 12. – С. 68–81.

Статья названа первой строчкой стихотворения князя П. И. Трубецкого, посвященного его матери Н. С. Трубецкой. Оно выбито на колонне памятника, установленного в усадьбе Ахтырка. Рассказывается о воспитании детей в семьях Трубецких, о высокой духовной семейной

атмосфере, которую создавали, прежде всего, княгини-матери. Такая атмосфера сохранялась и тогда, когда семьи после революции испытывали серьезные жизненные трудности.

50. Пастернаковское лето: произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака / Сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас. Сергиев Посад», 2006. – 132 с.: фото. Вступ. статьи Т. В. Смирновой – С. 3–40.

Содержание: О Борисе Пастернаке (Изложен кратко творческий путь поэта); Лето в Мutowках (Лето 1927 г., которое Пастернак с семьей провел в деревне Мutowки близ Хотькова, причины выбора деревенского дома, стихи, написанные в ту пору); Странички воспоминаний (Праздник поэзии Марины Цветаевой в Александрове, на котором возникла мысль о проведении пастернаковских праздников в Хотькове; первый праздник в 1987 г. в Абрамцевском художественно-промышленном училище имени В. М. Васнецова; установка доски на доме в Мutowках в 1990 г.; выставка «Мир Пастернака» в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике в 2000 г.; литературные конкурсы «Пастернаковское лето»); «Венок Пастернаку» (Стихи местных поэтов, посвященные Пастернаку); Стихи о природе; Проза о природе; Духовная поэзия; Литературоведческие заметки.

51. Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры // Подмосковный летописец. – 2008. – № 3. – С. 30–39.

Даны описания следующих окрестностей Лавры: Радонеж, Покровский монастырь в Хотькове, где похоронены родители преподобного Сергия Радонежского, Спасо-Вифанский монастырь, основанный наместником Лавры митрополитом Платоном в XVIII в., Гефсиманский скит, созданный для иноков, стремившихся к уединенной жизни в тишине, Черниговский скит с пещерной церковью и постройками архитектора Н. В. Султанова, скит Параклит с особенно строгим уставом, Гермогенова пустынь, Смоленская Зосимова пустынь. Приведены высказывания об этих местах тех людей, кто посетил их до разорения и уничтожения.

52. «Когда на дачах пьют вечерний чай...» // Подмосковный летописец. – 2015. – № 1. – С. 18–22.

Статья названа строкой из стихотворения Бориса Пастернака «Любка», написанного в 1927 г., когда поэт жил в деревне Мutowки в 7 верстах от ст. Хотьково. Место и дом для летнего отдыха были выбраны им не случайно. Поэт был особо привязан к Северной железной дороге, вдоль которой издавна жили на дачах его друзья. Приведена цитата из письма, написанного Пастернаком в Мutowках сестре Жозефине

с описанием сбора земляники с маленьким сыном. Прочитрованы фрагменты стихов того лета. Первый праздник поэзии Бориса Пастернака в Хотькове состоялся в 1987 г. На доме Веденевых, где жила семья Пастернака, установлена памятная доска. В Сергиевом Посаде проходит ежегодный литературный конкурс «Пастернаковское лето».

53. Музей детского народного календаря // Губернский дом (Кострома). – 2015. – № 3. – С. 93–97.

Галина Львовна Дайн, искусствовед и специалист по народной игрушке, в экспедициях нашла множество сезонных игрушек и забав, потом разработала свою программу работы с детьми в детском саду и начальной школе и написала книгу о детском народном календаре. Вместе с художницей Галиной Петровной Осиненко создала в начальной школе г. Хотьково Музей детского народного календаря, в котором большая часть экспонатов была сделана самими детьми.

В 1990-х гг. Дайн предложила на основе современных материалов восстановить утраченную технологию изготовления мячиков-гремушек, которые раньше делали насельники Покровского монастыря в Хотькове.

54. Никольский храм в селе Озерецком и его реставрация // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. – М.: Луг духовный; Об-во сохранения лит. наследия, 2016. – Вып. XVIII. – С. 203–210.

В селе Озерецком (сейчас Сергиево-Посадского района Московской области) в 1811 г. был освящен каменный Никольский храм в стиле позднего классицизма, поставленный на месте деревянного. В 1930-е гг. его обезглавили, превратили в зернохранилище, и он стала интенсивно разрушаться. А. В. и Е. В. Трубецкие купили в этом селе в конце 1970-х гг. избу. Елена Владимировна, будучи архитектором-реставратором, занялась восстановлением храма. Сделала и утвердила эскизный проект реставрации. Работы длились несколько лет. Пришлось преодолевать немало трудностей. В 2008 г. освятили колокола, в 2011-м состоялась первая служба в основном помещении храма (до этого богослужения происходили в трапезной).

Вышла книга «Храм Святителя Николая Чудотворца в Озерецком» (Сергиев Посад, 2013). В первой ее части (автор Павел Матвеев) приведены сведения об озере, давшем название селу, об истории села и о его знаменитых уроженцах. Во второй части (автор Сергей Колесников) рассказывает о производстве реставрационных работ, в которых сам принимал непосредственное участие, называет имена мастеров и благотворителей. А третья часть – это воспоминания Е. В. Трубецкой о жизни в Озерецком и о работе по восстановлению храма.

Презентация книги была запрещена главой района В. Н. Коротковым, без объяснения причин, даже, несмотря на то, что в книге упомянута его роль в восстановлении храма и даны его фотографии.

55. Тайна Бориса Шергина // Подмосковный летописец. – 2018. – № 1. – С. 56–61.

Б. В. Шергин, «северный» писатель, уроженец Архангельска, был знаком с семьей князей Голицыных. Илларион Голицын написал его портрет, находящийся сейчас в Абрамцевском музее. С 1938 г. Шергин подолгу жил в г. Хотьково. О том, что он вел там дневник, узнали только после его кончины. Он писал о святой Радонежской земле, сетовал на то, что ученые проглядели подмосковное народное искусство, у которого так много общего с северным. Но он ошибся: искусствовед Г. Л. Дайн, живущая в Хотькове, занялась местной народной игрушкой. А творчество почти забытого писателя обрело другую жизнь, когда вышел мультипликационный фильм режиссера Л. Носырева «Волшебное кольцо».

III. Краеведение и краеведы

56. Князь Д. И. Шаховской и подмосковное краеведение в 1920-х годах // Подмосковный летописец. – 2010. – № 4. – С. 32–41.

Князь Д. И. Шаховской (1861–1939) был идеологом кооперативного движения в России. В 1920-х гг. он попытался объединить кооперацию и краеведение. Работал в Экскурсионной и в Декабристской комиссиях Общества краеведения Московской губернии. Обследовал состояние краеведческой работы в подмосковных городах. Дочь князя Наталья работала в Дмитровском союзе кооперативов, а другая дочь Анна – в Музее Дмитровского края, потом в Обществе изучения местного края в г. Сергиеве. Написала несколько книг о природе для школьников. В 1928 г. была арестована. В дальнейшем работала в качестве помощника академика В. И. Вернадского.

57. Народ в тюрьме (1930–1931) / В. И. Смирнов; Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941) / Китицына Л. С. / Сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2011. – 224 с., фото.

В книге опубликованы ежедневные записи известного костромского краеведа Василия Ивановича Смирнова, которые он вел в 1930–1931 гг., когда находился в тюрьме и ссылке. Он писал о тюремном быте, о встреченных им в заключении и ссылке крестьянах и интеллигентах.

Записи были вручены как письмо его жене, когда она приехала к нему в ссылку в Архангельск.

Материалы для биографии В. И. Смирнова написаны его вдовой Лидией Сергеевной Кितिцной. В качестве приложений даны краткая биографическая справка о ней и воспоминания об отце дочери Татьяны Васильевны Смирновой.

Эта книга, по мнению почетного председателя Союза краеведов России С. О. Шмидта, «по истории краеведения и шире – развития общественного сознания тех лет, и о судьбах русской интеллигенции, а записи тюремные – впечатляющий и достоверный документ по истории массового террора».

58. Создание музея в Переславле-Залесском. 1918–1920 гг. (По воспоминаниям М. И. Смирнова) // Художественное наследие Владимирского края. История и культура: материалы III межрегиональной научной конф. – Александров: ООО «Графика», 2011. – С. 111–118.

Создателем историко-художественного и краеведческого музея в Переславле-Залесском был Михаил Иванович Смирнов (1868–1949). И это при том, что никто ему такой работы не поручал. Служил он в то время в лесном отделе местного исполкома. Будучи по службе во Владимире, узнал, что по вопросу создания музея надо обращаться во Всероссийскую коллегия по делам музеев и охране памятников, что он и сделал в июне 1918 г. Отказы его не смущали. Сначала ему удалось достать мандат на возможность получить помещение для музея. С этим мандатом он стал вывозить вещи из имений уезда, которые уже зачастую были разграблены, и из закрываемых монастырей. Потом сумел вернуть в Переславль собрание картин коллекционера И. П. Свешникова, уроженца Переславля. Его коллекция была завещана государству и находилась в фондах Румянцевского музея в Москве. В Переславле музей разместился в зданиях Горницкого монастыря, закрытого еще в давние времена. На территории Смирнов развел впоследствии большой сад. Музей открыли 28 мая 1919 г. Обследование национализированных помещичьих усадеб продолжалось. В ЧК Смирнов также получил реквизируемые вещи из монастырей. В 1920 г. усадьбу Ботик вместе с Петровским музеем, основанным еще в 1803 г., передали Переславскому музею.

Смирнову постоянно приходилось бороться с властями. Непростыми были и его отношения с Владимирским отделом по охране памятников искусства и старины. Но музей был создан, и Смирнов оставался его директором до 1930 г, когда ему пришлось уйти.

59. В защиту краеведа М. И. Смирнова: о книге И. Н. Ершова «Михаил Пришвин и российская археология» (М., 2012) // Художественное наследие Владимирского края. История и культура: материалы V межрегиональной научной конференции 16 ноября 2012 г. – Александров: ООО «Графика», 2013. – С. 197–208.

Автор книги «Михаил Пришвин и российская археология» считает писателя причастным к археологии на основании того, что тот присутствовал на XV Археологическом съезде в 1911 г., а также присоединился к трехдневной экскурсии по Переславль-Залесскому краю в 1925 г., той, в которой участвовал известный археолог А. А. Спицын. Экскурсия была организована краеведом Михаилом Ивановичем Смирновым, директором Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея и председателем Переславль-Залесского научно-просветительного общества.

Смирнов с радостью пригласил Пришвина в Переславль, предложил ему поселиться во дворце усадьбы «Ботик», где Петр I строил свой первый флот. Надеялся, что писатель художественно изобразит родной край. Но скоро пришлось разочароваться. Пришвин опубликовал «Родники Берендея. Фенологические записки станции Ботик», в которых центральное место было отведено летней экскурсии 1925 г. Однако картина получилась во многом фальшивой. Между Смирновым и Пришвиным возник конфликт.

И. Н. Ершов в своей книге постоянно находится на стороне Пришвина, приводит его оскорбительные высказывания по адресу Смирнова. А мнение таких известных краеведов, как А. А. Спицын и Н. П. Андиферов, не считает нужным привести. Ершов повторяет гнусные слухи о Смирнове, не считая нужным посмотреть следственное дело Смирнова, осужденного по ст. 58, пп. 10 и 11. И с нескрываемым удовлетворением сообщает, что тот умер в нищете и безвестности. Вся книга Ершова поражает профессиональной неряшливостью. Он постоянно использует слова «вероятно», «очевидно» и т. п. Числа нет его сомнительным гипотезам, не находящим подтверждения.

60. М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926) / Сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2013. – 112 с.: фото.

В книге опубликован очерк о жизни и судьбе известного переславль-залесского историка-краеведа Михаила Ивановича Смирнова, арестованного в 1930 г. и сосланного в Сибирь. Приведен список его трудов. Опубликованы его воспоминания о писателе М. М. Пришвине. В книгу включена статья литературоведа и краеведа Н. П. Андиферова

«Беллетристы-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой)», опубликованная в 1927 г. Приводятся критические замечания составителя по поводу книги И. Н. Ершова «Михаил Пришвин и российская археология» (М., 2012).

61. Краевед М. И. Смирнов (1868–1949) // Грани гуманитарного знания: сб. статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. – Курск: Изд. КГМУ, 2013. – С. 397–412.

Михаил Иванович Смирнов – старший сын священника села Большая Брембола под Переславлем-Залесским. Окончил Вифанскую духовную семинарию под Сергиевым Посадом. Работал школьным учителем, потом чиновником. Занимался самообразованием. Жил в Киеве, где женился на княжне Наталье Викторовне Мещерской. Переехал в Нижний Новгород. В 1914 г. окончил Нижегородское отделение Археологического института. Осенью 1917 г. вернулся на родину – в Переславль-Залесский и начал заниматься созданием в городе музея. Краеведческая работа проводилась им и раньше, вдали от родных мест. Книга Смирнова «Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее» была издана еще в 1911 г.

Музей открыли 28 мая 1919 г. Смирнов также организовал Переславль-Залесское научно-просветительское общество (Пезанпроб). Он занимался и издательской деятельностью, работал в области археологии и этнографии. Арестовали его в 1930 г. Вскоре отпустили, но из Переславля пришлось уехать.

В 1931 г. последовал новый арест. Он был приговорен к административной высылке в Сибирь на три года. Срок отбывал в селе Тогур Колпашевского района Томской области в очень тяжелых условиях. В это время скончалась его дочь Соня, художница.

Вернувшись из ссылки, Смирнов работал по договору в академическом издательстве. В 1936 г. он был принят на работу в Загорский историко-художественный музей, но через полгода был уволен, так как заступился за Сергия Радонежского, по его словам, «заплеванного самым грубым образом». Жил с женой под Москвой в поселке по Рязанской железной дороге. В 1941 г. умер его сын Всеволод. В 1943 г. его и жену приняли в дом престарелых в Коломенском районе Московской области. Он не прекратил краеведческой работы, работал над историей Коломны и окрестностей.

62. Из истории краеведческого движения в Сергиевом Посаде (1920-е годы) // Шестые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Можайск, 1–2 июня 2012 г.). – М.: ИЦ «Краеведение», 2013. – С. 45–51.

В октябре 1918 г. Павел Николаевич Каптерев, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, на одном из первых заседаниях Комиссии сделал доклад «О задачах Сергиево-Посадского общества изучения местного края». Им был предложен план создания музея, который бы всесторонне представлял край. Но тогда у Комиссии на первом месте были задачи создания музея в Лавре и спасения памятников культуры. Изучение края началось позднее, в 1924 г. Связано это было, прежде всего, с тем, что Президиум Моссовета счел необходимым издать по каждому уезду Московской губернии статистико-экономический сборник. Первой большой работой созданного в городе Общества по изучению местного края и стало составление такого сборника. В работе над ним участвовало 25 человек. В журнале «Московский краевед» отмечено, что сборник оказался в числе лучших. В 1926 г. по инициативе Московского отдела народного образования в нескольких уездах, в том числе в Сергиевском, была организована работа по обследованию и изучению волостей. За три недели работа была проведена, и один из очерков – о Хотьковской волости – был издан.

Обследованы были и городские промыслы. Об игрушечном промысле Посада выпустил книгу бывший профессор МДА Д. И. Введенский. Музей Сергиевского края открылся для посетителей 2 января 1927 г. Располагался он на территории Лавры, в царских Чертогах. Штат состоял вначале из двух человек: заведующей В. Н. Мордвиновой и технического служащего. Музеем помогали члены Общества А. Д. Шаховская, Н. В. Шевалдышев, Д. С. Логинов. Но уже в мае следующего года краеведы В. Н. Мордвинова, А. Д. Шаховская и Д. И. Введенский были арестованы по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». После этого Музей местного края объединили с Сергиевским историко-художественным музеем. И с тех пор краеведческая работа в Сергиевом Посаде прекратилась надолго.

63. Краеведение в Сергиево-Посадском музее-заповеднике: конец XX – начало XXI в. // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Омск, 13–17 мая 2013 г.). – М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. – С. 194–202.

До 1980-х гг. работы сотрудников Сергиево-Посадского историко-художественного музея заповедника, которые можно было бы отнести к краеведческим, являлись большой редкостью. Но в начале 1980-х началась реконструкция исторической части города с массовым сносом деревянных домов. Тогда сотрудники отдела народного искусства собрали коллекцию пропильной деревянной резьбы города и показали

ее на выставке. В 1990-х гг. художественными промыслами Посада занялась С. В. Горожанина (роспись с выжиганием, резьба, архитектурная игрушка и др.). А. У. Греков устроил интересную выставку художников, живших в городе в 1920–1930 гг. Сотрудники художественного отдела Е. В. Куценко, И. Ф. Жданова и Л. А. Макусова опубликовали ряд работ о художественной жизни города. В 1997 г. вышла книга по истории Сергиева Посада, написанная К. А. Филимоновым. Особенно интересны разделы книги, посвященные XIX – началу XX в. Т. В. Смирнова изучала судьбы тех людей, которые приехали в город после революции. Их называли «бывшими». По этой теме был сделан ряд выставок.

В начале 1980-х гг. под руководством археолога В. И. Вишневого началось изучение древнейшего прошлого края. В это же время несколько сотрудников начали изучение окрестностей, выйдя за пределы города (В. А. Ткаченко, К. А. Филимонов, Л. М. Спирина, Т. Ю. Токарева, Н. В. Хрунова). Вышел ряд брошюр о скитах и монастырях края.

64. Краеведы Сергиева Посада сегодня (2007–2013) // Восьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Подольск. 16–17 мая 2014 г.). – М.: ИЦ «Краеведение», 2016. – С. 183–191.

Коренная жительница Сергиева Посада Татьяна Николаевна Шпанькова начала заниматься краеведением с конца 1990-х гг. Она, наметив определенный район города, заходит в каждый дом, выясняет, какие люди в нем жили, их судьбы. Ею выпущены уже четыре книги.

Александр Борисович Рдултовский (Луневский), автор многочисленных публикаций краеведческого характера, интересуется преимущественно историей XX в. Использует в работе публикации местной печати и материалы местного архива. Он выпустил две части библиографического справочника. Они сделаны по хронологическому признаку и снабжены списком литературы. Недостаток – отсутствие предметного указателя, что осложняет поиск нужных сведений.

Юрий Николаевич Палагин, в прошлом преподаватель русского языка и литературы, занимается литературным краеведением. Он выпустил четыре объемных тома о писателях XVIII–XX вв., живших или бывавших в Сергиевом Посаде.

65. Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов / В. И. Смирнов / Сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО «Всё для Вас “Подмосковье”», 2016. – 392 с.: фото.

Книга о судьбах краеведов 1920-х гг. и о настоящей любви двух человек в трудные времена. В основу книги положены письма, которые костромской краевед Василий Иванович Смирнов писал своей жене

Лидии Сергеевне Китицыной из тюрьмы и ссылки в 1930–1931 г. Это письма о любви. В одно из них он, находясь в ссылке в Архангельске, вложил неизвестные ей образцы флоры: цветок клюквы и веточку карликовой березы. Отсюда название. В книгу включены также его письма жене из геологической экспедиции на Пинегу 1941 г., письма к брату М. И. Смирнову из Архангельска (1938–1941), очерк «Город Архангельск в начале 30-х гг. XX столетия» и три этнографических работы В. И. Смирнова. В качестве приложения даны воспоминания дочери автора Т. В. Смирновой «Детство в Архангельске. 1935–1945 гг. ».

Книга для тех, кто интересуется историей краеведения и историей нашей страны периода 1930 – начала 1940-х гг.

66. Из опыта работы краеведа-исследователя с архивами Сергиево-Посадского музея-заповедника // Девятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Воронеж. 15–19 мая 2015 г.). – М.: ИЦ «Краеведение», 2016. – С. 242–248.

Автор рассказывает о своей работе с архивом Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, о том, как сказывались изменения политики, проводившейся властью, на жизни музея, приводит подробности. Обращает внимание исследователей на то, что в учреждении может существовать несколько архивов, а также на то, что в картотеке архива могут быть ошибки. Показывает, как важно наряду с изучением архива учреждения работать с документами, содержащимися и в других архивах.

67. Из истории краеведения 1920–1930 годов (по письмам Д. О. Святского) // Десятые всероссийские краеведческие чтения. Москва – Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.) 13–16 мая 2016. – М.: ИЦ Краеведение», Великие Луки – Пустошка, 2017. – С. 53–62.

В статье использованы письма ученого секретаря Центрального бюро краеведения (ЦБК) Даниила Осиповича Святского к костромскому краеведу Василию Ивановичу Смирнову за период 1924–1940 гг., хранящиеся в ОПИ ГИМ. Этих людей связывали дружеские отношения. Из переписки видно, какая борьба шла в 1920-е гг. за руководство краеведческим движением. Представлены подробности этого процесса, закончившегося победой «советского краеведения». И Святский, и Смирнов были арестованы, переписка прервалась на три года. Но позже она возобновилась. Оказалось, что возрождение «старого краеведения», то есть краеведения, управляемого ЦБК, в которое входили известные ученые-академики, невозможно. Но и «советское краеведение» было прикрито в середине 1930-х гг.

IV. Художники

68. Художник В. А. Комаровский – автор портретов о. Павла Флоренского // П. А. Флоренский: Вторые гимназические чтения. (30 сентября 1999 г.) – (Сергиево-Посадская гимназия), 2000. – С. 50–59.

Граф Владимир Алексеевич Комаровский (1883–1937), художник и иконописец. В 1910 г. он был поражен впервые увиденными древними русскими иконами, освобожденными от поздних записей. Над первым иконостасом он работал в имении графов Медем под Хвалынском вместе с художником Д. С. Стеллецким (иконостас не сохранился). Второй иконостас был заказан ему графом Ю. А. Олсуфьевым и предназначался для храма Сергия Радонежского на Куликовом поле (не сохранился). Осенью 1923 г. Комаровские поселились в Сергиевом Посаде в доме Ю. А. Олсуфьева. Комаровские приняли в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры в качестве художника. Жизнь его в Сергиевом Посаде оказалась непродолжительной – его арестовали в апреле 1925 г. и выслали в г. Ишим на три года. За время пребывания в Посаде он успел написать портрет Ю. А. Олсуфьева и несколько портретов о. Павла Флоренского. В дальнейшем его еще не раз арестовывали и в 1937 г. расстреляли на Бутовском полигоне.

Творчество В. А. Комаровского было близко о. Павлу Флоренскому. И тот рекомендовал его обществу «Маковец». Художники этой группы считали главным духовность произведения, стремились к символической, драматически-философской трактовке образов, что было близко о. Павлу, разграничивавшему реализм и натурализм. Кажется, что к портрету о. Павла, написанному художником в белом облачении, можно отнести слова П. А. Флоренского, сказанные им о ликах – изображениях святых: «... высокое духовное восхождение осиявает лицо светоносным ликом, изгоняя всю тьму, все невыраженное, недочечаненное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом самого себя».

69. Сергиев Посад Константина Юона и Владимира Соколова // Русское искусство. – 2006. – № 2. – С. 28–35.

Троице-Сергиева лавра и Сергиев Посад в живописи К. Юона и литографиях Вл. Соколова. Биография и творческий путь Вл. Соколова, мастера росписи по дереву с выжиганием и гравера.

70. Сергиев Посад в русской живописи // Подмосковный летописец. – 2008. – № 1. – С. 62–67.

Образ Троице-Сергиевой лавры и Сергиева Посада в творчестве Константина Юона, Бориса Кустодиева и Александра Осмеркина.

К. Юон впервые приехал в Сергиев Посад в самом начале XX в. Город взволновал его своей красочностью. Особенно много пейзажей Лавры и города он написал зимой, на фоне снега. Сейчас его картины получили еще и ценность исторических документов.

Б. Кустодиев написал автопортрет на фоне Лавры летом 1912 г., но изобразил себя в шубе и шапке. И сам пейзаж – зимний. Автор статьи указывает на сходство, которое видно при сравнении с портретом Федора Шаляпина. Художник писал портрет Шаляпина в голодном и холодном Петрограде 1920 г., но изобразил певца на фоне веселого зимнего русского пейзажа.

А. Осмеркин оказался в Сергиевом Посаде в 1944 г., когда Академия художеств при эвакуации оказалась в этом городе. Он влюбился в Сергиев Посад. Особую известность приобрела его работа «Натюрморт на фоне Утичьей башни». Художник в одной картине смог сочетать и маленький кусочек природы края – букет полевых цветов, – и фрагмент архитектуры Лавры, увиденный через окно.

71. Сергиев Посад в творчестве Владимира Соколова // Подмосковный летописец. – 2011. – № 3. – С. 92–96.

Владимир Иванович Соколов (1878–1946) окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Огромное значение имело для него знакомство с И. И. Левитаном. Гравер И. Н. Павлов вспоминал, как он вместе с Соколовым совершил путешествие по Волге, и с какой страстью тот разыскивал в Плесе «левитановские дворики». В 1902 г. жизнь Соколова изменилась благодаря знакомству с Сергеем Тимофеевичем Морозовым, попечителем кустарных промыслов Московского губернского земства.

Морозов предложил Соколову место преподавателя рисования и черчения в Земской учебной мастерской в Сергиевом Посаде. С тех пор жизнь художника была связана с этим городом. Он наладил промысел производства предметов, украшенных выжиганием с росписью. И сергиевские кустари стали расписывать шкатулки в стиле, который назвали «соколовским». А в 1916 г., когда война прервала выпуск художественных изделий, Соколов занялся литографией. В этом была большая заслуга его друга И. Н. Павлова. В литографиях 1917 г. Сергиев Посад полон печальной красоты. Соколов выпустил несколько альбомов видов Лавры, Сергиева Посада и старой Москвы. В 1920 г. художника пригласили в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Он участвовал в устройстве нескольких вы-

ставок, выполнил в технике ксилографии иллюстрации к путеводителю по Сергиевскому музею.

72. Трубецкие на фоне Лавры (по поводу одной картины) // Подмосковный летописец. – 2012. – № 2. – С. 38–44.

Рассказ о картине Иллариона Владимировича Голицына «Трубецкие» (Х., м. 1989). Семья В. С. Трубецкого жила в Сергиевом Посаде в 1923–1934 гг. Художником изображен В. С. Трубецкой, его жена и восемь их детей. Фигуры на картине видны, как сквозь слезы. Они стоят тесной группой на фоне храмов Троице-Сергиевой лавры. Четко выделяются возле фигур надписи: «зэк», «воин» и кресты с датами смерти, а в отдалении «черный воронок» и ноги в галифе. Рассказаны судьбы персонажей картины.

73. О портрете графа Ю. А. Олсуфьева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Энтелехия. – 2012. – № 26. – С. 102–104.

Портрет графа Юрия Александровича Олсуфьева написан художником-иконописцем графом Владимиром Алексеевичем Комаровским, вероятно, в 1924 г. Ю. А. Олсуфьев (1978–1938) был одним из создателей Сергиево-Посадского историко-художественного музея. После отъезда из Сергиева Посада в 1928 г., он продолжал заниматься изучением и спасением произведений древнерусского искусства, работал сначала в Центральном реставрационном мастерских, потом в Третьяковской галерее. Граф-трудящийся, так можно его назвать.

Даны пояснения о написанных на портрете гербах. Можно предположить, что светлый размытый ореол вокруг головы графа – это предвидение художником его трагического конца. Ю. А. Олсуфьев был расстрелян на Бутовском полигоне в марте 1938 г.

74. Портрет графа Ю. А. Олсуфьева // Подмосковный летописец. – 2014. – № 3. – С. 92–95. Статья, аналогичная № 73, немного расширенная.

75. Подмосковная усадьба Ахтырка и «Аленушка» Виктора Васнецова // Забелинские научные чтения – год 2016-й: труды ГИМ. – М.: Государственный исторический музей, 2019. – Вып. 205. – С. 407–417.

Об отсутствии интереса к дворянской культуре у членов Абрамцевского художественного кружка и о возрождении интереса к ней у художников начала XX века.

V. Научно-популярные книги и брошюры краеведческого характера

76. «... под покров Преподобного»». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы – Свято-Троицкая Сергиева Лавра; изд. 1 – 2007; изд. 2 – 2008. – 312 с.: ил.

В 1920-е гг. в Сергиевом Посаде образовалась социальная диаспора тех, кого новая власть назвала «бывшими». Книга об этих людях, о трагических судьбах многих из них. Кроме основных печатных источников, указанных в конце книги, в очерках использованы сведения из архивов частных лиц. Содержание: Дом на Вальной (графы Олсуфьевы, Мансуровы, графы Комаровские); Первые директора Музея (В. Д. Дервиз и А. Н. Свиринов); П. А. Флоренский и его соседи Огневые; Священник Сергей Сидоров и его семья; В доме на краю города (М. В. Шик и его близкие); Художники в доме на Кооперативной (Павлиновы, Фаворские, Ефимовы); Графы на Красюковке (Истомины и князь И. С. Мещерский, Лопухины, Нарышкины, Челищевы); В доме Хвостовых (Хвостовы, Раевские); Князь В. М. Голицын и его родные; Семья князей Трубецких; Список литературы; Словарь имен.

77. Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры: мультимедийное электронное издание (Такташов И. О. web-дизайн). – 1 электрон. опт. диск (CD-R 25x). – 2009. – НОУДО «НИВА».

78. Из прошлого Сергиевской земли. – Сергиев Посад: ООО «Всё для Вас “Подмосковье”», 2011. – 256 с.: ил.

В этой книге для чтения рассказывается о земле преподобного Сергия Радонежского. Книга основана главным образом на подборке фрагментов произведений художников, архитекторов, искусствоведов. Рассказ не ограничен строгими хронологическими рамками. Составитель не ставил задачу всестороннего охвата исторических событий, а стремился дать эмоционально-эстетическое представление об этой святой земле через ее восприятие разными людьми.

Книга предназначена для широкого круга читателей, в том числе школьников и студентов.

Содержание: На богомолье к Троице (фрагмент повести И. С. Шмелева «Богомолье»); Архитектурный облик Лавры; Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры; Игрушки Сергиевского края; Первые годы после революции; Годы НЭПа; Годы «великого перелома»; Тридцатые годы; Перед войной; Усадьбы (Абрамцево, Ахтырка, Успенское); О природе края; Художники в Сергиевом Посаде: Константин Юон и Владимир Со-

колов. Два портрета Бориса Кустодиева. «... в плену загорских очарований» (Александр Осмеркин); Приложение: Детство в Сергиевом Посаде (воспоминания В. Н. Аверьяновой). Список основной литературы.

79. Троицкий собор Лавры. – Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 36 с.: ил.

Брошюра посвящена главному собору Лавры, в котором покоятся мощи преподобного Сергия Радонежского. Предназначена для широкого круга читателей.

Содержание: На пути к Преподобному; Строительство собора; Архитектурный облик; Иконостас собора; Стенопись; Мощи преподобного Сергия; Поклонение Преподобному в годы атеистической пропаганды; Список литературы.

80. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Троицкий собор. – Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 36 с.: фото. Брошюра, аналогичная № 81, с незначительной правкой по желанию Лавры.

81. По железной дороге из Москвы в Сергиев Посад. – Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 64 с.: ил.

Брошюра посвящена железной дороге от Москвы до Сергиева Посада, построенной в 1862 г. и называвшейся Троицкой, так как она была создана, в первую очередь, для богомольцев, направлявшихся в Троице-Сергиеву лавру на поклонение преподобному Сергию Радонежскому. Рассказывается о тех достопримечательностях, с которыми можно познакомиться по пути: храмах, усадьбах и пр. Предназначена для широкого круга читателей.

Содержание: И. Ф. Мамонтов и строительство железной дороги; Ярославский вокзал Ф. Шехтеля; Платформа Перловская, где один из чаоторговцев Перловых построил первые дачи; Благовещенская церковь XVII в. в Тайнинском; Мытищинский водопровод; Смоленская церковь в Софрине; Музей-усадьба Мураново; Музей Абрамцево; Усадьба князей Трубецких Ахтырка; Деревня Мutowки, где летом 1927 г. жил Борис Пастернак; Радонеж, где прошли юношеские годы преподобного Сергия; Покровский монастырь в Хотькове; Центр имени Александра Меня; Список литературы.

82. Святые окрестности Троице-Сергиевой Лавры. – Сергиев Посад: ООО «ВДВ “ПАК”», 2012. – 64 с.: ил.

Брошюра посвящена монастырям, скитам и пустыням в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. В ней рассказывается об их истории, достопримечательностях, современном состоянии. Предназначена для широкого круга читателей. Может служить путеводителем как для паломников, так и для всех, интересующихся историей нашей Родины.

Содержание: Радонеж; Покровский монастырь в Хотькове; Спасо-Вифанский монастырь; Гефсиманский скит; Черниговский скит; Киновия; Пустынь Святого Параклита; Гермогенова пустынь; Смоленская Зосимова пустынь; Список литературы.

83. Сергиев Посад в русской живописи: мультимедийное электронное издание (Доронина В. С. web-дизайн). 1 электрон. опт. диск (CD-R 25х). – 2012. – НОУДО «НИВА».

Работы художников К. Юона, Б. Кустодиева, Вл. Соколова А. Осмеркина, А. Лентулова, связанные с Троице-Сергиевой лаврой, Сергиевым Посадом, и окрестностями.

84. Хотьково и Радонеж. Прогулки по Подмосковию во времени и пространстве. – М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2016. – 64 с.: ил.

Хотьково – поселение в Сергиево-Посадском районе Подмосковию, в котором находится один из старейших русских монастырей, где покоятся мощи родителей преподобного Сергия. В селе Радонеж прошли юношеские годы самого Преподобного. В брошюре рассказывается также о главных объектах музея-заповедника Абрамцево, усадьбе Ахтырка князей Трубецких и других достопримечательностях поселения Хотьково. Путеводитель предназначен для широкого круга читателей. Содержание: Объекты промышленной архитектуры – мост, водонапорная башня; Покровский монастырь; Покровский парк; Бобыльская слобода; Радонеж; Город Хотьково; Музей-заповедник Абрамцево; Деревня Мutowки в поэзии Бориса Пастернака; Ахтырка – бывшая усадьба князей Трубецких; Горбуновка (фарфоровый завод Попова); Список литературы.

Путеводитель снабжен указателем маршрутов и способов передвижения по городу и окрестностям.

85. Сергиев Посад и окрестности: Города Подмосковию. Прогулки во времени и пространстве. – М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2016. – 160 с.: ил.

Путеводитель предназначен главным образом для туристов и паломников. Отличие этого путеводителя в том, что в него включены сведения о многих известных людях, приехавших в город после революции, в том числе аристократах, надевавшихся найти спасение под покровом Преподобного.

Содержание: На богомолье к Троице; Сергиев Посад. Путь к Лавре; Троице-Сергиева Лавра; Троицкий собор; Трапезная, колокольня, Успенский собор и другие храмы и памятники Лавры; Вокруг Лавры; Святые окрестности Лавры (Спасо-Вифанский монастырь, Гефси-

манский и Черниговский скиты, Пустынь Святого Параклита); Парк «Скитские пруды» (Памятник М. М. Пришвину); Село Благовещение; Семхоз (Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, церковь Преподобного Сергия); Под покровом Преподобного (О. Павел Флоренский, графы Олсуфьевы, Мансуровы, графы Комаровские). Музей «Жили-были»; Красюковка (В. В. Розанов, Истомины, Лопухины, Челищевы, А. А. Александров; М. В. Шик и княжны Шаховские, В. Г. Малахиева-Мирович; Боскины, князья Трубецкие, князь В. М. Голицын); Список литературы. Даны указатели маршрутов и способы передвижения.

VI. Разное

86. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // Археографический ежегодник за 1998 год. – М.: Наука, 1999. – С. 398–402.

Рассказы Б. А. Рыбакова записаны в середине 1990-х гг. у него на даче в Хотькове.

«Копья поют...»

В 1930 г. Рыбаков окончил университет и по распределению должен был поехать в маленький город на Урале, в музей. Ему этого не хотелось, и он предпочел призыв в армию. В университете им была получена неплохая военная подготовка. Его отправили в первую московскую дивизию, в учебную батарею. Военная служба позволила Рыбакову хорошо изучить конное дело и научиться обращаться с холодным оружием. Он понял, например, что некоторые мечи, хранящиеся в Историческом музее, были не пригодны для конного боя, а использовались только как ритуальное оружие.

Позже, благодаря военной службе, некоторые темные места в «Слове о полку Игореве» стали для историка яснее. Приведены несколько примеров. Выражение «копья поют» он понял, потому что однажды на маневрах сам слышал это звучание. Разведка спускалась с высокого берега легкой рысью, а навстречу поднимался кавалерийский эскадрон с пиками, притороченными к седлам вертикально. И ветер пел в пиках, как Эолова арфа.

Детские годы академика Рыбакова

Когда Рыбакову было пять лет, отец подарил ему Детскую энциклопедию, а читать он научился в четыре года. Особенно любил книги по истории. Первое соприкосновение с историей почувствовал, когда мать взяла его к нянюшке Акулине в богадельню. Та рассказывала, что ее семья просидела ночь в подполе, когда в 1812 г. пришли французы.

А интерес к археологии появился, когда в семилетнем возрасте родители взяли его в Крым, и он увидел Генуэзскую крепость XIV в. В Москве он обошел все московские монастыри, в 1921 г. много занимался в библиотеке Исторического музея. И еще стал «владельцем» башни Китай-города. На ней с товарищами он проводил время, сделал первую находку: боевой топорик XVII в. Уходя, запирали башню на замок. Кончилось это тем, что подростков арестовали, но после допроса отпустили.

Отец Б. А. окончил исторический факультет Московского университета и организовал Старообрядческий учительский институт на деньги миллионера С. П. Рябушинского. Дед по отцовской линии был богатым коломенским крестьянином-старообрядцем. Бабушка – из касимовских татар, крещеных еще в XVI в. А мать Б. А. была из купеческого рода. Образование получила в немецком пансионе и на филологическом факультете Высших женских курсов Герье. Родители давали мальчику самостоятельность. С семи лет он чувствовал себя взрослым сознательным человеком.

Осенью 1918 г. детей вывезли из Москвы, спасая от голода, и расселили в селах Казанской и Уфимской губерний, так что получился перерыв в учебе. Но, вернувшись, он окончил среднюю школу в 15 лет. В этом возрасте в университет не принимали, так что он устроился на работу. На исторический факультет университета поступил в 18 лет.

87. Судьба В. М. Голицына и его потомков (в соавторстве с С. П. Раевским) // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы VI Голицынских чтений 23–24 января 1999 г. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 1999. – С. 260–265.

Статья написана по неопубликованным мемуарам Е. И. Раевской, родственницы князя Валериана Михайловича Голицына (1803–1859), который был арестован после восстания декабристов и приговорен к вечной ссылке в Сибирь. Благодаря хлопотам матери через два с половиной года его перевели на Кавказ. Потом он участвовал в русско-турецкой войне. Уйдя по болезни в отставку, жил в провинции под секретным надзором полиции. Александр II возвратил ему княжеский титул и освободил от надзора. Последние годы он жил в Москве. Получил огромное наследство от своего родственника графа А. И. Толстого-Остермана.

После смерти В. М. Голицына его избалованные дети пошли по дурному пути. Е. И. Раевская считала, что причиной этого было несправедливо нажитое проклятое наследство Толстого-Остермана.

88. «И все цветы, что только есть на свете...» // Братина: Сб. стихов и прозы. – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас–Подмосковье», 2000. – С. 550–552.

Статья названа строчкой из стихотворения Анны Ахматовой «Умолк вчера неповторимый голос...», написанного ею в 1960 г. на смерть Бориса Пастернака. 30 мая на его могилу в Переделкине приносят массу цветов, обычно больше всего сирени и ландышей. Об этих цветах он писал стихи в Мутовках, деревне вблизи Хотькова, где провел лето 1927 г.

89. Силуэты М. М. Осоргиной (в соавторстве с А. В. Комаровской) // Русская галерея. – 2000. – № 3. – С. 78–79.

Силуэтные работы Марии Михайловны Осоргиной (1897–1977) созданы в 1918 – начале 1920-х гг. и относятся к традиционной области «домашнего» творчества. Она родилась в патриархальной религиозной дворянской семье. Детство прошло почти безвыездно в усадьбе Сергиевское, расположенной между Тулой и Алексиним. В 1918 г. Осоргиных выселили из усадьбы, и они приехали в подмосковную усадьбу Измалково, принадлежавшую графине В. Ф. Комаровской, племяннице матери семейства Осоргиных. В Измалкове в то время по приглашению Комаровских жила дружественная им семья Истоминых, часто приезжали и гости из Москвы. Там они прожили пять лет. Когда из усадьбы всех выселили, Осоргины сняли неподалеку зимнюю дачу. Жили в основном тем, что давали уроки. Семье удалось выехать за границу в 1931 г. Поселились в Клараме, предместье Парижа, где Г. Н. Трубецким, братом Е. Н. Осоргиной, была приобретена небольшая усадьба. М. М. помогала одиноким больным людям, оказавшимся в эмиграции. Во время войны была сестрой милосердия. После войны работала в русском отделе ООН в Женеве. Ее графические работы по завещанию привезли в Россию вместе с фотографиями, сделанными с силуэтов. В силуэтных работах ей особенно удалось передать прелесть усадебной жизни, уходящей в прошлое.

90. Детский журнал Корнея Чуковского // Русская Галерея. – 2001. – № 1. – С. 118–120.

Корней Чуковский мечтал о создании такого журнала для детей, который бы стал противовесом рыночным изданиям. Такая возможность представилась только в 1917 г., когда он стал редактором ежемесячного приложения к «Ниве» – журнала «Для детей», где впервые были опубликованы его «стишки» «Ваня и крокодил». Журнал отличался исключительно высоким уровнем художественного оформления. В нем принимали участие замечательные художники-графики: Ре-Ми

(Н. В. Ремизов-Васильев), Сергей Чехонин, Ксения Богуславская, Мисс (А. В. Ремизова),

91. Князья Голицыны и Троице-Сергиева лавра // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы IX Голицынских чтений 26–27 января 2002 г. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2002. – С. 200–202.

Погребения князей Голицыных в Троице-Сергиевом монастыре в XV–XVIII вв. Вклады Голицыных в монастырь.

92. Усадьба Михайловское Звенигородского уезда (по воспоминаниям Екатерины Ивановны Раевской) // Краеведческие чтения памяти А. И. Виноградова: материалы 1–3 краеведческих чтений. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей А. С. Пушкина, 2003. – С. 132–136.

Приведены отрывки из неопубликованных мемуаров Е. И. Раевской (урожд. Бибиковой; 1817–1900) об усадьбе Михайловское, которая была куплена ее матерью. Поэтично описана природа местности, картинная галерея в усадьбе, упомянуто, что ее мать занималась лечением крестьян и пр.

93. Хозяева и гости усадьбы Измалково. Послереволюционные годы // Краеведческие чтения памяти А. И. Виноградова: Материалы 1–3 краеведческих чтений. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2003. – С. 128–131.

О выставке графики М. М. Осоргиной в СПИХМЗ, о самаринской усадьбе Измалково, в которой нашла приют семья Осоргиных, и о тех, кто еще жил или бывал в этой усадьбе.

94. Н. В. Султанов – архитектор графа И. И. Воронцова-Дашкова // Воронцовы – два века в истории России: труды Воронцовского общества. Доклады XII Воронцовских чтений в г. Черноголовка Московской обл. в сентябре 2003 г. – Петушки, 2004. – Вып. 9. – С. 121–126.

Храм в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры был выстроен по проекту Н. В. Султанова. Автор статьи предполагает, что колокольня скита возведена по проекту того же архитектора, поклонника «русского» стиля в архитектуре. Ранее Султанов работал в усадьбе Ново-Томниково графа И. И. Воронцова-Дашкова. Впоследствии участвовал в создании памятника Александру II в Кремле.

95. Монастыри: служение миру // Проблемы изучения Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев: труды

ГИМ. – М.: Государственный исторический музей. – 2005. – Вып. 152. – С. 92–99.

В начале XX в. в церковных кругах происходила дискуссия о том, должны ли православные монастыри служить миру, то есть обязаны ли иноки оказывать помощь мирянам, и какими могут быть формы этой помощи. В дискуссии принял большое участие профессор Московской духовной академии С. И. Смирнов. Он писал, как начиная с XI в. решался этот вопрос. И указывал, что во время голода 1891–1892 гг. монастыри остались в стороне от этого бедствия.

В статье обсуждаются также вопросы удовлетворения монастырями духовных потребностей народа, сакрально-эстетического воздействия монастырей, учета психологии богомольцев при организации торговли в монастырях и пр.

96. О книге князя Ф. С. Голицына «Кустарное дело в России...» // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XII Голицыньских чтений. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2005. – С. 321–325.

Книгу «Кустарное дело в России в связи с умственно-духовным развитием русского народа» (СПб., 1904–1913. Т. I. 642 с.) составил князь Федор Сергеевич Голицын (1850–1920). В ней освещен исторический ход развития кустарного дела в России и участие в нем правительства, общественных учреждений и частных лиц. Помощью кустарям занимались Министерство земледелия и государственных имуществ, Императорское русское географическое общество, Императорское техническое общество, Общество содействия русской промышленности и торговле, Попечительство о трудовой помощи, состоящее под покровительством императрицы Александры Федоровны и др. Дана масштабная картина кустарного дела. Начиная с середины XIX в., Министерство способствовало развитию разных отраслей кустарного производства, устраивало выставки и музеи, оказывало денежную помощь, учреждало училища, курсы и пр.

Описана также деятельность Общества содействия русской промышленности и торговле, устроившего выставку на барже, прошедшей от Петербурга до Нижнего Новгорода. На выставке кустари знакомились с лучшими приемами работы, материалами и требованиями рынков. Автор писал, что правительство и общество понимали, что при малой доходности земледелия кустарные промыслы составляют для крестьянина насущную необходимость, в то время как отхожие промыслы приучают его к бродяжничеству и беспорядочной жизни.

97. Гости усадьбы Измалково. Послереволюционные годы // Подмосковный летописец. – 2007. – № 4. – С. 62–65. **Комаровский Алексей. Воспоминания об усадьбе Измалково** / публ. Т. В. Смирновой. Там же. – С. 57–61.

Впервые опубликованы воспоминания Алексея Владимировича Комаровского, старшего сына графини Варвары Федоровны Комаровской (урожд. Самариной), о самаринской подмосковной усадьбе Измалково. После революции Комаровские вместе с родственниками Осоргиными жили в Измалкове. Покинули усадьбу в 1923 г. Мемуарист дал описание усадьбы, ярмарок, церковных служб, сельскохозяйственной работы в коммуне и пр.

В статье о хозяевах и гостях усадьбы говорится о тех, кто жил в Измалкове в послереволюционные годы: графах Комаровских, родственной им семье Осоргиных, дружественной семье Истоминых, а также и о тех, кто находил в ней приют и отдых: Трубецких, Мансуровых, Голицыных, об их судьбах. Статья иллюстрирована портретными рисунками М. М. Осоргиной.

98. В. В. Розанов, кошки и собаки // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – Серия «Гуманитарные науки». – Энтелехия – № 17. – С. 92–94. В. В. Розанов писал о жестокости русского народа по отношению к домашним животным. Привел ужасающие факты этого в статьях «О милости к животным» и «О сострадании к животным». Указал и на безразличие к этому вопросу русской литературы и Церкви.

99. Ягодки и не только // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Серия «Гуманитарные науки». – Энтелехия – 2011. – Т. 17, № 23. – С. 36–38.

В русской литературе конца XIX в. интерес героя к пище («ягодкам») был признаком мещанства («кружовенное варенье» тургеневской Фенички, «Крыжовник» в рассказе Чехова). А Розанов «взорвал литературу»: «... малина с молоком, малосольный огурец в конце июня с веточкой укропа (не надо снимать)».

Если Достоевский говорил, что «мы все вышли из гоголевской шинели», то о многих писателях XX в. можно сказать, что они вышли из розановских «ягодок».

Подобное чувственное восприятие жизни свойственно таким выдающимся писателям как В. Набоков, М. Булгаков, Ю. Олеша, В. Катаев. Читали ли они Розанова? Трудно сказать. Но все же ранее всех он заявил, что наслаждаться бытовой стороной жизни вовсе не стыдно. И писать о ней стоит.

100. Усадьба князей Голицыных Тростянец Харьковской губернии // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XIX Голицынских чтений 26–27 января 2013 г. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2013. – С. 257–259.

Усадьба Тростянец Ахтырского уезда Харьковской губернии (теперь Сумской обл.) была получена князем Василием Петровичем Голицыным в 1831 г. в качестве приданого и продана его сыном Алексеем в 1868 г. за долги отца. Несмотря на краткость владения, усадьба настолько обогатилась в этот период постройками, что в журнале красивой жизни «Столица и усадьба» (№ 54, 1916) была помещена о ней статья. В Тростянце провел три летних месяца П. И. Чайковский по приглашению А. В. Голицына, с которым вместе учился в Училище правоведения. Следующие владельцы бережно сохранили усадьбу.

В настоящее время в ней открыт музей с комнатой Чайковского, картинной галереей и краеведческой экспозицией, а также Музей шоколада. Шоколадную фабрику устроили в 1970-х гг. на базе сахарорафинадного завода предпринимателя Леопольда Кенига, купившего усадьбу в XIX в. Сохранился и «Круглый двор», построенный Голицыными в виде крепости. Теперь в нем проводят «рыцарские турниры (историческая реконструкция). В городе сохранился большой парк. В нем поставлен памятник Чайковскому.

101. Сказка про медведя // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2014. – Серия «Гуманитарные науки». – Энтелехия. – № 30. – С. 78–80.

В основу сказки, предназначенной для маленьких детей, положен сюжет из жития преподобного Сергия Радонежского о том, как он кормил приходившего к нему голодного медведя.

102. Подмосковные монастыри глазами князя Николая Сергеевича Голицына // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы XXI Голицынских чтений 24–25 января 2015 г. – Большие Вяземы: Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина, 2015. – С. 272–278.

Князь Николай Сергеевич Голицын (1809–1892), военный историк, автор 15-томной «Всеобщей военной истории», в 1879–1880 гг. предпринял несколько поездок в подмосковные монастыри и рассказал о поездках в журнале «Странник». Рассказы он также издал отдельными брошюрами. Особенно интересны описания поездок в Спасо-Бородинский монастырь и Троице-Сергиеву лавру. На эти монастыри он посмотрел глазами военного историка и уделил особое

внимание соображениям других историков по поводу осады Троице-Сергиева монастыря.

103. Летние поездки на Север. 1960-е годы. Отрывки из воспоминаний // Костромская слобода. – 2015. – № 3. – С. 37–40.

В 1960-е гг. автор воспоминаний побывала в разных местах на Севере России, проехала по Северной Двине с несколькими остановками по пути. Ею высказано мнение об увиденных деревянных церквях и часовнях, о том, что перевезенные на музейную территорию храмы вызывают порой жалость, как звери в зоопарке. Но автор понимает, что сохранить их на местах зачастую невозможно. Пишет и об опыте Японии, где сохранились древние деревянные храмы, потому что через определенные промежутки времени их воссоздают заново. Автор обращает внимание на недавно восстановленную деревянную церковь XVI в. в селе Благовещенье под Сергиевом Посадом. Восстановление стало возможным, благодаря тому, что реставраторы в 1970-х гг. сделали замеры, чертежи и фотографии.

104. Командир взвода Наталья Винокурова: «Оказалось – все думали – последний патрон себе» // Подмосковный летописец. – 2015. – № 2. – С. 6–8.

Рассказ ветерана Великой Отечественной войны Натальи Дмитриевны Винокуровой, скульптора и педагога Абрамцевского художественно-промышленного колледжа имени В. М. Васнецова о своем военном прошлом.

105. Война. Школьные годы // Дети войны – дети Победы: сб. воспоминаний: в 3 ч. – Сергиев Посад: Ремарко, – 2016. – Ч. III. – С. 177–187.

По воле редакции воспоминания опубликованы под названием «... Но я окончила школу с медалью».

Дана автобиографическая справка. Автор воспоминаний жила в Архангельске, начала учиться в школе в 1942 г. Содержание: Военное дело; 50 г. хлеба; Рукоделие; Новогодний праздник; Американский мультфильм о золотой рыбке; Стихи о мести и пр.

106. Открывая старинный альбом... Борщовы, Гладковы, Китицины на Костромской и Ярославской земле и их потомки. – Сергиев Посад: ООО «Всё для Вас “Подмосковье”», 2016. – 136 с.: фото.

Это книга о связанных родственными узами трех дворянских родах и о судьбах их потомков. Автор рассказывает о нескольких поколениях своих предков, начиная с XVIII столетия до наших дней. Среди тех из них, кто жил на Костромской или Ярославской земле, не было

особо выдающихся личностей. Они служили Отечеству, считали своим долгом заботиться о просвещении крестьян, вели хозяйство, растили детей. Можно сказать, что это представители провинциального дворянства, по сути, почти не попавшие на страницы нашей великой литературы. При всем разнообразии характеров отличительными чертами большинства членов этих семей являлись честность и стремление оказывать помощь другим людям. Их жизни были составной частью исторического времени. Лишь немногие после революции оказались в эмиграции. Даже репрессированы были единицы. Но вместе со всем народом они сполна испытали холод и голод нового времени. У них, выброшенных из своих домов, была вечная бездомность, бесприютность. Однако они по-прежнему стремились приносить пользу людям. В труде был смысл их жизни.

К концу XX в. их потомков с фамилиями Борщовы, Гладковы и Китицыны не осталось.

Примечание. Перечень работ, не включенных в Указатель, приведен на стр. 275–276.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ

Антирелигиозная пропаганда в деятельности Сергиево-Посадского музея-заповедника в 1945–1965 годах. [2006] 16

***В. В. Розанов, кошки и собаки.** [2008] 98

***В защиту краеведа М. И. Смирнова: о книге И. Н. Ершова «Михаил Пришвин и российская археология» (М., 2012).** [2013] 59

В. Д. Дервиз — один из первых создателей Сергиевского музея. [2000] 3

Воинствующие безбожники 1920-х годов и Сергиевский историко-художественный музей. [2017] 46

Война. Школьные годы. [2016] 105

Выставка «Голицыны в Глинкове» в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. [2004] 47

***Гости усадьбы Измалково. Послереволюционные годы. Комаровский Алексей.** Воспоминания об усадьбе Измалково/публ. Т. В. Смирновой. [2007] 97

***Детский журнал Корнея Чуковского.** [2001] 90

***Доклад о. Павла Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств» и современное музейное дело.** [2007] 17

Дом на Вальной и его обитатели. 20-е годы в Сергиевом Посаде. [1997] 1

Иван Федорович Казаков. [2007] 18

«И все цветы, что только есть на свете...». [2000] 88

Из истории краеведения 1920–1930 годов (по письмам Д. О. Святского). [2017] 67

Из истории краеведческого движения в Сергиевом Посаде (1920-е годы). [2013] 62

Из истории реставрации стенописи Троицкого собора Лавры. [2012] 30

Из истории реставрации стенописи Троицкого собора Лавры. [2012] 31

Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 гг. (по материалам архивов СПМЗ и ОПИ ГИМ). [2005] 13

Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника. 1941–1965 гг. [2017] 41

Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1964–2003 гг. [2017] 42

***Из опыта работы краеведа-исследователя с архивами Сергиево-Посадского музея-заповедника.** [2016] 66

***Из опыта работы Центральной районной библиотеки (Сергиев Посад).** [2008] 20

Из прошлого Сергиевской земли. [2011] 78

Использование частных архивов в работе краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника. [2013] 33

К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова. [1999] 86

***Князь Д. И. Шаховской и подмосковное краеведение в 1920-х годах.** [2010] 56

Князя Голицыны и Троице-Сергиева лавра. [2002] 91

***«Когда на дачах пьют вечерний чай...».** [2015] 52

***Командир взвода Наталья Винокурова: «Оказалось – все думали одинаково – последний патрон себе».** [2015] 104

Краевед М. И. Смирнов (1868–1949). [2013] 61

Краеведение в Сергиево-Посадском музее-заповеднике: конец XX – начало XXI в. [2013] 63

Краеведческий музей в Сергиевом Посаде. [2010] 27

Краеведы Сергиева Посада сегодня (2007–2013). [2016] 64

Крестьянские волнения в связи с закрытием Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры. [2014] 36

***Летние поездки на Север. 1960-е годы. Отрывки воспоминаний.** [2015] 103

Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы. [2004] 11

М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926). [2013] 60

***М. С. Елов – последний издатель В. В. Розанова.** [2009] 23

Монастыри: служение миру. [2005] 95

***Музей детского народного календаря.** [2015] 53

Музей. Церковь. Власть. [2014] 37

***Н. В. Султанов – архитектор графа И. И. Воронцова-Дашкова.** [2004] 94

Народ в тюрьме (1930–1931). / В. И. Смирнов; **Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941)** / Л. С. Китицына. / Сост. Т. В. Смирнова. [2011] 57

Никольский храм в селе Озерецком и его реставрация. [2016] 54

***Новые темы музейных выставок в 1990–2000 гг.** [2012] 28

Об экспозиции икон в Сергиевском музее в 1920-е годы. [2012] 32

***О записке графа Ю. А. Олсуфьева. Олсуфьев Ю. А.** В Комиссию по охране памятников искусства и старины б. Троице-Сергиевой лавры / публ. Т. В. Смирновой [2008] 19

О книге князя Ф. С. Голицына «Кустарное дело в России...». [2005] 96

***О книге П. А. Флоренского и Ю. А. Олсуфьева «Амвросий, троицкий резчик XV века».** [2005] 12

***О портрете графа Ю. А. Олсуфьева.** [2012] 73

Опыт работы с респондентами при изучении истории XX века Сергиева Посада. [2001] 6

О судьбах авторов сборника «Троице-Сергиева лавра». [2007] 14

Открывая старинный альбом... Борщовы, Гладковы, Китицыны на Костромской и Ярославской земле и их потомки. [2016] 106

Памяти графа Ю. А. Олсуфьева, ученого и исповедника (1878–1938). [2009] 21

Пастернаковское лето. Произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака / сост., вступ. статьи Т. В. Смирнова. [2006] 50

Первый директор Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника. [2003] 7

***«... под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы.** [2007 и 2008] 76

Подмосковная усадьба князей Трубецких Ахтырка и «Аленушка» Виктора Васнецова. [2019]. 75

***Подмосковные монастыри глазами князя Николая Сергеевича Голицына.** [2015] 102

По железной дороге из Москвы в Сергиев Посад. [2012] 81

***Портрет графа Ю. А. Олсуфьева.** [2014] 74

Профессора Московской духовной академии после революции. [2017] 44

***Революция: надежды крестьян и действительность.** [2017] 45

Самое страшное преступление века. [2013] 34

- Сборник «Троице-Сергиева лавра» и его авторы. [1999] 2
- *Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Троицкий собор. [2012] 80
- Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры. Мультимедийное издание. [2009] 77
- Святые окрестности Троице-Сергиевой Лавры. [2012] 82
- *Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры. [2008] 51
- Семья Розанова в Сергиевом Посаде. [2009] 22
- [Сергей Трубачев – дирижер и церковный композитор]. [2000] 4
- *Сергиев Посад в творчестве Владимира Соколова. [2011] 71
- Сергиев Посад и окрестности. Прогулки во времени и пространстве. [2016] 85
- *Сергиев Посад Константина Юона и Владимира Соколова. [2006] 69
- *Сергиев Посад в русской живописи. [2008] 70
- Сергиев Посад в русской живописи. Мультимедийное издание. [2012] 83
- Сергиев Посад. 1920-е годы. Судьбы «бывших». [2003] 9
- Сергиев Посад. 1920-е годы (Судьбы бывших). [2003] 8
- Сергиев Посад. Репрессии 1920-х годов. [2014] 38
- Сергиев Посад. Репрессии 1930-х годов. [2015] 39
- Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. [2013] 35
- Сергиево-Посадский музей-заповедник и Троице-Сергиева лавра: 1990-е годы. [2015] 40
- *Силуэты М. М. Осоргиной. *(В соавторстве с А. В. Комаровской)*. [2000] 89
- *Сказка про медведя. [2014] 101
- *Создание музея в Переславле-Залесском. 1918–1920 гг. (По воспоминаниям М. И. Смирнова). [2011] 58
- *Создание музея в Троице-Сергиевой лавре. [2010] 24
- Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре. [2010] 25
- Создатели музея в Троице-Сергиевой лавре. [2012] 26
- *Судьба В. М. Голицына и его потомков *(в соавторстве с С. П. Раевским)* [1999] 87
- *Тайна Бориса Шергина. [2018] 55

- «Тебе, мать нежная, драгая...» (Семейная атмосфера в усадьбе князей Трубецких и их потомков). [2006] 49
- Троице-Сергиева лавра и музей-заповедник во время Великой Отечественной войны. [2016] 43
- Троицкий собор Лавры. [2012] 79
- *Трубецкие на фоне Лавры (по поводу одной картины). [2012] 72
- Труды сотрудников Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника по популяризации истории края и церковного искусства Нового времени. [2012] 29
- Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие. [2006] 48
- *Усадьба князей Голицыных Тростянец Харьковской губернии. [2013] 100
- *Усадьба Михайловское Звенигородского уезда (по воспоминаниям Екатерины Ивановны Раевской). [2003] 92
- Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов / Сост. Т. В. Смирнова. [2016] 65
- *Хозяева и гости усадьбы Измалково. Послереволюционные годы. [2003] 93
- Хотьково и Радонеж. Прогулки во времени и пространстве. [2016] 84
- *Художник В. А. Комаровский – автор портретов о. Павла Флоренского. [2000] 68
- Частные архивы как источник исторической антропологии. [2004] 10
- Ю. А. Олсуфьев: материалы к биографии. [2006] 15
- *Ю. А. Олсуфьев и его статья «Иконопись». *Ю. А. Олсуфьев. Иконопись* / публ. Т. В. Смирновой. [2001] 5
- *Ягодки и не только. [2011] 99

*Отмечены издания, не имеющие номера ISBN.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверьянова (в замужестве Арешкина) Валентина Николаевна, бывшая жительница Сергиева Посада **78**

Александр II, император **87, 94**

Александров Анатолий Александрович, поэт, коллекционер **85**

Александрова-Дольник Татьяна Николаевна, реставратор тканей, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры **14**

Амвросий, троцкий резчик XV в. **12**

Анатолий (Потапов), старец Оптиной пустыни **1**

Андрей Рублев, иконописец **17, 30, 31, 32, 37, 43**

Анциферов Николай Павлович, культуролог, литературовед, краевед **59, 60**

Ахматова Анна Андреевна, поэт **88**

Бобков Константин Васильевич, директор СПИХМЗ **29**

Богуславская Ксения Леонидовна, художница **90**

Бондаренко Илья Евграфович, архитектор, председатель Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры **14, 24, 25, 26**

Борщовы, дворянский род **106**

Боскин Михаил Васильевич, художник, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры **85**

Булгаков Михаил Афанасьевич, писатель **99**

Васнецов Виктор Михайлович, художник **75**

Введенский Дмитрий Иванович, профессор Московской духовной академии, краевед **62**

Веденевы, владельцы дома в деревне Мутовки, где жил Б. Пастернак **52**

Вернадский Владимир Иванович, ученый-естествоиспытатель, мыслитель **56**

Винокурова Наталья Дмитриевна, скульптор, участница Великой Отечественной войны **104**

Виноградов Николай Дмитриевич, архитектор **43**

Вишневский Владимир Игоревич, археолог, сотрудник СПИХМЗ **35, 63**

Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф **94**

Гамза Яков Петрович, сотрудник СИХМ, ГТГ, **32**

Ганешин Дмитрий Сергеевич, краевед, **10**

Герье Владимир Иванович, историк, основатель Высших женских курсов **86**

Гладковы, дворянский род **106**

Голицын Алексей Васильевич, князь, владелец усадьбы Тростянец, друг П. И. Чайковского **100**

Голицын Валериан Михайлович, князь, декабрист **87**

Голицын Василий Петрович, князь, владелец усадьбы Тростянец **100**

Голицын Владимир Михайлович (младший), князь, художник **28, 47**

Голицын Владимир Михайлович, (старший), князь, городской голова Москвы **76, 85**

Голицын Илларион Владимирович, художник **28, 55, 72**

Голицын Михаил Владимирович, князь, чиновник, общественный деятель, мемуарист **47**

Голицын Николай Сергеевич, князь, военный историк **102**

Голицын Сергей Михайлович, князь, писатель, мемуарист **47**

Голицын Федор Сергеевич, князь, военный историк **96**

Голицыны, князья **28, 47, 55, 91, 97, 100**

Горев М. (Михаил Галкин), журналист-безбожник **2, 5**

Горожанина Светлана Валентиновна, специалист по народному искусству, сотрудник СПИХМЗ **63**

Грабарь Игорь Эммануилович, художник, историк искусства **30, 31**

Греков Александр Умарович, сотрудник СПИХМЗ, директор Музея игрушки **63**

Дайн Галина Львовна, искусствовед, специалист по игрушке **53, 55**

Дервиз Владимир Дмитриевич, художник, директор СИХМ **3, 7, 24, 25, 26, 28, 35, 76**

Достоевский Федор Михайлович, писатель **99**

Елов Михаил Савельевич, книгоиздатель и книготорговец **23**

Ершов Михаил Николаевич, археолог **59, 60**

Ефимовы Иван Семенович и Нина Яковлевна, художники **76**

Жданова Ирина Феликсовна, сотрудник СПИХМЗ 63
Зарицкая Оксана Ивановна, сотрудник СПИХМЗ 29
Зубов Василий Павлович, историк науки и культуры 43
Игнатъев Сергей Никитич, крестьянин деревни Псаревы 36
Истомина Ксения Петровна см. Трубецкая К. П.
Истомины, дворянский род 76, 85, 97
Казаков Иван Федорович, сотрудник ЗИХМЗ 18
Калмыкова Людмила Эльмаровна, специалист по народному и декоративно-прикладному искусству, сотрудник СПИХМЗ 35
Каптерев Павел Николаевич, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры 14, 62
Катаев Валентин Петрович, писатель 99
Кениг Леопольд, владелец усадьбы Тростянец и сахаро-рафинадного завода 100
Китицына Лидия Сергеевна, педагог, краевед 57, 65
Китицины, дворянский род 106
Колесников Сергей Александрович, скульптор, резчик по дереву 54
Комаровская Антонина Владимировна, графиня 6, 33, 89
Комаровская (урожд. Самарина) Варвара Федоровна, графиня 89, 97
Комаровские, графы 1, 8, 9, 68, 76, 85, 97
Комаровский Алексей Владимирович, граф, мемуарист, участник Великой Отечественной войны 10, 89, 97
Комаровский Владимир Алексеевич, граф, художник, иконописец, сотрудник СИХМ 1, 33, 38, 68, 73, 74
Коротков В. Н., чиновник районного масштаба 54
Красноцветов Г. А., археолог 43
Кронид (Любимов), наместник Троице-Сергиевой лавры 39
Круглова Ольга Владимировна, специалист по народному искусству, сотрудник ЗИХМЗ 35
Кустодиев Борис Михайлович, художник 70, 78, 83
Куценко Елена Владимировна, сотрудник СПИХМЗ 63
Лебедева Юлия Андреевна, специалист по древнерусскому искусству, ученый секретарь ЗИХМЗ 43

Левитан Исаак Ильич, художник 71
Ленин Владимир Ильич, политический деятель 24, 25, 26
Лентулов Аристарх Васильевич, художник 83
Логинов Дмитрий Степанович, краевед 62
Лопухины, дворянский род 76, 85
Луначарский Анатолий Васильевич, нарком просвещения 32
Маврикий (Полетаев), архимандрит 39
Макаровская Галина Акимовна, сотрудник ЗИХМЗ 35, 63
Макусова Лариса Анатольевна, сотрудник СПИХМЗ 63
Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна, поэтесса 85
Мамонтов Иван Федорович, предприниматель, строитель железной дороги 81
Мансуров Сергей Павлович, историк Церкви, сотрудник Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, священник 1, 2, 14
Мансуровы, дворянский род 1, 8, 9, 76, 85, 97
Матвеев Павел Алексеевич, краевед 54
Мень Александр Владимирович, священник, богослов 81
Мещерский Иван Сергеевич, князь 76
Мисс (А. В. Ремизова), художница 90
Мишуков Федор Яковлевич, реставратор металлических изделий, художник 14
Мордвинова Валентина Николаевна, директор Музея местного края в Сергиевом Посаде 62
Морозов Сергей Тимофеевич, предприниматель, меценат, организатор Музея кустарных изделий 71
Набоков Владимир Владимирович, писатель 99
Нарышкины, дворянский род 76
Нерадовский Петр Иванович, художник, музейный деятель 30, 31
Николаева Татьяна Васильевна, историк искусства, сотрудник ЗИХМЗ 35
Носырев Леонид Викторович, художник-мультипликатор 55
Огневы, семья биолога И. Ф. Огнева 8, 9, 76
Олеша Юрий Карлович, писатель 99

Олсуфьев Юрий Александрович, граф, музейный деятель, искусствовед, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, сотрудник СИХМ **1, 2, 5, 12, 14, 15, 19, 21, 24, 25, 26, 28, 32, 33, 35, 37, 38, 68, 73, 74, 76**

Олсуфьевы, графы **8, 9, 22, 76, 85**

Осиненко Галина Петровна, художница, педагог **53**

Осмеркин Александр Александрович, художник **70, 78, 83**

Осоргина (урожд. княжна Трубецкая) Елизавета Николаевна **89**

Осоргина Мария Михайловна, художница **28, 33, 89, 93, 97**

Осоргины, дворянский род **28, 89, 93, 97**

Павлинов Павел Яковлевич, художник **76**

Павлов Иван Николаевич, гравёр **71**

Палагин Юрий Николаевич, педагог, краевед **64**

Пастернак Борис Леонидович, поэт **20, 28, 50, 52, 81, 84, 88, 90**

Пастернак Жозефина Леонидовна, сестра Б. Л. Пастернака **52**

Перловы, купцы-чаоторговцы **81**

Петр I, царь **59**

Платон (Левшин), наместник Троице-Сергиевой лавры **51**

Попов Алексей Гаврилович, владелец фарфорового завода **84**

Попов Федор Константинович, член Союза воинствующих безбожников **46**

Пришвин Михаил Михайлович, писатель **10, 34, 59, 60, 85**

Птицын Иван Захарович, директор ЗИХМЗ **43**

Пятков, сотрудник СИХМ, воинствующий безбожник **37**

Раевские, дворянский род **8, 9, 33, 76**

Раевская (урожд. Бибикова) Екатерина Ивановна, мемуаристка **87, 92**

Раевский Сергей Петрович, геолог, мемуарист **6, 10, 33, 87**

Рдултовский (Луневский) Александр Борисович, журналист, краевед **64**

Ре-Ми (Ремизов-Васильев Н. В.), художник **90**

Розанова Татьяна Васильевна, дочь В. В. Розанова **22**

Розанов Василий Васильевич, философ, публицист **20, 22, 23, 85, 98, 99, 108**

Рыбаков Борис Александрович, академик, историк, археолог **86**

Рябушинский Степан Павлович, предприниматель, коллекционер, меценат **86**

Ряховский В. К., директор ЗИХМЗ **43**

Самарин Александр Дмитриевич, член Государственного Совета, обер-прокурор Синода **38**

Свешников И. П., коллекционер живописи **58**

Свирин Алексей Николаевич, искусствовед, директор СИХМ **24, 25, 26, 32, 35, 76**

Святский Даниил Осипович, метеоролог, краевед **67**

Сергий Радонежский, святой **2, 37, 45, 51, 61, 71, 78, 79, 80, 81, 84, 101**

Сергий (Страгородский), Патриарх **39**

Сидоров Сергей Алексеевич, священник **76**

Смирнова (урожд. княжна Мещерская) Наталья Викторовна, жена М. И. Смирнова **61**

Смирнова Татьяна Васильевна, краевед, сотрудник СПИХМЗ **29, 57, 63, 65, 105**

Смирнов Василий Иванович, краевед **57, 65, 67**

Смирнов Всеволод Михайлович, сын М. И. Смирнова **61**

Смирнов Михаил Иванович, краевед **10, 37, 58, 59, 60, 61, 65**

Смирнов Сергей Иванович, профессор Московской духовной академии **95**

Соколов Владимир Иванович, художник **69, 71, 78, 83**

Соня (Смирнова Софья Михайловна), дочь М. И. Смирнова **61**

Спирина Лариса Матвеевна, сотрудник СПИХМЗ **63**

Спицын Александр Андреевич, археолог **59**

Стеллецкий Дмитрий Семенович, художник **68**

Султанов Николай Владимирович, архитектор **51, 94**

Тихон (Беллавин), Патриарх **38**

Ткаченко Владимир Александрович, историк, сотрудник СПИХМЗ **35, 63**

Токарева Татьяна Юрьевна, сотрудник СПИХМЗ **63**

Толстой-Остерман Александр Иванович, граф **87**

Трофимов Игнатий Викентьевич, архитектор-реставратор **13, 35, 43**

Трубачева (урожд. Флоренская) Ольга Павловна, жена С. З. Трубачева **4**

Трубачев Сергей Зосимович, церковный композитор и дирижер **4, 28, 42**

Трубецкая (урожд. Истомина) Ксения Петровна, дочь П. В. Истомина **33**

Трубецкая Варвара Владимировна, дочь В. С. Трубецкого **39**

Трубецкая (урожд. Голицына) Елена Владимировна, архитектор-реставратор, жена А. В. Трубецкого **54**

Трубецкая (урожд. княжна Мещерская) Наталья Сергеевна, жена И. Н. Трубецкого **49**

Трубецкая (урожд. Лопухина) Софья Алексеевна, жена Н. П. Трубецкого **48**

Трубецкие, князья **6, 8, 9, 28, 48, 49, 72, 76, 81, 84, 85, 97**

Трубецкой Андрей Владимирович, биолог, мемуарист, участник Великой Отечественной войны **6, 33, 54**

Трубецкой Владимир Сергеевич, князь, музыкант, писатель **38, 39, 72**

Трубецкой Григорий Николаевич, князь, сотрудник Министерства иностранных дел **89**

Трубецкой Евгений Николаевич, князь, философ **48**

Трубецкой Николай Петрович, князь, один из создателей Московской консерватории **48**

Трубецкой Николай Сергеевич, князь, лингвист **49**

Трубецкой Паоло, скульптор **28**

Трубецкой Петр Иванович, князь, генерал, сенатор **48, 49**

Трубецкой Сергей Николаевич, князь, философ **48**

Урсова (урожд. Истомина) Наталья Владимировна, княгиня **22**

Фаворская (урожд. Дервиз) Мария Владимировна, дочь В. Д. Дервиза **28**

Фаворские, семья художника В. А. Фаворского **76**

Феогност (Гузилов), наместник Троице-Сергиевой лавры **37, 40**

Филимонов Константин Александрович, историк, сотрудник СПИХМЗ **29, 35, 63**

Флоренский Павел Александрович, священник, философ, ученый, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры **2, 4, 12, 14, 17, 22, 28, 32, 39, 68, 76, 85**

Хвостова Анна Ивановна **38**

Хвостовы, дворянский род **8, 9, 76**

Хрунова Нина Викторовна, сотрудник СПИХМЗ **63**

Хрушев Никита Сергеевич, политический деятель **37, 41, 42**

Цветаева Марина Ивановна, поэт **50**

Чайковский Петр Ильич, композитор **100**

Челишевы, дворянский род **76, 85**

Чехов Антон Павлович, писатель **99**

Чехонин Сергей Васильевич, художник **90**

Чуковский Корней Иванович, писатель **90**

Шаляпин Федор Иванович, актер, певец **70**

Шаховская Анна Дмитриевна, дочь князя Д. И. Шаховского, краевед, музейный работник **38, 56, 62, 85**

Шаховская-Шик Наталья Дмитриевна, дочь князя Д. И. Шаховского **56, 85**

Шаховские, князья **8, 9, 85**

Шаховской Дмитрий Иванович, князь, общественный и политический деятель **56**

Швагер Зельма Янисовна, директор ЗИХМЗ **43**

Шевалдышев Николай Викторович, педагог, краевед **62**

Шергин Борис Викторович, писатель **55**

Шехтель Федор Осипович, архитектор **81**

Шик Михаил Владимирович, священник, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры **2, 14, 76, 85**

Шитова Любовь Александровна, сотрудник СПИХМЗ **29**

Шмелев Иван Сергеевич, писатель **78**

Шмидт Сигурд Оттович, историк, краевед, академик РАО **57**

Шпанькова Татьяна Николаевна, краевед **64**

Щекотов Николай Михайлович, искусствовед, директор СИХМ **24, 25, 26**

Щусев Алексей Викторович, архитектор **15, 21**

Юон Константин Федорович, художник **69, 70, 78, 83**

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамцево, бывш. усадьба Аксаковых, потом Мамонтовых, музей-заповедник «Абрамцево», Абрамцевский художественно-промышленный колледж, село в Сергиево-Посадском районе Моск. обл., **17, 18, 36, 38, 75, 78, 81, 84, 104**

Александров, Александровский уезд Владимирской обл. **36, 50**

Архангельск, областной город **55, 57, 65, 105**

Ахтырка, бывш. подмосковная усадьба князей Трубецких, село Сергиево-Посадского района Моск. обл., **28, 48, 49, 75, 78, 81, 84**

Благовещенье, село в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **85, 103**

Большая Брембола, село Переславского района Ярославской обл., ранее Владимирской губ. **61**

Буйцы (Красные Буйцы), бывш. усадьба графов Олсуфьевых, село в Богородицком районе Тульской обл. **1**

Бутово, Бутовский полигон, исторический район Москвы, место массовых расстрелов 1937–1938 гг. **15, 21, 34, 68, 73, 74,**

Владимир, областной город **58**

Волга, река **71**

Гефсиманский скит, не сохранившийся скит Лавры под Сергиевым Посадом **29, 33, 51, 82, 85**

Глинково, село в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **28, 47**

Дмитров, районный город Моск. обл. **56**

Домотканово, бывш. усадьба Дервизов; теперь деревня Красная Новь в Калининском районе Тверской обл. **3, 7, 28**

Женева, город в Швейцарии **89**

Измалково, бывш. усадьба Самариных, деревня в Одинцовском районе Моск. обл., **28, 89, 93, 97**

Ишим, районный город Тюменской обл. **68**

Киев, столица Украины **61**

Киновия, быв. монастырь, в наст. время в черте г. Сергиева Посада **82**

Киржач, районный город Владимирской обл. **23**

Кламар, пригород Парижа **89**

Коломенский район Моск. обл. **61**

Кострома, Костромская обл. **23, 57, 65, 67, 106**

Крым, полуостров в северной части Черного моря **28, 86**

Куликово поле, место битвы в 1380 г., ныне в Тульской обл. **15, 68**

Михайловское, бывш. усадьба Бибиковых, село в Одинцовском районе Моск. обл. **92**

Москва, Московская обл. **4, 27, 28, 32, 36, 40 45, 46, 56, 58, 62, 67, 71, 81, 86, 87, 94**

Мураново, бывш. усадьба Баратынских, потом Тютчевых; Музей-усадьба; деревня в Пушкинском районе Моск. обл., **81**

Мутовки, деревня в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **20, 28, 50, 52, 81, 84, 88**

Мытищи, районный город Моск. обл. **81**

Нижний Новгород, областной город **61, 96**

Ницца, город на юге Франции **28**

Ново-Томниково, бывш. усадьба графов Воронцовых-Дашковых, село в Моршанском районе Тамбовской обл. **94**

Озерецкое, село в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **54**

Оптина пустынь, монастырь под г. Козельском Калужской обл. **1**

Параклит (Пустынь Св. Параклита), скит Лавры под Сергиевым Посадом **51, 82, 85**

Перedelкино, дачный поселок в Номосковском адм. округе Москвы **88**

Переславль-Залесский, районный город Ярославской обл. **58, 59, 60, 61**

Перловская, платформа Ярославского направления МЖД **81**

Петроград (Петербург) **22, 70, 96**

Пинега, река в Архангельской обл. **65**

Плес, город в Приволжском районе Ивановской обл. **71, 74**

Польша **34**

Псарево, деревня в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **36**

Радонеж, село в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **29, 51, 81, 82, 84**

Рыбинск, районный город Ярославской обл. **23**

Свияжск, Свияжский Успенский монастырь и село в Зеленодольском районе Татарстана, концлагерь **28**

Северная Двина, река **103**

Семхоз, платформа Северной железной дороги и поселок в черте г. Сергиева Посада **81, 85**

Сергиев Посад (Сергиев, Сергиево, Загорск), Троице-Сергиева лавра, Сергиево-Посадский район, Сергиево-Посадский (Сергиевский, Загорский) историко-художественный музей **1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 56, 61, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 91, 93, 94, 95, 102**

Сергиевское, бывш. усадьба Осоргиных, сейчас село Кольцово в Ферзиковском районе Калужской обл. **89**

Смоленская Зосимова пустынь, монастырь в Александровском районе Владимирской обл. **51, 82**

Соликамск, районный город в Пермском крае **43**

Софрино, платформа Ярославского направления МЖД и поселок городского типа в Пушкинском районе Моск. обл. **81**

Спасо-Бородинский монастырь в Можайском районе Моск. обл. **102**

Спасо-Вифанский монастырь, в наст. время в юго-восточной части г. Сергиева Посада Моск. обл. **29, 51, 82, 85**

Тайнинское, бывш. село в Мытищинском районе Моск. обл., теперь в городской черте Мытищ **81**

Тогур, село в Колпашевском районе Томской области **61**

Тростянец, бывш. усадьба князей Голицыных, районный город, теперь в Сумской обл., **100**

Узкое, бывш. усадьба князей Трубецких, ныне в Юго-Западном адм. округе Москвы **48**

Успенское (Муханово, Новинки), бывш. усадьба Мухановых, теперь село Муханово в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **78**

Финляндия **28**

Хвалынский, районный город Саратовской обл. **68**

Хотьково, город в Сергиево-Посадском районе Моск. обл. **29, 50, 51, 52, 53, 55, 62, 81, 82, 84, 86, 88**

Черниговский (Гефсиманско-Черниговский) скит, скит Лавры под Сергиевым Посадом **29, 51, 82, 85, 94**

Эстония **34**

Япония **34, 103**

Ярославль, Ярославская обл. **22, 23, 106**

УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Археографический ежегодник – **86**

Архивные документы по истории и культуре Московской губернии и Московской области: материалы Первых и Вторых обл. ист.-краевед. арх. чтений – **33**

Братина: сборник стихов и прозы – **88**

Вестн. Костром. гос. ун. им. Н. А. Некрасова. – (Энтелехия) – **12, 17, 19, 23, 73, 98, 99, 101**

Воронцовы – два века в истории России: тр. Воронцовс. об-ва – **94**

Всероссийские краеведческие чтения: сборники докл. конференций – **62, 63, 64, 66, 67**

Грани гуманитарного знания: сб. ст. / Курский гос. мед. ин-т – **61**

Губернский дом: Ист.-краевед. и лит. журнал. (Кострома) – **53**

Дети войны – дети Победы: сборники воспоминаний. (Сергиев Посад) – **105**

Забелинские научные чтения. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: тр. ГИМ – **9, 11, 13, 15, 29, 30, 40, 41, 75**

Историческое краеведение Подмосковья. История, современное состояние и перспективы развития: тр. науч. конф. / Гос. ист. заповедник «Горки Ленинские» – **6**

История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. ст. по материалам науч. конф. / ГТГ – **32**

Кадашевские чтения: сборники докл. конференций – **21, 25, 31, 36, 37, 38, 39, 43, 44, 46, 54**

Костромская слобода: худ.-этногр. альм. – **103**

Краеведческие чтения памяти А. И. Виноградова: материалы 1–3 краевед. чтений. / ГЛХМЗ А. С. Пушкина – **92, 93**

Кремлевские чтения: материалы Всерос. науч. конференций. / АН РТ. Казан. ин-т истории им. Ш. Марджани – **28**

Московский журнал: лит.-худож., ист.-краевед. ежемес. журн. – **1, 4, 7, 18**

Наследие В. В. Розанова и современность: материалы Междунар. науч. конф. – **22**

П. А. Флоренский: Первые и Вторые гимназ. чтения (Сергиев Посад) – **2, 68**

Подмосковный летописец: ист.-краевед. альм. – 24, 45, 51, 52, 55, 56, 70, 71, 72, 74, 97, 104

Проблемы изучения истории Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев: труды ГИМ – 95

Проблемы истории Московского края: сборники материалов науч.-практ. конференций / МГОУ – 10, 16, 20, 27

Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской Православной Церкви: труды ГИМ – 42

Русская галерея: ил. журн. по искусству – 5, 89, 90

Русская усадьба: сборники / ОИРУ – 49

Русское искусство: журнал – 69

Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения – 3

Сергиево-Посадский район в зеркале истории XX век: сб. ст. – 34, 35

Троице-Сергиева лавра: сб. ст. – 14

Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы Междунар. конференций – 26

Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. А. Глинки: альманах – 8

Хозяева и гости усадьбы Вяземы: материалы Голицын. чтений / ГИЛИМЗ А. С. Пушкина – 47, 87, 91, 96, 100, 102

Художественное наследие Владимирского края. История и культура: материалы межрегион. науч. конф (Александров) – 58, 59

УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВ КНИГ, БРОШЮР И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ИЗДАНИЙ

НО УДО «Нива» (Сергиев Посад) – 77, 83

Москва. Издательский дом «Научная библиотека» – 84, 85

Свято-Троицкая Сергиева Лавра – 76

Сергиев Посад: ООО «Всё для Вас “Подмосковье”»

и Сергиев Посад: ООО ВДВ «ПАК» – 48, 50, 57, 60, 65, 78, 79, 80, 81, 82, 106

УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

1985 год

1. Разгадавший тайну [О художнике **Н. М. Чернышеве**]. – Вперед. – 13 апреля 1985.
2. Войны неженское лицо. [Рассказ **Винокуровой Н. Д.**, записанный Т. Смирновой]. – Вперед. – 9 мая 1985.
3. «Таких, как я, много...» [О художнике **К. Ф. Сергееве**]. – Вперед. – 18 мая 1985.
4. Солнечность народного искусства [О коллекции произведений народного искусства в Абрамцевском музее]. – Вперед. – 18 мая 1985.
5. На сцене комедия [О постановке пьесы А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» во Дворце культуры имени Гагарина г. Загорска]. – Вперед. – 28 мая 1985.
6. Русская ярмарка в Загорске [О празднике для детей, устроенном Музеем игрушки]. – Вперед. – 1 июня 1985.
7. Образцовая студия [О студии макраме в Детском доме культуры Загорска]. – Вперед. – 1 июня 1985.
8. Чудо искусства [О выставке «Художественное стекло России» в Загорском музее-заповеднике]. – Вперед. – 11 июня 1985.
9. «Слово о полку Игореве» звучит в нашем городе [Выступление экспериментальной художественно-исследовательской группы Института культуры в Загорске]. – Вперед. – 22 июня 1985.
10. Подносы, игрушки и многое другое [О новой экспозиции отдела советского декоративно-прикладного искусства в Загорском музее-заповеднике]. – Вперед. – 13 августа 1985.
11. Тепло очага [О жительнице Хотькова **Г. В. Александровой** и ее хобби]. – Вперед. – 31 августа 1985.
12. Пойти навстречу [О выставке «Загорск и его окрестности в творчестве старейших советских художников» в Абрамцевском музее]. – Вперед. – 27 августа 1985.
13. Никто не хотел расставаться [О городском лагере при хотьковской школе № 4]. – Вперед. – 12 сентября 1985.

1986 год

14. Приглашаем в Литературную гостиную [О вечере в библиотеке, посвященном **Эдуарду Багрицкому**]. – Вперед. – 21 января 1986.
15. «Носы налево!..» [О кружке бального танца в Загорске]. – Вперед. – 20 февраля 1986.
16. Цветные паруса поэзии [О встрече в библиотеке с детской поэтессой **И. М. Загравской**]. – Вперед. – 22 февраля 1986.

1988 год

17. И снова **Борис Пастернак** [О втором празднике поэзии **Бориса Пастернака**]. – Вперед. – 22 октября 1988.

1989 год

18. «Воздушный корабль» **Бориса Пастернака** [Рассказ родственницы Бориса Пастернака **А.Н. Вильям** о лете 1927 г. в Мutowках]. – Вперед. – 1 февраля 1989.
19. По ком звонит колокол? [О выставке «Памяти жертв сталинизма» в Центральном доме художника]. – Вперед. – 8 апреля 1989.

1990 год

20. **Венок Пастернака** [Очерк о творчестве и судьбе поэта]. – Вперед. – 6 октября 1990.

1991 год

21. С веткой цветущей сливы [О новогоднем по восточному календарю празднике в клубе «Знание»]. – Вперед. – 26 февраля 1991.
22. Год **Мандельштама** [О судьбе поэта, стихах и спектакле «Улица Мандельштама»]. – Вперед. – 15 марта 1991.
23. Меченый **Сергий Радонежский** [О выставке деревянной игрушки, пропагандируемой искусствоведом **В.Я. Соловьевым**]. – Вперед. – 21 марта 1991.
24. Их правотой наш век отмечен [О вечере памяти **О. Мандельштама** и чтении стихов актрисой **Тамарой Ямпольской** в клубе «Знание»]. – Вперед. – 23 марта 1991.
25. Кому бы заплатить деньги? [О работе почты в Хотькове]. – Вперед. – 4 апреля 1991.
26. В чем я не согласна с **Травкиным** [О выступлении лидера ДПР в Загорске]. – Вперед. – 6 апреля 1991.
27. Церковь в Ахтырке. – Вперед. – 9 апреля 1991.
28. Как я не была на митинге [К месту митинга пройти не дала милиция]. – Вперед. – 9 апреля 1991.
29. Интересней любого детектива [О книге **А. Собчака** «Хождение во власть»]. – Вперед. – 1 мая 1991.
30. Откуда это колдовство? [О творчестве **М.А. Булгакова**]. – Вперед. – 23 мая 1991.
31. Воспоминания о детстве [О детстве **П.А. Флоренского**]. – Вперед. – 1 июня 1991.
32. Сказать человеку: «Здравствуй!» [О **Ф.И. Шалапине**]. – Вперед. – 2 июля 1991.
33. Где вы были в эти дни [О днях августовского путча]. – Вперед. – 29 августа 1991.
34. Без информации – как без рук [Об августовских днях 1991 г.]. – Вперед. – 7 сентября 1991.
35. Долго ль будем отмывать? [Об осквернении памятников **Ленину** и **Загорскому**]. – Вперед. – 21 сентября 1991.
36. Зачем ездил в Переславль **Александр Дюма**? [О поездке членов клуба «Знание» в Переславль-Залесский]. – Вперед. – 28 сентября 1991.

37. С перспективой на гармонию [О выставке «Дары природы» в хотьковской школе]. – Вперед. – 9 октября 1991.
38. А традиция жива [О пятом празднике поэзии **Бориса Пастернака** в Хотькове]. – Вперед. – 26 октября 1991.
39. Откровение. **Евгений Трубецкой** о древнерусском искусстве [Об «Умозрении в красках»]. – Вперед. – 28 ноября 1991.
40. Греция подождет. Поедем в Александров [О рассказе членов клуба «Знание», побывавших в Греции]. – Вперед. – 24 декабря 1991.

1992 год

41. Мне стыдно, что я была в этой партии [Разочарование в партии **Травкина**]. – Вперед. – 14 января 1992.
42. Сколько слез на елке [О новогоднем празднике во Дворце культуры им. Ю.А. Гагарина в Загорске]. – Вперед. – 16 января 1992.
43. Галина [О книге **Галины Вишневской**]. – Вперед. – 18 января 1992.
44. Волшебники живут рядом [О детском новогоднем празднике в Хотькове для детей, находящихся в психиатрической больнице]. – Вперед. – 23 января 1992.
45. Собрались в клубе добрые люди... [О клубе «Знание»]. – Вперед. – 1 февраля 1992.
46. «Вернуться в Россию стихами...» [О поэзии **Георгия Иванова**]. – За Родину. – 6 февраля 1992.
47. **Игорь Северянин**. – За Родину. – 27 марта 1992.
48. «Бубновый валет» позади. Что дальше? [О выставках в отделе современного искусства Абрамцевского музея]. – Хотьковский вестник. – 26 июня 1992.

1993 год

49. Памяти **Николая П.** – Хотьковский вестник. – 29 августа 1993.

1994 год

50. О чем думают наши дети? [Сочинения восьмиклассников по картине **К. Малевича** «Черный квадрат»]. – Вперед. – 2 апреля 1994.
51. О детях талантливых и не очень [О том, что и в неталантливых детях хороший педагог находит таланты]. – Вперед. – 23 июня 1994.
52. «Копья поют...» [Рассказ академика **Б.А. Рыбакова** о «Слове о полку Игореве», записанный Т. Смирновой]. – Вперед. – 23 сентября 1994.
53. Каким я его помню [Об о. **Александре Мене**]. – Зеркало СП. – 24–30 сентября 1994.
54. «Пегасы жизни и смерти» [Использование творчества самих учащихся при изучении в школе мировой художественной культуры]. – Зеркало СП. – 1–7 октября 1994.
55. В русле течения... [О книге **Г.Л. Дайн** «Игрушечных дел мастера» и о том, что дети теперь не умеют играть]. – Зеркало СП. – 8–14 октября 1994.

56. Искусствовед, этнограф, писатель... [О презентации книги **Г.Л. Дайн** «Игрушечных дел мастера»]. – Вперед. – 11 октября 1994.
57. Русская муза XX века [Об **Ольге Ивинской**]. – Ваш тонус. – 21 октября 1994.
58. Осенний праздник в Абрамцево [О выставке **Н.И. Андропова** в Абрамцевском музее]. – Вперед. – 25 октября 1994.
59. Какой музей нужен нашим детям? [О краеведческом музее школы № 1 в Хотькове и необходимости интерактивного показа экспонатов]. – Краеведческий вестник. – Декабрь 1994.

1995 год

60. Краеведческий музей: каким ему быть? Видеофильмы должны стать дополнением его экспозиции. – Краеведческий вестник. – 14 января 1995.
61. Маугли наших дней [О музее для детей, созданном **Г.Л. Дайн** в Хотькове, и необходимости раннего знакомства детей с музеями]. – Краеведческий вестник. – 18 февраля 1995.
62. Сколько хороших художников [О художниках – ветеранах войны, на выставке «Загорчани в годы Великой Отечественной войны»]. – Краеведческий вестник. – 17 июня 1995.
63. **Трубецкой Андрей**. Пути неисповедимы (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 22 июля 1995.
64. «Как слово наше отзовется?..» [Способ получить отзывы детей о выставке, предложив написать «поэму» или нарисовать запомнившиеся экспонаты]. – Краеведческий вестник. – 22 июля 1995.
65. Его картины лечат [О художнике **Констанине Сергееве**]. – Краеведческий вестник. – 23 сентября 1995.
66. Печеные яблоки [Рассказ художника **К.Ф. Сергеева** о войне, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 23 сентября 1995.
67. «Копья поют...» [Рассказ академика **Б.А. Рыбакова** о «Полку Игорева», записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 23 сентября 1995.
68. «Когда на дачах пьют вечерний чай...» [О девятом празднике поэзии **Бориса Пастернака** в Хотькове]. – Краеведческий вестник. – 21 октября 1995.
69. «Охота к перемене мест...» [О заведующем Отделом современного искусства в Абрамцевском музее **А.И. Куншенко**]. – Краеведческий вестник. – 21 октября 1995.
70. «Я помню военные годы...» [Рассказы поэтесс **Людмилы Кузовкиной, Софьи Солнцевой** и **Веры Евдокимовой** о войне]. – Краеведческий вестник. – 18 ноября 1995.
71. Народное гончарство Московской области XIX – начала XX века [О каталоге коллекции Сергиево-Посадского музея-заповедника,

сделанном **Л.Э. Калмыковой**]. – Краеведческий вестник. – 18 ноября 1995.

72. Искусство лубка, забытое и возрожденное [О творчестве **Л.Г. Ермаиловой**]. – Краеведческий вестник. – 23 декабря 1995.
73. Он был ректором Московского университета 27 дней [О князе **Сергее Николаевиче Трубецком**]. – Краеведческий вестник. – 23 декабря 1995.

1996 год

74. *Князья **Трубецкие** в нашем крае. Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 1996.
75. Природа нашего края [Рельеф, воды, климат, почвы и т. д.]. – Краеведческий вестник. – 20 января 1996.
76. Боевое крещение с собаками [Рассказ художника, участника войны, **Н.В. Ульянова**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 20 января 1996.
77. Скульптор **Паоло Трубецкой**. – Краеведческий вестник. – 10 февраля 1996.
78. Знойный юг Франции в Абрамцево [О панно **Петра Кончаловского**, приобретенных Абрамцевским музеем]. – Краеведческий вестник. – 10 февраля 1996.
79. **Голицын Сергей**. Записки уцелевшего (отрывок). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. 16 марта 1996.
80. **Михаил Александрович Врубель; Владимир Андреевич Фаворский; Владимир Иванович Соколов; Игорь Эммануилович Грабарь** [Краткие заметки к юбилеям]. – Краеведческий вестник. – 16 марта 1996.
81. Дом на Вальной и его обитатели [О **Ю.А. Олсуфьеве, С.П. Мансурове, В.А. Комаровском**]. – Краеведческий вестник. – Апрель. – Март. – Июнь 1996.
82. Они защищали Родину [О братьях **Трубецких – Андрее, Владимире и Сергее**]. – Вперед. – 8 мая 1996.
83. Об одной попытке спасти **Николая II** [По рассказу **А.Е. Трубецкого**]. – Краеведческий вестник. – 22 июня 1996.
84. Князья **Трубецкие** в Ахтырке [Работа подготовлена под руководством Т. Смирновой членами кружка «Юный экскурсовод» Дома творчества детей и юношества]. – Краеведческий вестник. – 20 июля 1996.
85. С юбилеем! [Четверть века отделу современного искусства Абрамцевского музея]. – Краеведческий вестник. – 20 июля 1996.
86. Ему дали имя «Пересвет» [Об эскадренном миноносце, который благословила Лавра, погибшем в январе 1917 г. при подходе к Суэцкому каналу]. – Краеведческий вестник. – 24 августа 1996.
87. **Трубецкие** в Сергиевом Посаде [О семье князя **Владимира Сергеевича Трубецкого**]. – Краеведческий вестник. – 24 августа 1996.

88. **Трубецкой В. С.** Ловушка с тройной репетицией (Охотничий рассказ). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 24 августа 1996.
89. **Илларион Владимирович Голицын** [О встрече **И. В. Голицына** с сергиево-посадскими художниками]. – Краеведческий вестник. – 26 сентября 1996.
90. Художник, изобретатель, моряк... [О художнике князе **Владимире Михайловиче Голицыне**]. – Краеведческий вестник. – 26 сентября 1996.
91. **Дайн Г. Л.** «Вечер был сух, как рисунок углем» [Фрагмент воспоминаний]. / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 26 октября 1996.
92. Ася или первая любовь [Рассказ художника – участника войны, **С. Я. Дунчева**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 26 октября 1996.
93. **Роберт Рафаилович Фальк**. – Краеведческий вестник. – Октябрь 1996.
94. Троицкое подворье в Москве. – Краеведческий вестник. – 7 декабря 1996.
95. **Комаровский А. В.** О нашей жизни в Сергиевом Посаде (1923–1928 гг.). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 7 декабря 1996.
96. «Россия воспрянет» [О презентации книги «Князья Трубецкие. Россия воспрянет»]. – Краеведческий вестник. – 7 декабря 1996.
97. «Святое имя **Карамзин**». – Краеведческий вестник. – 7 декабря 1996.

1997 год

98. **Шик М. В.** Колокольня и колокола [Фрагмент статьи] / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – Январь 1997.
99. Возрождение храма [О восстановлении храма в селе Озерецком и участии в этом **Е. В. Трубецкой**]. – Краеведческий вестник. – Январь 1997.
100. Его нарекли Сергием [О Великом Князе **Сергее Александровиче**]. – Краеведческий вестник. – 1 февраля 1997.
101. Почетный гражданин Москвы [О князе **Владимире Михайловиче Голицыне**]. – Краеведческий вестник. – 1 марта 1997.
102. Что может сказать фотография [О старце Оптиной пустыни **Анатолии** (Потапове)]. – Краеведческий вестник. – 1 марта 1997.
103. Они сняли шапки перед этой женщиной [О поездке **Елены Владимировны Трубецкой** в лагерь к мужу]. – Вперед. – 22 марта 1997.
104. **Аксаков С. Т.** Карп или карпия. (Фрагмент из «Записки об ужении рыбы»). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 5 апреля 1997.
105. **Пастернак Л. О. В. О. Ключевский** – наш лектор. (Фрагмент из «Записей разных лет»). / Публ. Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 5 апреля 1997.

106. В память о событиях Смутного времени [О церкви Зосимы и Савватия в Лавре]. – Краеведческий вестник. – 8 мая 1997.
107. Автопортрет на фоне Лавры [Об автопортрете **Б. М. Кустодиева**]. Краеведческий вестник. 8 мая 1997.
108. «Московский дворик» [О картине **В. Д. Поленова**]. – Краеведческий вестник. – 7 июня 1997.
109. Детские годы академика **Рыбакова** [Интервью с **Б. А. Рыбаковым**]. – Краеведческий вестник. – 5 июля 1997.
110. **Шереметев С.** Свято-Троицкая Сергиева лавра (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 5 июля 1997.
111. **Трубецкая К. П.** Гефсиманский скит. Из воспоминаний. / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 2 августа 1997.
112. **Шмелев И. С.** На богомолье к преподобному Сергию. (Фрагмент повести «На богомолье»). / Публикация Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 6 сентября 1997.
113. **Ряевский С. П.** Из воспоминаний о **Флоренском**. / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 6 декабря 1997.

1998 год

114. *Сергиев Посад начала XX века. Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 1998.
115. *Как били колокола. Выставка. [Буклет]. [Фото **М. М. Пришвина**. Уничтожение колоколов Лавры в январе 1930 г.]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 1998.
116. Священник Петропавловской церкви и его семья [Об о. **Сергии Сидорове**]. – Краеведческий вестник. – 6 января 1998.
117. Художник Сергиева Посада [О художнике **Г. И. Галактионове**, участнике войны]. – Краеведческий вестник. – 6 января 1998.
118. Горбуново [Рассказ **Н. Н. Шумаковой** о жизни в селе Горбуново в 1930-е гг., записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 6 января 1998.
119. **Михалевич (Огнева) О. В.** Рождество в Сараево. Рассказ эмигрантки. / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 6 января 1998.
120. Рождество [Фрагмент рассказа **В. Н. Аверьяновой (Арешкиной)**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 6 января 1998.
121. Спрессованное время **Аладина Гарунова** [О художнике]. – Вперед. – 17 января 1998.
122. Праздник цвета и праздник мысли [О выставке лубка **Л. Г. Ермиловой** и деревянных игрушек **В. А. Ермилова** в Хотькове]. – Вперед. – 29 января 1998.
123. Как венчался **Федор Шаляпин** [О венчании певца с балериной **Торнаги** в селе Гагино под Сергиевым Посадом]. – Краеведческий вестник. – 5 февраля 1998.

124. «Золотые ключики» [Рассказ о детстве **Ольги Павловны Трубачевой**, дочери о. **Павла Флоренского**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 21 февраля 1998.
125. Художник с доброй улыбкой [О **Юрии Васнецове**]. – Краеведческий вестник. – 5 марта 1998.
126. «Бывшие» люди» [Об арестах в Сергиевом Посаде в 1928 г.]. – Краеведческий вестник. – 5 марта 1998.
127. Масленица [Фрагмент рассказа **В.Н. Аверьяновой (Арешкиной)**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 5 марта 1998.
128. Что это такое, детский календарь [О музее, созданном в Хотьково **Г.Л. Дайн** и **Г.П. Осиненко**]. – Вперед. – 21 марта 1998.
129. «Мое Захарово...» [О детстве **А.С. Пушкина** и о посещении Музея-заповедника А. С. Пушкина в Вяземах]. – Вперед. – 28 марта 1998.
130. Вербное воскресенье и Пасха [Рассказ **В.Н. Аверьяновой (Арешкиной)**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 4 апреля 1998.
131. **Раевский С.П.** Семья **Хвостовых**. Фрагмент воспоминаний / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 4 апреля 1998.
132. Оптимизм **Павла Флоренского** [О поэме **П.А. Флоренского** «Оро»]. – Вперед. – 11 апреля 1998.
133. Полной жизнью [Рассказ поэтессы **Людмилы Александровны Кузовкиной**, записанный Т. Смирновой]. – Вперед. – 16 мая 1998.
134. Отклик из Парижа [Копия письма Вологодского управления ФСБ, присланная из Парижа внучкой **Анны Ивановны Хвостовой** о расстреле ее бабушки]. – Краеведческий вестник. – 4 июня 1998.
135. За чашкой чая. Накануне юбилея [Интервью с академиком **Б.А. Рыбаковым**]. – Краеведческий вестник. – 4 июня 1998.
136. Лето в Сергиевом Посаде [Фрагмент воспоминаний **В.Н. Аверьяновой (Арешкиной)** о 1920-х годах, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 4 июня 1998.
137. Как из плохих делают хорошими [О выставке кукол, сделанных детьми, на семинаре в Балашихе]. – Вперед. – 27 июня 1998.
138. Общество забывает, что был 37-й год [О расстрелянных на Бутовском полигоне жителях Загорского района]. – Вперед. – 2 июля 1998.
139. **Раевский С.П.** Семья **Раевских** в доме **Хвостовых**. (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой. – Вперед. – 2 июля 1998.
140. **Казаков А.** Детгородок имени революции 1905 года [О детдоме, открытом в 1925 г. в здании богадельни Лавры]. / Публ. Т. Смирновой. – Вперед. – 2 июля 1998.
141. Поэзия красок [О художнике **А.А. Осмеркине**]. – Вперед. – 16 июля 1998.
142. Нет креста над царской могилой [О гробнице **Бориса Годунова** и членов его семьи]. – Вперед. – 18 июля 1998.

143. SOS! [О захламленности территории Ахтырской церкви]. – Вперед. – 1 августа 1998.
144. Новое в Музее Абрамцево [О создании семьей **Скомороховых** нового туристического объекта – гончарной мастерской]. – Вперед. – 4 августа 1998.
145. Художник-график **П.Я. Павлинов**. [Интервью с сыном художника **П.П. Павлиновым**]. – Краеведческий вестник. – 6 августа 1998.
146. **Самарина-Чернышева Е.А.** Лето в Абрамцево. (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 6 августа 1998.
147. Стихи помогали выжить [О силуэтах к «Евгению Онегину» художника **В.В. Гельмерсена**, сделанных на Беломорканале]. – Вперед. – 11 августа 1998.
148. Памяти **О.П. Трубачевой** [О кончине дочери о. **Павла Флоренского Ольги**, и отрывок из ее воспоминаний о детстве]. – Вперед. – 11 августа 1998.
149. Поле, русское поле... [О Бородинском музее-заповеднике]. – Вперед. – 15 августа 1998.
150. Музыка XVIII века [О лекции, прочитанной **В.П. Павлиновой** в Сергиево-Посадском музее-заповеднике]. – Вперед. – 20 августа 1998.
151. **Раевская Е.И.** У Пушкинского Троекурова был прототип. [Фрагмент воспоминаний **Е.И. Раевской (Бибиковой)**]. / Публ. Т. Смирновой. – Вперед. – 22 августа 1998.
152. Запомните: Овражный, 9 а [Об открытии для посетителей Краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника]. – Вперед. – 1 сентября 1998.
153. Из истории краеведческого музея [О музее, открытом в Сергиеве в 1927 г., и его сотрудниках, в том числе **А.Д. Шаховской**]. – Краеведческий вестник. – 17 сентября 1998.
154. Школьные годы в Сергиевом Посаде [Фрагмент рассказа **В.Н. Аверьяновой (Арешкиной)**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 17 сентября 1998.
155. **Раевский С.П.** Судьба семьи **Раевских**. (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 17 сентября 1998.
156. **Бартрам** – создатель первого Музея игрушки. – Краеведческий вестник. – 17 сентября 1998.
157. Поэт, которого не знали [О **В.Г. Малахивой-Мирович**]. – Вперед. – 26 сентября 1998.
158. Выставка портрета в Абрамцево [О художниках-«шестидесятниках» **А.В. Васнецове**, **И.В. Голицыне**, **Н.И. Андронове**, **Н.А. Егоршиной**]. – Вперед. – 6 октября 1998.
159. Какой это был замечательный профессор и человек [Об ученом-биологе **Иване Флоровиче Огневе**]. Краеведческий вестник. 8 октября 1998.

160. Осень в Сергиевом Посаде (1920-е годы) [Фрагмент рассказа **В. Н. Аверьяновой (Арешкиной)**, записанный Т. Смирновой]. – Краеведческий вестник. – 8 октября 1998.
161. **Толстой** и шахматы. [Лев Толстой бывал в усадьбе князя **С. С. Урусова** Спасское близ Троице-Сергиевой лавры; их связывала любовь к шахматам]. – Краеведческий вестник. – 5 ноября 1998.
162. **Самарина-Чернышева Е. А.** Зима в Абрамцеве. (Фрагмент воспоминаний). / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 3 декабря 1998.
163. «Я памятник себе воздвиг...» [О памятнике **А. С. Пушкина** и скульпторе **А. М. Опекушине**]. – Вперед. – 24 октября 1998.

1999 год

164. ***Сергей Трубачев** (диакон **Сергий**). Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 1999.
165. Старец Зосимовой пустыни [О старце **Алексие Зосимовском**]. – Краеведческий вестник. – 6 февраля 1999.
166. В доме на Пионерской [Об **Огневой Софье Ивановне**]. – Краеведческий вестник. – 6 февраля 1999.
167. Выставка памяти **Сергея Трубачева**. – Русская мысль. – 23–29 сентября 1999. № 4285. – С. 21.
168. Сергиев Посад в жизни **Сергея Трубачева**. – Вперед. – 30 октября 1999.
169. Его имя носил наш город [О **В. Загорском (Лубоцком)**]. – Вперед. – 6 ноября 1999.
170. О судьбе **Марии Осоргиной**. – Русская мысль. – 2–8 декабря 1999. № 4295. – С. 15.

2000 год

171. *Выставка **С. З. Трубачева**. Весь Сергиев Посад. Справочник-путеводитель. – 2000. – С. 132–133.
172. *Мир **Бориса Пастернака**. Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 2000.
173. *Акварели **Владимира Дмитриевича Дервиза**. Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 2000.
174. О неизвестном художнике – графе **Комаровском**. – Русская мысль. – 20–26 января 2000. № 4301. – С. 11.
175. «О книге сей ты вспомани...». **В. С. Соловьев** и **А. Ф. Аксакова** в Сергиевом Посаде. – Вперед. – 22 января 2000.
176. Новый путеводитель по Лавре [О путеводителе для детей **Т. Н. Тимофеевой**]. – Вперед. – 29 января 2000.
177. Музей детского народного календаря [О музее, созданном в Хотькове **Г. Л. Дайн** и **Г. П. Осиненко**]. – Искусство. – Январь 2000. № 4. – С. 11.
178. Русский пейзаж [О пейзажах **А. Саврасова** и **В. Поленова**]. – Искусство. – Февраль 2000. № 7. – С. 16.

179. **Борис Пастернак** летом 1927 года. – Русская мысль. – 16–22 марта 2000. № 4309. – С. 17.
180. Москва, которую мы теряем [О выставке пейзажей **Михаила Всеволодовича Иванова**]. – Вперед. – 1 апреля 2000.
181. **Лев Толстой** и **Леонид Пастернак**. – Вперед. – 22 апреля 2000.
182. **Никита** и **Иван Фаворские**. – Краеведческий вестник. – 29 апреля 2000.
183. Музейный путеводитель для детей и родителей [О путеводителе **Т. Н. Тимофеевой** по отделу народного искусства Сергиево-Посадского музея-заповедника]. – Искусство. – Май 2000. № 19. – С. 15.
184. В мире вееров [О выставке парижских вееров в Музее истории Москвы]. – Вперед. – 10 июня 2000.
185. **Троцкий Лев**. Охота в Заболотье. [Фрагмент книги «Моя жизнь»]. / Публ. Т. Смирновой. – Краеведческий вестник. – 10 июня 2000.
186. Новый путеводитель по архитектурному ансамблю Троице-Сергиевой Лавры [О путеводителе для детей **Т. Н. Тимофеевой**]. – Искусство. – Ноябрь 2000.
187. О **Дервизе**. – Вперед. – 14 декабря 2000.

2001 год

188. *Акварели **В. Д. Дервиза**. – Весь Сергиев Посад. Справочник-путеводитель. 2001. – С. 109.
189. Пастернаковское лето – 2 [О втором поэтическом конкурсе]. – Вперед. – 22 сентября 2001.
190. Детские стихи на празднике поэзии **Бориса Пастернака** [О празднике поэзии Пастернака в Хотькове]. – Вперед. – 27 октября 2001.

2002 год

191. ***Голицыны** в Глинкове. Выставка. [Буклет]. – Сергиево-Посадский музей-заповедник. – 2002.
192. *Пастернаковское лето. Конкурс поэтов. – Весь Сергиев Посад. Справочник-путеводитель. – 2002. – С. 122–123.
193. *Детский народный календарь. – Весь Сергиев Посад. Справочник-путеводитель. – 2002. – С. 138–139.
194. Новая выставка «Образы минувшего» [О выставке графики **М. М. Осоргиной**]. – Краеведческий вестник. – 13 апреля 2002.
195. На презентации было много интересных гостей [Встреча с **Трубецкими**, приехавшими из Франции, на презентации книги «Графика **М. М. Осоргиной**»]. – Краеведческий вестник. – 3 апреля 2002.
196. «С букетом сирени, звезды листопада...» [О конкурсе «Пастернаковское лето 2002 г.». – Вперед. – 21 сентября 2002.
197. Это имя должно просиять... [О выставке **Федора Васнецова** в Абрамцевском музее]. – Вперед. – 24 октября 2002.

198. Архетипы **Гарунова** в Москве [О выставке художника и скульптора]. – Вперед. – 16 ноября 2002.

2003 год

199. *Музей и «Свиток» [О содружестве краеведческого отдела Музея-заповедника и литературного объединения Сергиева Посада]. – Весь Сергиев Посад. Справочник-путеводитель. – 2003. – С. 98.
200. Коза в Абрамцевском музее [О скульпторе **Д. М. Шаховском**]. Вперед. 30 января 2003.
201. ...И три зеленые травинки [О конкурсе «Пастернаковское лето» 2003 г.]. – Краеведческий вестник. – 4 октября 2003.
202. «Мы все родом из детства...» [О книге воспоминаний **В. Н. Сосина** «Солнечный многогранник»]. – Вперед. – 23 ноября 2003.

2004 год

203. «... миров распахнутые двери» [О конкурсе «Пастернаковское лето» 2004 г.]. – Вперед. – 28 сентября 2004.

2005 год

204. Город в снегу. Сергиев Посад в творчестве **Константина Юона** и **Владимира Соколова**. – Кладезь. – Январь 2005.
205. «Внутри прославленных седых стен...» [О Загорском музее-заповеднике в годы войны]. – Краеведческий вестник. – 19 апреля 2005.
206. На поле Куликовом [О поездке на Куликово поле]. – Краеведческий вестник. – 6 сентября 2005.
207. Пронзительное солнце сентября [О шестом празднике-конкурсе «Пастернаковское лето»]. – Вперед. – 17 сентября 2005.

2006 год

208. Осень в Мutowках [О конкурсе «Пастернаковское лето 2006 г.]. – Кладезь. – Октябрь 2006.

2007 год

209. Бутовский полигон. Вспомним поименно наших земляков, безвременно убитых в 30-е годы. – Сергиевские ведомости. – 19 января 2007.
210. Человек божественной энергии [О художнике **И. В. Голицыне**]. – Вперед. – 2 июня 2007.
211. «Метят шишками поэтов» [О конкурсе «Пастернаковское лето» 2007 г.] Кладезь. Октябрь 2007.

2009 год

212. Памяти **Елова**, торговца, старосты и книгоиздателя. – Кладезь. – Апрель 2009.
213. «На чистый лист упали строки...» [О конкурсе «Пастернаковское лето» 2009 г.]. – Кладезь. – Октябрь 2009.

2010 год

214. Из истории одной семьи [О семье **Осоргиных**, а также о **Самариных** и **Трубецких**, оказавшихся после революции в Париже]. – Кладезь. – 27 марта 2010.
215. О чем напомнили два экслибриса [Об **И. Е. Бондаренко**]. – Кладезь. – 27 марта 2010.
216. Осенние краски Пастернаковского лета [О стихах с конкурса «Пастернаковское лето» 2010 г.]. – Кладезь. – 16 октября 2010.
217. Две точки зрения на одного кота [О творчестве художников **Юрия Васнецова** и **Евгения Чарушина**]. – Кладезь. – 16 октября 2010.
218. Библиотека, книги и судьбы [О библиотеке Лавры и **С. П. Мансурове**]. – Маковец. – 2 декабря. – 16 декабря 2010.

2011 год

219. **П. И. Нерадовский**. – Вперед. – 22 января 2011.
220. Непростая история [О крестьянских волнениях в связи с закрытием Троицкого собора в 1920 г.]. – Маковец. – 14 июля – 28 июля 2011.
221. Подвижник науки [Об **Алексее Николаевиче Свиристине**, директоре Сергиевского историко-художественного музея]. – Маковец. – 11 августа 2011.
222. Поньине актуален [О профессоре Московской духовной академии **Сергее Ивановиче Смирнове**]. – Маковец. – 25 августа 2011.
223. Из истории реставрации стенописи Троицкого собора [О **П. И. Нерадовском** и др.]. – Маковец. – 25 августа. – 8 сентября. – 22 сентября 2011.
224. Человек, меценат, созидатель [О **С. И. Мамонтове**]. – Маковец. – 6 октября 2011.
225. Интересная находка [О находке в музейной библиотеке репринта статьи **Ю. А. Олсуфьева** «Обзор русской иконописи в ее формах от XII до XIX века», изданной в Чикаго в 1930 г.]. – Маковец. – 20 октября 2011.
226. «Ты значил все в моей судьбе...» [О 12-м конкурсе «Пастернаковское лето»]. – Маковец. – 20 октября 2011.
227. Лавра и Музей в 1941 г. – Маковец. – 3 ноября 2011.
228. Здесь он начал новую жизнь [О сотруднике музея **И. Ф. Казакове**]. – Маковец. – 17 ноября 2011.
229. Посад запал в душу [О художнике **М. В. Боскине**]. – Маковец. – 17 ноября 2011.
230. К юбилею профессионала [О **Герольде Ивановиче Вздорнове**, специалисте в области древнерусского искусства]. – Маковец. – 1 декабря 2011.
231. Праздник в «Дубраве» [Детские выставка и конкурс в культурно-просветительском центре в Семхозе]. – Маковец. – 24 декабря 2011.

2012 год

232. **Аристарх Лентулов** в Сергиевом Посаде. – Маковец. – 19 января 2012.
233. Рождество по **Чуковскому** [Об иллюстрациях к «Ване и Крокодилу»]. – Маковец. – 19 января 2012.
234. **В. В. Розанов** в Сергиевом Посаде. – Маковец. – 2 февраля 2012.
235. Нет пророка в своем отечестве [О **С. Н. Трубецком**]. – Маковец. – 1 марта 2012.
236. Когда храм стал каменным [О строительстве Троицкого собора Лавры]. – Маковец. – 15 марта 2012.
237. Первый директор [О **Владимире Дмитриевиче Дервизе**]. – Маковец. – 26 апреля 2012.
238. Краеведческий музей в Сергиеве [О музее, созданном в 1920-х гг., и его сотрудниках]. – Маковец. – 17 мая 2012.
239. Царь-дар [О храме **Марии Магдалины** в Сергиево-Посадском районе]. – Маковец. – 28 июня 2012.
240. Сергиев день в 1965 году [По воспоминаниям **Анастасии Дуровой**]. – Маковец. – 12 июля 2012.
241. Цена одного доклада о Преподобном [О краеведе **Михаиле Ивановиче Смирнове**, сделавшем в 1937 г. в Загорском музее доклад о Сергии Радонежском]. – Маковец. – 12 июля 2012.
242. **Борис Пастернак**: язычник или христианин. – Маковец. – 12 июля 2012.
243. Этот загадочный член Комиссии [О **Н. Д. Протасове**, профессоре Московской духовной академии]. – Маковец. – 9 августа 2012.
244. Краеведческие чтения [О Шестых всероссийских краеведческих чтениях и **С. О. Шмидте**]. – Маковец. – 9 августа 2012.
245. О портрете графа **Олсуфьева**. – Маковец. – 23 августа 2012.
246. Бородино [Поездка князя **Н. С. Голицына** в Спасо-Бородинский монастырь]. – Маковец. – 20 сентября 2012.
247. Возведенные и вдохновленные Пожарским [О храмах Казанской Божией Матери в Москве и Покровском в Медведкове]. – Маковец. – 1 ноября 2012.
248. Репрессии: незаживающая боль. – Маковец. – 1 ноября 2012.
249. Рождество в Сергиевом Посаде [По воспоминаниям **В. Н. Аверьяновой, А. В. Трубецкого, А. В. Комаровской, Е. А. Чернышевой-Самариной**]. – Маковец. – 27 декабря 2012.

2013 год

250. Пушкинский краевед [О путеводителе по г. Пушкино]. – Маковец. – 17 января 2013.

2014 год

251. Почетный краевед нашего города **Г. Е. Агеев**. – Хотьковский прорыв. – 2014. № 22–23. – С. 12–13.

2015 год

252. Каким был наш край 90 лет назад [О Хотьковской волости по краеведческому очерку 1926 г.]. – Хотьковский прорыв. – 2015. № 10. – С. 6.
253. Рассказ ветерана [Рассказ **Н. Д. Винокуровой**, участницы войны, записанный Т. Смирновой]. – Хотьковский прорыв. – 2015. № 2. – С. 6.
254. Авторы краеведческого очерка по Хотьковской волости. – Хотьковский прорыв. – 2015. № 10. – С. 7.
255. Влюбленный в Ахтырку [О краеведе **Д. С. Ганешине**]. – Хотьковский прорыв. – 2015. № 13. – С. 7.

* отмечены тексты буклетов музейных выставок и тексты, помещенные в справочниках-путеводителях «Весь Сергиев Посад». Некоторые газетные статьи по требованию редакций подписаны псевдонимами. Использованы псевдонимы Т. Васильева и Е. Борщева.

Примечания

Ваш тонус (Сергиево-Посадская газета)

Вперед (газета Сергиево-Посадского (Загорского) района Московской области)

За Родину (газета Загорского электромеханического завода)

Зеркало СП (Сергиево-Посадская газета)

Искусство (Приложение к газете «Первое сентября»)

Кладезь (Литературное приложение к газете «Вперед»)

Краеведческий вестник (Приложение к газете «Вперед»)

Маковец (Информационно-просветительская газета. Учредитель – Свято-Троицкая Сергиева Лавра)

Русская мысль (Еженедельная газета, издающаяся на русском языке во Франции)

Сергиевские ведомости (газета Сергиева Посада)

Хотьковский вестник (городская еженедельная газета, город Хотьково)

Хотьковский прорыв (информационное обозрение городского поселения Хотьково)

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ИЗБРАННЫЕ ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ

Почему выбраны именно эти статьи? Значительная часть моих газетных статей в дальнейшем вошла в публикации в журналах и сборниках или в книги. Так что не было смысла к ним возвращаться. Были и те, что имели значение лишь в определенный момент, например, связанные с путчем 1991 г. Были и статьи заказные. Так, общество «Знание» требовало публикации статей о проводимых мною мероприятиях. Некоторые статьи были приурочены к какой-нибудь дате, и их значение невелико. Однако были и такие материалы, которые остались только на страницах местной печати, но кажутся мне важными. Выбрать из них было нелегко. Прежде всего, речь идет о тех, которые связаны с незаурядными личностями.

Так, несколько раз я писала о выставках в отделе «Русские художники XX в.» в Музее Абрамцево. Заведующим там был долгие годы А. И. Куншенко, человек, влюбленный в свою работу. Трудно было решить, что выбрать. Предпочла две: о выставке портрета XX века и о «Бубновом валете», хотя Куншенко заслуживает того, чтобы ему, его работе в Абрамцевском музее, была посвящена целая книга.

В одном со мной городе живет замечательный человек – искусствовед, этнограф, писатель Галина Львовна Дайн, наверное, самый знаменитый в нашей стране специалист по игрушке. Я выбрала раннюю свою заметку об одной из первых ее книг – «Игрушечных дел мастера».

А книгу «Детский народный календарь» Г. Л. Дайн оформляла Людмила Григорьевна Ермилова, художница, возродившая искусство русского лубка. О ней, как и о Г. Л. Дайн, я тоже писала не раз. Решила дать заметку о выставке работ художественной семьи Ермиловых. Эта выставка состоялась в 1998 г. в краеведческом отделе Музея-заповедника Абрамцево.

Мне хотелось поделиться своим опытом в работе с детьми и в школе, и в музее. С этой целью выбрала две небольших статьи на эту тему.

Как-то подзабыт в последние годы академик Б. А. Рыбаков. Хорошо, что благодаря С. О. Шмидту две мои газетных заметки о беседах с Б. А. Рыбаковым были опубликованы в «Археографическом вестнике». А третья «опоздала». И я привожу ее ниже.

Во время работы в Сергиево-Посадском музее-заповеднике мне довелось общаться с несколькими художниками. Счастьем было

узнать Иллариона Голицына. Конечно, о нем писали многие. Но мне так хотелось запечатлеть вечер в Академии художеств, посвященный его памяти.

Незаслуженно не получил, на мой взгляд, должного признания Аладин Гарунов. Едва удерживаюсь, чтобы не кричать: «Люди! Посмотрите на эти линии и краски, на древние знаки-символы ... Ведь перед вами гениальный художник!».

Хотя работы художника Михаила Боскина имеются в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, издан только небольшой каталог к его выставке. Пусть он и не был выдающимся живописцем, но жизнь его была тесно связана с Сергиевым Посадом. К тому же он участвовал в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. И я написала о нем.

Увлечшись мастерами, показавшими красоту Лавры, я долгое время не включала Лентулова в число выбранных мной признанных художников. Понадобилось время, чтобы понять его. И оказалось, что об этом художнике, писавшем Сергиев Посад в послереволюционные годы, у меня есть только небольшая газетная статья. Ее я и привожу здесь.

Сохранился у меня журнал «Для детей» 1917 г. И подумалось, что стоит обратить внимание на то, как художник Ре-Ми сумел столь лаконично показать, что дала народу Великая Октябрьская революция. А ведь он всего-то изменил иллюстрацию – концовку к сказке Корнея Чуковского «Ваня и Крокодил»! Маленькую заметку об этом опубликовала газета «Маковец», издававшаяся Троице-Сергиевой лаврой.

Костромской краевед Л. И. Сизинцева все упрекала меня, что я выпустила книги о своем отце Василии Ивановиче и дяде Михаиле Ивановиче Смирновых, но ничего не написала о другом моем дяде – Сергее Ивановиче Смирнове, историке, профессоре Московской духовной академии, И я написала о нем.

Сама я давно уже живу в г. Хотькове, но о замечательных краеведах – Григории Ефимовиче Агееве, занимавшемся историей этого города, и о Дмитрие Сергеевиче Ганешине, много лет посвятившем Ахтырке, усадьбе князей Трубецких, находящейся вблизи Хотькова, мне удалось сделать публикации только в местной газете «Хотьковский прорыв». А также и о том, что в 1926 г. группа местных учителей под руководством А. Д. Шаховской выпустила краеведческую брошюру о Хотьковской волости. Ну как было не дать заметки о них в приложении?

Вот эти газетные статьи.

«Бубновый валет» позади. Что дальше?

Если спросить любого жителя Хотькова, бывал ли он в Абрамцевском музее, обеспечен ответ: «Конечно, и не раз!» А если спросить, бывал ли он в советском отделе? Здесь такого хорошего ответа, пожалуй, не получишь. Что же отпугивает людей? Термин «советская живопись» в сознании многих связан с так называемым социалистическим реализмом, с теми сотнями безликих картин, которые можно увидеть на любой выставке, в школе, больнице, гостинице и т. д. Картин, авторов которых невозможно различить и под страхом смертной казни – всех этих розовощеких пионеров с горнами, красивеньких пейзажей, натюрмортов, которые должны свидетельствовать о повышении уровня благосостояния советского народа.

Поэтому в который раз человек идет в главное здание – усадебный дом (или в летнее время скандалит в кассе, потому что билетов в него не продают). Человек гуляет по парку, заходит в разные отделы музея (и весьма интересные, надо сказать) – кухню, баню-теремок, студию-мастерскую, церковь. Но, как черт от ладана, бежит от советского отдела.

А между тем ... А между тем, это интереснейший и ценнейший отдел музея. Для тех, кто знает живопись, всё скажут имена: Фальк, Кончаловский, Машков, Рождественский, Лентулов, Осмеркин... Для тех, кто не слышал их, скажу так. Это художники, которые заявили о себе еще до революции. Это авангард русского искусства 1910-х годов. Это художники европейского уровня и в то же время очень русские, московские. Впрочем, в ту пору, пору расцвета России, границы были прозрачны. Купцы-коллекционеры Морозов, Щукин покупали во Франции картины Сезанна, Матисса, Гогена, Пикассо. Русские ездили учиться живописи в Париж, в Мюнхен, в Италию. В Москве в выставочных залах вперемешку висели картины французских и русских художников. В Москве, именно в Москве. Такой уж был город – притягивал живописные таланты. Петербургский художник А. Н. Бенуа писал, попадая в Москву, что чувствует себя так, «точно поднялся на высокую гору, где царит здоровье, где ясно светит солнце, где можно жить». В Москве «самый воздух как-то пьянит, дразнит, подстегивает, да и свет там иной, иные во всем краски».

Вот это искусство – здоровое, иногда грубое, порой пугающее, но всегда интересное, бодрящее – и возникло в Москве. У Ильи Машкова даже висел плакат: «В моей мастерской место здоровым и сильным». Группа московских художников назвала свою выставку

«Бубновый валет». Бубновый валет в картах символизирует молодую горячую кровь. Открылась выставка в 1910 году.

Художники часто отличаются долголетием. Эти, прогремевшие в начале 1910-х, напугавшие, поразившие, вызвавшие взрыв негодования одних, восторга – других, не умерли в октябре 1917 года. Они умирали в 40-е, 50-е, 60-е годы. А, следовательно, неизбежно стали называться советскими художниками. Разумеется, за исключением тех, кто оказался за границей, как Михаил Ларионов и Наталья Гончарова, уехавшие в Париж еще в 1915-м.

Каждый прошел свой путь. Все со временем менялись. Но по-разному. Иные как-то быстро погасли, утратили тот здоровый, бодрый заряд молодых сил, пытались приспособиться к требованиям, нет, не жизни, чиновников от искусства. Грустно бывает листать их монографии – кривая стремительно идет вниз. Но некоторые, меняясь, искали новое, не утрачивали мастерства. Были обречены на забвение в течение многих лет, а потом оказалось, что создавали шедевры, которые мы теперь видим.

В Абрамцеве недавно закончилась выставка со старым названием «Бубновый валет». Юбилейная – 80 лет. Вернулась постоянная экспозиция. Постоянная? Нет, это не то слово. «Советский» (я ставлю это слово в кавычки) отдел музея – самый живой отдел. Картины размещены по-новому. Не так, как до «Бубнового валаета». И это замечательно! Человек привыкает и перестает видеть вещь, находящуюся долго на одном месте. Ее переставили, и она снова привлекает наше внимание. Особенно это верно по отношению к картинам – немного другое освещение, иное окружение – и картина видится по-новому.

Конечно, художники представлены в музее с разной полнотой. Наверное, самый большой временной интервал у Роберта Фалька: от «Бутылок» 1910 года до «Хотьковского монастыря» 1954-го. Но Фальк в Абрамцевском музее – это тема отдельного большого разговора. Я приведу лишь одну цитату: «Живопись – это музыка цвета». Слова Фалька. И относятся они к его собственному творчеству, наверное, больше всего.

Но не удержусь: только несколько слов об одной картине – «Репихово. Козы». Как-то по-новому я увидела я ее этой весной. Такую бесхитростную композицию не позволил бы себе, вероятно, ни один художник. И картина получилась, несмотря на небольшой размер, монументальной. Даль дана условно: не цветом, а только перспективой. И возникает ощущение безбрежности, и солнце, солнце, солнце... Кажется, что не оно освещает лужок – солнечный свет идет от самого полотна!

А козы написаны столь артистично, что замирает сердце. В этот раз рядом со мной был заведующий советским отделом музея Алексей Иванович Куншенко. Передал рассказ вдовы художника. Козы вдруг ушли. Фальк как-то даже обиделся – не успел написать их. Тогда жена его принесла соли, пайковой соли (1947 год – соль по карточкам), и приманила коз назад. А сами потом картошку без соли ели, с килькой.

Блестяще представлен в Абрамцеве Василий Рождественский, художник, который как-то часто остается в тени более известных членов объединения «Бубновый валет». Его живопись хочется назвать мерцающей, перламутровой. Шли страшные 30-е годы, суровые послевоенные, а в живописи Рождественского чистый воздух русского Севера, Беломорья, живое серебро только что вытасненных из воды рыб. Ощущение холода летнего утра на Севере. К этому художнику можно отнести слова одного из критиков, сказанного об Анри Матиссе: он «держит свои горести при себе. Он не желает их никому навязывать. Людям он дарит только спокойствие».

А дальше ослепляет Александр Осмеркин. «Натюрморт на фоне Уточьей башни» в угловом залитом светом зале на втором этаже (окна на юг и восток). Полотно кажется промытым и обновленным. В этом году столетний юбилей художника. И, конечно, стоит написать о нем специально.

А сейчас о другом. О том, кто работает уже давно в этом отделе, – человеке, благодаря которому, музейная экспозиция не застыла. И дело не только в перевеске картин. Коллекция музея увеличивается с каждым годом (к сожалению, помещение отдела не расширяется). Конечно, в пополнении коллекции заслуга не только А. И. Куншенко. Вопросы приобретения решают и дирекция, и ученый совет. Алексей Иванович в разговоре со мной все время подчеркивал заслуги других членов музейного коллектива. Оказалось, что часто ездят на закупки целой бригадой. «Психологически это важно, – говорит он. – Вот поехали недавно мы все к вдове художника Попкова. Договаривался я о двух картинах. Предполагали часок посидеть. А просидели 8 часов, два раза чай пили. И отдала нам вдова целый ряд графических работ».

И все же именно Куншенко находит, что купить. Недавно, например, пополнилась экспозиция натюрмортов Евгении Малеиной – удивительно тонким по цвету полотном (недаром ученица Фалька).

Да еще занимается заведующий отделом тем, что записывает на магнитофон рассказы художников и их родных. Но замечательная коллекция записей под угрозой гибели – старые магнитные ленты стали рассыпаться. И нет у него сейчас возможности их переписать.

И еще сырость и холод даже в солнечный майский день пронизывают залы музея. А зимой иногда приходилось и вовсе закрывать.

Но Куншенко не сдается: «Предлагают дать работу Аристарха Лентулова на выставку за границу. Одам, если деньги на ремонт котельной пойдут».

И вот недавно новое приобретение: шесть панно Петра Кончаловского. Ранних, почти никем не виденных. Купец один ему заказал. А увидел и не взял – испугался непривычной живописи. Но, правда, и денег назад не потребовал. Так и лежали полотна долгие годы в чулане, забрызганные побелкой. Насыщенный цвет, яркая и чуть мрачная декоративность. Знойная природа Юга. Художник ездил в Испанию, Италию, во Францию. Оттуда, видимо, такие темы: «Сбор оливок», «Сбор винограда». Пока еще панно висят в кабинете заведующего. Нужна реставрация. Встреча с ними в залах музея еще впереди. Но я уверена – она состоится. Даже в наше трудное время музей найдет возможность провести реставрационные работы.

А уж говорить с Куншенко о живописи – одно наслаждение. Чувствуется глубокое проникновение и к тому же умение несколькими штрихами охарактеризовать художника, сделать сравнение, указать на какую-то деталь, ту, что раньше ускользала от внимания. Так, в картине с репиховскими козами это он показал мне, что не цветом сделана перспектива, а только уменьшением размера сарая, стоящего на заднем плане. Может быть, многое удастся этому человеку потому, что он не только искусствовед, но и сам художник.

Но знаете, что грустно? Прошла мимо нас по залу группа школьников. Нет, не прошла – почти пробежала. Бежать по-настоящему мешали музейные тапочки. Не видят. Александр Блок писал: «Живопись учит смотреть и видеть (это вещи разные и редко совпадающие)». Но эти дети даже не смотрели... Приезжие.

Ну, а если наши дети – хотьковские, загорские? Вы уверены, что они бы видели?

Опубл.: Хотьковский вестник. № 22. 26 июня 1992 г.

Выставка портрета в Абрамцеве

На открывшейся 26 сентября 1998 года в Абрамцевском музее-заповеднике выставке «Русский портрет XX века» я вспомнила высказывание Ю. А. Олсуфьева о возрождении изобразительных искусств в России в конце XIX века (статья «Иконопись» в сборнике «Троице-

Сергиева лавра», 1919). Французские художники-импрессионисты, как он считал, первыми противопоставили творческий подход к изображаемому объекту стремлению художников-реалистов сделать живописное изображение возможно более близким внешне к натуре. Сто лет назад в России было создано «Мир искусства» – объединение художников и мыслителей во имя прекрасного. Затем возникли многочисленные иные творческие направления вплоть до кубизма. И Олсуфьев находит сходство этих направлений с древнерусской живописью. Именно в творческом подходе к изобразительству художников конца XIX – начала XX века он видит возрождение искусства, которое и привело к пониманию иконописи Древней Руси.

Мы знаем, что на смену творческим поискам в начале 1930-х гг. пришел социалистический реализм сталинского времени. Многообразие направлений осталось в прошлом. Лишь очень немногие художники сохранили тогда свое лицо. Но вот настала известная хрущевская оттепель, и заявила о себе группа художников так называемого «сурового стиля». Люди старшего поколения еще помнят, как громил их Хрущев после выставки в Манеже. Однако они не изменили выбранному направлению.

На открывшейся выставке хорошо представлены работы именно этих художников-«шестидесятников»: А. В. Васнецова, И. В. Голицына, Н. И. Андропова, Н. А. Егоршиной. Колорит большинства их работ очень сдержан. Характерна недоговоренность. Лица портретируемых порой едва намечены. В них надо вглядываться и вдумываться.

Превосходен впервые выставленный в Абрамцеве портрет А. В. Васнецова, сделанный Н. А. Егоршиной четверть века назад. Невозможно пройти мимо. Холст словно вибрирует серовато-голубыми тонами. Я подошла к Андрею Владимировичу, спросила о портрете. Он сказал, что художница попросила его посидеть всего часок. Может быть, поэтому, думаю я, портрет оказался удивительно свежим.

А такая работа самого А. В. Васнецова, как портрет Насти Васильцевой, давно находится в экспозиции. Но сейчас он засиял по-новому на новом месте. И глядя на него, обязательно вспомнишь, что Васнецов не только живописец, но и художник-монументалист – так величественен портрет этой молодой женщины, завернувшейся в полосатый коричнево-черный платок.

Особенно привлек мое внимание один из портретов Иллариона Владимировича Голицына. В Абрамцевском музее этот художник представлен впервые. Перед нами не просто портрет – скорее портрет-картина: странная темно-зеленая комната, окно под

потолком. Отсчитывают время ходики. На стенах икона и картинка с кораблем. А внизу притулился маленький седой старичок с длинной белой бородой, словно вышедший из сказки. Это сказитель и певец былин, писатель и этнограф Б. В. Шергин, потомок архангельских кораблестроителей и мореходов. Жил он в Москве, в комнатухе – бывшей келье Рождественского монастыря, где его и писал художник. Но еще Шергин с 1938 года много лет жил на даче в Хотькове. В дневниках он немало написал о Хотькове, о Троице-Сергиевой лавре, о природе этих мест.

И. В. Голицын
Портрет Б. В. Шергина
Литография. 1968

Посетители найдут на выставке много известных имен. Некоторые работы увидят впервые, например, портреты П. П. Кончаловского, Н. А. Удальцовой из частных собраний. Впервые встретятся и с портретом композитора Хачатуряна, написанным Е. В. Пастернаком, женой известного поэта, ученицей Р. Р. Фалька.

На выставке есть также скульптура и графика. И еще – большое мастерство экспозиции, чем всегда отличается отдел «Русские художники XX века» Абрамцевского музея.

Опубл.: газета «Вперед». № 110, 6 октября 1998 г.

В русле течения...

Я удивилась, увидев последнюю книгу Г. Л. Дайн «Игрушечных дел мастера». Черной обложке удивилась. Открыла – лоскутное одеяло, да какое веселое! Ну, прямо далеким детством пахнуло. Только почему же обложка черная, если книга об игрушке?

Стала читать и поняла: это книга не об игрушке. Это книга о России, России, которую мы потеряли.

Книга сделана из цветных лоскуточков-очерков. Очерков о труде. О праздниках. О детях. О взрослых. О ладе. О том ладе, в котором жили люди.

Вот очерк о богородских резчиках. И мы видим, что в семье был глава – отец. Именно глава семьи. Дети сызмальства приучались

Г.Л. Дайн.

ставили в Богородском на Пасху!

И я вспомнила, как в этом году приехала со школьниками в Сергиев Посад на День города. Мы подошли к дворцу им. Ю. А. Гагарина. Там были выступления детских фольклорных коллективов и еще аттракционы, устроенные Домом творчества детей и юношества города. Мои шестиклассники наотрез отказались смотреть выступления. Конечно – шумно, не слышно, да и не видно толком. Но еще, может быть, ребята сердцем почувствовали фальшь. На Руси все эти пляски и хороводы были не выступлением перед зрителями, а действием. Не смотрели на них, а участвовали.

Дети хотели играть. Но у каждого нехитрого аттракциона моментально образовывались очереди из таких же жаждущих развлечений. Как же изголодались дети по игре! Мои ребята перебегали от одной очереди к другой, почти никогда не имея терпения дожидаться. Праздник оказался не праздником, а бессмысленной толчеей и стоянием в очередях.

Повела я детей обратно на вокзал. Они задержались на Блинной горке. Там взрослые дяди распевали в микрофон частушки одна другой похабнее.

И тут ребята захотели пойти в городской сад, что возле Лавры, на качели. Я не была там много лет. Но помнила, что раньше были отличные платные качели, карусели и другие аттракционы.

Пришли мы. Боже мой! Все разломано, все разорено. Только 3–4 лодки-качели все же на ходу. На них и бросились ребята. Это и стало для них праздником. Не зрителями они хотели быть. И так целые дни перед телевизором они зрители. Они сами хотели играть. Сами.

Что же случилось с нами? Ведь были же хорошие качели еще во времена моего детства, и гигантские шаги во дворе были... Нами

к труду. Выучивались мастерству возле взрослых, в основном родных. И обязательно получали вознаграждение. Не просто так деньги на пряники давали, а награждали за работу. Свои – заработанные деньги.

Будни и праздники в семьях резко отличались. В будни долго и много работали. А в праздники умели веселиться. Какие были забавы, игры, обряды! Какие качели

утрачена культура праздника. Этим летом я столкнулась в детском городском лагере с тем, что дети не умеют играть. Они сидят или дерутся. А таких игр, как «Гуси-гуси! – Га, га, га...», штандер, классики, не говоря уже о лапте и городках, они просто не знают. Раньше мы учились как-то сами от старших детей. Оказалось, что теперь потеряна культура игры.

Веду я детей в музей и вижу: для них бросить обертку от жвачки или мороженого на асфальт так же естественно, как дышать. Да, я могу заставить поднять бумажку. Но почему надо это сделать, ребенок не понимает. Он живет в мире мусорных куч, раскуроченных автобусных остановок, поломанных скамеек, грязных луж. Для ребенка это норма жизни.

Мы потеряли элементарную культуру. Мы потеряли лад в семье, в обществе. Какими вырастут эти дети? Будут ли они любить свой город, свою Родину?

Конечно, и раньше бывало, что нарушался лад, ритм жизни, как пишет Г. Л. Дайн: «Его разлаживали пожары, “морушка-дворушка” (эпидемия), неурожаи. Привычный ритм жизни взрывали такие потрясения, как революция, раскулачивание и коллективизация, когда “силком загоняли в колхозы”, отнимали землю и скот ... Проходило время, и с трудом, потихоньку восстанавливалось течение деревенской жизни, входило вновь в ритм».

Может быть, еще не поздно? Может быть, еще не все потеряно, и мы сможем уладить нашу жизнь? Вычистить наши города и поселки, замостить дорожки, починить скамейки, зарыть траншеи? Научить детей играть? Вернуть настоящие праздники?

Или следующее поколение потеряно?

Опубл.: Зеркало СП. 8–14 октября 1994

Праздник цвета и праздник мысли

Так сказал о выставке Ермиловых скульптор Ю. П. Хмелевской. Мамонтом абрамцевско-кудринской резьбы по дереву назвала Василия Алексеевича Ермилова искусствовед Е. С. Галуева на открытии выставки. В его работах не мертвое следование традициям, а глубокое понимание их и тонкое чувство дерева. Резьба у него часто сочетается со скульптурой – фигурками коня, оленя с кудрявыми рогами, токующего глухаря, завернувшейся кольцом рыбки, что делает вещи особенно милыми.

А в последние годы В. А. Ермилов создает деревянные раскрашенные игрушки. И как же отличаются они от надуманных колючих игрушек прославленного Варганова! У игрушек Ермилова обтекаемые формы, гладкие поверхности – они так и просятся в руку. Это свистульки, коньки на колесиках и качалках, карусель, качели. Все весело, ярко раскрашено и покрыто лаком.

Людмила Григорьевна Ермилова лет десять назад увлеклась русским лубком и делает в стиле лубка линогравюры. Одни ее графические листы поражают яркой декоративностью, другие – переливами серебристых красок, напоминающими северное сияние, – Ермилова родом с Севера. Весь прошлый год она работала с искусствоведом Г. Л. Дайн над созданием «Детского народного календаря». Дайн рассказывает об играх, обрядах русской деревни, в которых участвуют дети. Каждый рассказ сопровождается картинкой Л. Г. Ермиловой. И раз в месяц он появляется на первой странице газеты «Искусство», а Д. С. Лихачев и другие корифеи публикуются на следующих страницах.

Самобытные декоративные композиции Ермиловой могли бы стать отличительной особенностью нашего района. Именно они, а не уныло переписанные в тысячный раз многими художниками виды Лавры. Разве не стала бы, например, привлекательней булочная, украшенная листом «Русские пряники»?

Л. Г. Ермилова – выпускница Абрамцевского художественно-промышленного училища. Она окончила еще художественный факультет Московского технологического института и преподает в родном училище, превратившемся в колледж. Это же училище окончил их старший сын Алексей. Сейчас он учится в Строгановском. Его керамика и графические работы дополняют выставку.

А без помощи младшего сына Гриши, – считает Людмила Григорьевна, – выставка бы не состоялась. Пока все занимались искусством и готовили выставку, Гриша домой денежки принес: выдали в Хотьковской больнице зарплату за несколько месяцев. Грише 16. Он работает санитаром и собирается стать врачом. Еще в семье есть бабушка, настоящая северянка. Она испекла для Г. Л. Дайн жаворонки, какие приняты на Севере.

Кто-то на открытии выставки упомянул и ермиловских кошек. Две кошки живут в их доме. Муся – гордая особа, привезенная из Архангельска, невероятно пушистая и большая, тоже трудится: позирует Людмиле Григорьевне. А маленькая подброшенная Ириска с тонким хвостом пока отъедается. Кошки тоже члены этой дружной творческой семьи.

Опубл.: Вперед. 29 января 1998.

«Пегасы жизни и смерти»

К детскому творчеству может быть два подхода: научить ребенка рисовать («ставить ему глаз», как ставят руку, обучая игре на музыкальном инструменте) или дать ему возможность свободного самовыражения в творчестве. При проведении занятий по мировой художественной культуре я предложила учащимся 8 и 10 классов Хотьковской школы № 4 сделать декупажи, то есть вырезки из бумаги с последующим наклеиванием. Мысль об этом возникла при изучении творчества французского художника Анри Матисса, который много работал в этой технике, особенно, во время болезни.

Темы работ не были оговорены. Выполняли их школьники совершенно самостоятельно дома или в классе после уроков. Результаты превзошли ожидания: учащиеся обобщали форму и цвет, интуитивно чувствовали композицию. Работы были самые разные – декоративные, абстрактные, символические ...

Исключительной и смелой декоративностью отличается, например, декупаж «Лебедь в море», построенный на двух контрастных цветах: ярком светло-синем цвете фона и оранжевом (!) – лебедя. Фигура лебедя, состоящая из трех элементов, напоминает обобщенностью и пластикой наскальные изображения эпохи неолита и ... русскую народную вышивку.

«Мальчик, держащий шары, внимательно смотрит на лебедя» – таково название другой работы. На ней изображены белый лебедь

на фоне синего водоема, светло-зеленая фигурка мальчика и красные шары. С чем сравнить ощущение радости, чистоты и свежести, которые вызывает эта работа?! Разве с «Пейзажем в Овере после дождя» Ван Гога.

А вот «Дискометатель» – напряженная фигура несколько мрачного серо-синего цвета с маленьким красным диском в руке. Может быть, в этой работе сказалось впечатление от таких декупажей Матисса, как «Икар» и «Копьеметатель».

«Полет черных лебедей» – стремительные очертания летящих птиц и неожиданная инверсия – синие облака на белом фоне. Эта работа не исчерпывается одной декоративностью, впрочем, как и «Дискометатель».

Декупаж «Так пахнут цветы после дождя» можно отнести к абстрактным работам. Разноцветные пятна – то ли капли, то ли лепестки, как брызги разлетелись от центра листа, от загадочной спиральной фигуры. Композиция необычайно музыкальна, у меня она вызывает ассоциации с японской поэзией.

Неожиданным было тяготение некоторых детей к символизму. Вот невероятная работа «Пегасы» – Пегас смерти (черный, под его ногами горит земля) и Пегас жизни (розовый, под его ногами расцветают цветы).

Стилизованные кубизованные пегасы напоминают какие-то древние знаки-символы.

О философском отношении детей к миру говорят названия работ: «Трудная цель жизни», «Возрождение добра», «Смысл жизни», «Каждому своя дорога», «... но жизнь продолжается», «Вход в белое». «Выйдя на свет» и другие.

Сложной и интересной мне представляется работа «Суд» – одновременно и декоративная, и символическая. Особенно хорошо найдена мера стилизации в фигуре с молотком, Выразительна маска палача.

Возможность самовыражения, на мой взгляд, важнее для детей, чем умение грамотно рисовать. Да, нельзя стать художником, если не умеешь рисовать. Но художниками станут немногие. А вот личностями, хотелось бы, чтобы стали все. И в этом становлении не последнюю роль может сыграть собственное творчество детей, не стесненное никакими рамками.

И если поддержать в детях желание самовыражения, будет легче приобщить их к восприятию мировой художественной культуры.

Стоит отметить, что сделали декупажи 64 % учащихся 8 класса и только 25 % – 10-го. Я думаю, что знакомить школьников с авангардным искусством XX века нужно не в 11 классе, как положено по программе, а гораздо раньше. В 8 классе примерно половина учащихся, побывавших в Третьяковской галерее, назвала среди наиболее понравившихся картин супрематическую композицию Любови Поповой, а в 10-м классе такого мнения придерживался только один человек. С возрастом многие дети теряют свою способность к изобразительному творчеству и не могут понять и почувствовать живопись, отличную от фотографии.

Опубл.: Зеркало СП. 1–7 октября 1994 г.

«Как слово наше отзовется?..» **[О работе с детьми в музее]**

Поэт утверждал, что это «нам не дано предугадать». И он, конечно, прав, когда речь идет об отдаленном будущем. Но если хочется узнать, как отозвалось наше слово сейчас? Что было услышано, понято? Такая проблема всегда стоит перед педагогом, перед экскурсоводом. И если педагог может провести опрос в классе, задать письменную контрольную работу, то экскурсовод в музее такой возможности лишен.

Самый простой способ, которому меня научили в краеведческом отделе Абрамцевского музея-заповедника, – предложить детям после экскурсии подойти к тем экспонатам, которые больше всего понравились (заинтересовали, запомнились). Этот способ очень быстрый, доступен большинству детей любого возраста. Он дает им возможность еще раз посмотреть экспозицию в зале, сравнить, оценить и выразить свое мнение. Он может быть использован и на выставке картин, и на выставке каких-либо предметов.

Но у этого метода есть и недостатки. Иногда стадное чувство побуждает детей останавливаться у одного и того же экспоната. Трудно экскурсоводу, особенно если группа большая: ребенок, стоящий у выбранного предмета, после того, как к нему подошел экскурсовод, обычно перемещается. И понять, кто уже спрошен, кто нет, почти невозможно. Да и запомнить ответы – тоже.

Но если предложить детям записать свои впечатления в книгу отзывов, – еще хуже. Как правило, ничего, кроме «выставка понравилась».

вилась» и «спасибо», они не напишут. Конечно, если дети придут с учителем литературы или истории, он может потом предложить написать сочинение об увиденном в музее. Но оказывается, что многое уже забыто. Да и пишут сочинение не потому, что хочется выразить свое мнение, а потому, что задано. К тому же мнение детей в этом случае может узнать только учитель, а не экскурсовод.

Что же делать?

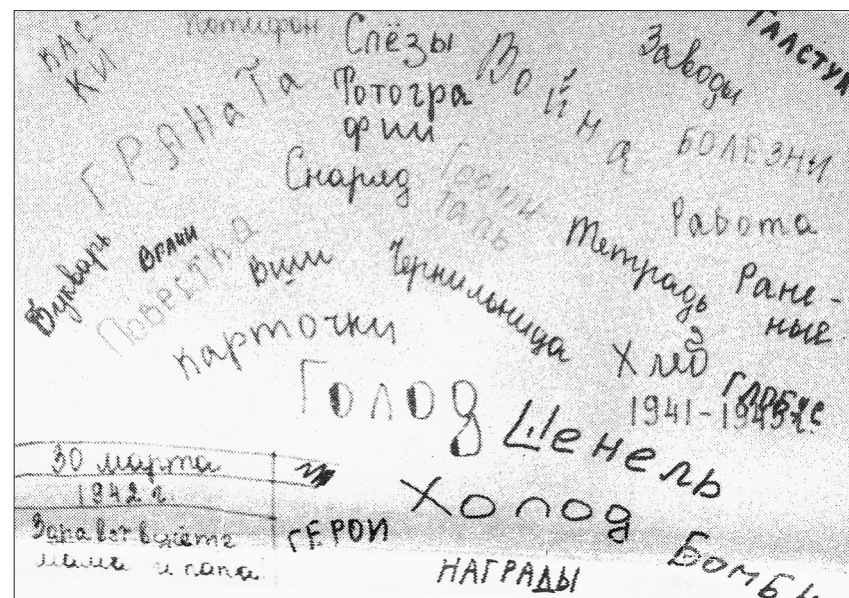
Мной было предложено детям в конце экскурсии написать «поэмы» о выставке по образцу «Железобетонных поэм» футуриста Василия Каменского. Было показано факсимильное воспроизведение сборника его поэм 1914 года. Футуристы в то время культивировали авторский почерк. Их новации распространились и на печатную книгу, примером чего и служит это издание. Стремление раскрепостить слова вызвало такое своеобразное сочетание поэзии, графики и игры.

Дети быстро понимали, чего я от них хочу. Получив небольшие куски ватмана и фломастеры разных цветов, они принялись за работу. Вряд ли стали бы они так увлеченно трудиться, если бы я просто попросила написать о выставке или в столбик перечислить те предметы, которые привлекли внимание. Но возможность написать связанные с выставкой слова буквами разной величины и разного цвета, разрешение писать по вертикали, наискось, вверх ногами и пр. внесло игровой элемент в задание. Даже те, кто в первый момент не включился в работу, а предпочел еще побродить по выставке, потом не выдержали и попросили бумагу.

Обработка таких «отзывов» требует значительных затрат времени. Но музейный работник будет вознагражден, если ее проделает. Можно, например, подсчитать частоту употребления слов, обозначающих тот или иной экспонат выставки, или долю слов, связанных с тем или иным ее разделом. Так, на выставке «Загорчане в годы Великой Отечественной войны» детей естественно больше всего привлек раздел «Школа, дети»: к нему относились 22 % всех написанных слов. На втором месте оказались предметы, показывающие быт военного времени – 18 %. Видимо, сказывалось и то, что оба эти раздела были наиболее «театрализованы».

Слова, связанные с темами «промышленность», «медицина», «раскопки на местах боев», а также те, которые можно объединить названиями «документы», «награды», составили от 5 до 8 % (для каждой темы) от общего числа написанных слов.

Интересно, что на долю общих понятий (Родина, смерть, голод, отвага и т. п.) пришлось 15 % слов.

Детский «отзыв» о выставке

Слова, обозначающие вещи, которые не могли быть показаны на выставке (слезы, хлеб, вши, пулемет и пр.), составили 10 %. Возможно, здесь сыграл роль рассказ экскурсовода или всплыли воспоминания о каких-то прочитанных (слышанных) рассказах (фильмах) о войне, а также отразились впечатления от картин, находящихся на выставке.

Такой метод позволяет определить, какой раздел не воспринимается детьми. Так, на упомянутой выставке «неработающим» для младших школьников оказался раздел «Оборона города», хотя экскурсовод подробно на нем останавливался.

Везде ли может быть использован этот метод? К сожалению, в большинстве музеев нет для этого условий: нет места и не предусмотрено экскурсионное время. Понятна стесненность музеев. И всё же, может быть, стоит немного сократить площадь экспозиции и выделить место для такой деятельности. Это не обязательно должно быть комната со столами и стульями. На нашей выставке дети располагались на ступеньках, на полу с ковровым покрытием, принимая свободные позы. Некоторые малыши ложились на живот, что придавало еще более неформальный характер происходящему.

А время на эту работу просто должно быть запланировано при проведении экскурсии.

Я обращаюсь к родителям и педагогам: приводите к нам детей небольшими группами (не более 15 человек). Учитывайте, что после экскурсии минут 20–30 дети будут писать, а маленькие – рисовать. Предупреждайте, что надо взять с собой бумагу (лучше листы из альбомов для рисования) и фломастеры или ручки.

Не забудьте, что выставка «Загорчани в годы Великой Отечественной войны» состоит из двух больших разделов: краеведческой выставки и выставки произведений художников-участников Великой Отечественной войны. Лучше всего, если дети познакомятся с этими разделами отдельно, придя два раза. И договаривайтесь предварительно об экскурсии.

Опубл.: «Краеведческий вестник». 22 июля 1995 г.

«Накануне юбилея. За чашкой чая»

3 июня академику Б. А. Рыбакову исполнилось 90 лет. Накануне юбилея с ним беседовала Т. В. Смирнова, сотрудник краеведческого отдела Сергиево-Посадского музея-заповедника.

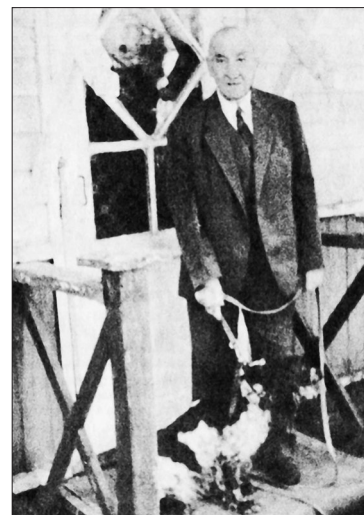
В квартире академика книжные полки не только в комнатах, но и в коридоре. Книги грудami лежат на огромном письменном столе, на креслах и стульях, на диване. Впрочем, фрагмент дивана почему-то свободен от книг. Оказывается Руслан – спаниель Бориса Александровича – освободил себе место, просто сдвинув книги.

Хозяин предлагает мне чаю. На столе сервиз в стиле модерн. И я спрашиваю:

Это старинный сервиз?

Это кузнецовский фарфор. В 1913 году родители взяли меня в путешествие по Волге. В Рыбинске мы вышли и побывали на фарфоровом заводе. Я тогда набрал много фарфоровых шариков. А сервиз подарил моему отцу сам Кузнецов. Отец тогда занимался организацией Старообрядческого педагогического института. Кузнецов был старообрядцем. Да почти все крупные купцы и фабриканты были тогда из старообрядческих семей. Они умели трудиться, не пили, отличались высокой нравственностью – вот и богатели. Имела значение, должно быть, и взаимная поддержка единомышленников.

Традиционный вопрос: над чем Вы сейчас работаете?

Академик Б.А. Рыбаков
на даче с Русланом

Над книгой «Судьбы славян от Геродота до Нестора». Это обобщающий труд. В него будут включены и некоторые старые мои работы, публиковавшиеся в разных журналах (в необходимых случаях с поправками-примечаниями), и новые.

Значит, книга охватывает примерно 15 веков?

Нет, 25. Ведь Геродот заглядывает на тысячу лет назад.

Вы написали несколько книг о языке славян. Как Вы считаете, что дошло с языческих времен до наших дней?

Отзвуки языческого прошлого сохранились в словах, в топонимических терминах, некоторых обычаях, играх, сказках. Ну, вот в вашем городе есть Красногорская площадь. Такие названия: Красная гора, Красный холм встречаются сотни раз. В Древней Руси это были священные места. Видимо, молящиеся на горе чувствовали себя возвысившимися над уровнем обычной жизни, как бы приближенными к небу. И многие христианские храмы потом тоже возводили на возвышениях.

Мы называем христианскую церковь храмом. Откуда это слово? Языческое святилище было сооружением круглой формы. Круг – «хоро» или «коло». Этот же корень в словах хоровод, хор, колесо, в имени языческого бога солнца Хороса. И святилище называли – «хоромы». Это слово сохранилось для большинства светских построек, а неполногласная форма «храм» – для церковных.

Или слова с корнем «род» – родина, народ, природа, родник, урожай, рожь... Все помнят главного языческого бога Перуна, может быть, потому, что святой князь Владимир, приняв христианство, приказал бросить его статую в Днепр. Но ведь Перун был сделан главным в пантеоне богов в результате языческой реформы, проведенной этим князем всего лет за восемь до принятия христианства. Древний культ бога Рода в научной литературе долго не упоминался. Это ошибка. Род – всеобъемлющее божество Вселенной в представлении древних славян.

Мы употребляем слово «лялька» в значении ребенок, кукла, игрушка и слово «люлька» – колыбель. Это воспоминание о богине

Леле, дочери Лады. Лада – богиня весенне-летнего плодородия, покровительница свадеб, а Леля олицетворяет весеннюю зелень, расцвет обновленной природы.

И когда мы говорим: «Ладно»...

Мы подтверждаем согласие, клянясь именем языческой богини.

А еще в моем детстве была игра «А мы просо сеяли, сеяли...». Там такой припев: «Ой, дид-Ладо, сеяли, сеяли...».

Да, в этой игре отражаются и весенние полевые работы, и весеннее свадебное время. Календарно она была раньше приурочена или к «Красной горке», или к Троицыну дню.

А что еще осталось от языческих времен?

В вашем музее-заповеднике много таких экспонатов: прялки, вышивки, народные костюмы. В них отразились языческие верования.

А если говорить о городе – посмотрите на дома. На Севере сохранилось больше элементов языческого мировоззрения в архитектуре и убранстве домов. В центральной России, конечно, меньше. Но обращали ли Вы внимание на наличники окон?

Да, окна большинства деревянных домов у нас с наличниками и имеют карнизы. Когда я еду из Хотькова в Посад на автобусе, то вижу карнизы двух типов: у одних карниз ровный, горизонтальный, у других в середине полукруг или как бы двускатная крыша «домиком». Причем два эти типа карнизов – я считала – встречаются примерно поровну.

В Древней Руси люди верили, что через окна могут проникнуть злые силы – навьи, связанные с миром мертвых. Поэтому обрамлению окон придавали большое значение. Часто в наличниках было изображение небосвода, «хлябей небесных», солнца, растений, архаичные изображения богинь-рожениц. Такие наличники связаны с новгородской славянской колонизацией. Это те, где есть полукруг – небосвод или двускатная крыша. А наличники с ровным карнизом – напоминание о финно-угорских (мерянских) племенах, заселявших эту местность. Славяне были земледельцами, зависели от дождя и солнца. А охотничьи лесные племена небосвод не изображали.

Вы говорили у нас в музее на лекции, что сказка на Калиновом мосту о встрече людей «с чудищами хоботистыми» восходит к временам, когда люди охотились на мамонтов, то есть к палеолиту, А что Вы скажете о других народных сказках?

Фольклор с этой точки зрения изучен еще недостаточно. Такие волшебные сказки, как сказки о Бабе-Яге, Кощее Бессмертном, сестрице Аленушке и братце Иванушке, Царевне-Лягушке, Иване-

Царевиче и Сером Волке, Медведе с отрубленной лапой и многие другие связаны с реальными событиями и языческими верованиями древних славян. Я писал об этом в своих книгах.

Что бы Вы пожелали нашему краеведческому отделу?

Я понял, что Ваш отдел занимается XX веком. Но интересно то, что материалы XX века, которые Вы собираете, порой восходят к корням, родившимся в первобытное время. Ведь новое наслаивается на старое, а не уничтожает его. Современные материалы, созданные людьми нашего времени, многогранны, так как предметы каждой эпохи могут иногда отражать понятия глубокой древности.

Перед вами стоят серьезные задачи, большой объем работы. Надо успеть собрать экспонаты, представляющие XX век. Ваш отдел должен быть тесно связан с жизнью города, района. И я желаю Вам, чтобы вы находили поддержку у администрации района и у его жителей. В этом залог вашей успешной работы.

Опубл.: Краеведческий вестник. 4 июня 1998 г.

Спрессованное время Аладина Гарунова

Имя этого художника кажется пришедшим из сказок «Тысячи и одной ночи». Он горец, родившийся в дагестанском ауле. Техника его работ суперсовременна. Не только красками пишет он картины, но вводит в композиции фотографии, фрагменты ткани, бытовые предметы, зажженные керосиновые лампы. Делает инсталляции из старых вещей. Даже следы на песке становятся у Аладина Гарунова произведением искусства.

Его работы говорят языком линий и пятен, воздействуя на подсознание. Но их нельзя отнести полностью к абстрактной живописи. Они насыщены знаками-символами, пришедшими из древнейших времен и равно близкими людям разных национальностей и вер.

Пять параллельных полос на картине, как след пяти пальцев. Следы пальцев и отпечатки намазанных краской рук во множестве сохранились в пещерах Западной Европы. Сделаны они были десятки тысяч лет назад, во времена палеолита. По мнению ученых, это был подготовительный этап к осознанному творчеству. Что хотел сказать первобытный человек, оставляя след своей рук? Может быть: «Это я! Я существую!».

Символы многозначны. Их смысл меняется со временем, порой забывается. И хозяин сакли в горах Дагестана может сказать про высеченную в камне над входом кисть руки, что это отсеченная в бою рука – символ победы. А русская крестьянка не объяснит, почему на полотенце она вышила женскую фигуру, поднявшую вверх руки с гипертрофированными кистями.

В Белом море на Заяцких островах в далекие времена люди выкладывали из камней лабиринты. Есть разные мнения об их назначении. В Дагестане лабиринт высекают над входом в жилище, чтобы заблудился злой дух. И Гарунов часто изображает на картинах лабиринты, делает лабиринты-инсталляции.

Такие знаки, как древо жизни, солнце в виде креста в круге, спираль, постоянно присутствуют в картинах художника. Это древнейшие знаки-символы, возникшие в те времена, когда человек поклонялся силам природы, когда еще не родились ни Христос, ни Магомет. Символы эти пробуждают в человеке ощущение, что все мы – дети Матери-Земли, всем нам дает жизнь Солнце.

И спираль, которую изображали древние славяне на трипольских сосудах 7–8 тысяч лет назад, и спираль, которую в наше время рисуют дагестанские женщины на знаменитых балкарских сосудах, и спираль на картинах Аладина Гарунова – что это? То ли моленье о дожде (изображение свернувшегося ужа), то ли спираль времени? Или это движение человечества к какой-то высшей цели? Такая мысль приходит при взгляде на картину Гарунова «Зиккурат», напоминающую одновременно и о минарете аль Мальвия IX века в Ираке, и о башне III Интернационала Владимира Татлина.

У древних славян одежды со спущенными длинными рукавами были ритуальными. Изображение танца в такой одежде есть в Радзивилловской летописи. Это заклинание сил природы отразилось, как считает академик Б. А. Рыбаков, и в известной сказке о Царевне-Лягушке. На пиру у царя она спрятала в рукава косточки от съеденных лебедей и вылила в них часть вина. Потом пошла плясать, размахивая рукавами – разбросала лебединые косточки, разбрызгала вино. И вот на картине Гарунова «Посвящение Малевичу» мы видим

А. Гарунов
Спираль III
Х., м. 1993

горцев в одеждах с очень длинными рукавами. Оказалось, что такие шубы-накидки шил отец художника, а длинные рукава служат у горцев карманами, как у Царевны-Лягушки.

На нескольких полотнах Гарунова возникают фигуры, отдаленно напоминающие людей. Это антропоморфные стелы, которые ставят в Дагестане на могилы. Но ведь антропоморфен и Троицкий собор – усыпальница преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре.

В Дагестане есть обычай привязывать с молитвой полоски ткани, оторванной от одежды, к ветвям дерева, которое стоит у родника или мавзолея праведного человека. Священные деревья есть кое-где и в глухих местах России. А в Москве в галерее А-3 (Староконошанный пер., 39) на выставке Аладина Гарунова «Размышления о времени» стояло настоящее дерево со множеством разноцветных полосок материи. Каждый мог привязать и свою ленточку с покаянием, просьбой, надеждой...

Опубл.: Вперед (сергиево-посадская газета). № 5. 17 января 1998 г.

Человек божественной энергии [О художнике Илларионе Голицыне]

В Белом зале Академии художеств полно народа. Стульев не хватает. Пустует лишь одно место. Перед ним на столе – охапка цветов. Здесь сидел Илларион Голицын, член Президиума Академии.

Это вечер его памяти.

Многие в нашем городе помнят его. Раз увидев, забыть нельзя. «Громокипящий Голицын» – называли его. И вот нелепая гибель под колесами машины.

Друг его, художник Дмитрий Жилинский говорит:

– С самого начала он был плохой живописец. И вот...

Перед нашими глазами в зале сияет, лучится энергией, бурлит большое четырехчастное панно «Красные комнаты». Последний вариант...

Помню – я у Голицына впервые. Пьем кофе в кухне. Спрашиваю:

– Где нашли Вы такой интерьер для ваших картин?

– Мы же были сейчас в этой комнате!

Не узнала... Цвет стен реальной комнаты тусклый, приглушенный. А на картинах...

И.В. Голицын
Автопортрет

Те, первые «Красные комнаты», висели у нас в Конном дворе на выставке «Князья Трубецкие в нашем крае».

И были потом другие «Красные комнаты». Он писал их снова и снова. На его персональной выставке в Академии они стали светлыми, полными радости.

Сейчас перед нами последние – 2006 года. Других уже не будет. Их красный цвет то сгущается, становясь почти багровым, то высветляется, пульсирует, бьется, живет.

Вспыхивают красным детали одежды многочисленных портретов на стенах комнат. Красная скатерть. Букет красных роз...

Красный – красивый. Красный – русский. В нем энергия солнца и энергия крови. Цвет – победитель. Он ликует, затопляет все пространство. Всплески зеленого – темно-зеленого, ярко-зеленого, серо-зеленого. И рядом с ними еще ярче бушует красный цвет.

Были плохие этюды в юности... Но отец говорил:

– Ларюшка, рисуй!

Из заключения, умирая от голода, писал:

– Ларюшка, рисуй! Всегда рисуй.

И он рисовал. Рисовал всегда, везде. И вот...

Из выступлений:

– Он был одной из мощных ветвей рода Голицыных. А это значит: ум, благородство, высокая духовность.

– Он много мудрого говорил. Кем заменить? Нужно в Президиум из семьи кого-то, чтоб голицынская мудрость была. (Зураб Церетели).

– Он погружен был в ту среду, которая породила великий род Голицыных. В его творчестве – прорывы в космос.

– Он не был серьезным.

– Он был дерзкий, игровой человек. Кто, кроме него, читал стихи на вернисажах? Державина, Пушкина, Мандельштама...

– А когда Хрущев громил «формалистов»? Хрущев: «Ты что там, в красной рубашке, смеешься? А ну иди сюда. Говори». Илларион: «Я плохо умею говорить. Лучше разрешите – я стихи почитаю».

– Он играл в стихи, играл в искусство. Играл там, где появлялся.

Помню, как на выставке «Голицыны в Глинкове» в нашем музее он набросился на меня:

– Почему на этикетке написано «Неизвестный»? Будет тетя Соня держать на руках какого-то неизвестного?! Вы что не видите, что это я?

Иллариону Владимировичу на той фотографии два месяца...

Незадолго до гибели он побывал в Черногории. Там в музее увидел картину XVIII века – группа молодых русских князей. Петр I послал их в Черногорию учиться корабельному делу. Илларион Голицын всех увлек розысками. Сам написал картину с группой местной интеллигенции на фоне того музейного полотна. И при вести о его трагической гибели на домах Черногории появились траурные венки. Местный обычай.

Пусть эти строки будут венком художнику, человеку божественной энергии, Иллариону Владимировичу Голицыну.

Опубл.: Вперед (сергиево-посадская газета). 2 июня 2007 г.

Поныне актуален

[О профессоре Московской духовной академии

С. И. Смирнове]

В июле 1916 г., скончался профессор Московской духовной академии по кафедре Истории Русской Церкви, преемник знаменитого историка русской Церкви Е. Е. Голубинского. Происходил Сергей Иванович Смирнов из семьи священника села Большая Брембола под Переславлем-Залесским. Рано научился читать. После Переславского духовного училища и Вифанской духовной семинарии поступил в МДА, окончил ее в 1895 г. В течение всех лет обучения занимал по успехам первые места в классе. Один из его однокурсников вспоминал: «Он буквально весь уходил в занятия». На первом курсе номер, «в котором пришлось обитать С. И., был проходным; здесь была “большая дорога” в чайную из других номеров. С. И. занимал крайнее к “большой дороге” место. Несмотря на постоянную ходьбу мимо него и шмыганье, он совершенно прямо сидел на стуле часами и, не отвлекаясь, делал свое дело: читал, выписывал, переписывал и пр.».

Е. Е. Голубинский в последние годы своей жизни, когда потеря зрения лишила его возможности работать, диктовал приходившему его навещать Сергею Ивановичу свои воспоминания. За несколько часов до кончины своего учителя, он поцеловал умирающего в губы

Профессор МДА С.И. Смирнов

и в правую руку, написавшую книгу о преподобном Сергии, основателе Троице-Сергиевой лавры.

Другим учителем Смирнова был В. О. Ключевский. Он руководил первыми самостоятельными учеными шагами Сергея Ивановича. Никогда Смирнов не мог говорить о нем спокойно, без чувства какого-то особого благоговения.

Список печатных трудов Смирнова, составленный библиотекарем МДА К. М. Поповым, насчитывает 135 наименований. Часть работ осталась неопубликованной. Большие

научно-исторические труды Смирнова посвящены истории и бытовой характеристике древнерусского института духовничества и покаянно-исповедальной дисциплине в Русской Церкви. Опубликовал он и ряд миниатюр о древнерусской жизни, в которой христианские обряды сплетались языческими. Например, о том, как раньше говели, как праздновали Пасху и Крещение, о таком пережитке языческого культа, как обряд исповеди Земле, и др. Он писал эти этюды по историческим источникам и по наблюдениям народного быта, особенно в своей родной стороне – Берендеевом царстве. Можно сказать, что данью родине стало и сочинение Смирновым подробного жития милосердного подвижника Даниила Переславского к 400-летию созданного им монастыря.

Перу Смирнова принадлежит и ряд некрологов, а также статей памяти профессоров МДА: А. В. Горского, Е. Е. Голубинского, В. О. Ключевского, А. П. Голубцова и др. В обычае тогда было писать обширные некрологи (некролог самого Смирнова насчитывает 23 страницы), так что их можно рассматривать как персоналии.

Смирнов много занимался работой, переданной ему Ключевским: редактированием издания Житий Святых. Некоторые Жития составлены им самим по рукописям, разысканным в разных монастырях и библиотеках страны. «Все научные работы Сергея Ивановича, – по словам профессора М. М. Богословского, – отличаются широтой эрудиции, ясностью приведенной мысли, точностью выражений, стройностью плана и красотой языка».

Принял он участие и в журнальной полемике 1902–1903 гг. о задачах православного монашества. Остановимся немного подробнее

на его статье «Как служили миру подвижники Древней Руси», так как вопрос не потерял актуальности и в настоящее время. В начале XX века выступали в печати как сторонники деятельного участия монастырей в жизни народа, так и те, кто полагал, что суть монашеского делания – молитва, идеал – забота о спасении собственной души. Смирнов, будучи историком русской православной Церкви, подробно описал, как решался этот вопрос, начиная с XI века, с заветов преподобного Феодосия Печерского. Тот указал монахам четыре формы служения миру: молиться за мирян, быть их учителями, их заступниками и заниматься благотворительностью. Программа, начертанная Феодосием, оставалась неизменной и общеобязательной, по крайней мере, до середины XV в. А затем монашество разделилось на две партии: последователей Иосифа Волоцкого, спасавшего крестьян в неурожайные годы от голодной смерти, и белозерских старцев, выступивших проповедниками строго созерцательного монашества. Смирнов показал, что древнерусский мир видел помощь из святых обителей во всех решительно сторонах жизни. Он был на стороне тех, кто считал, что монастыри должны взять на себя помощь народу в голодные годы, устраивать больницы, школы, заниматься призрением сирот. И мы видим, что, несмотря на большие траты в связи с реставрационными работами, Лавра во многом следует сейчас заветам древних подвижников. Можно лишь пожалеть, что на страницах «Маковца» эта сторона жизни ее монахов мало находит отражения.

Жизнь Смирнова оборвалась, как недописанная книга, не доведенная до заключительной главы. Он оставил пятерых детей и жену, не дождавшись решения о пенсии (хлопотал о ней ввиду болезни). Не было у него и собственного дома. Судя по многочисленным письмам к нему, он жил то в Казенном академическом доме, то снимал квартиру в разных частных домах Сергиева Посада.

Его архив хранится в Отделе рукописей РГБ.

Статья о профессоре С. И. Смирнове включена в Московскую православную энциклопедию, так как он с 1907 г. до конца жизни был также приват-доцентом Московского университета по кафедре истории Церкви, читал историю Церкви на Высших женских курсах Полторацкой в Москве, являлся действительным членом Московского общества истории литературы и действительным членом Императорского Московского общества истории и древностей российских.

Опубл.: Маковец). № 15. 25 августа 2011 г.

Посад запал в душу [О художнике М. В. Боскине]

Еще только начав работу в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, при отборе на выставку картин художников-участников Великой Отечественной войны я увидела в фондах картину, написанную, как показалось, французским художником: уличное кафе, дамы в шляпках начала XX века ... Но оказалось, что автор – местный художник Михаил Васильевич Боскин. Прошли годы. При подготовке зала, изображавшего крестьянский двор на выставке «Голицыны в Глинкове», мне удалось достать восемь открыток со сценами русской крестьянской жизни, выпущенных в Стокгольме акционерным обществом Гранберг. Автором картин был тот же М. В. Боскин. Работы были необыкновенно яркие и красочны. Я разместила их на насыщенном темно-зеленом фоне в специально заказанных рамках, и стена просто осветилась. Но сами картины числятся пропавшими. Возможно, они экспонировались на Международной Балтийской выставке 1914 года в шведском городе Мальмё. Картины русских художников тогда в связи с Первой мировой войной и последующими событиями остались в Швеции. Часть была каким-то образом потом утрачена. Известно, что сейчас в музее этого города сохранилось 59 картин русских художников. Они были показаны в Мальмё на Выставке пропавших русских картин в 2007 г. Но были ли среди них картины Боскина, мне узнать не удалось.

А еще Боскин был членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры.

Однажды ко мне попала рукопись (черновик), написанная сыном художника – Сергеем Михайловичем Боскиным. Родился Михаил Васильевич Боскин в 1876 г. в большой крестьянской семье. (Именно этот год указан его сыном). Родиной его была деревня Кореловщина, Гдовского уезда (от Гдова 40 верст), Петербургской губернии. В селе было 30 домов, стоявших на берегу Белого озера. «Рыбу ловили круглый год, у всех были лодки. Кругом необозримо – клюквы, брусники», – писал С. М. Боскин, видимо, со слов отца. – Миша с детства втянулся в крестьянский труд. Непосильно тяжела была расчистка полей от валунов. Из-под сохи переваливалось не столько земли, сколько мелкого камня. Бессонные “ночные” были отдыхом. У большого костра до тридцати ребят. Рядом пасутся лошади, вокруг рыскают волки, а то и медведи бродят. Страшновато, но весело... Безудержно тянуло Мишу рисовать: найдет уголок – и пол, и стены – все в рисунках».

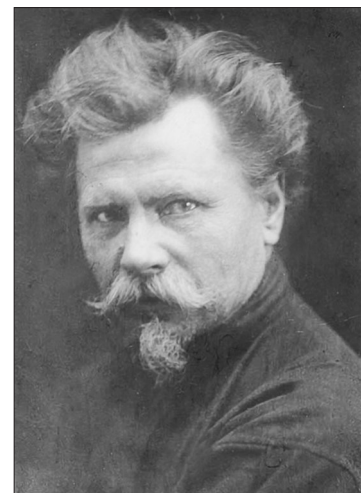
Уже в тринадцать лет мальчик отпраздновал с отцом на зиму в Питер на заработки, на табачную фабрику. А на следующую зиму, уходя из дому, захватил с собой рисунки и показал их в Рисовальной школе Общества поощрения художеств. Его приняли. После окончания школы он еще три года состоял вольнослушателем в Академии художеств.

По словам С. М. Боскина, первые работы его отца приобрел на одной из петербургских выставок председатель Московского общества любителей художеств П. С. Окопишников, после чего пригласил его в свое подмосковное имение Комлево на реке Рузе. Два лета проработал там художник. (Тут ошибка – Павел Сергеевич Окопишников, богатый купец, был вице-президентом Общества рысистых лошадей, а не художеств. Очевидно, он, как было тогда принято, являлся меценатом. Его усадьба Комлево числится сегодня среди туристических объектов Рузского района).

М. В. Боскин поселился в Москве. Участвовал в выставках Московского товарищества художников. Потом, уже с семьей, прожил 1907 год в Сергиевом Посаде, а на следующий год, оставив семью в Москве, поехал на полгода в Париж. Но Посад, видно, запал в душу: «С разных сторон, издалека, тянулась лапотная Русь, с пошком. К тому же Троицкие базары...» (С. М. Боскин). И в 1911 г. Михаил Васильевич купил в Сергиевом Посаде двухэтажный дом. В нижнем этаже устроил мастерскую.

Все нарушила Первая мировая война: сократилась продажа картин, меценаты «сжежились», как выразился С. М. Боскин. В 1919 г. художник отправил семью на Тамбовщину, надеясь спасти от голода. (Так сделали еще несколько посадских семей, например, Голубцовы). Продал дом, частично получив за него продуктами. Так что, когда в 1921 г. семья вернулась, пришлось строить дом своими руками, тесный и убогий по сравнению с тем, который был.

А в октябре 1918 г. М. В. Боскин, был приглашен на работу в качестве члена Комиссии по охране памятников Лавры. Его подпись стоит рядом с подписями Ю. Олсуфьева и П. Флоренского под Актом

М. И. Боскин

описи обнаруженных наиболее ценных предметов ризницы Лавры, которые были спрятаны в целях наилучшей их охраны в особом помещении при ризнице. С декабря 1918 по апрель 1919 г. он занимался приемкой тканей и шитья XVIII–XIX веков. В его докладах Комиссии за этот период перечислены сотни вещей. Затем ему была поручена приемка серебряных предметов ризницы. Кроме того, Боскину была поручена охрана ценностей абрамцевской усадьбы: он получил мандат на приемку художественных сокровищ в имении Абрамцево (6 декабря 1918 г.) и удостоверение Комиссии по охране памятников Лавры на сношения по делу охраны имения Абрамцево (21 января 1919 г.).

Трудно установить точно, когда Михаил Васильевич выбыл из Комиссии. В феврале 1919 г. его имя встречается в списках служащих Комиссии на получение махорки, мыла, мануфактуры, а в июле того же года в списке желающих участвовать в закупке ненормированных продуктов. Позже его имени в документах Комиссии уже нет.

С 1923 г. Боскин начал вести занятия в Художественной студии. Разрабатывал образцы росписи кустарных изделий. С 1927 г. работал декоратором в Сергиевском драматическом театре. Продолжал рисовать, писать картины, участвовать в выставках. В конце 1929-го он заболел. Скончался 18 марта 1930 г.

Прошло уже почти четверть века с тех пор, как в Загорском музее состоялась персональная выставка М. В. Боскина. И мне так и не удается увидеть так заинтересовавшую меня картину «Парижское кафе».

Опубл.: Маковец. 17 ноября 2011 г. № 24.

Рождество по Чуковскому

Кто не помнит этих строк:

*Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папирсы курил,
По-немецки говорил, –
Крокодил, Крокодил, Крокодилович.*

Первая публикация «Вани и Крокодила» Корнея Чуковского растянулась на целый год. Печатался он в ежемесячном журнале «Для детей» – приложении к известной «Ниве». И редакция из месяца в месяц извещала, что «Продолжение этой потрясающей истории будет напечатано в следующих номерах». Происходило это в 1917 году, столь богатом событиями в нашей истории.

Не буду излагать ни содержания известного произведения, столь полюбившегося детям, ни его толкований критиками. Хочу обратить внимание на иллюстрации, сделанные графиком Ре-Ми, художником-сатириком (Николаем Ремизовым). Вот Крокодил, изгнанный из Петрограда, возвращается в Африку. Всем зверям он привез подарки. А детишкам?

Оказалось, что им он привез самый главный подарок:

*Вот вам елочка душистая, зеленая,
Из далекой из России привезенная,
Вся чудесными увешана игрушками,
Золочеными орешками, хлопушками...*

*А теперь и нам, зверям, на Рождество
Развеселое тут будет торжество!
То-то свечки мы на елочке зажжем,
То-то песенки мы елочке споем...*

И звери радостно пускаются вокруг елочки в пляс. Художник дал к этим событиям замечательные «картинки».

Но потом между людьми и зверями происходят серьезные военные столкновения. Напомним, что действие разворачивается в 1917 году. Однако, как и положено сказке, все кончается общим примирением. И доблестный Ваня Васильчиков, герой произведения, открывает клетки зоопарков и выпускает зверей на свободу с напутствием:

*«Да будет пища ваша —
Лишь чай да простокваша,
Да гречневая каша
И больше ничего».*
(Тут голос раздался Кокоши:
— «А можно мне кушать калоши?»
Но Ваня ответил: «Ни-ни!
Боже тебя сохрани!»).

Сказочная повесть заканчивается рождественскими праздниками:

*Вот и сочельник. Веселая елка
Будет сегодня у серого волка.
Много там будет веселых гостей!
Едемте, дети, туда поскорей!*

И тут, в конце, художник изобразил и самого Чуковского, и Крокодила, который пришел к нему в гости, и Ваню, и, конечно, елку с хороводом зверей.

Но наступил год 1919. «Суровый, бесхлебный и безбумажный». И эти стихи Чуковского Петросовет издал отдельной книжкой. Иллюстрации сделал тот же художник. Только кое-что изменил. Нет веселого хоровода. Печальные сидят под елочкой зайчик и лисичка, а над ними каркает ворона. На елке ни одной игрушки. Что ж — это вполне отвечало настроению 1919 года. Сам Чуковский писал, что на Рождество (7 января 1920 г.) его дети положили под елку подарки родителям: фунтики с кусочками хлеба, который им давали в гимназии — в течение месяца они копили и сушили хлеб.

Этот рисунок я нашла в интернете. А вот тех, первых, с елочкой, с хороводом, в интернете нет. Я взяла их из журнала 1917 года. Журнал этот был у меня всю жизнь. И до меня побывал в руках многих детишек. Так что где-то край картинки оборван, раскраска цветными карандашами портит черно-белую графику. Но ведь это говорит лишь о популярности произведения Чуковского, которое он в первом издании назвал просто «стишками» и предназначил «Для самых маленьких детей».

Опубл.: Маковец. 19 января 2012 г. № 1.

Аристарх Лентулов в Сергиевом Посаде

В Переславль-Залесском музее-заповеднике есть небольшая картина «У Черниговской». Великолепное сочетание многокрасочной, отдающей в синеву зелени и кирпичных строений – невысокая стена, башенка. Но в пейзаже какая-то напряженность. Еще не тревога, нет...

Это работа Аристарха Лентулова (1882–1943). Он – художник необычайно яркий, праздничный, безудержно радостный, один из бубноволетцев – объединения московских художников, полных молодого задора, дерзости, азарта. Петербургский художник Александр Бенуа писал, что в Москве самый воздух как-то пьянит, дразнит, подстегивает... Искусство там, может быть и грубое, и сырое, а иногда и прямо страшное, пугающее, но всегда интересное, захватывающее, волнующее и бодрящее». Эти слова полностью могут быть отнесены к Лентулову. Он, пожалуй, самый динамичный, самый увлекающийся из художников этого направления.

Вот его «Василий Блаженный» (1913). Собор представлен нам одновременно в разных ракурсах. И как же автор стремится передать эту безудержную фантазию форм и красок! Ему мало тех возможностей, которые дает живопись: он наклеивает на купола золотые звезды из фольги! Мы видим ту «цветодинамику», которую Лентулов провозгласил основным принципом своей работы.

А в панно «Звон (Колокольня Ивана Великого)» (1915) звон такой силы, что раскачивает колокольню. Кажется, – звуковые волны расходятся по холсту. «Это сквозь живопись прошла буря» – писал Велимир Хлебников. Добавим, что в 1909–1910 годах композитор А. Н. Скрябин создал симфоническую поэму «Прометей», где был осуществлен синтез цвета и звука. И в 1918-м Лентулов получил невероятно его увлекший заказ на оформление театральной сцены для исполнения этого произведения.

Среди других членов объединения «Бубновый валет» Лентулов выделяется обилием картин, где участвуют храмы (участвуют – именно так хочется сказать). Он писал и Москву с ее «сорока сороками», и Иверскую часовню, и Иерусалимский монастырь, и еще много церквей. Может быть, это связано с тем, что родился он в семье священника, окончил духовное училище, поступил в семинарию... Верх взяла тяга к живописи. Но впечатления детства сказались.

И, конечно, он не мог не обратить взор на Троице-Сергиеву лавру. Только приехал Лентулов к Троице поздно – видимо, впервые в 1919-м. Потом он бывал, даже жил в Сергиевом Посаде вплоть

до 1923 года, написал целую серию пейзажей. Но ничего нет праздничного в его работах того времени. Он пишет Лавру. Но пишет ее, увиденную сквозь сухие деревья: «Пейзаж с сухими деревьями и башенкой» (1920). «Пейзаж с сухими деревьями и высокими домами» (1920) ...Высокие дома заслоняют Лавру, надвигаются на нее. Деревья тянут мертвые ветки. Тяжелые, темные краски... Хочется закрыть глаза и не видеть, не видеть ничего, укрыться, уйти.

Объясняют перелом в искусстве Лентулова различными причинами: от влияния живописи Дерена и Сезанна до возникшего вдруг стремления к реализму. А может быть дело, прежде всего, в том, что Лавра, закрытая и поруганная, произвела на него столь тяжелое впечатление?

1921 год. Лентулов сообщает в письме художнику А. В. Куприну: «Я работаю в Лавре всё, кроме Лавры». В Лавре – значит, в Посаде, вернее уже просто Сергиеве. Вот его картина «Сергиев Посад» (1921). Нет сухих деревьев и высоких домов. Нет и Лавры. Только видна Пятницкая церковь на Подоле. С покосившейся главкой, словно ее пытались свернуть. Небо с рваными облаками, почти черная листва деревьев, тусклый красный цвет. Не хочется жить в таком городе.

Год 1922-й. «Улица в Сергиевом Посаде». Вполне реалистичный пейзаж. И место узнаваемое: проспект Красной Армии, справа так называемый 4-й дом Советов, слева частично видна Старая лаврская гостиница. Между ними мелкие домишки. Телега, лошаденка, человек с клюкой, еще какие-то люди, столб с многочисленными электрическими изоляторами и в параллель ему изогнутый голый ствол липы. «Скучно жить на этом свете, господа!», повторил бы, глядя на этот пейзаж, Н. В. Гоголь.

Тяжелым катком проехалось время по художникам, так недавно молодым и дерзким. Еще долго жили и Аристарх Лентулов, и Илья Машков, и Петр Кончаловский. И так грустно рассматривать их альбомы с репродукциями картин, расположенными по хронологическому принципу.

А что же та небольшая картина «У Черниговской» с фрагментом ограды Черниговского скита Лавры и буйной зелени деревьев? Ее датируют 1919–1920-м годами. Должно быть, она из ранних работ Сергиево-Посадского периода в жизни художника. Он тогда только предчувствовал будущее. Но еще не знал, каким оно будет.

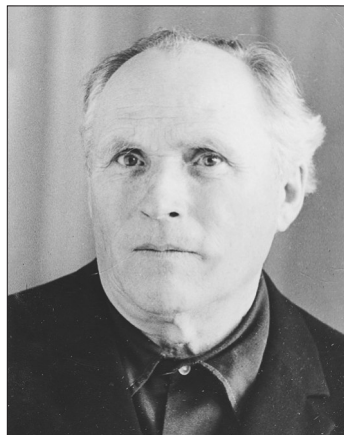
Почетный краевед нашего города Хотьково Г.Е. Агеев

Григорий Ефимович Агеев (1913–1999) прожил в городе Хотьково 46 лет. Оставил по себе самые добрые воспоминания, прежде всего, у тех, кто учился в школе, где он был директором и преподавателем истории. А созданный им краеведческий музей и сейчас находится в Хотьковской школе № 1. В 1994 году своим близким он оставил записки о прожитых им 80-ти годах. Вот что мы можем узнать об этом человеке.

Родился Григорий Ефимович в деревне Самарино Липецкой губернии в семье сельского учителя. Было у него шестеро братьев и сестер. Мать умерла, когда Григорию было пять лет, так что отцу пришлось жениться снова, и родились еще дети. Отец стремился дать детям образование и отправил Григория и двух его сестер учиться в г. Ливны, за 50 верст от родной деревни. Школа, которую он там окончил, давала право преподавать в начальных классах.

У Агеевых было хозяйство: две лошади, корова, десяток овец, поросенок. Дом – под железной крышей, скотный двор, амбар и две летние пуньки. Из техники – косилка и ручная соломорезка. На лето приходилось нанимать работника. В 1929 году в этой местности началась коллективизация. Как водится, обложили хозяйство твердым заданием. Пришлось продать лошадь и корову. Отец, поняв, что выплатить налог все равно не удастся, уехал в Донбасс, устроился рабочим-грузчиком. Скоро и остальные члены семьи последовали за ним, а хозяйство было полностью разорено, все постройки сломаны. Самого Григория Ефимовича приняли на шахту учителем неграмотных и малограмотных рабочих. Он вместе с комсомольцами принимал участие в клубной работе, выступал в самодеятельности, ездил в колхозы с «Синей блузой». Были тогда такие агитационно-театральные бригады.

Но была тяга к учебе, хотелось поступить в институт. И он уехал в Москву. Устроился чернорабочим на Опытный маслобойный завод, получил временную прописку. Потом поступил в Строительный

Г.Е. Агеев

техникум. Все шло хорошо, но приехал один земляк и донес, что он сын кулака. Из техникума исключили. Пришлось опять идти на производство. Устроился на гвоздильный завод «Пролетарский труд» на Красной Пресне. Дали место в общежитии, в бараке. Больше трех лет он проработал в волоочильном цехе.

«1932–1936 годы были для меня самыми интересными годами, годами юности и влюбленности, годами активной деятельности в комсомоле», – вспоминал Григорий Ефимович. Но после убийства Кирова, начались чистки. И его исключили из комсомола. Через некоторое время восстановили, но в летнюю школу, куда был призван, не взяли – все из-за того же происхождения.

Тут возникли проблемы со здоровьем. Пришлось вернуться к профессии педагога. Стал он преподавать в школе рабочей молодежи на родном заводе, потом в средней школе. И поступил на вечернее отделение Московского педагогического института, на географический факультет. Работал, учился и не огорчался тем, что домой, в Балашиху, приходилось возвращаться в 12 ночи. А к тому времени у него уже была семья.

В 1939-м Агеев был принят кандидатом в члены партии. Вскоре его назначили комсоргом той школы, где он учительствовал, а потом перевели в аппарат райкома комсомола инструктором. Эта работа была ему не по душе. Недолго пришлось поработать и в газете «Вагранка», заместителем редактора. Вот эта работа заинтересовала. Но уже через несколько месяцев Агеева направили в Высшую партийную школу. Преподавали там видные ученые. Но учиться ему было трудно. Большинство студентов поступали в ВПШ уже с законченным высшим образованием, а он к тому времени прошел лишь три курса географического факультета. Но все же экзамены за первый курс сдал. Было это летом 1941 года.

Школу в октябре 1941-го эвакуировали. Агеев получил направление в Омск. С женой и дочерью жены Светланой ехали к месту назначения целый месяц. В Омске его приняли в аппарат обкома партии. Он рвался на фронт, но получал отказы. Почти все время пришлось ему быть в командировках: посевная, уборочная, хлебозаготовки ... Вот нарисованная им картина того времени: «Тракторный парк был изношен до основания. Приходилось пахать на лошадях, на коровах, а то и копать вручную лопатами. Смотреть на все это, было тяжело. А чем мог помочь уполномоченный обкома? Да ничем, кроме сочувствия. Питание на полевых станах скудное – горошница постная. Посевные, как правило, затягивались до июня. Оттого хлеб созрел

поздно, а то и попадал под мороз. Тогда зерно получалось шуплое, только на корм скоту. Однако и такое везли на элеватор в счет госпоставок. Говорить о натуральной оплате колхозникам не приходилось. Жили крестьяне за счет своего приусадебного хозяйства, платили налоги, подписывались на военные займы. Главным продуктом был картофель. Потери зерна на уборке очень большие. В южных районах ветер выбивал зерно из колосьев на 40–50 %, дожди в северных районах затягивали уборку до сентября–октября. В 1943-м проходила подписка на заем. Она шла с трудом. Приходилось агитировать крестьян даже в присутствии милиционеров. “Вы за Советскую власть или против?” – спрашивал председатель сельсовета. А то и угрожали оружием».

А вот вывод Агеева по поводу обкомовских уполномоченных: «Это бездельники, которые мешали работать секретарям райкомов. Сидели, собирали сводки и ждали, когда можно будет вернуться домой».

В 1942 году в Омск привезли из Ленинграда детей трех–пяти лет. И Григорий Ефимович решил усыновить ребенка. Выбрал мальчика русоволосого, как сам. Родители его погибли при бомбежке. А другой мальчик, темноволосый, сказал: «Дядя, возьми меня». Всю жизнь Агеев не мог забыть этот момент.

В сентябре 1944 года пришел вызов – всех слушателей ВПШ вернуть в Москву. Через год Агеев окончил школу, и недолгое время проработал в Министерстве иностранных дел. Года через два почти всех выпускников ВПШ из МИДа уволили. Время было голодное – 1947 год. Работы в Москве не было. И он, встретивши своего знакомого по Омскому обкому партии, согласился переехать в город Курган. Опять на партийную работу. Вскоре пошел на повышение – секретарем горкома районного города Шадринска. Но тут ему пришлось столкнуться с клеветой, подсиживанием, всевозможными придирами. И пришлось проститься с партийной карьерой. Сам он об этом не жалел. По-прежнему его больше привлекала профессия учителя. Он уже готов был держать экзамены по программе исторического факультета, но по распоряжению обкома к экзаменам его не допустили. Был 1952 год. Поехал он в Москву искать правду. Время шло. Приближалось первое сентября, детям надо учиться, а характеристики с последнего места работы все не присылают.

Поехал Григорий Ефимович с семьей в Загорск, к сестре жены. Устроились в ее маленьком домике, на полу. Наконец, пришла характеристика из Шадринска. И получил Агеев должность директора Хотьковской школы № 1. На этой должности проработал он 23 года.

По его воспоминаниям видно, с каким энтузиазмом он взялся за это дело. Энтузиазм передавался и школьникам. Ребята с воодушевлением участвовали во всех хозяйственных делах: копали котлован под котельную, траншею под теплотрассу, под фундамент пристройки к школе, подносили кирпичи каменщикам. Построили при школе крольчатник, развели кроликов. И, конечно, много трудились на колхозных полях – убирали картошку, свеклу, морковь и капусту. Школа участвовала и во всех районных смотрах художественной самодеятельности и технического творчества.

Но самой большой заслугой школы и своей Григорий Ефимович справедливо считал создание школьного краеведческого музея, которому было присвоено звание народного.

В 1975 году Г. Е. Агеев ушел на пенсию.

В 1980 году издательство «Московский рабочий» выпустило трехтомник «Города Подмосковья». Во втором томе опубликован очерк «Хотьково», написанный с использованием и литературы, и архивных материалов, и правительственных постановлений, и публикаций в местной печати. Автором очерка был Г. Е. Агеев.

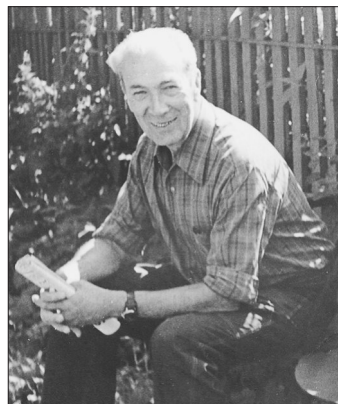
Сын Агеева Александр, тот ленинградский мальчик, стал доктором технических наук, крупным специалистом в области атомной энергетики, заведующим отделом Энергетического института имени Г. М. Кржижановского. И он, и его семья доставили Григорию Ефимовичу много радости. После смерти жены он встретил Татьяну Семеновну, замечательную женщину, добрую, заботливую, тоже педагога, много лет проработавшую завучем средней школы № 1 Загорска. Более двадцати лет они счастливо прожили вместе. Ее дети и внуки стали и его детьми и внуками. И, наверное, самое замечательное, что между всеми детьми и внуками, «нашими детьми и внуками», – как он писал, – сложились самые дружественные и сердечные отношения. И все они называли его дедулей.

Не забывали Григория Ефимовича и бывшие ученики. Доброва Лилия Александровна давно ведет фотоальбом встреч одноклассников, окончивших школу в 1957 году. На многих встречах присутствовал и их бывший директор. Он очень ценил помощь и признание своих учеников, ставших частью его большой семьи. Добрую память о себе оставил этот человек – прекрасный педагог и краевед.

Опубл.: Хотьковский прорыв. 2014 г. № 22–23. С. 12–13.

Влюбленный в Ахтырку [О Д. С. Ганешине]

Дмитрий Сергеевич Ганешин (1904–1977) начал вступление к своему труду об усадьбе Ахтырке словами: «Пожалуй, я один из немногих представителей старшего поколения людей, которым посчастливилось видеть и запомнить навсегда подмосковную ахтырскую усадьбу в ее первозданном виде, незадолго до гибели главного дома от пожара и последующего разрушения других ее частей». Он увидел бывшую усадьбу князей Трубецких в 1921 году. Увидел теплым осенним днем в лучах закатного солнца. И ее облик оказался незабываемым. Не изгладился и за годы, проведенные на Соловках и в Сибири.

Д. С. Ганешин

1921 год. На окраинах страны еще идет Гражданская война. Разруха и голод. И вдруг организована экскурсия московских школьников в Абрамцево и Ахтырку. В чем дело? Ганешин учился не в обычной московской школе, а в бывшей гимназии, которую продолжали называть Алфёровской, хотя ее основатели супруги А. С. и А. Д. Алферовы были арестованы ЧК и расстреляны без суда и следствия в 1919 году. Традиции этой гимназии сохранялись еще несколько лет. Ту незабываемую экскурсию устроили двое учителей: С. В. Бахрушин, преподававший историю, впоследствии академик, и П. П. Пашков, художник, преподававший рисование и историю искусств, в дальнейшем профессор Театрального училища имени Щепкина.

После школы Ганешин поступил в МВТУ. А в апреле 1926 года был арестован по групповому делу скаутов.

Скаутское движение возникло сначала в Англии в 1907 г. и быстро распространилось по миру. Целью было физическое, духовное и нравственное развитие молодежи. Эта организация была добровольной и независимой. Принципы скаутов: они должны быть честными, полезными своей стране, помогать всем, кто нуждается в помощи, не унывать ни при каких обстоятельствах и по-доброму относиться к животным. В России первые скауты появились в 1909 году. У скаутов была своя форма, было приветствие – «Будь готов!» и отзыв – «Всегда готов!». Была и песня «Картошка». Книгу о Тимуре и его

команде Аркадий Гайдар писал, используя мемуары скаутов, к тому времени уже репрессированных. Пионерская организация многое потом взяла от скаутского движения. Но само оно в нашей стране было объявлено реакционным и буржуазным. В 1919 г. Всероссийский съезд комсомола принял постановление закрыть скаутскую организацию как идеологически несоответствующую коммунистическому воспитанию молодежи.

Окончательный разгром произошел в апреле 1926 года. Скаутов, в том числе и бывших членов организации, арестовали. Они оказались в Соловецком концлагере, в ссылке на Севере, в Сибири, в Казахстане. Но и в самых трудных условиях, оказавшись вперемешку с уголовниками, скауты сохраняли верность своему братству, старались помогать друг другу. (Отличали своих по рукопожатию – здоровались левой рукой). И даже на Соловках отмечали день рождения своей организации, хотя и не могли собраться вместе. Ганешин попал на Соловки. Прибывшие ранее скауты смогли спасти его от верной гибели, устроив на работу по строительству узкоколейной железной дороги.

23 июня 2014 года Национальная Организация Русских Скаутов-разведчиков установила на Соловках памятный камень с надписью:

РОССИЙСКИМ СКАУТАМ-РАЗВЕДЧИКАМ

Они были и остались верными Богу, Родине, своему братству. Одни провели здесь годы, другие остались навечно.

Господи, упокой их души!

После отбытия срока Ганешин был выслан в Сибирь. Вернуться в Москву ему удалось, по-видимому, в 1932 году. Сам он писал, что с этого времени он летом снимал комнаты в деревенских домах в Ахтырке. Работал инженером-конструктором. К сожалению, мы знаем очень мало о его жизни и работе в этот период.

Все репрессированные скауты были реабилитированы в 1964 году. Ганешину как раз исполнилось 60 лет, и он вышел на пенсию. В это время он впервые прочитал недоступные ранее воспоминания князя Е. Н. Трубецкого «Из прошлого». Князь писал о детстве и юности в Ахтырке, о своих родных. Ганешина так заинтересовали эти воспоминания, что дальнейшую жизнь он целиком посвятил изучению истории Ахтырки, ее архитектуры, а также судеб ее владельцев – князей Трубецких, владевших Ахтыркой полтора столетия, их предков и их гостей – знаменитых музыкантов. Находил произведения искусства и старые фотографии, запечатлевшие усадьбу. Он был настоящим ис-

следователем: искал сведения в Центральном архиве литературы и искусства, Центральном архиве древних актов, музейных фондах, старой литературе. Так у него накопился целый чемодан тетрадей и блокнотов с выписками из разных источников. Не пренебрегал он и рассказами старожилов села. Полнота исследования просто поражает.

Скончался Ганешин после тяжелой болезни. Его одноклассник, также учившийся в Алферовской гимназии, А. А. Угримов, указывает дату кончины: 29 декабря 1977 г. (В интернете есть и другая дата – 1979 год).

Свою рукопись об Ахтырке Ганешин не считал законченной. А. А. Угримов опубликовал ее с некоторыми сокращениями.

Труд Ганешина был использован при создании в 1996 г. выставки «Князя Трубецкие в нашем крае» в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике. Выставка пользовалась большим успехом. На ней побывали и потомки князя Николая Петровича Трубецкого, последнего из Трубецких, владевших Ахтыркой. Они приехали на семейное собрание из разных стран мира. А к следующему такому собранию была выпущена книга об Ахтырке и Трубецких, также в значительной части основанная на работе Ганешина.

Этого человека называли иногда мечтателем. Ведь он не ограничился исследованием Ахтырки, а еще деятельно хлопотал о восстановлении усадебной церкви Ахтырской иконы Божией Матери. И в том, что она была реставрирована, есть и его заслуга.

Принципы скаутов: делать добрые дела, и не унывать ни при каких обстоятельствах. Д. С. Ганешин оставался скаутом до конца своих дней.

Жизненный путь этого краеведа позволяет сделать такие выводы:

- какое бы ни было тяжелое время, детей надо приобщать к искусству;
- никакой возраст не мешает начать заниматься краеведением, как не мешает заниматься краеведением и отсутствие гуманитарной специальности;
- краеведу надо стараться издавать свои труды, не дожидаясь их полного завершения. Исправления и дополнения можно внести позднее самому, или это сделают те, кто идет за ним. Надо помнить, что печатные издания сохраняются надежней, а рукописи все-таки горят;
- настоящий краевед сочетает исследовательскую работу с реальными делами.

Опубл.: Хотьковский прорыв. 2015 г. № 13. С. 7.

Каким был наш край 90 лет назад

В 1926 году вышел в свет краеведческий очерк «Хотьковская волость Московской губернии». Удивительной представляется сейчас история его создания. В августе 1925 года Московский отдел народного образования в порядке переподготовки учительства организовал работу по изучению родного края в пяти уездах губернии, в том числе в Сергиевском. В каждой волости Сергиевского уезда под руководством работников местного общества краеведения была проведена соответствующая работа. Материалы были собраны менее чем за три недели. При этом, как указано редакционной комиссией в предисловии

А. Д. Шаховская

к очерку, работа проводилась в тяжелых материальных условиях. Участвовали 18 школьных работников. Среди них особо отмечен как подлинный краевед учитель Тешиловской школы С. В. Максимов. Остальные названы лишь по фамилиям. Конечно, поставленная задача превосходила силы и подготовку школьных работников, так что материалы были переданы в Сергиевское краеведческое общество в полусыром виде. Но, понимая их ценность, их подготовили к изданию члены Правления общества. Очерк о Хотьковской волости вышел отдельной брошюрой под редакцией А. Д. Шаховской.

Кроме общего редактирования, очевидно, что именно Шаховской написана основная часть очерка о природе, то есть, о рельефе, почве, водоемах, растительном и животном мире. Приведем довольно большую цитату из этого раздела.

«Пажа, мелкая речка, начинается близ деревни Барканово Сергиевской волости, у Чурилковского хутора, из небольшого болотца, летом пересыхающего. До Шапилова она представляет летом только сухое русло с отдельными бочагами. На Шапиловском поле имеются сильные ключи, вследствие чего она сразу делается шире, приблизительно 3–5 сажений, и отсюда уже имеет постоянное течение. За железнодорожным мостом, около Хотькова, Пажа делается очень извилистой. Около Хотьковского монастыря берег ее представляет заливной луг. Весною в этом месте вода, выходя из берегов, подхо-

Река Пажа

дит к самым домам Хотьковской слободы, которые отстоят саженой в 80 от русла реки. Близ монастыря находится, по словам рыбаков, самое глубокое место реки этого района. Глубина ее здесь 8 аршин. Здесь рыболовы ставят жерлицы, на которые попадаются голавли, плотва и осенью – налимы. Тотчас за бочагом река опять становится настолько мелкой, что ее можно перейти вброд и курице. Так, извиваясь и образуя причудливые петли, река течет до самого впадения ее в Ворю, ниже Городка. Берега ее большей частью высокие, то один выше, то другой, и покрыты лесами. Иногда виднеются обрывы.

Фауной река Пажа небогата. Из рыб водятся пескари, плотва, верхоплавка и налимы, которые любят прозрачную холодную воду и живут по прибрежным корягам, достигая иногда 10–12 фунтов. На дне и в воде много всевозможных личинок, живущих в сучках прибрежной ольхи, передвигающихся медленно по дну, называемых местными рыболовами житиками, которые служат великолепной приманкой для рыбы.

Из птиц на Паже и по прилегающим к ней болотам в сторону Филимонова и Короськова водятся промысловые птицы – утки, бекасы, осенью появляются пролетные дупеля и держатся здесь с сентября по октябрь, а затем продолжают свой путь на юг».

Историческая часть очерка, как сказано в предисловии, написана заведующей Сергиевским музеем местного края Валентиной Николаевной Мордвиновой. Естественно, автор не могла тогда упоминать имени преподобного Сергия, но ею отражена роль Троице-Сергиева монастыря в заселении Хотьковской волости и ее развитии. Описаны

и усадьбы – Ахтырка и Абрамцево. Интересны приведенные сведения о населении отдельных сел и деревень на 1852 и на 1924 год.

Остальные разделы очерка написаны, очевидно, по материалам, собранным школьными работниками. Речь идет о сельском хозяйстве, подсобных промыслах и фабрично-заводской промышленности края. Сельское хозяйство было в то время основным занятием населения. Авторы замечают, что «подсобные и кустарные промыслы не изменяют общего сельскохозяйственного характера волости, так как занятая в этих промыслах часть населения даже при отходе на сторону (на фабрику, в извоз, на железную дорогу) с землей не порывает и надел свой обрабатывает».

Несколькими годами ранее, говорится в очерке, начался переход крестьян к многополью, связанный со стремлением перейти с производства зерна на травопольно-молочное производство. Связано это было с возможностью сбыта молока в Москву. В тех деревнях, которые находятся близ железной дороги, был распространен индивидуальный сбыт молока, то есть каждый домохозяин отвозил в Москву свое молоко и молоко, которое скупал у соседей. Так поступали крестьяне Морозова, Золотилова, Шапилова и некоторых других деревень. Те, кто живет далеко от железной дороги, отдавали молоко скупщикам. Но преимущественное развитие молочного животноводства имело и отрицательную сторону. Женщины были вынуждены уходить на поезд затемно, а возвращаться лишь поздно вечером и таскать на себе двухпудовые бидоны с молоком по лестницам Москвы. Авторы выражали надежду, что в дальнейшем будет лучше организован кооперативный сбыт молока.

Покровский монастырь в Хотькове

Наиболее характерный для волости столярный промысел возник под влиянием Абрамцевской художественно-столярной мастерской и был распространен в основном вокруг Абрамцева (Быково, Мutowки, Митино, Кудрино, Стройково, Ахтырка, Репихово, Артемово). Однако, как отмечали авторы, в некоторых из этих пунктов существовало и обыкновенное столярное ремесло, то есть, делали мебель, оконные рамы и пр. В ряде деревень крестьяне занимались выжиганием древесного угля, извозом, добывали зимой валунный камень, выделяли меха. Подспорьем для крестьян были также дачники из Сергиева и из Москвы.

До революции в Хотьковской волости существовало несколько мелких производств: шерстяная фабрика в Репихове, бумагопрядильная в Жучках, шелковая в Золотилове, миткалевая в Кудрине и др. К моменту обследования оставалось всего два небольших промышленных предприятия: меднолитейный завод (бывший Шапошников) и терракотовое производство Дунаева. Меднолитейный завод, построенный в 1910–1911 гг., вырабатывал латунь и проволоку. Особенно оживилась его работа во время Первой мировой войны. После революции производство было остановлено, потом его вновь открыла компания «Металлопрокат», и летом 1925 г. производство возобновилось. А деятельность терракотового завода в деревне Митино во время войны практически остановилась. Но в 1923 г. производство было частично возобновлено: стали делать аптекарскую посуду, банки, ступки и т. п.

Интересны приведенные статистические данные, например, о числе крупного рогатого скота и лошадей, о многопольных севооборотах, о распределении земли по угодьям (лес, пашня, усадьбы и пр.).

В разделе очерка, посвященном культурно-бытовой жизни волости, указано, что в больнице до последнего времени был всего лишь один врач и только в последнее время назначен второй. А вот учителей для школ первой ступени было 20 человек. Существовала и школа второй ступени. В Хотькове имелась центральная библиотека, она же изба-читальня. Электрифицированы к тому времени были только металлопрокатный завод, школа второй ступени и деревня Жучки.

Безусловно, подобная работа, проведенная в наше время, позволила бы сделать выводы о том, насколько за последние 90 лет изменилась жизнь поселения.

Опубл.: Хотьковский прорыв. 2015 г. № 10. С. 6.

2. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ АВТОРА

Первая публикация. Ферапонтово

Л. В. Носырев

Экслибрис

Т. В. Смирновой

Линогравюра. 1960-е

Соседка моя, кандидат педагогических наук, все настаивала, что я должна что-то писать. Писать в газету. Она приставала и приставала. Но о чем написать? Решила, что надо написать о самом лучшем, что было у меня в жизни. Значит, — о Ферапонтове. Не соображала я совсем, что тема никак не связана с нашей местностью, а пишу-то в маленькую районную газету. Написала, послала ... И вдруг получила от ответственного секретаря редакции Е. С. Галкиной приглашение зайти. Вероятно, моя жизнь сложилась бы иначе, если бы она отнеслась к моей первой корреспонденции по-другому. Да, ее тоже смущала привязка заметки к местной жизни. Я что-то пыталась сказать о Дионисии, об Андрее Рублеве, «Троица» которого связана с нашим Загорским музеем... Все это было не то. И все-таки мою заметку напечатали. И предложили писать еще. Так я стала нештатным корреспондентом. Это был, наверное, первый шаг ко всем моим будущим книгам и статьям. Шел 1985 год.

В заметке я писала о красящих камнях, которые, по мнению, художника Н. М. Чернышева, использовал Дионисий, создавая фрески в Ферапонтове. Заметка попала на глаза вдове Н. М. Чернышева. Кажется, она жила на даче в Абрамцеве или кто-то из ее знакомых жил, так что получали местную газету. Она разыскала меня, мы встретились на платформе Абрамцево с ней и ее дочерью, поговорили. И даже еще много позже дочь художника Полина Николаевна приглашала меня на выставку Н. М. Чернышева в Третьяковской галерее. Пожалуй, я зря не пошла на более близкое знакомство с этой семьей.

Ферапонтово ... Впервые это слово прозвучало для меня в 1954 или 1955-м. Тогда, в студенческие годы, я купила книгу Н. М. Чернышева «Искусство фрески в Древней Руси». Увидела ее, должно быть, просто в каком-то газетном киоске. Это была первая книга по искусству, купленная мной. И на годы оставшаяся един-

ственной. Я читала и ее и перечитывала несчетное число раз, хотя многого не понимала. Черно-белые репродукции не давали, конечно, представления о фресках. И удивляло, что речь у автора шла о фресках только двух монастырей – Снеготорского и Ферапонтова.

Почему я купила эту книгу? Наверное, потому, что хотелось понять древнерусское искусство. Очень хотелось. Да и вообще понять живопись. Была я тогда, как в темном лесу. Что я знала? В детстве – Третьяковскую галерею – по открыткам. Впервые попала в Третьяковку, должно быть, летом 1945 г. – мы были с мамой проездом через Москву. Помню «Явление Христа народу». Перед картиной сидели люди – было несколько рядов стульев. Сидели молча. Сели и мы. К маме шепотом обратилась какая-то девушка, спросила: «А кто такой Христос?», – удивив маму этим вопросом. А потом были залы и залы, полахавшие красным, – какие-то съезды, вожди на громадных полотнах. А одно полотно отличалось: там был не только красный, но и ярко-розовый цвет в огромных количествах.

В студенческие годы (1952–1957) я упорно ходила по музеям. Как-то в летние каникулы, недолго побыв дома, у мамы, приехала в душную летнюю Москву и опять ходила в Третьяковку. Заходила и в залы, где висели иконы. Это были две небольших комнаты на первом этаже. Попасть в них можно было только через зал графики, из которого шел путь дальше, к советскому искусству. Все так и шли. В аппендикс с иконами никто не заходил. Ни разу не видела я там ни одного посетителя. И смотрительниц там тоже не было.

Однажды я так же безнадежно провела там какое-то время и расстроенная вышла в зал графики. Ко мне подошел молодой человек, скорее – мальчик, и сказал, что видит, как я стараюсь понять искусство. И видит, что у меня ничего не получается. Предложил помочь и провел меня по залам галереи. Звали его Игорем. Оказалось, что он мечтает быть художником, учится у старого мастера. Он пожалел меня.

Помню, что останавливался он у этюда Иванова с головой Иоанна Крестителя, у картины Левитана, кажется, «Вечер» (что-то с огоньками за рекой). Сколько раз я потом проделывала этот маршрут одна. На всю жизнь благодарна я этому человеку. Не помню, что он говорил возле икон. Но что-то, видно, сдвинулось у меня в мозгу. Забрестило какое-то понимание. И я все ходила и ходила в эти залы. Однажды на стене, крашеной светло-зеленой краской, рядом с рублевской «Троицей» увидела выцарапанную надпись «ТАНЯ». Меня это поразило и как-то испугало. Сейчас думаю – ведь мог человек,

забредший в этот зал, нацарапать что-нибудь и на самой иконе. Никакой охраны – повторяю – не было.

Годы, когда живопись и архитектура стали для меня главным интересом в жизни, пропущу: и французских художников в ГМИИ, и Новгород, и Владимир, и музеи Ленинграда, и многое другое. Был у меня и длительный период, когда реалистическую живопись я вообще смотреть не могла – только иконы. Но в Ферапонтове все еще не была.

В один из летних отпусков, должно быть, 1962 или 1963 г., я отправилась в Кижи, а оттуда в Старую Ладугу. Знала, что там есть фрески XII века. Где удастся остановиться, не имела представления. Ничего я тогда не боялась. Со мной в автобусе заговорила какая-то девушка. Узнав, что еду в «никуда», предложила остановиться у ее матери. Там жили еще несколько девушек с «Североникеля», присланных на сельскохозяйственные работы. Переночевав, пошла к Георгиевскому собору. Нашла жилище сторожа. Объяснила, что приехала увидеть фрески. Сторож сказал: в соборе работает художник из Москвы. Если разрешит, то – пожалуйста.

Художник, Адольф Николаевич Овчинников, копировал фрески. В ответ на просьбу стал меня расспрашивать. Не помню уж точно, о чем мы говорили, только под конец сказал:

– Вы или физик, или химик. Не гуманитарий. Разбираетесь.

И тут же велел браться за дело – рисовать. Рисовать меня старалась подвигнуть еще раньше какая-то художница в Кижях. Не верила, что я не умею. Еле я от нее отделалась. И тут я тоже стала говорить о своем неумении. Адольф Николаевич слушать не стал.

– Но у меня нет ни карандаша, ни бумаги, – пролепетала я.

– Вот Вам карандаш и бумага. Чтобы понять живопись и архитектуру надо обязательно рисовать. Уходите из храма и, пока не нарисуете его снаружи, не возвращайтесь.

Делать было нечего – пришлось выйти. Способностей к рисованию у меня нет никаких. Абсолютно. И самыми трудными предметами в институте были начертательная геометрия и черчение – едва сдала их на тройки.

Жирным черным карандашом я все же нарисовала этот собор XII века и еще какую-то церквушку, стоявшую рядом. Эти беспомощные рисунки у меня сохранились. Но Овчинников был прав – рисовать надо было обязательно. Думаю, что из всех встреченных мной на долгом жизненном пути людей он оказал на меня, на мою жизнь, самое большое влияние. Даже телевизор я купила

очень поздно. Он отрицал телевидение, говорил, что от телевизора у него чуть ли не горлом кровь начинает идти. Купила только через несколько лет, и то не для себя, а для кошек. Мы тогда отдали одного рыжего котенка моим сослуживцам, и они пригласили зайти – посмотреть, как их Рыжкин (я называла его Гюль-Сары) интересуется происходящим на экране. Действительно, кот с огромным интересом смотрел мультфильм про лису, петуха и кота, весь сжимался и напряжинивался, когда лиса за кустом подстерегала беззаботного петуха. Потом стали показывать Съезд колхозников, и кот с презрением ушел от телевизора. Самое странное, что ни одна из наших многочисленных кошек за все годы телевизором так и не заинтересовалась.

Вернулась я в храм. А. Н. дал мне еще бумаги и постель. Велел срисовывать фрески – фигуры отдельных святых. Даже сам быстро (но не очень похоже) изобразил для меня лик Николы Чудотворца. Он работал тогда над копией большой алтарной фрески «Чудо Георгия о Змие». Говорил, что фреска так прекрасна, что даже когда сбивали штукатурку, поновляя собор, рука не поднялась уничтожить этот шедевр. Написаны фрески греческими мастерами. У них другое понимание этого сюжета. У новгородцев, например, Георгий копьем пронзает Змея, тот извивается, кровь брызжет, красный плащ святого выхлестывает за ковчег. У греков же Змей побежден словом Божиим. Ведет его на поводке царевна, и он послушно переступает лапами. А Георгий на белом фоне, на белом коне едет, как сомнамбула.

Подобные рассуждения я слышала от Овчинникова и позже, в Москве. Он противопоставлял владими́ро-суздальцев и новгородцев. Говорил, что новгородцы – материалисты. Снаряжали экспедиции искать Беловодье – рай на земле. И на новгородских иконах люди стоят, как огурцы, одинаковые. А завоевал их Иван Грозный, и всё – не воспрял Новгород. Суздаль же был уничтожаем пожаром, мором, войной множество раз. И всегда восстанавливался, потому что дух убить нельзя. Речь шла тогда об открытой в Рождественском соборе Суздаля фреске XIII века головы святого, а также об иконе «Покрова Божией Матери», которую Овчинников реставрировал.

В Старой Ладогe мы о многом разговаривали. Адольф Николаевич говорил и о поэзии. Я сказала о Маяковском. Он назвал его плоским поэтом. И противопоставил Мандельштама. Впервые, должно быть, тогда я услышала это имя. Много лет потом, приходя в какой-либо дом в гости, я устремлялась к книжной полке в поисках стихотворных сборников – искала стихи Мандельштама. Иногда находила одно-два стихотворения, переписывала их в тетрадку. Ужасно досад-

но было, когда в сборнике обнаруживалось стихотворение из другого сборника, уже виденного мной, например, «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...». Как же ленивы бывают составители!

Адольфа Николаевича беспокоило, что ему не хватит белил, чтобы закончить работу. Я готова была сократить свое пребывание в Ладогe, чтобы выслать ему краску из Москвы. Но, кажется, он еще при мне получил посылку с белилами.

Помню, что, поехав в Ладогe к другому собору XII века, постояла на берегу реки, посмотрела на цветущий луг. На меня после Карелии эта природа не произвела большого впечатления. Через много лет, читая записные книжки графа Ю. А. Олсуфьева, узнала, что он был в Старой Ладогe летом 1933 года. И ее природа оказалась ему так близка.

Очень важным было то, что Овчинников открыл мне труды князя Евгения Трубецкого. Могла ли я тогда предположить, что в дальнейшем мне посчастливится общаться с потомками князей Трубецких, писать о них! Не подозревала, что Хотьково, где я живу, рядом с их подмосковной усадьбой Ахтыркой. А тогда Адольф Николаевич посоветовал мне прочитать лекции Е. Н. Трубецкого об иконе. «Умозрение в красках» я нашла в Ленинской библиотеке. Огромное впечатление! А «Два мира в древнерусской живописи» мне не выдали – брошюра была в спецхране. Но А. Н. дал мне прочитать имевшийся у него экземпляр. Третью – «Россия в ее иконе» – прочитала только в годы перестройки. Сейчас иногда с пренебрежением относятся к этим трудам Трубецкого. Конечно, тогда было накоплено еще мало знаний. Но, как мне кажется, часто именно в такой период целое видится яснее. Потом приходят узкие специалисты, разъясняют частности, тонкости. И это только мешает пониманию. Кроме того, важно, что Трубецкой обращался к обычным людям, а не к специалистам, и написал очень понятно. И еще: он не боялся. Ничего не боялся. Никакой критики не боялся. Не боялся говорить от первого лица. Был СВОБОДНЫМ человеком. Редко кто сейчас так безоговорочно свободен и смел.

Адольф Николаевич сказал, что в следующем году летом он будет в Ферапонтове, и предложил поехать мне. Несколько раз зимой я была у него дома. Но вот наступило лето. И я вовремя поехать в Ферапонтово не смогла – заболела. Немного оправившись, взяла отпуск. От Вологды ехала на пароходе до Кириллова. Познакомилась на палубе со старичком, который тоже ехал в Ферапонтово. У меня был билет в каюту, кажется, единственную. А у него место только

на палубе. Уступила место в каюте. Жаль, что не расспросила я его. Был он бывшим зеком, реабилитированным. На пароходе заговорили о фресках, о том, что впервые их издал еще до революции Георгиевский. И он предположил, что напечатал эту книгу его родственник.

Путешествие длилось около полутора суток. В Кириллов прибыли в темноте. В гостинице (или доме приезжих) мест не было. Старик все-таки там остался, а я пристала к небольшой группе молодежи: юноша и две девушки тоже направлялись в Ферапонтово. Но у них, в отличие от меня, была какая-то договоренность о возможности переночевать в местной школе. Они не были рады мне, но и не оттолкнули прямо. Как-то переночевали на партах. Наутро пошла на автобус. Пыльно, тесно – дорогая недалняя, но нелегкая.

На почте в Ферапонтове мне посоветовали остановиться у тети Дуни. В ее избе были две комнаты – в одной, проходной, где стояла русская печь, жила сама тета Дуня (так она себя называла), в другой комнате – приезжие. Но там уже кто-то жил. А я поселилась на повети, в чуланчике с волоковым окошечком. На другой день появился и тот старик, с которым я встретила на пароходе. Он тоже попросился на ночлег. Тета Дуня говорила, что нет места. Он заявил, что он может спать просто на полу. Ее это очень смутило. Человек был явно интеллигентный, и уложить его прямо на пол... Как-то его все же устроили. Он собирался переночевать только одну ночь, кажется. Дальше его путь лежал в места других святых – Павла Обнорского, Нила Сорского... Очень звал и меня. Я этого не понимала. Спрашивала:

– Зачем? Ведь там ничего нет.

– Я встану и скажу: я стою там, где стоял Нил Сорский.

Первое утро в Ферапонтове. Подхожу к монастырю. Мостик. Два озера – направо и налево. На высоком берегу несколько белых церковных зданий. В храме одноногий худой человек пугающе строго смотрит на меня и спрашивает паспорт. Записывает. Потом узнала: Валентин Иванович – сторож. Позже он привык ко мне, даже не выгонял, когда уходил обедать. Оставлял на меня охрану. В первый раз я пробыла внутри храма лишь несколько минут – стало плохо. Вышла и легла на траву. Лежала и смотрела в небо. Потрясение было такое, что сердце отчаянно колотилось. Это повторялось несколько раз. Как-то добралась до медпункта – он был рядом. Давление у меня оказалось совсем низким. Так что дня три не решалась зайти в храм. Встретила Овчинникова. Он очень строго спросил, почему я не бываю в храме. На следующий день – пришла. Оказалось, что скоро экспедиция уже уезжает. Их было несколько человек, и масса

вещей: какие-то громоздкие приборы, красящие камни, собранные на берегу озера. Надо было все запаковывать в ящики. Я взялась за это с радостью. Носила тяжеленные ящики, некоторые по 20 кг, на почту. И это был самый СЧАСТЛИВЫЙ день моей жизни. Самый счастливый. Как тот герой Джека Лондона, который мыл полы, раз это нужно для революции, так я носила эти ящики с сознанием, что я делаю то, что нужно для древнерусского искусства. Для его сохранения и изучения.

Испорчено было это настроение тем, что когда машина с экспедицией остановилась возле почты, и я отдавала Овчинникову квитанции, он сунул мне в руку деньги за отправленные посылки. Со слезами смотрела я на пыль от удаляющейся машины.

А потом началась работа. Кто-то оставил чертежную доску в церкви. И стояли еще леса. Нашелся кусок обоев. И вот я стала в уменьшенном, конечно, масштабе срисовывать фреску, ту, что справа от портала. Она была написана на наружной стене, потом пристроили паперть, так что она оказалась защищенной от дождя. Конечно, фреска успела пострадать от осадков, но зато ее не испортили при поновлении стенописи храма. Именно ее копировал Овчинников.

Рисовать я не умела. Проводила линию, видела, что не так. Стирала, проводила снова. Недели три работала над одним листом каждый день с 9 до 17 часов, кроме одного выходного в неделю. В выходной ехала в Кириллов, в музей, на весь день. В музее раз попросила лодку, выехала на озеро. Солнечные гребешки волн слепили глаза. Могуче стояли над озером белые башни монастыря.

А как-то раз на обратном пути небо было светло-зеленым. Невиданное небо!

Все время в Ферапонтове я почти не спала. Может быть, часа на два засыпала. Перед глазами были всю ночь росписи Дионисия. Было тихо, темно, в волоковое окошко доносилась музыка – возле почты висел репродуктор.

Но дни были длинные, и после пяти вечера, когда Валентин Иванович запирает храм, мы ходили в окрестные деревни с художником Марленом из «Промграфики», его женой и еще одной художницей – Наташей, из Москвы. Обычно они начинали канючить раньше пяти часов, звать меня. Но я неизменно работала до последнего. Чаше всего ходили в Щелково. Там сохранилась на берегу озера деревянная мельница дивной красоты. Мельница без крыльев. Вставал месяц над озером. Мы сидели на берегу. Я думала, что это лучшее место на земле. Позже, встретившись на какой-то выставке с еще одним

художником, который в Ферапонтове держался особняком, попросила его нарисовать мне экслибрис с этой мельницей. Он вырезал его на линолеуме. Мне не понравилось – грубая работа. Но все же несколько штук я наклеила на книги. А через несколько лет узнала, что мельницы больше нет – разметало бурей, и жители распилили бревна. Есть в этом что-то символическое.

Марлен не рисовал. Он брал на берегу камень и сидя на полу в церкви, часами растирал его курантом, каким-то образом оказавшимся там. Сначала у него был ярко-малиновый камень, видимо, кусок кирпича, долго пролежавший в воде, потом черный камень. Он наслаждался цветом, и я его понимала. Н. М. Чернышев считал, что Дионисий пользовался красками из растертых камней, который находил в озере. В Ферапонтове тогда на берегах большие камни были все исчерчены – люди пробовали мелкие камушки из озера, с мелководья. Действительно можно было найти все оттенки желтого и коричневого, розового и темно-красного, черного и серо-зеленого. Несколько ящиков таких камешков я послала посылками домой. А позже прочитала, что теперь мнение Чернышева оспаривают. По крайней мере, синий и ярко-зеленый – привозные пигменты. Но трудно поверить, что Дионисий не обратил внимания на такие замечательные местные краски. Мне кажется, что светло-розовую, так отличающую его росписи от всех предшествующих, он нашел именно здесь, в Ферапонтове.

Жена Марлена неожиданно стала срисовывать фрески карандашом. А он показывал на нее и говорил:

– Посмотрите, как она похожа на ангела!

И, правда, она была похожа на кудрявого ангела.

Еще у Марлена было стремление покупать предметы с росписью в ближних деревнях. Так, в одном месте он купил шкаф. На дверце был написан очаровательный лев. Кажется, покупал и прялки. Все очень дешево. А я, в одном из походов с этой кампанией, купила полотенце, длинное, с красной бранной техникой на концах и кистями. Стыдно, что заплатила какие-то пустяки. Но надо сказать, что тета Дуня, когда старик, о котором я упоминала, стал давать ей за ночлег деньги, была страшно смущена. Я присутствовала при этом. И долго потом она как бы оправдывалась передо мной. Когда я уезжала, она тоже не хотела брать денег. А взяв, просила никому не говорить – застыдят деревенские.

Как-то с Наташей, художницей, мы были в Щелкове вечером вдвоем. Пошли назад, и нас задержали маленькие ребяташки – взявшись

за руки, они стали требовать выкупа. Это было так мило! А Наташа вдруг начала их стыдить. Как она не поняла деревенский обычай?! Дети разбежались...

С Наташей связан еще один эпизод. У тети Дуни сменились в комнате постояльцы. Я переходить комнату не хотела – мне было хорошо лежать ночи напролет у волокового окошечка в чулане. Поселилась в комнате новая пара. Молодые. Утром зашла за мной Наташа. Я пила чай из самовара. Тета Дуня поила меня по утрам чаем. Когда я, отставляя пятую чашку, она принималась плакать:

– Ты, Таня, заболела – чаю не пьешь. Приходилось пить шестую чашку.

Так вот в тот день дверь в комнату приезжих была открыта, а их самих не было. И Наташа бесцеремонно вошла. Увидела, что из рюкзака торчал край иконы. Потянула. Позвала меня. Я сразу поняла, что икона из Кирилловского музея – там было несколько икон, кажется, XVII века, одинакового размера, с одинаковым растительным орнаментом, в красно-синих красках. Что делать? В деревне был колхоз «Просвет». Решили идти в правление колхоза – там был телефон. Объяснили ситуацию. Дозвонились. Музейщики, конечно, даже не заметили утрату. Удалось все же добиться, чтобы приехал милиционер. Икону отобрали, но похитителей задерживать не стали, только предложили им срочно уехать. Потом узнала, что на обратном пути эта парочка, как ни в чем не бывало, зашла в Кирилловский музей. Оттуда их прогнали. А когда я в очередной выходной приехала в музей, смотрительница, молодая женщина, в зале, где висели те иконы с пестрым орнаментом, особенно подозрительно смотрела на меня. На какое-то время мы повысили ее бдительность.

Постепенно я стала понимать, что расстояния между отдельными предметами на фреске неслучайны, что высота ступеньки в «Ласканыи младенца» равна расстоянию от головы служанки до какой-то архитектурной детали в «Купании Марии». Получается, что можно было проверить алгеброй гармонию. Разве я поняла бы это, если бы умела рисовать?!

Удивительно, как на глазах менялась в Ферапонтове природа. Раньше я не обращала внимания на такие изменения. Поле льна было сначала голубым, потом желто-зеленым, потом – черным.

Отпуск кончился. В семь утра я шла с рюкзаком с электрички домой. В восемь надо было быть на работе.

А на следующий год вечером, в последний рабочий день перед отпуском я была уже на вокзале. Опять Вологда. На этот раз до-

летела до Кириллова маленьким самолетом. И опять я у тети Дуни. Но в этот раз в руках у меня для нее две коробки вафельных тортов, а в рюкзаке акварель и пастель. И еще лист ватмана, на который переведен контур прошлогодней фрески.

Тут оказалось, что из Ленинграда приехала на практику группа студентов монументального отделения Мухинского художественного училища. Жили они в помещении школы. Но двое мальчишек надумали строить шалаш прямо на территории монастыря, впрочем, неогороженной. И шалаш получился. Но ночи-то холодные – июнь. И тут я поняла, что значит русская печка. Где, как не на ней высушить мокрую одежду и обувь! Пришлось этим юношам порой пользоваться печкой тети Дуни.

В собор большинство студентов заходили на несколько минут. Сделав небрежно несколько набросков, уходили. Преподаватель старался всё же засадить их за работу. И ставил в пример меня, сидевшую, по-прежнему, с 9 до 17-ти каждый день. Как ни странно, ставил в пример не только мою добросовестность, но и результат. О том, что я не художница, он не подозревал. Уж позже я ему об этом сказала. К моему изумлению эти ленинградские мальчики не умели подобрать краски. Да и не старались. И как будто не видели, что плоскость листа просто проваливается, когда, например, брали чересчур интенсивный цвет. Только у преподавателя да у мальчика, помню, что его звали Толей Ивановым, получалось правильно. Большинству ленинградцев было скучно. Они вспоминали разноцветные столики кафе, блеск фонарей в лужах на асфальте ...

А у меня была проблема: никак не получалось синее небо. Сто-рож Валентин Иванович, видя мои мучения, помог: сказал, что А. Н. Овчинников сначала написал небо зеленой краской, а потом уже голубой. И еще растер в порошок стеклянную бутылку и присыпал. Я попробовала сначала зеленым. И все получилось! Толченым стеклом, конечно, не пользовалась.

Запомнился еще случай с галкой. Залетела она в храм. Валентин Иванович попросил ленинградских ребят галку поймать. Поймали, выпустили.

Как-то вечером пошли мы с двумя или тремя этими мальчиками в Щелково. Оказалось, что там сделали качели. Деревянные качели с доской на двоих. Боже, как замечательно и как страшно было качаться!

В озерах тогда водились раки. Умываться я по утрам бегала на озеро. Некоторые из приезжих ловили их просто вилкой – втыкали в спину. Мне было их жалко. Они маленькие были.

Как-то тета Дуня позвала меня в баньку. Договорилась с соседями. Банька топилась по-черному. А чтобы нагреть воду, надо было бросать раскаленные камни в котел. Такой древностью повеяло.

Ходила я раз за грибами. Поджарили мы их с тетей Дуней. А они оказались горькими. Тета Дуня расстраивалась очень. Все говорила, что надо больше луку добавить... Попал, наверное, какой-то один не тот гриб.

Грустно в тот раз было уезжать из Ферапонтова.

Думаю сейчас, когда же это я ходила за грибами? Может быть, это было уже в третий раз? На следующий-то год я поехала не в Ферапонтово, а Самарканд. Хотелось понять, есть ли связь голубых куполов Самарканда и синевы неба на ферапонтовских фресках. Овчинников считал, что нет, но я хотела убедиться сама. Среднюю Азию в этом рассказе пропускаю. Побывала я в Ферапонтове через два или три года. Уже не было лесов перед «моей» фреской, не было доски... И, пробыв недели две, я уехала в Ленинград.

Дома свою копию фрески я прикрепила на деревянную дверь комнаты. Как-то, когда болела, пришел врач, человек от искусства очень далекий. Я спросила его, что он видит, глядя на эту фреску. Он посмотрел и сказал:

– Там рай.

Наверное, это самое точное определение. А мне всегда вспоминались строки Валерия Брюсова:

*Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, –
Что перед ним этот прах:
Степи, и камни, и воды!*

Идеальная природа, рай.

Прошло много лет. Я уже работала в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Как-то музей организовал для сотрудников поездку на автобусе: Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. В Ферапонтове к тому времени все изменилось. Деревянная гостиница рядом с монастырем, столовая (мне дали там протухший винегрет). Я никак не могла сориентироваться – даже избу тети Дуни не сумела найти. Валентина Ивановича уже не было. При входе продавали билеты и сувениры. В сам храм пускали маленькими группами на пять минут. Нет, дух Ферапонтова ушел из этого места. Жаль, что приехала.

Г. И. Вздорнов, узнав, что я побывала в Ферапонтове, огорчился, что я не знала о том, что он создал там библиотеку, не осмотрела ее. Боже мой! Зачем библиотека в Ферапонтове?! Группы туристов приезжают туда на полтора часа. Кому нужен этот темный музей каких-то старинных вещей и этнографических экспонатов?! Фрески Дионисия, пейзаж – озера, избы, поля – вот что нужно. И все загублено, загажено ради равнодушных туристских толп, которым все равно, куда их везут, что смотреть. Раньше было добираться трудно – хоть по воде, хоть много часов по пыльному шоссе. И приезжали в основном те, кому Дионисий был по-настоящему нужен.

Еще одну попытку встретиться с фресками Дионисия я предприняла, когда в Москве была открыта выставка копий. Пошла радостная. Помнила, что в ферапонтовском храме целыми днями работал, копировал фрески Н. В. Гусев. Каждый день здоровалась с ним. Помоему, он скопировал все фрески, и очень точно. А в Третьяковке ... На стенах залов, выкрашенных в красный цвет, каким красят пожарный инвентарь, висели копии множества авторов. И ничего, ничего похожего на Дионисия.

На презентации Книги посетителей Ферапонтова монастыря, изданной Г. И. Вздорновым, я выступила, что-то рассказала и показала свою копию фрески. Зал встретил ее дружным смехом. Почему?! Знаю, что сделала очень точно. Скорее всего, никто из присутствовавших или не видел Дионисия, или не вглядывался в его живопись. А ведь сидели в зале в основном сотрудники Сергиево-Посадского музея-заповедника. Вздорнов потом попросил меня отдать мою копию в Музей Ферапонтова и еще написать, что я помню о Ферапонтове. Вот прошло несколько лет. Написала.

А. Н. Овчинников, слава Богу, жив, работает. Слыхала, что значительная часть его копий сгорела во время пожара Центра имени Габаря. Как он смог выдержать такое несчастье?!

А вот создание по инициативе Вздорнова казенного музея в Ферапонтове мне не близко. Наверное, многого не знаю. Возможно, фрескам грозила гибель, и нельзя было поступить по-иному. Но в моей памяти останется Ферапонтово начала 60-х годов, бессонные ночи, мельница без крыльев, озеро, дымки над трубами изб и тонкий месяц. И останется у меня та копия фрески, свернутая в трубочку, хоть и не могу теперь я ее расправить.

А стенопись Снетогорского монастыря, о которой писал Н. М. Чернышев, я тоже увидела. Приехала в Псков – в монастыре все заперто. Пошла в Отдел культуры. Попросила разрешения. Меня спросили:

– А Вы кто?

Подумала и ответила:

– Человек.

Все-таки разрешили. Но была возможность в темноватом пространстве храма побыть только несколько минут. И я ничего не запомнила. Еще одно свидетельство полной бессмысленности таких туристских посещений.

Борис Пастернак в Мутовках

В начале 1980-х годов в Хотьковской библиотеке возник Клуб любителей поэзии. Мы собирались примерно раз в месяц, наметив рассказ кого-либо из членов Клуба о том или ином поэте. Душой клуба был Георгий Николаевич Кореневский, старик, в прошлом преподававший литературу в техникуме. Он жил поэзией, и сам писал стихи. Но главное – знал стихи поэтов, которых мы, члены клуба, почти не знали: Иннокентия Анненского, Федора Сологуба, Андрея Белого...

Под его руководством мы ездили на могилу Бориса Пастернака в Переделкино. А в последнее воскресенье июня – на праздник поэзии Марины Цветаевой в Александрове. Помню 1987 год. Мы, члены Клуба любителей поэзии, вышли ошеломленные из Дома культуры с такого праздника. Атмосфера освобождения и восторга. И тут меня пронзает мысль: ведь мы в Хотькове тоже имеем право на проведение праздника поэзии – поэзии Бориса Пастернака. Я же совсем недавно читала письма Пастернака в томе «Литературного наследия». И там были письма 1927 года из Мутовок. А Мутовки, как сказано в примечании, – это деревня в 7 км от станции Хотьково Северной железной дороги. Известно и какие стихи написал он в Мутовках.

Тут же на улице делюсь возникшей мыслью с одной из сотрудниц Хотьковской библиотеки. Говорю, что можно было бы пригласить актеров, которые сегодня выступали с фрагментом спектакля по письмам Пастернака и Цветаевой. В ответ:

– А Вы представляете, сколько денег они потребуют?

У вокзала наша группа распадается. Мы вдвоем с библиотекарем Н. Н. Ждановой спешим за билетами. У остальных, должно быть, есть обратные. Вбегаем в вагон электрички за секунду до отправления, плюхаемся на лавку. Поднимаем глаза... Перед нами сидят актеры Елена Муратова и Евгений Радомысленский. Это они сегодня выступали.

– Сколько вам заплатили? – выпаливаю я.

– Ничего. Это честь – выступать на Цветаевском празднике.

Захлебываясь, объясняю, что Пастернак жил в Мutowках, рядом с городом, в котором мы живем, что можно устроить праздник поэзии Бориса Пастернака в Хотькове ... Они соглашаются выступить.

Теперь надо найти единомышленников. Конечно, прежде всего, в Хотьковской библиотеке. Но сотрудница библиотеки, возглавляющая Клуб любителей поэзии, смотрит на меня, как на сумасшедшую: нет помещения, нет знакомств в литературном мире. Ничего нет.

Но я уже не могу остановиться, Какой самый большой зал в Хотькове? В Абрамцевском художественно-промышленном училище. Значит, там и надо проводить праздник. Ю. Я. Цыпин, директор училища, обещает подумать. Теперь я по пути на работу встречаю его по утрам на узкой дорожке и останавливаю, раскинув руки:

– Юрий Яковлевич, Пастернак писал здесь стихи о природе, об Октябрьской революции. Что в этом плохого?

О Нобелевской премии, об исключении из Союза писателей благо-разумно умалчиваю. Но он, видимо, что-то смутно слышал. Не отказывает, но и не соглашается. Встречаю его почти каждое утро:

– Ведь как раз 60 лет назад...

Наконец, директор сдаётся. Вопрос: когда проводить? В какой день?

– Ну, когда учащиеся с картошки вернутся...

Значит, в первое воскресенье октября. Тогда еще и цветы, наверное, не померзнут. (Не знала, что в этот день костер Марины Цветаевой в Тарусе, что День учителя...).

Кого же звать? Ни с кем из писателей не знакома. Нет, постойте, этой весной в отпуске познакомилась. В Коктебеле, возле Дома творчества писателей сидела на скамейке старая женщина. Она показалась мне такой одинокой, такой печальной ... Оказалось – потеряла кипятильник. А утром не может без кофе: после концлагеря по утрам головные боли. Евгения Александровна Таратута, специалист по творчеству Лилиан Войнич.

Ее телефон у меня есть – она дала его, чтобы вернуть в Москве мой кипятильник. Звоню. Оказывается, Таратута была даже знакома с Пастернаком! С 1931 года знакома, еще до своего ареста. Но нужна машина. Она инвалид.

– Вас били?

– Мужчин били сильнее. Главное – не давали спать.

Где взять машину? 1987 год, частных машин мало. Никого из владельцев не знаю. Выручает моя хорошая знакомая Л. С. Суркова, член Клуба любителей поэзии. Она сообразила: у главного врача психиатрической больницы в Абрамцеве есть казенная машина. Значит, у него и надо просить.

Дал.

А еще ведь существует Союз писателей. Пусть пришлют кого-нибудь из своих членов. Пишу, звоню. Обещают прислать С. С. Лесневского, литературоведа. Он член Комиссии по литературному наследию Пастернака. Говорю с ним по телефону:

– Приеду, если собаку мою устроите. Я хочу ее с собой взять.

– Да хоть с крокодилом приезжайте! Устроим.

Покупаю для собаки килограмм мяса. Договариваюсь со своей знакомой Т. В. Анисимовой. У нее в Хотькове мама. У мамы дом, собака и загон для собаки. Свою собаку возьмут в дом. Встречаем Лесневского с собакой на платформе Абрамцево. Татьяна Валентиновна уводит рыжего Лиса. Мы с Лесневским идем в Училище. Чувствуется, как ему нудно предстоящее мероприятие. А потом так разошелся! Так высказался насчет фотографий Сталина – они все еще висели в зале... Пришлось-таки директору их вскорости убрать.

В Абрамцевском училище мне взялась помогать Л. В. Синявина, преподаватель литературы. Выбрала шестерых девочек из только что поступивших и поручила выучить стихи Пастернака. Те, что написаны в Мutowках. Даже стихотворение к 10-й годовщине Октября («Редчал разговор оживленный...»).

– Такое длинное? Не успеет...

– Молодая. У молодых память хорошая.

И верно. Все выучили. И прочитали прекрасно.

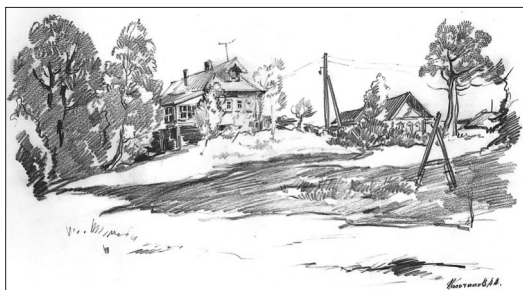
Теперь литературоведы есть, артисты есть. Но какой же праздник без музыки? А должен быть именно праздник. Ведь даже Вениамин Каверин о Пастернаке написал: «Праздничность была у него в крови <...>, он охотно делился ею со всеми».

Что же делать? Уж музыкантов-то знакомых у меня нет. Но в Хотькове есть музыкальная школа. Директор ее Н. В. Хохлов. Может, у него есть? О да! У него, оказывается, есть знакомые в Московской консерватории. Замечательно! Каких композиторов Пастернак упоминает? Скрябина, Шопена, Чайковского... Вот их-то и сыграют московские музыканты.

4 октября 1987 года. Первый праздник поэзии Пастернака. Первый в Хотькове. Первый в стране. Зал полон. Нет, переполнен. Стихи

Пастернака почти никому недоступны – последний сборник вышел в 1945 году. «Доктор Живаго» в нашей стране еще не опубликован. И вдруг соприкосновение с великой поэзией, с необыкновенной личностью поэта. Стихи, игра актеров, выступления литературоведов, музыка... В зале подъем, какой нечасто приходится испытать человеку. Только на волне общественного подъема тех лет был возможен такой праздник.

Составляем текст телеграммы сыну поэта Евгению Борисовичу Пастернаку.

А.А. Колотил
Дом в Мutowках, в котором жил
Б.Л. Пастернак. Б., сентябрь 1988

На следующий год пригласили сына поэта. Приехал он с женой Еленой Владимировной и родственницей Анной Николаевной Вильям. Она жила в Мutowках с семьей своей сестры тем же летом 1927 года. Снимали дачу через дом от Веденеевых. Мы с Л.С. Сурковой были потом у нее в гостях в Москве. И она немало рассказала о том лете.

На втором празднике было принято обращение в Госкомиздат с просьбой выпустить произведения Пастернака массовым тиражом и издать воспоминания о поэте. Из издательства пришел ответ, что тираж сборника стихотворений и поэм Бориса Пастернака в серии «Классики и современники» по просьбе читателей увеличен с 5000 тысяч до 2-х миллионов экземпляров.

Было еще обращение в Союз писателей. На этом празднике выступила Л.Б. Либединская. Рассказала, что есть решение сделать музей Пастернака в Переделкине, в доме, где он жил. Но решение не выполняется. Через несколько лет после смерти поэта родных выселили – дача-то казенная, литфондовая. Дом разрушается.

Первое письмо с такой просьбой я посылаю еще после первого праздника. Ответа не было. На второе пришла отписка. Но мы избрали Оргкомитет Пастернаковских праздников. И от его имени

А после праздника один из присутствовавших – Владимир Николаевич Князьков, инженер из Загорска, решил найти дом, где жил Пастернак. И нашел! Мне и в голову не пришло искать – 60 лет прошло. Дом Веденеевых. И сейчас он стоит на краю деревни, над оврагом.

я стала настойчиво писать и В.В. Карпову в Союз писателей, и в Государственный литературный музей. Литературные чиновники отфутболивали письма в другие инстанции. Тут мы узнали, что в Московском областном суде будет слушаться дело о судьбе Дома-музея Пастернака. В декабре 1988 года мы с Л.С. Сурковой были на этом заседании и выступали. Впоследствии музей был открыт. Конечно, огромная заслуга в этом Андрея Вознесенского, наверное, кого-то еще. Мы же просто делали, что могли.

Тем временем в Абрамцевском училище сменился директор. Новому директору Л.Д. Дыменту я обязана очень интересным знакомством. Как-то он встретил меня на той дорожке, где я раньше встречала Ю.Я. Цыпина. Обрадовался. Оказывается: приехала к ним в Училище группа детей из Англии, по обмену, кажется. И одна из сопровождающих прямо в аэропорту заявила, что хочет побывать на могиле Пастернака. А где могила? Директор не знал.

И через несколько дней мы поехали в Переделкино. Айлин говорила по-русски, но стеснялась: практики нет. В маленьком городе, где она живет, нет русских. А выучила она язык, чтобы читать Пастернака в подлиннике

На переделкинском кладбище я была несколько раз, но всегда 30 мая, в день смерти поэта. В этот день сотни людей приходят на могилу, приносят цветы, зажигают свечи, читают стихи. Иностранцы приезжают целыми автобусами. Мы же пришли в обычный день августа. Оказались и в такой день не одиноки: к могиле подходили люди.

А в доме шел ремонт. Посетителей не пускали. И все же Л.Д. Дымент уговорил разрешить Айлин войти на несколько минут. Мы ждали ее во дворе.

Прошло несколько лет. И Айлин снова приехала в Россию. И снова мы побывали в Переделкине. Оказалось, что она приняла православие – такое действие оказали на нее стихи Пастернака. Потом она прислала мне фотографию маленькой церкви. Она не только сама стала православной, но создала православную общину. Даже церковные праздники прихожане отмечают по нашему календарю. Так в английском графстве Шропшир появился православный храм.

А 30 мая 1989 года, в день смерти поэта, мы члены Клуба любителей поэзии, вместе с заведующей библиотекой А.Д. Юн, под руководством Г.Н. Корневского отправились в Переделкино. Было невероятное скопление народа. Знаменитый тогда «Взгляд» вел съем-

ку. Вопросы задавали политического характера. Не помню точно, что меня спросили. Ответила почему-то словами Николая Гумилева:

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог.*

Какая тогда была вера в будущее! Вера в свободу слова. В силу слова...

1990-й год. ЮНЕСКО он был объявлен годом Пастернака. Подготовка к столетнему юбилею началась в 1989-м. В Музее изобразительных искусств открылась выставка «Мир Пастернака». Огромную аудиторию собрали Пастернаковские чтения в Центральном доме литератора. На этих чтениях я увидела отца Александра Меня. Потом я пригласила его на наш праздник 1990 года. Он ответил, что, к сожалению, не сможет быть: утром у него служба в церкви, потом занятия в воскресной школе, позже лекция. Пожелал успеха.

Письмо пришло в день его похорон...

То, что был найден дом в Мutowках, где жил Пастернак с семьей, привело к мысли о мемориальной доске. Владельцы дома Веденеевы, немного посомневавшись, согласились. Их убедила приехавшая в гости сестра хозяина – она маленькой девочкой видела поэта, помнила.

Теперь нужен был материал, художник, деньги и согласие районных властей. Две квадратных плиты мрамора мне дали в Абрамцевском училище. Художник Юрий Веснин – он тогда преподавал в этом училище – взял на себя исполнение. Вырезал профиль поэта, договорился с мастерской по изготовлению могильных памятников сделать текст. Художественный совет Училища утвердил композиционный замысел и выполнение в материале.

Деньги... Неожиданно решился и вопрос с деньгами: предложила помощь В. Т. Устименко, председатель Загорского отделения общества «Знание».

Не было только разрешения от отдела культуры. Несколько месяцев я ездила к заведующему районным отделом культуры К. А. Никулину. Он все не решался наложить резолюцию. Говорил, что вдруг хозяева дома потребуют сделать ремонт, вдруг захотят, чтобы к дому положили дорогу... Наконец, подписал.

7 октября 1990 года доску открыли. Были речи, стихи... Актриса Тамара Ямпольская привезла из Москвы цветы. Выступил Н. В. Бан-

ников, редактор и друг Пастернака. Очень к месту прочитал он строки поэта:

*Смягчается времен суровость,
Теряют новизну слова.
Талант – единственная новость,
Которая всегда жива.*

Молча стояла городская администрация, каким-то образом узнавшая о событии. Потом пошел дождь. Автобус Училища застрял в грязи. Мы дружно его выталкивали. Жаль, у фотографа Н. Н. Соловьева кончилась к этому времени в фотоаппарате пленка.

*Памятная доска
Б.Л. Пастернака
в Мutowках*

Так открыли памятную доску Борису Пастернаку. Вторую в мире. Первая – в Марбурге, немецком городе, на доме, где в студенческие годы жил Пастернак.

А в том, 1990-м году, на четвертом Пастернаковском празднике, нам впервые удалось организовать продажу сборника стихов Пастернака. После долгих переговоров – большое участие в них приняла библиотекарь Н. Н. Жданова – на автобусе Абрамцевского училища привезли книги из московского издательства.

Праздники 1989, 1991 и 1992 годов были связаны и с именами поэтов, близких Пастернаку: Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама – это были годы их столетних юбилеев. В 1991 году удалось организовать приезд в Хотьково Е. П. Муратовой и Е. В. Радомысленского со спектаклем «Улица Мандельштама».

За несколько лет в стенах Абрамцевского училища выступили многие литературоведы, писатели и поэты, играли и читали стихи актеры. Побывал Евгений Борисович Пастернак. Звучала классическая музыка в исполнении музыкантов Московской консерватории. Читали стихи жители Хотькова и Загорска, а также почитатели творчества поэта, приезжавшие из Москвы. И, может быть, важнее всего, что участниками праздников были студенты Абрамцевского училища.

Но в 1992 году многое в обществе уже изменилось. Энтузиазм директора и коллектива преподавателей Училища угас. Пришлось

менять место проведения праздников: школьный зал, Дом культуры, одна библиотека, другая... Был круг людей, приходивших на праздник при любой погоде. Из года в год приезжали из Москвы почитатели таланта поэта. Появлялись новые лица. Но массовость осталась в прошлом.

*Приглашение
на выставку
«Мир Бориса
Пастернака»*

В 2000 году исполнилось 110 лет со дня рождения Пастернака. И я предложила устроить к этой дате выставку в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике (С 1995 года я работала там, в краеведческом отделе). Семья Е. Б. Пастернака предоставила графику Леонида Осиповича Пастернака, отца поэта, живопись первой жены Пастернака Евгении Владимировны, фотографии, книги и пр. Во время работы выставки в музее был показан замечательный спектакль по письмам Пастернака и Цветаевой «Двух голосов перекличка». Его играли Е. П. Муратова и Е. В. Радомысленский. А я получила устный выговор от директора музея. В. Т. Устименко, которая к тому времени стала заместителем директора музея, жаловалась ему, что зал был переполнен, сидели даже на подоконниках – я не отправила назад группу учащихся, приехавших из Хотьковской школы № 1. Недавно случайно встретила учительницу литературы Татьяну Ивановну Затонскую, которая тогда привезла детей в музей. Она вспомнила поездку и сказала, какое большое впечатление спектакль произвел на школьников.

Выставка имела успех. И В. Н. Сосин, руководитель Сергиево-Посадского литературного объединения «Свиток», предложил провести конкурс стихов о природе среди местных поэтов. И назвать его «Пастернаковское лето». Удачное название: напоминание о лете 1927 года, которое поэт провел в нашей местности, и напоминание о том, что из всех русских поэтов XVIII–XX веков Пастернак – самый летний. А я вспомнила, что это подсчитал М. Эпштейн («Природа, мир, тайник вселенной...»). М., 1990).

Участники конкурса приехали на Пастернаковский праздник 2000 года в Хотькове и побывали в Мутовках. А на следующий год решили сделать конкурс традиционным.

Праздники переместились в Сергиев Посад и стали литературными конкурсами «Пастернаковское лето». Первые три года они

проходили в краеведческом отделе Сергиево-Посадского музея-заповедника, а с 2003 г. проводятся в Центральной районной библиотеке имени В. В. Розанова. Особенность их в том, что материалы подаются под девизами. При поведении итогов оглашаются только имена победителей. А в жюри приглашают поэтов, журналистов, филологов из других городов. Эти условия обеспечивают максимум возможной объективности.

Постепенно тематика рассматриваемых произведений была расширена: стали принимать стихи не только о природе, а также прозаические произведения. И никогда не бывает ценных подарков. Победителей награждают яблоком, шоколадной медалью, глиняной свистулькой, воздушным шариком, деревянной игрушкой и т. п.

Значительная часть моих газетных заметок с тех пор оказалась связанной с этим поэтом и праздниками его поэзии, а потом поэтическими конкурсами его имени.

Работа в школе

В начале 1990-х годов заместитель директора по воспитательной работе одной из хотьковских школ Л. А. Астафьева предложила мне проводить занятия с детьми по МХК, то есть мировой художественной культуре. Знакомы мы были по Клубу любителей поэзии и другим мероприятиям – Лидия Александровна прекрасно пела романсы и любила выступать перед аудиторией. Ее предложение может показаться странным, но все равно вести МХК было некому. А позже, на семинаре преподавателей МХК в Сергиевом Посаде, я поняла, что и в других школах ведут этот предмет, кто во что горазд. Кто-то тратит эти часы на подробное изучение «Гамлета», кто-то стремится вложить в головы детей массу имен древнеегипетских фараонов...

Первые попытки вызвать у детей интерес к живописи ни к чему не привели. А один мальчик Саша просто поджигал репродукции картин, которые я вывешивала в рекреации. Его не любили учителя и ненавидели одноклассники.

Я решила отказаться от методичек и знакомить детей с теми художниками, которых сама любила. А среди самых любимых был Анри Матисс. Он много в последние годы занимался декупажами. И мне пришло в голову предложить школьникам 8-го класса сделать декупажи из цветной бумаги. Они как-то нашли материал и выпол-

нили задание. А иные не остановились, стали приходить во время перемен в комнату, где я сидела, и приносить все новые работы. И тот самый Саша, поджигавший репродукции, стал делать работы темперой. Даже экспериментировал с техникой, например, посыпал еще невысохший лист солью. У многих получались очень интересные произведения. И, судя по названиям, дети стремились выразить в своих работах то, что их волновало.

И восьмиклассников, и десятиклассников я стала возить в музеи. В Москву, в Абрамцево, в Александров. Время было трудное – 1990-е годы. Учителям-предметникам было не до этого. Почти никто из ребят в музеях раньше никогда не был. Удобно было то, что тогда разрешалось, предъявив удостоверение учителя МХК, самой вести своей группе экскурсию, даже в Музее изобразительных искусств. Меня остановили только в Абрамцевском музее. Там строго блюли методические указания и, не смотря на состав экскурсионной группы, рассказывали, кто кому из лиц, изображенных на портретах, кем приходится.

Потом, после экскурсии, я давала ребятам просто побродить по залам. Особенно запомнилось, как в Доме художника на Крымском мы были в новогодние каникулы. Светлые просторные залы, тихая музыка, елки, наряженные золотистыми бантами и розовыми цветами, гобелены на стенах... Для детей это было как сказка.

Со старшеклассниками я проводила и литературные вечера. Например, предложила самим ребятам выбрать стихи Марины Цветаевой, которые они хотят прочитать. Это было рискованно: ведь мне на основе выбранных стихов надо было сделать композицию. А получилось замечательно. Как трогательно девочки-близняшки читали в два голоса:

*Стоишь у двери с саквояжем.
Какая грусть в лице твоём!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем...*

А еще были интеллектуальные игры по типу «Великолепной семерки», даже на соревнованиях между школами выступали. Почему-то нет теперь этой игры на телевидении.

А кукольный театр! Дети захотели поставить спектакль по сказке Шергина. Я заметила, что нет ведь куклы-кошки.

– Заяц есть! Пусть вместо кошки будет!

И даже самостоятельно декорации нарисовали. Это пятый класс.

А новогодние праздники! Запомнился пятиклассник Миша. Такой артистичный мальчик. Пришел в плаще из старой пеленки с нарисованным на ней красным крестом – рыцарь! Пеленка порвалась, и он даже плакал. Как он любил выступать, как интересовался литературой, историей. С пятым классом был у меня кружок от Дома творчества детей и юношества. Однажды начальство Дома творчества распорядилось, чтобы пятиклассники написали сочинения по Сергию Радонежскому. Но маленькие дети не могли написать. Я поняла это и предложила написать об эпизоде Святого с медведем. И добавить, как они сами относятся к животным. Миша получил за сочинение первое место. Он писал, как он любит всех собак. И как собаки его любят.

Но когда стали изучать тригонометрию, он залезал под парту. И учитель добился, чтобы его перевели в школу при психиатрической больнице. Я потом узнавала о нем. Он там на уроках все спал – такие лекарства давали. Думаю, где был бы Александр Пушкин, живи он в наши дни.

А в другой школе мне предложили вести кружок со старшеклассниками. И я предложила цветом выразить разные понятия, например, радость, грусть и более сложные. Потом сделать то же линией. Удивительно – дети без труда это делали. И еще им очень нравилось рисовать жизнь на разных планетах: на плохой, на хорошей. В основном они передавали ее цветом. А результаты тестирования их по Люшеру меня огорчили: большинство школьников разного возраста выбирали темно-синий в качестве любимого. То есть дети желали покоя. Мне кажется, что они слишком утомляются в школе.

1990-е годы вспоминаются как самые лучшие годы моей жизни. Мне довелось работать с детьми, которые раскрылись как думающие, талантливые, живые существа. От них требовали успеваемость. От них требовали примерного поведения. Но вот я договорилась с одним скульптором, что приведу класс в его мастерскую. Как же примерно вели себя дети! Они ведь пришли в гости. Никто не стал смеяться, когда девушка – дочь скульптора по моей просьбе станцевала индийский танец, потом египетский. А еще оказались, в этом доме маленькие козлятки и котята. Сколько было радости! Особенно один мальчик-двоечник как же радовался козлятам! Я потом поняла, почему он так плохо учился. В восьмом классе он едва читал по слогам. Что-то было упущено. Но никому не было до этого дела.

Через несколько лет, когда я в школе уже не работала, встретила мне на улице бабушка того Саши, который когда-то поджигал репродукции. Он в армии оказался на хорошем счету: оформлял стенгазеты и т. п. Порадовалась я за него. И подумала, что интерес к изобразительному искусству не прошел даром.

Музейные годы

Начало. Князя Трубецкие

Во второй половине 1980-х годов в журнале «Огонек» печаталось много материалов о художниках, публиковались репродукции их произведений. Мое внимание привлекла картина И. В. Голицына «Трубецкие». На ней была изображена семья Трубецких на фоне Троице-Сергиевой Лавры. Рядом с фигурами – черные надписи: «воин», «зек», кресты и даты смерти.

Я уже знала, что Трубецким принадлежала усадьба Ахтырка, что в четырех километрах от Хотькова, города, где я живу. В альманахе «Панорама искусств» еще в начале 1980-х читала статью Д. С. Ганешина «Ахтырка. Записки краеведа». По литографии 1830-х годов можно было представить, какой замечательной была эта усадьба. Я же, бывая в Ахтырке, видела лишь полуразрушенную церковь да валяющуюся на земле гранитную колонну с выбитыми на ней трудно читаемыми стихотворными строками...

А вот имели ли отношение ахтырские Трубецкие к тем, что на картине, не знала. И когда в начале 1995 года начала работать в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике, в отделе, который тогда назывался краеведческим, решила это выяснить.

С чего начать? В то время я уже была немного знакома с заведующим отделом советского искусства Абрамцевского музея Алексеем Ивановичем Куншенко. И обратилась к нему. В справочнике он нашел для меня адрес И. В. Голицына. Художник ответил на мое письмо и назначил встречу. В первый раз я опоздала: плохо поняла по телефону, где надо выйти из троллейбуса, и шла несколько километров по бесконечному шоссе Энтузиастов, бывшей Владимирке.

Нужный мне дом оказался трехэтажным кирпичным строением. Увитое облетевшей виноградной лозой, оно стояло в глубине двора в окружении многоэтажных современных зданий. Я отворила

Усадебный дом в Ахтырке. Фото начала XX в. (Не сохранился)

калитку, навстречу с лаем бросились собаки, одна из них – на трех лапах...

На земле у дома внимание привлекла скульптура лежащей женщины. На стене у входа – мемориальная доска художника В. А. Фаворского. В коридоре и на лестнице – афиши разных выставок.

Вошла, смущенная опозданием. Меня встретил, показавшийся мне огромным, красивый человек с гривой седых волос и громким голосом.

После первых же моих слов Илларион Владимирович сказал: «Так вы поезжайте прямо сейчас к Андрею Владимировичу Трубецкому. Я ему позвоню». Оказалось, что Трубецкие, изображенные на картине, прямые потомки владельцев Ахтырки. И я сразу отправилась на другой конец Москвы. Так началось мое знакомство с Голицыными и Трубецкими.

Не раз я бывала потом и в московской квартире Трубецких, и в селе Озерецком, где они купили избу и жили там в летнее время. В результате в Сергиево-Посадском музее в 1996 году музею удалось сделать выставку «Князя Трубецкие в нашем крае». Тогда как раз потомки князя Николая Петровича Трубецкого, последнего из Трубецких, владевших Ахтыркой, решили устроить семейное собрание в России. И мы успели открыть выставку к этому событию.

Выставка, размещенная в анфиладе залов, получилась очень насыщенной экспонатами. В фондах музея-заповедника разыскали диван

и два кресла, обитых голубым шелком. После революции они попали в музей из Ахтырки. Их расположили на фоне увеличенной фотографии вида усадебного дома, создав подобие фрагмента интерьера. Необычное образное решение предложила женщина-дизайнер из Москвы, к сожалению, я не запомнила ее имени. Она сделала фрагмент условного жилища Трубецких в Сергиевом Посаде: драный венский стул с роскошной старинной куклой на нем, и на обтянутом черной тканью щите маленькая иконка преподобного Сергия, написанная на золотом фоне. Как рассказала родственница Трубецких А. В. Комаровская, у Трубецких в Сергиевом Посаде в 1920-е гг. старинные предметы, хотя и поломанные, соседствовали с простыми вещами. А прекрасную куклу кто-то, уезжая в эмиграцию, оставил девочкам Трубецким. Из воспоминаний Е. Н. Трубецкого известно, что его мать над каждой детской кроваткой вешала небольшую икону. Хотьковские монахини писали иконы на золотом фоне. И одна такая нашлась в фондах музея-заповедника.

Раньше, бывая в Русском музее, я проводила часы в зале Паоло Трубецкого. Его скульптура «Дети» – самое мое любимое произведение. Тогда я и не подозревала, что это портрет братьев Николая и Владимира Трубецких. Но показать эту скульптуру на выставке не удалось. Зато удалось получить другие бронзовые скульптуры Паоло Трубецкого из Третьяковской галереи. Там мне охотно дали возможность выбрать по каталогу те, которые находятся в фондах. Не разрешили только маленькую статуэтку собаки. Сотрудники Третьяковки специально приезжали проверить условия, где будут экспонироваться эти работы. Им понравилось, что у музейной охраны есть собака. Пес Федор, правда, ничего не охранял, просто охранники прикормили его, бродягу. Но было принято положительное решение. И заведующая отделом Лидия Васильевна Гирлина в сопровождении милицейской машины привезла скульптуры.

Один из залов был занят работами И. В. Голицына. Для картин он выбрал шпалерный способ развески. А большое полотно «Трубецкие», на котором он изобразил семью В. С. Трубецкого в Сергиевом Посаде, висело отдельно. И еще были скульптуры из известняка и несколько инсталляций.

Члены семейного собрания Трубецких, а их приехало из разных стран около 160 человек, посетили выставку. Среди них были те, кто не знал русского языка, и те, кто его сохранил. Потом все сфотографировались перед Лаврой. На этой многочисленной фотографии в центре первого ряда сидит великолепная борзая Агат. Его захватила

с собой из Москвы Ирина Глебова. Потом все поехали в Ахтырку. Встречали Трубецких колокольным звоном. К тому времени церковь уже была реставрирована и являлась действующей. На встречу собрались все жители села. Звучали возгласы: «Приезжайте еще!».

Выставка вызвала немалый интерес и у жителей Сергиева Посада. Ведь она была необычна и темой, и оформлением. И надо отметить, что впервые в музее-заповеднике прозвучала тема репрессий.

В холодные ноябрьские дни мы провели конференцию «Трубецкие в нашем крае». И вот выставку пора было свертывать. Еще при подготовке к ней мы побывали с Л. В. Гирлиной в Музее Московской консерватории и увидели полное пренебрежение к имени Н. П. Трубецкого, так много сделавшего для музыкальной жизни Москвы и для создания Консерватории. Не то что его портрета, даже упоминания об этом человеке не было. И директор музея слышать о нем не хотела. Такая разница с отношением к имени князя в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки.

Н. П. Трубецкой

А прочитав в «Московском журнале» (1995, № 11) статью Елены Шуховой «Хозяин музыкальной Москвы» о Н. Г. Рубинштейне, я написала в редакцию письмо о том, что забыта роль Н. П. Трубецкого в музыкальной жизни Москвы и послала фотографию князя. («Московский журнал». 1996, № 10. С. 64). Ссылалась на воспоминания Е. Н. Трубецкого («Из прошлого». М., 1917) и статью Д. С. Ганешина («Панорама искусств». 1981, № 4. С. 384–418). Конечно, воспоминания Е. Н. Трубецкого были недоступны тогда широкому читателю, но все же считаю, что это не извиняет автора статьи о Н. Г. Рубинштейне.

Итак, выставку закрыли. Жалко было с ней расставаться. А ведь столько было накоплено материала, в том числе и о судьбах Трубецких после революции. Эти сведения отсутствовали в прекрасной работе Д. С. Ганешина об Ахтырке. И тогда пришла мысль написать книжку об Ахтырке и Трубецких.

Текст я отдала на проверку Андрею Владимировичу Трубецкому, в то время старейшине этого рода в России. Он сделал несколько небольших замечаний. Они, естественно, были мной учтены. Пред-

ставила я текст книги и зам. директора музея-заповедника по научной работе Т. Н. Манушиной. Она потребовала убрать главы о тех Трубецких, кто жил в другой подмосковной усадьбе – в Узком, хотя это были дети последнего из Трубецких, владевших Ахтыркой. Потребовала убрать и главы о тех, кто уехал за границу, и о тех, кто остался в России и был репрессирован, считая, что эта информация не относится к теме. Снова и снова при составлении годового плана я напоминала об этой книжке. Ответ был всегда один и тот же: «У музея денег нет». Стала понимать, что такое отношение неслучайно. Ведь и доклады, прочитанные на конференции, посвященной Трубецким, и переданные мной в научную часть музея, так и не были опубликованы.

Вспомнилось, как при подготовке к выставке мы пригласили в музей А. В. Трубецкого. Он приехал, и мы с Л. С. Гирлиной, радостные, бросились в научную часть, уверенные, что Т. Н. Манушина захочет с ним познакомиться. Она встретиться не пожелала. Нас как будто облили ведром холодной воды. Не знаю, в чем тут дело. Т. Н. Манушина была родом из Ахтырки. В книжке жителям Ахтырки я посвятила небольшую главу и поместила фотографию Манушиной.

Трубецкие договорились встречаться каждые 10 лет. Приближался 2006 год. Андрея Владимировича уже не было в живых. И вдруг ко мне обратился его сын Николай Андреевич Трубецкой, предложил выпустить книжку. Я в растерянности объяснила, что руководство музея требует убрать несколько глав. На что получила ответ: «Отец одобрил, а плачú я. Ничего не будем сокращать».

Но трудности были впереди. Мне очень хотелось дать в книге прекрасные фотографии усадьбы, приведенные в книге Ю. Шамурина «Подмосковные». Книга вышла в 1914 г. и попала в Фонд редких книг музейной библиотеки. В том здании, где находится библиотека музея, не было множительной техники. Чтобы сканировать иллюстрации, книгу надо вынести на несколько минут в соседнее здание. Но по правилам выносить книги из редкого фонда не разрешалось. Руководство музея поставило условием разрешения копирайт музея на книге. Пришлось согласиться.

Книжка вышла тиражом 500 экземпляров, с черно-белыми иллюстрациями. Только обложка в цвете. В ее оформлении принял участие Михаил Андреевич Трубецкой – прошелся рукой мастера. Значительная часть тиража ушла за границу с потомками Н. П. Трубецкого, приезжавшими на семейное собрание. Остальную часть тиража я передала по указанию Н. А. Трубецкого настоятелю ахтырской церкви о. Борису Можаяву. Так что теперь книга считается ценной и редкой.

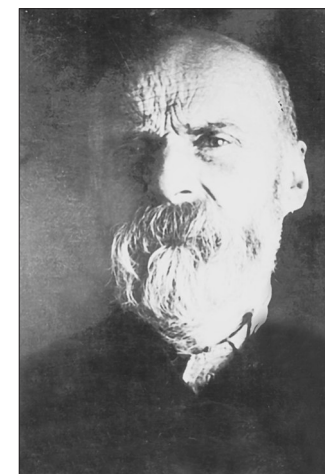
В 2017 г. я увидела в Интернете сайт Сергиево-Посадского музея-заповедника с перечнем трудов сотрудников. У меня оказались в списке всего три статьи да еще газетная заметка об Ахтырке. Книги «Усадьба Ахтырка и князя Трубецкие» с копирайтом музея не окзалось...

Тема князей Трубецких не отпускала меня. Так, в сборнике «Русская усадьба» опубликована моя статья «Тебе, мать нежная, драгая...». Названием послужила первая строчка стихотворения князя Петра Ивановича Трубецкого, которое он приказал выбить на памятнике своей матери.

Отдельная статья посвящена картине И. В. Голицына «Трубецкие». О Трубецких рассказывается также в книге «... под покров Преподобного» (СТСЛ, 2007), а об усадьбе Ахтырка в книге «Из прошлого Сергиевской земли» (Сергиев Посад, 2011).

«... под покров Преподобного»

«... под покров Преподобного» – книга, которую я считаю самой важной. Как она появилась? Однажды встретил меня глава издательства «Весь Сергиев Посад» В. В. Захаров и предложил издать книгу о тех людях, которые приехали в город после революции. Он знал мои многочисленные публикации в местной газете. Сказал, что это будет первый случай, когда издательство выпустит книгу за свой счет. Сначала я не могла даже сообразить, в какую форму облечь то, что собрала. Думала, может быть, просто опубликовать фрагменты мемуаров, которые оказались у меня к тому времени. Но потом пришла в голову мысль об очерках и распределении их по домам, в которых в Сергиевом Посаде жили так называемые «бывшие». Благо один очерк – «Дом на Вальной» – об Олсуфьевых, Мансуровых и Комаровских был уже опубликован мной в 1997 году в трех выпусках «Краеведческого вестника» – приложения к районной газете «Вперед». А в следующем году его опубликовал «Московский журнал».

Ю. А. Олсуфьева

Фото из след. дела. 1938

Имя графа Юрия Александровича Олсуфьева вывел из забвения Герольд Иванович Вздорнов. Первая его статья об Олсуфьеве так и называлась «Забывтое имя». А в 1994-м он опубликовал со своей вступительной статьей в «Нашем наследии» воспоминания самого Олсуфьева – «Из недавнего прошлого одной усадьбы». Позже издал их вместе с «Общениями – выписками из записных книжек». У меня есть эта книга с его дарственной надписью. Так что основные биографические сведения об Олсуфьеве в очерке «Дом на Вальной» приведены мной по работам Г. И. Вздорнова.

Но я использовала и другие материалы. Дело в том, что мое знакомство с Трубецкими не закончилось, когда закрылась посвященная им выставка. Я продолжала иногда бывать у них и в Москве, и в Озерецком, где они жили на даче. Как-то Елена Владимировна Трубецкая стала говорить, что надо меня познакомить с Тоней. Речь шла о графине Антонине Владимировне Комаровской, дальней родственнице Трубецких: муж Е. В. Трубецкой приходился троюродным братом А. В. Комаровской. Впрочем, для людей их круга такое родство далеко не считается. Так, Сергей Петрович Раевский, с которым меня также познакомил Елена Владимировна, приходился ей по одной линии троюродным дядей, а по другой – четвероюродным.

Знакомство с А. В. Комаровской оказалось очень плодотворным. Первое время я все никак не могла отойти от темы Трубецких и просила ее, например, вспомнить обстановку в доме, где жили Трубецкие в Сергиевом Посаде. И она как-то радостно стала вспоминать. Тут я сообразила попросить ее написать свои воспоминания о жизни в Сергиевом Посаде. Получился такой яркий, такой свежий рассказ о детстве! Я дала из него цитаты в нескольких статьях и в очерке «Дом на Вальной». Антонина Владимировна замечательно описала и городскую усадьбу Олсуфьевых в Сергиевом Посаде, и Юрия Александровича Олсуфьева, и Софью Владимировну, его жену. Эти воспоминания потом опубликовал полностью А. Н. Стрижев в качестве приложения в книге Граф Ю. А. Олсуфьев. «Икона в музейном фонде» (М., 2006).

Мы разговаривали с Антониной Владимировной и о ее отце – художнике Владимире Алексеевиче Комаровском. Выяснилось, что, когда только открыли архивы, она не просто познакомилась с его следственными делами, но все их переписала. А его арестовывали несколько раз. И потом сама на машинке перепечатала. Огромная работа! Мне она дала копии – печатала через копирку. Только не захотела дать последнее дело – дело 1937 года. Сказала, что ей это слишком

М. М. Осоргина
Портрет
В. А. Комаровского
Б., кар. 1921

тяжело. У нее нашлась и фотокопия справки о работе В. А. Комаровского в качестве художника в Сергиевском историко-художественном музее. Справка была особенно важна потому, что довоенный архив отдела кадров музея не сохранился.

Вскоре мне стало совершенно ясно, что лучше всего обращаться по поводу документов и другой информации к родственникам интересующих меня людей. Антонина Владимировна дала мне для ксерокопирования несколько статей, которые были посвящены ее отцу. Подумайте, где бы я могла найти такие журналы и альманахи, как «Даниловский благовестник», «Хоругвь», или «Златоуст»? Да я и не подозревала об их существовании. Надо добавить, что тогда, в 1990-х годах, интернет еще не был распространен.

А у А. В. Комаровской был и журнал с воспоминаниями К. П. Трубецкой о ее отце Петре Владимировиче Истомине. Антонина Владимировна была не просто знакома с Ксенией Петровной, а даже жила у нее около десяти лет в городе Рыбном Рязанской области. Так получилось потому что, когда она уже смогла вернуться из ссылки, в Москве ее не прописывали. И у меня оказался основной материал для очерка «Истомины и князь И. С. Мещерский». Саму Ксению Петровну я уже не застала – она скончалась в 1995 г.

Запомнился мне вечер в Фонде культуры из цикла «Святыни России». Он был посвящен Троице-Сергиевой лавре и назывался «XX век в воспоминаниях очевидцев». Это лето 1998 г. Я была в тот день в Москве в командировке. Закончив дела, заехала к своей тете и почему-то решила позвонить Антонине Владимировне. Вдруг она говорит: «Сегодня будет однодневная выставка работ моего отца в Фонде культуры на Гоголевском бульваре. Приезжайте». Успеваю. Нахожу этот Фонд. А меня не пускают: письменного-то приглашения нет. Стою в вестибюле, надеюсь: может, войдет кто-нибудь из знакомых. Идут все какие-то неизвестные мне люди. И, о чудо! Граф Николай Николаевич Бобринский! Он был у нас на выставке «Князья Трубецкие» – мы организовывали с ним встречу. Бросаюсь к нему: «Николай Николаевич, меня не пускают!». Он берет меня под руку, и ведет мимо охраны. Вид у него с бакенбардами под императора Александра II такой, что охранникам и в голову не приходит остановить. Поднимаем-

Н. Н. Бобринский*Фото 1996*

ся по лестнице на второй этаж. Он спрашивает, какой научной темой я сейчас занимаюсь. Отвечаю, что у меня тема – «бывшие». И он так задумчиво говорит: «Бывший граф, бывший сенбернар...».

В Парадном зале Фонда – выставка эскизов В. А. Комаровского, в основном к росписи церкви на Софийской набережной в Москве. Всего 12 работ. Как же хорошо, когда выставка небольшая. Можно спо-

койно, не торопясь, рассматривать экспонаты. Такая же обстановка была и на вечере. Никакого регламента. Рассказывали сидя, тихими голосами. Никто никуда не спешил. И от того возникало совершенно особое ощущение не казенного мероприятия, а именно вечера, на который пришли заинтересованные люди.

Дождаться, когда выйдет моя книга очерков, я не могла. Написала о Комаровском в местную газету, Вошел материал о нем и в уже упомянутую статью «Дом на Вальной». А еще, познакомившись на этом вечере с одной журналисткой, через нее опубликовала статью о Комаровском в газете «Русская мысль», издающейся в Париже. Потом в этой газете напечатали еще несколько моих статей.

И, разумеется, я постаралась поделиться с краеведами своими соображениями о важности использования частных архивов. Тут как раз меня пригласил глава российского краеведения С. О. Шмидт на краеведческую конференцию в Музее-заповеднике «Горки Ленинские». Там я сделала доклад «Опыт работы с респондентами при изучении истории XX века». Замечаю, что на подобных конференциях, независимо от их названия, люди говорят, как правило, о своих достижениях. А у меня доклады бывают чаще методического характера – так хочется поделиться, посоветовать, как лучше вести работу. Да все зря. Никому чужой опыт не нужен.

А. В. Комаровская была истинной аристократкой, человеком высочайшей культуры. Жизнь ее сложилась очень тяжело. Она была отправлена в ссылку в 1942 году, как дочь врага народа. Ей пришлось долго жить в Кировской области, заниматься самой черной работой. Но она даже не забыла французский язык. Перевела по моей просьбе для Музея родословную князей Трубецких. Осталась одинокой. Жила в семье Алексея Николаевича Бобринского, племянника. Последний

раз я видела ее незадолго до кончины в многоместной больничной палате. Оказалось, что она раньше никогда не лежала в больнице. Была я и в храме на ее отпевании, а через год с Бобринскими – на ее могиле. Она похоронена на кладбище в Верее, там же где Мансуровы – Мария Федоровна Мансурова была ее теткой по матери.

Конечно, я не могла навещать Антонину Владимировну очень часто – работала. И все же теперь я корю себя, что недостаточно с ней общалась. Почему-то вспоминаются два эпизода. Я настойчиво спрашивала ее для этикетки под портретом о какой-то ее родственнице или знакомой: «Кем она работала?». И Антонина Владимировна так мягко сказала: «Дамы в то время не работали». А в другой раз я купила мороженое и принесла ей. Она как-то трогательно этому обрадовалась.

Добавлю еще, что однажды, когда Антонины Владимировны уже не было в живых, я побывала в Измалкове, где прошло ее детство. Предложила я С. Е. Бокову, владельцу сергиево-посадской телекомпании «Тонус» снять фильм о Борисе Пастернаке. Поехали мы в Переделкино. Сняли дом, могилу. Мне хотелось посмотреть еще на измалковский пруд. Пастернак писал о нем: «Большое озеро, как блюдо ...» Долго путались, искали, хотя пруд был рядом. И тут пришла мысль – подойти к измалковскому усадебному дому. Продирались сквозь чащу. То были настоящие джунгли. А в прошлом – парк. Вышли на открытое место. На нас бросилась собака, готовая, кажется, загрызть. Сотрудница телекомпании сумела как-то договориться с собакой. Тут вылез сторож и стал нас прогонять. Сотруднице телекомпании удалось и с ним договориться. Разрешил недолго поснимать. Усадебный дом, деревянный, очень внушительный. На нем транспарант с указанием фирмы, ведущей реставрацию. И, конечно, никаких признаков реставрационных работ. А возле дома памятник: фигура сидящего человека. Пригляделась: Корней Чуковский. Получается, что памятник теперь недоступен. Такая вот судьба. А поставили, должно быть, когда усадьбу занял детский пульмонологический санаторий. Хозяев-то выгнали в 1923 году. Не знаю, какова сейчас судьба дома. А какой бы музей можно было в нем открыть!

С радостью узнала, что уцелели книжные шкафы из этого дома. Великолепные шкафы из тополя, стекла защищены скрещенными копиями. Каким-то образом их приобрел Музей-заповедник А. С. Пушкина в Вяземах. Это заслуга директора А. М. Рязанова. Шкафы реставрировали и поместили в усадебном доме Голицыных, в помещении бывшей библиотеки.

С А. В. Комаровской связана еще одна большая тема. Как-то раз она вытащила из-под кровати большой чемодан с графическими работами своей родственницы Марии Михайловны Осоргиной. Ее имя тогда совсем не было известно в нашей стране. Чемодан привезли в Россию из Парижа. Художница завещала свои рисунки Алексею и Антонине, детям графа В. А. Комаровского. Семья Осоргиных, изгнанная после революции из своей усадьбы, нашла приют у Комаровских в подмосковной усадьбе Измалково. И большая часть присланных работ художницы была связана как раз с этой усадьбой. О работах знал член-корреспондент РАН Г. И. Вздорнов, уже сделал их реставрацию. И, как я поняла, пообещал Антонине Владимировне устроить выставку. Но годы шли, а чемодан все лежал под кроватью. И я предложила устроить выставку в нашем музее, в том отделе, где работала, тем более что многие сделанные М. М. Осоргиной портреты были портретами тех людей, которые приезжали из Сергиева Посада в гости в Измалково.

Кроме графических листов, в чемодане оказались еще фотографии с совершенно очаровательных силуэтных работ. Я предложила сделать с них ксерокопии, и получилось очень хорошо. Через несколько лет Г. И. Вздорнов, издал солидный том графики Осоргиной: «Подмосковное Измалково. Владельцы, родственники, друзья и гости Измалкова и Лукина в рисунках Марии Осоргиной. 1918–1930». (М., 2006). Книга получилась очень толстая. Но составитель счел недостойным приводить в ней силуэты, раз нет оригиналов. А рисунки поместил на сероватом фоне с серыми паспарту. Смотреть на них скучно.

Я же решила использовать ксерокопии силуэтов. А для паспарту рисунков была подобрана коричневая бумага.

Долго мы обсуждали с Антониной Владимировной название выставки. Остановились на таком: «Образы минувшего. Графика М. М. Осоргиной».

Небольшую статью о силуэтах Осоргиной опубликовал журнал «Русская галерея». Жаль, что там дали только две иллюстрации. А вместо обычного буклета удалось издать небольшую книжечку: Графика М. М. Осоргиной. Образы минувшего / сост. и автор вст. ст. Комаровская А. В. Сергиев Посад, 2002. 64 с. В нее вошли лучшие

М. М. Осоргина
Автопортрет
Б., тушь. 1918

силуэтные работы и рисунки. А деньги на это издание дала сама А. В. Комаровская из своей пенсии.

Показывать в стеклопакетах такую замечательную графику, на мой взгляд, было невозможно. А средств на покупку рам музеев, конечно, не давал. В хозяйственном магазине я увидела плинтус, очень дешевый. Узнала, что в музее есть оборудование для изготовления рам. И рамы были сделаны из плинтуса.

Прошло какое-то время, и Ирина Владимировна Острикова, сотрудница Музея-заповедника А. С. Пушкина в Больших Вяземах, задумала сделать выставку работ Осоргиной и попросила эти рамы. И еще попросила разрешения переиздать книжку. В том музее тоже получилась интересная выставка. Расположили ее прямо в залах голицынского дворца среди других экспонатов. Там, в частности, оказалась сумочка с высокими складными ножками, точь-в-точь такая, как на силуэте с изображением четы М. М. и Е. Н. Осоргиных. Присев в парке на скамейку, дама могла поставить перед собой сумку с принадлежностями для рукоделия.

М. М. Осоргина
М. М. и Е. Н. Осоргины
Б., тушь. 1918

Графика М. М. Осоргиной

Образы минувшего

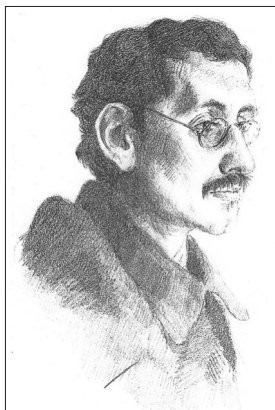
Обложка книги

Перед самым открытием выставки графики М. М. Осоргиной оказалось, что в квартире Екатерины Михайловны Перцовой, урожденной княжны Голицыной, висит ее силуэтный портрет, сделанный Осоргиной, когда Екатерина Михайловна была еще девочкой. Его поместили на выставке во фрагменте интерьера детской. «Детская» получилась очень удачной.

А для Антонины Владимировны выставка стала звездным часом: к ней толпились за автографом. Она, сидя в старинном кресле, надписывала книжки.

Очень скоро произошло несчастье: она, идя из церкви, споткнулась, сломала ногу. Больше уже не встала.

На этой выставке мне как-то пришлось вести экскурсию учащихся ПТУ, в котором готовят поваров. Учительница, послав их в музей, предупредила, что им придется писать сочинение по выставке. Я увидела у этих детей совсем другое, чем обычно, отношение и к выставке, и к экскурсоводу. Умная учительница! Не забуду, как одна из девочек возле портрета княжны Варвары Трубецкой, узнав, что ту сначала сослали, потом расстреляли, взволнованно сказала: «Ей 17 лет, как мне. Вот о чем я буду писать!».

*М.М. Осоргина
Портрет
С.П. Мансурова
Б., кар. 1923*

В олсуфьевском доме в Сергиевом Посаде жила и семья Мансуровых. Основные материалы для очерка о них я тоже получила у А.В. Комаровской. Мария Федоровна Мансурова была ей теткой. Антонина Владимировна составила из воспоминаний М.Ф. Мансуровой и нескольких других лиц проект книги о Сергее Павловиче Мансурове. Но в вышедшей позже книге «Мансуровы. Самарины. Воспоминания родных» (М., 2001) материал расположен по-другому, хотя она и была одним из составителей. И я немного сожалею об этом.

Однако, как обычно, нашлись и другие источники. Так, Татьяна Васильевна Розанова, работавшая под началом С.П. Мансурова в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, написала о нем, о его добром отношении к ней, такой неумелой. (Розанова Т.В. «Будьте светлы духом» М., 1999). А Дмитрий Михайлович Шаховской передал мне воспоминания о С.П. Мансурове, написанные его матерью Натальей Дмитриевной Шаховской-Шик. Особенно интересен фрагмент ее мемуаров, в котором она рассказывала об участии Сергея Павловича в сельскохозяйственной артели под руководством Ю.А. Олсуфьева. Впрочем, все ее мемуары очень содержательны.

Пожалуй, в своем очерке я уделила недостаточно внимания Марии Федоровне Мансуровой и Павлу Борисовичу Мансурову. Но зато много написала про замечательную статью С.П. Мансурова «О библиотеке». А вот книгу его очерков по истории Церкви мне так и не удалось прочитать. Несколько раз спрашивала ее в библиотеке Духовной академии, а она все оказывалась на руках.

Пыталась я заинтересовать С.П. Мансуровым директора историко-краеведческого музея в Верее, где прошли последние годы его жизни, но тщетно. И вдруг совсем недавно узнала, что возрождается Сергиево-Дубровицкий монастырь (недалеко от Вереи), в котором незадолго до кончины С.П. Мансуров служил священником.

В очерк «Дом на Валовой» вошли и сведения, найденные мной при изучении архива Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры и архива Сергиево-Посадского музея, а также сведения из материалов Отдела письменных источников ГИМ. Использованы были также статья Олсуфьева из сборника «Троице-Сергиева Лавра» 1919 года, каталог выставки искусства XIV и XV веков, устроенной им в 1924 году, и другие его работы, ставшие библиографической редкостью, но сохранившиеся в музейной библиотеке. Не было в библиотеке только книги П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева «Амвросий, троцкий резчик XV века». Она нашлась у внука П.А. Флоренского о. Андроника (Трубачева). Он говорил, что у него много экземпляров. Я написала отдельную небольшую статью об этой книге. А потом о. Андроник почему-то резко потребовал книгу вернуть. Я-то надеялась, что он даст ее для музейной библиотеки...

О Ю.А. Олсуфьеве появлялись все новые сведения, которые не вошли в книгу очерков. Так, важная подробность из жизни Олсуфьева была сообщена мне Ириной Леонидовной Кызласовой, доктором исторических наук. Она много занималась Олсуфьевым и осуществила публикацию нескольких его работ. Однажды в архиве ФСБ она попросила дело Олсуфьева 1938 года. По ошибке ей выдали дело 1925 года. Ксерокопии листов этого дела И.Л. Кызласова любезно передала мне. О том аресте никто не знал. Как выяснилось на конференции в Третьяковке, не знал даже Г.И. Вздорнов. Тогда, в 1925 году Олсуфьева скоро отпустили. Видимо, сыграло роль заступничество А.В. Щусева, подписавшегося под совершенно фантастическим текстом прошения в качестве архитектора мавзолея В.И. Ленину. Ранее Щусев был автором проекта храма на Куликовом поле и в то время сильно поссорился с Олсуфьевым, руководившим строительством. Разногласия касались формы башен храмового комплекса. Но пришла беда, и он вступился за графа.

Узнала я подробности этого конфликта много позже из книги тульского краеведа В.Н. Ашуркова – купила ее, когда побывала на Куликовом поле. Выписку из книги послала своей знакомой Елене Борисовне

Овсянниковой. И та в книге «Страницы из жизни А. В. Щусева» ее использовала. Мне жаль, что при реставрации башен храма на Куликовом поле осуществили проект Щусева, с которым был не согласен Олсуфьев. Граф лучше архитектора понимал древнерусское искусство и настаивал на том, что фасад должен быть симметричным.

А побывать в олсуфьевской усадьбе Буйцы Тульской области мне удалось благодаря И. Л. Кызласовой и ее мужу. Незабываемая была поездка. Мы остановились в деревне близ Куликова поля, в доме археологической экспедиции ГИМ. Рядом с домом росли вишни, усыпанные ягодами. Их разрешили собирать, но делать это приходилось, пользуясь лестницей – вишневые деревья были высоченные.

Рано утром, подойдя к окну, я увидела, что «Непрядва убралась туманом, как княжна фатой...». Потрясенная тем, что А. Блок мог так передать это незабываемое зрелище, бросилась будить моих друзей.

В бывшую усадьбу Олсуфьевых мы поехали на вездеходе археологической экспедиции – обычная легковая машина по такой дороге даже в сухую погоду пройти не могла. По обе стороны дороги стояли сорняки выше человеческого роста. Тучные там черноземы.

Ю. А. Олсуфьев так тщательно, так любовно описал каждую комнату усадебного дома в своих воспоминаниях «Из недавнего прошлого одной усадьбы». На месте, где был усадебный дом, мы увидели лишь несколько осколков белых керамических плиток. Они, конечно, были позднего происхождения, но мне вспомнился портрет Софьи Владимировны Олсуфьевой, приложившей ладонь к кафельной стенке печки. Так изобразил ее В. А. Серов. Впервые я увидела репродукцию портрета еще в студенческие годы.

Об этом портрете, о самой С. В. Олсуфьевой по просьбе Е. В. Трубецкой написала небольшие, но ценные воспоминания М. М. Веселовская, урожденная княжна Голицына. Фрагмент из них я включила в очерк.

А в Свияжске, где нашла свой мученический конец эта святая женщина, мне побывать так и не удалось.

Часть сведений об Олсуфьевых, не попавших в сборник очерков, вошла потом в статью «Материалы к биографии Ю. А. Олсуфьева», опубликованную в сборнике докладов на Забелинских чтениях в ГИМ. Отдельной статьей я опубликовала записку Ю. А. Олсуфьева в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры о размещении произведений искусства XVI века и приспособлении для этой цели бывшей портновской палаты. Из записки видно, что Олсуфьев был редким человеком, сочетавшим

склонность и умение заниматься научной работой с талантом, энергией и опытом организатора-хозяйственника.

Когда были опубликованы дневники Ольги Александровны Бессарабовой, я прочитала замечательное описание графа на сенокосе. Эти строки включила потом в статью о портрете Ю. А. Олсуфьева работы В. А. Комаровского. О дневниках я знала давно и обращалась к Анне Степановне Веселовской, дочери Ольги Бессарабовой-Веселовской. Была в ее квартире в академическом доме на Ленинском проспекте. Увидела там четырех или пять ее котов. А дневники, как она сказала, находились на даче под Звенигородом. Я пыталась обращаться по этому поводу еще раз или два, но бесполезно. Однако Анна Степановна через несколько лет все же передала дневники в Дом-музей Марины Цветаевой в Москве. Тогда и появилась возможность их публикации. Удивительно, что А. С. Веселовская вспомнила обо мне через столько лет: сообщила, что книга вышла. Но я книгу уже успела приобрести на презентации в Доме-музее Цветаевой. Хорошо, что публикацией дневников занялась Н. А. Громова.

На портрете Ю. А. Олсуфьева, написанном В. А. Комаровским, граф изображен с длинной бородой. Именно таким описала его Ольга Бессарабова. О бороде Олсуфьева упоминает в дневниках и Пришвин. Но сам портрет я знала только по черно-белой репродукции. Все попытки выяснить, как можно увидеть оригинал, были безуспешны: частная собственность, закрытая квартира, хозяева в отъезде. На мои просьбы, в конце концов, откликнулся внук художника Алексей Николаевич Бобринский. Он нашел цветной диапозитив с портрета. Неизгладимое впечатление. Но загадкой были два герба на портрете. Один – графов Олсуфьевых, а другой?.. К кому только я не обращалась с этим вопросом. Разгадку нашел Валерий Владимирович Бибикив, Президент Союза возрождения родословных традиций. Второй герб – герб графов Соллогуб. Мать Юрия Александровича была из этого рода.

А в 2016 году благодаря А. Н. Бобринскому мне посчастливилось побывать в Больших Вяземах на выставке В. А. Комаровского и увидеть сам портрет. И. В. Острикова, сотрудница Музея-заповедника А. С. Пушкина, сумела-таки достать его для выставки. И я восхищаюсь ей.

О публикации писем В. А. Комаровского в Сергиев Посад жене из Ишима, где он был в ссылке, я узнала благодаря заочному знакомству с Татьяной Павловной Савинковой, сотрудницей Культурного центра П. П. Ершова в Ишиме. Познакомила нас Ирина Анатольевна Едошина, доктор культурологи из Костромы. Письма были опублико-

ваны в одном из номеров альманаха, издающегося в Ишиме. Из них видно, что В. А. Комаровский написал по памяти еще один портрет Ю. А. Олсуфьева – портрет на красном фоне. Тот портрет не сохранился. Но есть автопортрет художника, тоже на красном фоне. Он в Музее имени И. В. Савицкого в Нукусе. Как же не случаен красный фон этих портретов!

Совсем недавно этот столь необычный автопортрет В. А. Комаровского был представлен в ГМИИ имени А. С. Пушкина. Привезли из Нукуса. Через красный фон смутно видны очертания каких-то изображений. Можно решить, что просто у художника были трудности с материалом. Вот он и взял кусок фанеры, на котором уже было что-то написано. Но чем больше вглядываешься, тем больше кажется, что это кровь. Кровь, заливающая все живое.

А тема Ю. А. Олсуфьева всё не кончается. То огорчишься, прочтя полную ошибок статью Л. А. Головковой о В. А. Комаровском, в которой она уделила немало места Олсуфьеву, то порадуешься, получив письмо из музея петербургской школы Карла Мая, с просьбой уточнить сведения об Олсуфьеве, выпускнике этой школы. Скольким же еще людям предстоит изучать феномен этого человека!

Нельзя не сказать и об истории с сокрытием главы преподобного Сергия Радонежского в доме Олсуфьевых. Владимир Александрович Ткаченко, заведующий историческим отделом Сергиево-Посадского музея-заповедника, сначала убедил меня, что это не более чем легенда. Но однажды я спросила об этом Александру Олсуфьеву, правнучку Ю. А. Олсуфьева. Она объяснила, что ее отец, живущий в Париже, очень расстраивался, что забыл, где именно в саду дома на Вальной была зарыта коробка с главой Преподобного. Ему об этом рассказал его отец Михаил Юрьевич. А так как по-русски Александра говорила еще недостаточно хорошо, то показала это: схватившись за голову, покачала ею из стороны в сторону, изобразив отчаяние. И добавила, что, узнав о спасении главы, ее отец успокоился.

Следующий очерк – очерк об о. Павле Флоренском и его соседях Огневых – я начала с цитаты из воспоминаний Т. В. Розановой «Будьте светлы духом...». Она писала, что о. Павел Флоренский знал так много языков, что при письме путал буквы. Потому некоторые свои сочинения он диктовал Софье Ивановне Огневой – она жила в доме на той же улице. Потом о. Андроник, внук Павла Флоренского, выразил мне свое недовольство: мало ли, что могла написать Татьяна Розанова – она тогда еще молодой была.

Значительную часть сведений об Огневых я получила от о. Саввы Михалевича, точнее из книги «Страницы из жизни Московского университета и московской интеллигенции конца XIX – начала XX века» (М., 1948). В ней есть раздел об ученом-биологе Иване Флоровиче Огнев, написанный его сыном Сергеем. Время выхода в свет этой книги совпало с начавшейся кампанией против вейсманистов-морганистов после печально памятной сессии ВАСХНИЛ. Книгу было приказано пустить под нож. И вот, когда ее везли на грузовике в резку, одному из учеников профессора Сергея Ивановича Огнева удалось выхватить несколько экземпляров. Книга оказалась потом у о. Саввы – он правнук И. Ф. Огнева.

Кстати, узнав, что есть такая книга, С. О. Шмидт, Председатель Союза краеведов России, пригласил меня к себе в Кривоарбатский переулок, подарил первый том «Арбатского архива». И, поставив передо мной блюдо с бананами, ушел в другую комнату сделать ксероксы с нескольких страниц из этой книги. Она его очень заинтересовала – была как-то связана с его школьными или студенческими годами. Не знаю, использовал ли он этот текст.

Надо сказать, откуда возникло знакомство с о. Саввой. В 1998 году городское руководство предоставило краеведческому отделу Сергиево-Посадского музея-заповедника здание детского сада. Тогда везде закрывались детские сады. Удивительно: властям не приходило в голову, что потом опять будет много детей, и снова будет не хватать детских садов. Садик в Сергеевом Посаде, принадлежавший раньше Трикотажной фабрике, решили перепрофилировать. Состоялось торжественное открытие. Мне заведующая поручила держать кошку, взятую временно из соседнего дома, и пустить ее первой в помещение в нужный момент.

А о. Савва зашел к нам потому, что его мама Ольга Владимировна Михалевич работала раньше в этом садике воспитательницей. И он сам, конечно, там бывал. Оказалось, что его деда, русского офицера, участника Первой мировой войны, а потом и Белого движения, судьба забросила в Югославию. Его дочь Ольга там родилась. В 1956 году ей с мужем и крошечным сыном удалось вернуться на родину. Поселились они в Сергеевом Посаде. О. Савва дал и фотографию своей мамы, еще девочки, и рассказ о том, как праздновали Рождество в Сараеве. Рассказ я предложила опубликовать в местной газете. Так как о. Савва оказался тогда единственным знакомым нам священником, то заведующая пригласила его освятить нашу первую экспозицию. Времена были голодные, но Л. В. Гирлина и угощение купила, даже

кусоч сыру. О. Савва кропил так, что я испугалась за экспонаты, но все обошлось.

Через несколько лет я с ним случайно встретилась. Оказалось, что он так и служит в церкви села Рахманово Пушкинского района. Часть своих рассказов он опубликовал в газете и выпустил книжечку «Приходские рассказы».

В очерк об Огневых вошли также мои записи рассказов Ольги Павловны Трубачевой, дочери о. Павла Флоренского. Несколько человек предупреждало меня, что попасть в этот дом непросто. Теперь уж не помню, как я впервые в него вошла. Наверное, через внучку о. Павла Марию Сергеевну Трубачеву. Ольга Павловна была тогда уже лежачей больной. Я приходила в дом на Пионерской несколько раз, часть ее рассказов записала на музейный магнитофон, часть – на бумагу. Ольга Павловна рассказывала, что Софья Ивановна Огнева очень любила и маленькую Олю, и ее брата Мика. Мне показалась трогательной такая подробность в ее рассказе. Умер сын Огневых Александр. Его хоронили в Москве. Она поехала в валенках, а тут – оттепель. И студенты на кладбище клали ей под ноги дощечки, чтобы она по ним ступала.

М. С. Трубачева как-то передала мне, что ее мама приглашает, чтоб я еще приходила. Я была чем-то занята, обещала, что приду после Пасхи. А О. П. Трубачева скончалась на Страстной неделе. Мне осталось только рыдать на ее отпевании в Никольской церкви. Никогда, никогда нельзя откладывать встречи со старым человеком. Ведь она ждала! Простить себе не могу.

А сведения об о. Павле Флоренском нашлись еще в нескольких местах. Как-то давно я купила его воспоминания о детстве, изданные в Новосибирске. И перечитывала книжку много раз. Это было еще до моего поступления в музей. Потом М. С. Трубачева сожалела, что у них такого издания нет. Она любезно дала мне несколько книг о. Павла, а также книг о нем. Очень важной оказалась книга «П. А. Флоренский: Арест и гибель. Уфа, 1997». Так как издали ее в Уфе, то без Марии Сергеевны я бы о ней и не узнала. Раздел об аресте о. Павла в 1928 году был написан Сергеем Михайловичем Половинкиным и Павлом Васильевичем Флоренским, внуком о. Павла. Они не были первыми, занявшимися этой темой. Писал об арестах Флоренского В. Шенталинский в «Огоньке», потом у него и книга вышла. Еще раньше кто-то передал мне вырезку из газеты «День» со списком арестованных в мае 1928 года. Но в статье С. М. Половинкина и П. В. Флоренского была передана еще и атмос-

фера того времени, содержались также важные сведения о судьбах других арестованных по этому делу. Авторами была проделана колоссальная работа по изучению газет как центральных, так и местных. С Половинкиным однажды я встретилась – мы ехали ночью в машине из Ярославля в Кострому на конференцию по Флоренскому. Я не преминула упрекнуть его в довольно многочисленных неточностях. Больше всего это касалось имен арестованных. Среди них было много монахов, служивших сторожами в музее. Изучая документы Комиссии по охране памятников искусства и старины Лавры, мне удалось разобраться с их именами. А уж много позже, благодаря фотографии в интернете, я установила, что, например, человек в списке арестованных, записанный как Писаренко Валерий Виссарионович, на самом деле женщина. По-моему, авторы напрасно не указали годы рождения арестованных. Они ведь имелись в списке, опубликованном в газете. Такие даты всегда полезны для идентификации человека.

Еще в очерке об отце Павле Флоренском мной была использована рукопись воспоминаний о нем Сергея Петровича Раевского, который несколько лет работал в лаборатории П. А. Флоренского. Публикация этих воспоминаний произошла много позже. Меня поразило отношение о. Павла к Максиму Горькому – он не только запретил приносить книги Горького в лабораторию, но даже взял со стола принесенную книгу этого писателя, обернув кисть халатом. На какой-то конференции выступала Г. А. Белая, доктор наук из Института всемирной литературы. У нее тема была как раз о Флоренском и Горьком. Воспоминаний Раевского она не знала. Я послала ей записку. Она попросила меня прислать ей эти воспоминания.

Разумеется, в очерк о Флоренском вошли и воспоминания Ольги Павловны о прогулках с отцом, о «золотых ключиках», как о. Павел называл цветы примулы. Как я поняла, Ольга Павловна и профессию ботаника выбрала под впечатлением от этих прогулок. Правда, ее скоро постигло разочарование. Никакой романтики: ее заставили считать число частиц в пыли злаковых или что-то в этом роде.

*О. Павел Флоренский с детьми
Ольгой и Миком*

М. И. Пиков

Портрет В. Д. Держица

Начало 1930-х

А очерк о первых директорах Сергиевского историко-художественного музея я начала с рассказа о том, как В. А. Серов изображал слона на празднике в Домотканове. Владимир Дмитриевич Держиц, владелец домоткановской усадьбы в Тверской губернии, и Валентин Александрович Серов были друзьями, вместе учились в Академии художеств. Много сведений о В. Д. Держице нашлось в книгах В. С. Серовой «Как рос мой сын» и Н. Я. Симонович-Ефимовой «Воспоминания о Валентине Александровиче Серове». А еще я познакомилась с его родственником художником Григорием Георгиевичем Держицом. Знакомство произошло, должно

быть, через Марию Владимировну Фаворскую-Шаховскую, внучку В. Д. Держица. С ней я встретила в том же «красном доме» где жил и И. В. Голицын.

От Г. Г. Держица я получила фотографии, гравюру-портрет В. Д. Держица работы художника М. И. Пикова, воспоминания Алексея Николаевича Свирина о В. Д. Держице – они вместе работали в Комиссии. Он же дал на выставку в музей и замечательные акварели В. Д. Держица. Потом подобная выставка была сделана И. В. Остриковой в Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Вяземах.

И еще Григорий Георгиевич сделал мне роскошный подарок: взял меня с небольшой группой своих знакомых и родных в бывшую усадьбу В. Д. Держица. Был май, дни «Сиреневого Домотканова».

Я знала, что никакой общественный транспорт в Домотканово не ходит, и ожидала, что мы будем в этом музее в одиночестве. Да как еще туда доберемся? Но, когда мы вышли в Твери из электрички, нас встретил сотрудник Тверской картинной галереи с «газелью». И, о, чудо! Подъехали, а перед музеем стоит уже несколько автобусов и машин. Музей – он посвящен В. А. Серову – находится в деревянном флигеле, прочно построенном еще братом Владимира Дмитриевича, предком Г. Г. Держица. А главный усадебный дом – в руинах.

Нас необыкновенно радушно встретила заведующая. В большой комнате уже был накрыт роскошный стол. Ну, а в музее в рамках висели репродукции, по-моему, вырезанные из «Огонька», да стояли два или три каких-то темных шкафа. Правда, заведующая с радостью

сообщила, что кто-то им обещал дать хорошо выполненные копии, как будто бы даже на холсте. И одну показала.

Оказалось, что людей приезжает много. Из Москвы бывают, и из других городов. Вот недавно из Тамбова, – сказала она, – пришел автобус. Непонятно. Казалось бы: иди в Третьяковку, смотри подлинники. Проясниться стало, когда я пошла в парк. Ни лавочек, ни урн для мусора, никаких надписей, ну, ничего, к чему мы привыкли в парках. Люди ходили по траве, сидели на земле. Некоторые тут же перекусывали. И было чисто. А еще было буйство цветущей сирени. Были пруды, те, из-за которых Держиц и выбрал эту усадьбу. Вода, перетекавшая ручейком из одного пруда в другой, казалась такой чистой, прозрачной. Некоторые умывались. Смutilа только одна полусохшая ива. Но оказалось, что в последнее время закрыли какие-то предприятия, вода очистилась, появились бобры и подгрызли иву.

Да, ради такого парка приехать стоило и издалека.

В разговоре с заведующей выяснилось, что жил бы музей еще лучше, если бы не подчинили его Тверской картинной галерее: деньги-то за вход идут в общий котел. Зарплаты сотрудников ничтожны. А их и всего-то пять человек: заведующая, две смотрительницы, завхоз и сторож, он же истопник.

Я как-то отделилась от нашей группы. Пора было уезжать. Пошла искать заведующую, чтобы заплатить за угощение. Но оказалось, что она ведет экскурсию. Стала искать кого-нибудь, чтобы отдать деньги. Захожу в какую-то комнату, а там две смотрительницы режут огурцы-помидоры. Оказывается, приехала на автобусе группа со своими продуктами. Ведь никаких ларьков-магазинов ни на территории музея, ни в деревне нет. Потому они и готовят. Вот и вторая причина, почему едут в этот музей: едут к гостеприимным людям. Рядом с домом вкопан длинный деревянный стол и лавки. Поняла, что там, вернувшись с экскурсии, приезжие и поедят на воздухе. Нашла я, наконец, женщину-завхоза, с большим трудом удалось всучить ей деньги, настаивая, что это на нужды музея.

Замечательные люди работают в этом музее. Очень я благодарна Григорию Георгиевичу Держицу за такой подарок.

Жаль только, что репродукций работ В. Д. Держица в этом музее нет.

А на обратном пути в электричке молодая дама из нашей группы рассказывала, что работает она в одном из известных московских музеев и еще учит рисованию детей богатых русских. Назвала несколь-

ко фамилий. Я запомнила лишь одну: Дерипаска – фамилия-то необычная. А кто он, и сейчас не знаю. Дама говорила, что очень хорошо ей платят. А я беспокоилась, что, может быть, я за еду маловато заплатила. И спросила ее, сколько дала она. Она удивилась: «Ничего. У них же все свое». – «И семга своя, и копченая колбаса?».

И вот еще история. Ее мне так рассказали. В Домотканово передали несколько подлинных рисунков Серова. Их, конечно, тут же украли. Охраны-то – один сторож-истопник. Воров не нашли. А потом пришел в Третьяковку человек, купивший эти рисунки. Принес на экспертизу. Ну, тут сразу вызвали из Твери сотрудников галереи и заведующую из Домотканова. Рисунки опознали. Человек, потративший деньги на эту покупку, поступил благородно: ничего не стал требовать, работы Серова вернул. Но стало ясно, что возвращать их Домотканово нельзя. Заперты они теперь в фондах Тверской галереи.

Существуют мемуары самого В. Д. Дервиза. Экземпляр как-то достал Александр Умарович Греков, который работал раньше в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, а потом перешел в Музей игрушки. На мою просьбу показать рукопись ответил отказом. Сказал, что сам когда-нибудь этим займется. То же самое я услышала и от Г. Г. Дервиза. Прошло полтора десятка лет со времени этих разговоров.

С трудом мне удалось уговорить М. В. Фаворскую-Шаховскую дать небольшой фрагмент этих мемуаров (о поездке Дервиза за границу в юности). Г. Г. Дервиз был недоволен даже этим. Судьба мемуаров очень меня беспокоит. Но ничего не могу сделать. Беспокоит и судьба акварелей. Еще очень сожалею, что не сделала ксерокопии с рисунка Дервиза, сделанного им в голодное время. На рисунке надпись: «Звонковая и Каличья башни. Дежурство на огороде 29 мая 1921 года. 11 часов вечера». Сажали, значит, картошку

В. Д. Дервиз
Каличья и Звонковая башни.
Дежурство на огороде
29 мая 1921 года 11 часов вечера
Б., кар.

у самых стен Лавры. И надо было охранять посадочный материал. Сколько потом просила Г. Г. Дервиза найти этот рисунок – безрезультатно.

Когда уже заканчивалась верстка книги, рисунок разыскал сын Г. Г. Дервиза – Петр Григорьевич

Перед выставкой «Акварели В. Д. Дервиза» я побывала в отделе графики Третьяковской галереи. Там мне показали несколько его работ. В основном они были переданы в галерею искусствоведами А. А. Сидоровым и А. Н. Свириным. Я не стала просить эти работы на выставку – тех, что дал Г. Г. Дервиз, было достаточно. Но сотрудница отдела графики рассказала мне, что А. Н. Свириным, второй директор Сергиевского музея, занявший эту должность после Дервиза, позже был сотрудником Третьяковки. Она помнила его уже очень старым. И с ним как-то уже мало считались. Он тихонько сидел за своим столом, работал. Однажды его забыли – ушли, заперев его внутри. А ведь какой он был в 1920-е годы! Есть фотография – какой взгляд!

А. Н. Свириным.

А. Н. Свириным был человеком одиноким. Но все же мне удалось найти его дальнюю родственницу. Она и дала фотографию. Еще я узнала у нее, что вещей у Алексея Николаевича никаких не было. Осталась от него одна деревянная игрушка «Лавра». Она показала ее. Да еще склеенные из бумаги кареты – он любил этим заниматься в свободное время.

Конечно, А. Н. Свириным опубликовал немало статей, его перу принадлежит и несколько книг. Но сколько еще его неопубликованных трудов в отделе рукописей РГБ! Нынешние искусствоведы больше стремятся свои исследования опубликовать. А как бы интересно было изучить наследие А. Н. Свирина, посмотреть, как менялись его взгляды, опубликовать неизданные труды, а какие-то переиздать...

Очерк о семье Шика и о Шаховских, живших в 1920-х годах в Сергиевом Посаде, я начала с краткого рассказа о князе Дмитрие Ивановиче Шаховском, поборнике кооперативного и краеведческого движения. Сведения нашла в сборнике «Звенья». Когда-то, еще

до моего прихода в Музей-заповедник, два тома этого сборника подарил мне один из тогдашних руководителей «Мемориала».

О молодых годах княжны Натальи Дмитриевны Шаховской и ее будущего мужа Михаила Владимировича Шика писала Мария Владимировна Дервиз-Фаворская. Они оба часто приезжали в гостеприимное Домотканово. Фрагмент ее воспоминаний я включила в очерк. Дал мне эти воспоминания Дмитрий Михайлович Шаховской, скульптор. Он жил в том же доме в Новогирееве, где я впервые встретилась с И. В. Голицыным. Постепенно познакомилась и с другими детьми М. В. Шика и Н. Д. Шаховской, со всеми, кроме Николая, младшего, — он, будучи астрономом, работал в Крыму, в обсерватории. Дмитрий и Николай носили фамилию Шаховских — их усыновила тетка Анна Дмитриевна Шаховская. А у старших — Сергея, Елизаветы и Марии — фамилия Шик, по отцу.

*М. В. Шик с женой
Н. Д. Шаховской
и сыном Сергеем*

Елизавета Михайловна Шик, когда я впервые пришла к ней домой, показала мне самодельную книжечку поэтессы Варвары Григорьевны Малахиевой, писавшей под псевдонимом Мирович. Сейчас, когда вышли ее дневники, о ней все знают. Но тогда даже Евгений Евтушенко, составлявший Антологию русской поэзии XX века, о ней почти ничего не знал. Знал только ее книжку «Монастырское».

Я переписала у Е. М. Шик часть стихов, и некоторые опубликовала в местной газете, а позже включила в очерк. Биографию В. Г. Малахиевой нашла в «Словаре русских писателей». Как-то много позже спрашивала Д. М. Шаховского о письмах Малахиевой-Мирович к его отцу — они были очень дружны. Он выдвинул ящик письменного стола. Ящик был забит письмами. Я поняла, что такой объем мне не осилить. Не знаю, где этот эпистолярный архив сейчас.

От Е. М. Шик я получила воспоминания В. Г. Малахиевой-Мирович о М. В. Шике, ее собственные рассказы об отце, опубликованные в Ученых записках «Альфа и Омега». Конечно, я бы никогда без нее не нашла этот альманах. А еще она дала мне автобиографии

Н. Д. Шаховской-Шик и А. Д. Шаховской, некролог Анны Дмитриевны, биографическую справку об о. Михаиле Шике, родословную князей Шаховских, книжечку Н. Д. Шаховской-Шик «Рассказы о детях», ксерокопию статьи «Соломенная сторожка» о храме, в котором служил некоторое время о. Михаил Шик, и другие материалы.

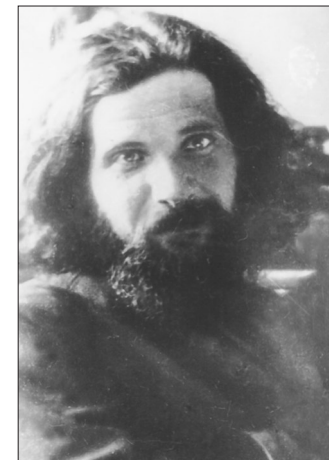
А о том, что крестил сына М. В. Шика — Сергея — о. Павел Флоренский и пользовался при этом букетом васильков как кропилом, рассказала мне О. П. Трубачева.

Однажды в Дмитровском музее со мной побеседовал Ромуальд Федорович Хохлов, старейший сотрудник музея. Говорил об Анне Дмитриевне Шаховской, которая начинала работу в этом музее. Не помню, купила ли я сборник, где была его статья «Из истории Дмитровского музея», или он подарил его мне. В статье был освещен Дмитровский период жизни А. Д. Шаховской.

Большой архив А. Д. Шаховской уже после выхода в свет книги очерков отдала мне ее племянница Мария Михайловна Шик. Часть архива с ее согласия я передала потом в Дмитровский музей.

При написании очерка об этих лицах, как и для многих других очерков и статей, мне очень помогла книга «Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных)» (М., 1998). Впервые я увидела ее у А. В. Комаровской. Она и сказала мне, что купить книгу можно в киоске в Союзе писателей. Путь туда по Поварской показался мне очень длинным. Но книга эта оказалась просто бесценной. Составители В. Гончаров и В. Нехотин, имея доступ в архив ФСБ, проделали огромную работу. Мне то и дело приходится обращаться к ней.

С семьей М. В. Шика была очень дружна семья священника Сергея Сидорова. В Сергиевом Посаде именно о. Сергей принял Шика диаконом в Петропавловскую церковь. Мое знакомство с Верой Сергеевной Бобринской, дочерью о. Сергея и женой Н. Н. Бобринского, произошло через А. В. Комаровскую. Ее сестра Софья Владимировна была первой женой графа Н. Н. Бобринского. Я побывала у Бобринских в Москве, в квартире недалеко от Речного вокзала.

*Священник
Сергей Сидоров*

Встретили меня очень хорошо. Но Николай Николаевич вскоре должен был уйти в Дворянское собрание. Я видела, как супруги ласково простились, Вера Сергеевна перекрестила его перед уходом.

В. С. Бобринская передала мне машинописный текст своих воспоминаний об отце и фотографии. А в 1999 году вышла подготовленная ею большая книга «Заметки священника Сергия Сидорова с приложением его жизнеописания, составленного дочерью В. С. Бобринской». Эту замечательную книгу я купила и передала в музейную библиотеку, так что теперь, к сожалению, не могу ее перечитать.

Но, помимо этого труда, я смогла включить в очерк об о. Сергии Сидорове воспоминания С. П. Раевского – он передал мне большой машинописный текст о многих людях, которых знал. Видел он и о. Сергия, вернувшегося в очередной раз из заключения.

А еще Н. Н. Бобринский, которого мы пригласили на встречу, когда была выставка «Князья Трубецкие в нашем крае», подарил мне книжечку «Стихи графини Веры». В ней была фотография Веры Сергеевны. С фотографии на читателя смотрит молодая женщина, брызжащая энергией. Последний раз я видела Веру Сергеевну на могиле мужа. Н. Н. Бобринского похоронили в Богородицке, бывшей графской усадьбе, возле церкви. Таково было его желание. Сыну пришлось получить разрешение двух губернаторов: московского и тульского, чтобы разрешили там захоронить – скончался-то он в Москве. Через год родные поехали в Богородицк, и А. В. Комаровская пригласила меня. Была панихида, поминки в Дворце-музее. К Вере Сергеевне я не решилась подойти. Она как будто ничего вокруг не замечала. Изменилась до неузнаваемости. И вскоре скончалась.

А несколько ее стихов я включила в очерк.

О художнике Павле Яковлевиче Павлинове выпущена большая монография: Горленко Н. «П. Я. Павлинов. Страницы из жизни художника». (М., 1967). Эту книгу, хоть и не без труда, мне удалось получить на некоторое время в библиотеке Абрамцевского художественно-промышленного колледжа. Павлиновы прожили в Сергиевом Посаде недолго. С внучкой П. Я. Павлинова Варварой Петровной Павлиновой познакомила меня Е. В. Трубецкая. Та пригласила меня к себе и дала адрес. Я удивилась – как так: Москва, улица, № дома, а квартира? Оказалось, что у Павлиновых в Москве собственный дом, который построил ее дед. В начале 1920-х возникла идея города-сада.

И в районе Сокола возник целый поселок художников. Каждый дом строился по собственному проекту.

Но как это вдруг П. Я. Павлинов, морской офицер и художник, оказался в Москве без жилья? Его сын Петр Павлович рассказал, что их дом в одном из арбатских переулков понравился какому-то большевику-грузину, и семью выкинули на улицу. Грузинское посольство в Москве так и находится в том доме. Еще и другой дом на их бывшем участке построило. Вот и пришлось П. Я. Павлинову отправить семью в Сергиев Посад. Сам он жил у кого-то в Москве и занялся этим городом-садом. Будто бы под фундамент их дома на Соколе медную иконку положил сам о. Павел Флоренский.

В Посаде Павлиновы жили на Кооперативной улице, ранее называвшейся Репной, недалеко от вокзала. Когда выехали, в том доме поселились Фаворские. Так что на доме висит памятная доска В. А. Фаворского. Долго ли простоит тот дом? Старушка, жившая в нем, жаловалась мне, что подвал залит водой, и жильцы не могут ничего добиться.

У Павлиновых я тогда впервые попробовала чай с бергамотом. Они показали мне старые альбомы с открытками. Среди них оказались посланные будущим Патриархом Алексием I своему отцу. Их нашли дети в сундуке в том доме на Репной. Оказалось, сенатор Симанский, когда сын учился в Московской духовной академии, поселился в Посаде, поближе к нему. А сын на каникулах путешествовал по Европе и посылал открытки, обычно с фотографиями православных храмов из тех городов, где побывал. Мне кажется, что интересно было бы их опубликовать или хотя бы передать в какое-то хранилище. Позже я говорила об этом Варваре Петровне. Но она ответила, что не может их теперь найти. А отец ее скончался.

Получила я у Павлиновых несколько фотографий. Особенно очаровательны те, где сняты дети то на крыльце с игрушками, то у прудика во дворе дома.

С Варварой Петровной я еще встречалась у нас в музее. Она специалист-музыковед. В Музее организовали цикл лекций, и ее

*Дети П. Я. Павлинова у пруда
на Кооперативной улице
Начало 1920*

пригласили прочитать лекцию о музыке XVIII века. Я вообще очень далека от всякой музыки – нет музыкального слуха. Но какая это была лекция! Восторг! Написала я даже заметку об этом событии в местную газету.

Скажу еще, что с этой лекцией связан был у меня конфликт с отделом, занимавшимся подобными мероприятиями. Я знала, что Варвара Петровна религиозный человек. Понимала, что покормить ее надо, учитывая при этом, что как раз период Великого поста. Договорились, что она зайдет сначала ко мне. А сотрудница музея, ответственная за мероприятие, принесла литровую коробку сока, пачку чая, две сдобных булки и пачку сахара. Потом, промолвив: «Больно много будет», – отсыпала себе половину сахара. И предложила этим кормить лектора. Я заранее дома сварила гречневую кашу с луком, поджаренным на постном масле – еда постная, но вкусная. Варваре Петровне понравилась. Ну, а музейная сотрудница, которую я все же упрекнула в неподходящем ассортименте, тем более для человека, который будет дома только к вечеру, нажаловалась на меня начальству.

Тему «Фаворские в Загорске» открыл Александр Умарович Греков, сделавший такую выставку в 1980-х годах. Потом он перешел в Музей игрушки, так что мне пришлось собирать материал заново. О Владимире Андреевиче Фаворском существует целый сборник воспоминаний (Фаворский В. А. Воспоминания о художнике. М., 1990). А еще в «Красном доме» в Новогирееве, где живет дочь художника Мария Владимировна Фаворская-Шаховская, я познакомилась с живущей там же Ириной Георгиевной Каравай, художницей, ученицей В. А. Фаворского. Оказалось, что она опубликовала две статьи о членах этой большой семьи. При этом статьи напечатаны в таких сборниках, какие мне бы и не найти. Вот еще одно преимущество краеведа, работающего с живыми людьми в отличие от историка, гордо заявляющего, что он кабинетный ученый.

*М. В. Фаворская-Шаховская
с внуками на выставке
«Акварели В. Д. Дервиза»
2001*

Почему это было важно? Да потому, что предоставило возможность написать не только об известном художнике В. А. Фаворском, но и обо всей этой большой семье. В Сергиевом Посаде в 1920–1930-х годах в доме Машинских на Кооперативной улице жили родители Владимира Андреевича, его жена Мария Владимировна Фаворская-Дервиз, дети. А еще Аделаида Семеновна Симонович, бабушка жены В. А. Фаворского, очень интересный человек, открывшая в России первый детский сад. О ней я узнала в основном из книги ее дочери Н. Я. Симонович-Ефимовой «Записки художника» (М., 1982), которую дал мне Алексей Иванович Куншенко, замечательный музейный работник, заведовавший отделом современного искусства в Абрамцеве. Из этой книги я узнала еще и о статье П. А. Флоренского по поводу кукольного спектакля, который супруги Ефимовы дали в Сергиевом Посаде в 1922 г. Сколько раз потом я обращалась к этой работе Флоренского, к его мыслям о том, как важен для людей праздник!

А книгу А. С. Симонович «Детский сад» любезно дал мне прочитать Г. Г. Дервиз.

И на выставке акварелей В. Д. Дервиза часть зала была отведена теме Фаворских. Стояла даже деревянная игрушечная лошадка, вырезанная Никитой Фаворским для младшего брата Ивана.

Сейчас думаю: как хорошо, что в 1990-х годах в нашем отделе был ксерокс. Почему-то музейное руководство потом его отобрало. Сколько же разнообразных материалов мне удалось тогда скопировать! Папки с ними занимают у меня дома целую книжную полку. Я договорилась с Костромским музеем-заповедником, что библиотеку и архив он возьмет после моей смерти. Но, конечно, не надеюсь, что в Костроме кто-то займется такой тематикой.

Очерк о Хвостовых я начала с цитаты из мемуаров Марии Петровны Столыпиной, в замужестве Бок. Она рассказала о покушении террористов на жизнь П. А. Столыпина. При взрыве на Апте-

карском острове среди погибших был и С. А. Хвостов, чиновник Министерства внутренних дел, отец восьмерых детей. Не случись этого, не поселилась бы вдова Анна Ивановна Хвостова в Сергиевом Посаде. А роскошно изданный сборник материалов о П. А. Столыпине мне подарил академик Б. А. Рыбаков. Порой я думаю, как много в жизни как будто случайного. Никогда я бы даже не узнала о существовании этого сборника. Но вот единственный раз пришла я к Рыбакову не на дачу, а в квартиру на Ленинском проспекте. Ему как раз прислали экземпляр сборника бесплатно, как научному руководителю редколлегии «РОСС». И он неожиданно подарил мне эту книгу.

Но в основном, конечно, материалами о Хвостовых я обязана Сергею Петровичу Раевскому, с которым познакомила меня Е. В. Трубецкая. В 1990-х годах он жил с женой в однокомнатной квартире на краю Москвы, правда, недалеко от конечной станции метро. Выглядел уже очень старым. Ему было тогда около 90 лет – маленький сухонький старик. Одно стекло очков заклеено белой бумажкой. Передвигался по комнате с помощью палки, какой я раньше не видела – палка оканчивалась треножником. Но в его голосе не было никакой усталости. Напротив, он вел живой разговор. Просил, например, узнать, какое взаимоотношение было у Гефсиманского и Черниговского скитов Лавры. Выяснилось, что им написаны обширные воспоминания. Их перепечатала ему когда-то на машинке Ирина Владимировна Трубецкая. А в 1920-х годах он жил в Сергиевом Посаде, в доме своей тетки Хвостовой.

Главу воспоминаний о Хвостовых я предложила ему дать в «Московский журнал». Напечатали. Потом напечатали там же главу о его деде адмирале И. С. Унковском и его потомках. Я относил материалы в редакцию журнала и приносила те небольшие деньги, которые там платили. А в 2000 году мне позвонил руководитель сергиево-посадского литературного объединения «Свиток» В. Н. Сошин и предложил дать материалы для сборника «Братина». Принимали произведения только ныне живущих авторов. Я договорилась с А. В. Комаровской, А. В. Трубецким и С. П. Раевским. Первые дали фрагменты своих воспоминаний о Сергиевом Посаде 1920-х годов, а Раевский почему-то отрывок из повести «Монахиня Анастасия», в которой он вывел своих родственников Хвостовых, ставших тайными монахинями, под другими именами. Потом он, правда, был недоволен. Сказал, что не понял, что лучше бы было дать просто фрагмент воспоминаний.

Я как-то сказала Сергею Петровичу, что мы с ним в дальнем родстве, попыталась объяснить. Он сначала это не воспринял. Но в другой раз я принесла старый альбом с фотографиями. В нем был и И. С. Унковский, и его жена Анна Николаевна. Раевский был поражен: «Тут он еще не адмирал. Бабушка ... Откуда это у Вас? Откуда?». Стали разбираться. Он очень хотел, чтобы я оказалась внучкой. Но выяснилось, что я прихожусь внучатой троюродной племянницей. Сергей Петрович упросил дать ему фотографии, чтобы переснять. Переснял, сын его свояченицы княжны Евдокии Юрьевны Урусовой. (Сергей Петрович первым браком женат был на ее сестре Елене Юрьевне, арестованной в 1935 г. по «Кремлевскому делу»). Тот подлинники мне так и не отдал, вернул только копии. Так я познакомилась с ним, сыном Эды Урусовой, известной актрисы, которую я не раз видела в театре Ермоловой. Эда Урусова к тому времени уже умерла. Смутно я знала, что Урусовы, как и Раевские, с нами в дальнем родстве, что актриса была арестована и много лет провела в лагерях. Юрий Михайлович Унковский пригласил меня на вечер памяти своей матери. Вечер заканчивался очень поздно, и мы заранее договорились, что я переночую в его квартире. Утром, проснувшись, первое, что я увидела – на стене рядом с диваном большое панно с гербом князей Урусовых. Ю. М. Унковский успел выпустить книгу «Эда Урусова, актриса из княжеского рода». (Владимир, 2007). Он подарил мне экземпляр.

А вот С. П. Раевский не дожил до выхода своей книги «Пять веков Раевских». (М., 2005) – скончался в 2004-м. Я была на его отпевании. Была и на презентации книги в «Мемориале», где встретилась с его сыном Кириллом Сергеевичем. Он написал хорошее послесловие к воспоминаниям отца. Есть там только маленькая неточность. Он пишет, что выписку о деле его матери Е. Ю. Раевской ему передали из «Мемориала». И приводит текст. Но было не так. Когда в очередной раз я приехала в Музей и центр Андрея Сахарова, мне дали целую пачку листков со сведениями из дел жителей Сергиево-Посадского (тогда Загорского) района, расстрелянных на Бутовском полигоне. И мне пришлось в голову спросить, нет ли у них подобного листа на Е. Ю. Раевскую. Компьютер выдал такой

*Елена Урусова
и Сергей Раевский. 1929*

лист. На нем не было фотографии, и я в другой раз привезла фото, чтобы вставили. С этим листком приехала к Раевскому. Он потрясенно повторял: «Без определенного места жительства...». Конечно, он понимал, что жены давно нет в живых. Он запрашивал о ней еще в 1939 году, когда сам освободился, но тогда справки не дали. Елену Юрьевну сначала поместили в Уральский политизолятор, потом она попала в Ярославскую тюрьму. Расстреляли в 1937-м. Ей было 23 года. И числилась она бомжем – тюрьма ведь не является постоянным местом жительства.

На воспоминаниях С. П. Раевского был основан не только раздел в книге «... под покров Преподобного», посвященный Хвостовым и Раевским. Еще за нашими двумя фамилиями в сборнике «Хозяева и гости усадьбы Вяземы» был опубликован доклад о князе Валериане Голицыне и его потомках. За двумя фамилиями потому, что в Музее-заповеднике А. С. Пушкина принимают к печати только те доклады, которые прочитаны на Голицынских чтениях, а С. П. Раевский из дому уже не выезжал. Так что читала доклад я. А материалом послужили обширные мемуары его родственницы Екатерины Ивановны Раевской, урожденной Бибиковой. В детстве она знала декабриста В. М. Голицына. Вот этот фрагмент воспоминаний и стал основой доклада. Позже я несколько раз выступала на Голицынских чтениях. Как я люблю этот музей! Люблю его замечательного директора А. М. Рязанова.

Судьба мемуаров Бибиковой-Раевской меня очень беспокоила. У Кирилла, сына С. П. Раевского, узнала, что они не пропали, но как-то оказались врозь: один том, кажется, в Отделе рукописей РГБ, другой – еще в каком-то хранилище.

Итак, большая часть сведений о Хвостовых взята мной из воспоминаний С. П. Раевского. Но не все. Музейная библиотека выписывала «Московский журнал». И в номерах 1994 года публиковались воспоминания схимонахини Леонтии. Оказалось, что она жила под руководством монахини Иннокентии, (Е. С. Хвостовой). Из этих воспоминаний выяснились некоторые подробности жизни Екатерины Сергеевны, неизвестные С. П. Раевскому. Леонтия писала, что 24 июля 1938 года ту арестовали и увели в тюрьму. Внучка А. И. Хвостовой, Наталья Дмитриевна Хвостова, живущая в Париже, обращалась в ФСБ, запрашивая о судьбах своей бабушки и тетки. Вологодское управление ФСБ прислало ей ответ о расстреле Анны Ивановны. Судьба Е. С. Хвостовой осталась неизвестной. С. П. Раевский дал мне копию письма.

Е. С. Хвостова

Узнав о том, что вышел первый том биографического справочника «За Христа пострадавшие», я попросила М. С. Трубачеву сходить со мной вместе за ним в Православный Свято-Тихоновский институт Мы обратились к ректору о. Владимиру Воробьеву, и он благословил дать мне экземпляр бесплатно. Не знаю, почему он так поступил, но для меня это было очень важно – цена тома была довольно высокая, а я жила в то время совсем бедно. И понимала, что музей за книгу мне не заплатит. А Марии Сергеевне пришлось покупать за деньги. Она как-то не сумела объяснить, что тоже покупает для музея – Музея-квартиры священника Павла Флоренского. Книга эта страшная. Я много раз перечитывала ее. Нашла в ней Иннокентию, монахиню, но без текста о ней. Понятно, что Хвостова должна быть в следующем томе. И я отнесла фотографию Екатерины Сергеевны, сфотографировавшуюся в платье фрейлины, в Свято-Тихоновский институт, в редакцию сборника. Но второй том так и не вышел. Однако на сайте новомучеников и исповедников российских есть справка о ней с той самой фотографией, а я даже числюсь как заявитель вместе с ее парижской родственницей Н. Д. Хвостовой.

Дом, в котором жили Хвостовы в Сергиевом Посаде, не сохранился. Но он привлекал большое внимание жителей города, о нем не раз писали в местной газете, ошибочно называя порой домом графов Хвостовых. Это был небольшой, затейливо украшенный деревянной резьбой домик дачного типа в псевдорусском стиле, можно сказать, «ропотовском». В 1980-х годах его передали Музею-заповеднику. Музей почему-то планировал открыть в нем выставку ситцевых платков. Но с реставрацией затянули, нужно было сначала откачать воду из подвала. Денег, как обычно, не оказалось. В доме поселились бомжи. И вскоре дом сгорел.

А недавно, просматривая журнал «Юный краевед», я наткнулась на публикацию материала об Иване Сергеевиче Хвостове (2015, № 6), брате Е. С. Хвостовой. Неожиданны и интересны были для меня и судьба героя, и описание остатков усадьбы Хвостовых в Елецком уезде. И. С. Хвостов оказался в эмиграции, в 1920-х годах поселился

в Абиссинии, работал адвокатом, писал стихи. И еще основал в этой стране православную церковь.

Впервые я встретила фрагменты книги Сергея Голицына «Записки уцелевшего» в журнале «Дружба народов» – в 90-х выписывала много журналов. И как-то, просматривая старые номера, обратила внимание на знакомые названия: Глинково, Торгоша, Вифания... Это окрестности Сергиева Посада.

А потом книгу мне подарила сестра автора Екатерина Михайловна Перцова, урожденная княжна Голицына. Дала со словами: «Пусть будет в Сергиево-Посадском районе». Книгу как-то попросил у меня известный сергиево-посадский краевед. Но очень быстро вернул. Я спросила его о впечатлении. Ответил:

– Все какая-то тетя Лина да тетя Лина...

А для меня книга стала невероятным, драгоценнейшим подарком. Когда-то была в «Литературной газете» рубрика «Если бы директором был я». Давали туда немало разумных предложений. А вот «если бы я была Министром образования», то ввела бы книгу С. М. Голицына в обязательную программу. Сама я читаю ее и перечитываю, хотя знаю почти наизусть. Нет другой такой книги, где бы так ярко, так верно была описана жизнь в нашей стране в XX веке, вплоть до начала Великой Отечественной войны.

С самой Е. М. Перцовой я познакомилась позже на одной из наших выставок. Потом я дважды бывала у нее дома в Москве. Ей было уже около 90 лет. Жила она одна. Поразила меня не только ясностью ума, но еще тем, что усадив меня в комнате к столу, появилась из кухни с тарелкой супу. И настояла, чтобы я съела весь обед. Я была страшно смущена тем, что меня обслуживала не просто очень пожилая женщина, но еще и настоящая княжна. Директор Музея-заповедника А. С. Пушкина в Вяземах А. М. Рязанов на Голицынских чтениях всегда подчеркивал, что Екатерина Михайловна настоящая княжна – ведь она родилась в 1914 году, до отмены титулов.

Книга С. М. Голицына оказалась кладом сведений о тех аристократах, кто жил в Сергиевом Посаде после революции. Раздел о Лопухиных в моей книжке очерков в основном взят из этой книги. И в разделах об Истоминых, Челищевых, Трубецких и, конечно, о князе Владимире Михайловиче Голицыне (старшем) приведены сведения из нее же.

Но для ряда очерков об этих людях были использованы и другие источники. Так, на Голицынских чтениях Андрей Владимиро-

вич Трубецкой сделал доклад о своем деде В. М. Голицыне (старшем) с цитатами из его дневников. Очень важны были воспоминания самого А. В. Трубецкого о жизни в Сергиевом Посаде, машинопись которых он мне передал, а также его мемуары о войне и лагере – («Пути неисповедимы» М., 1997).

Из Лондона я получила от Николая Федоровича Челищева книгу стихов его отца с комментариями. К сожалению, книга вышла без иллюстраций. А в интернете я тогда не сумела найти фотографии членов его семьи.

Само название книги очерков – это цитата из воспоминаний Ю. А. Олсуфьева. Он с женой приехал в Сергиев Посад не случайно, а по благословению их духовника, старца Оптиной пустыни Анатолия (Потапова). Думаю, что для других аристократов выбор Сергиева Посада объяснялся отчасти тем же самым, а отчасти тем, что в этом городе уже жили родственные или знакомые семьи.

Первоначально в книгу входили очерки о семье В. В. Розанова и о М. М. Пришвине. Но их пришлось исключить. С книгой была длинная история. Издательство «Весь Сергиев Посад» мою рукопись перевело в электронный вид. Но потом случился кризис, и издательство не смогло выпустить книгу. Прошло около года, и о. Андроник (Трубачев), внук о. Павла Флоренского, предложил, что поговорит в издательстве Лавры. После этого меня принял о. Алипий, который возглавляет лаврское издательство. Там при просмотре текста потребовали убрать очерки о Розанове и Пришвине. Мне пришлось согласиться. Эти люди и в самом деле появились в городе не под покров Преподобного, а, скорее всего, по другим причинам. Мне также предложили сократить цитаты из дневника князя В. М. Голицына (старшего), те, где он писал о Николае II. Князь не был монархистом и критически оценивал деятельность Императора. Но Православная Церковь причислила его к лику святых, так что критиковать не полагалось. Я согласилась и с этим.

Сначала работа шла бодро: меня то вызывали с требованием указать ссылки, то прочесть после корректора, то надо было поговорить с художницей, то еще что-то. Наконец, через несколько лет о. Алипий предложил заключить договор. Я просила включить

*В. М. Голицын
(старший) с внуком
в Сергиевом Посаде*

в договор срок выпуска книги. Но в этом мне отказали. И дальше началось что-то непонятное. Все замерло. Я не могла выяснить, в чем дело. Не понимаю и до сих пор, чего ждали. Прошло еще четыре года. И вдруг позвонили: «Придите за гонораром».

Не в том дело, что прописанная в договоре сумма за это время обесценилась. Обидно было то, что выпустили книгу по-тихому. Не согласовали обложку, не дали прочитать верстку, оттого в книге много опечаток, даже некоторые подписи под иллюстрациями перепутаны. Главная обида – не сказали: «Вышла Ваша книга», а сказали о гонораре.

Через год издание повторили. Но потом всё общение с издательством прекратилось. В чем тут дело, так и осталось для меня загадкой.

Прошло десять лет. Экземпляры книги время от времени откуда-то возникают. Их продают в книжных лавках. Знаю, что появлялась книга и в Москве, и в других местах, в церковных лавках. Недавно сотрудница ГИМа, моя знакомая, сказала, что ей захотелось эту книгу перечитать. А оказалось, что в музейной библиотеке на нее записываются в очередь.

Кто-то может сказать: какой смысл в такой книге? Написана она популярно – ссылку на нее в научной работе не сделаешь. Но мне кажется, что ученые уж слишком увлекаются научными изданиями. И получается, что, как когда-то декабристы, «страшно далеки они от народа». Всё же несколько тысяч человек прочитали мою книгу. Надеюсь, что она была бесполезна для формирования их сознания.

А сведения по этой теме содержатся также в моих статьях, и могут быть использованы для ссылок в научных работах.

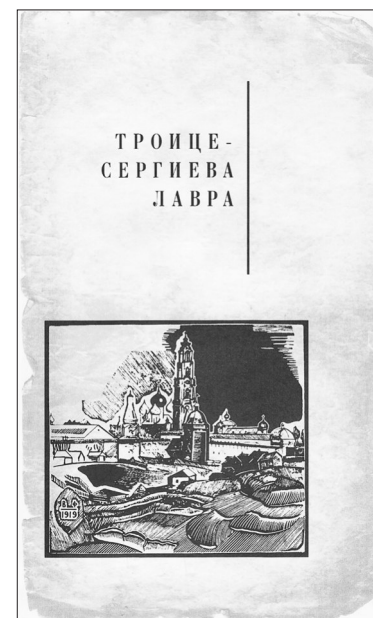
Сборник «Троице-Сергиева лавра»

В библиотеке Сергиево-Посадского музея-заповедника есть фотокопия книги «Троице-Сергиева лавра». Сама книжка была небольшой, но на фотобумаге она заставляла вспомнить загадку: «Не кочан, а с листочками...». Кто-то из библиотекарей в незапамятные времена понял ее ценность и заказал копию в одной из столичных библиотек. Написана книжка в 1919 г. Мыслилась она, как путеводитель по Лавре. В ней есть статьи членов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры

П. А. Флоренского, П. Н. Каптерева, И. Е. Бондаренко, Ю. А. Олсуфьева, Т. Н. Александровой-Дольник, М. В. Шика, С. П. Мансурова, а также не являвшегося членом Комиссии Ф. Я. Мишукова.

Судьба книги была печальной. Ее успели набрать и даже напечатать. Но тут в журнале «Революция и церковь» (1919. № 3–5) появилась статья «Черная доска». Ее автор, антирелигиозный журналист М. Галкин, печатавшийся под псевдонимом М. Горев, резко обрушился на книгу. Особенно сильное раздражение вызвал у него очерк о Павла Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия», которым открывался сборник. В результате сборник остался несброшюрованным. Но мне кажется, Сергей Волков («Возле монастырских стен». М., 2000) напрасно писал, что «... беспорядочно сваленные листы [сборника – Т. С.] были сожжены в 1941 году вскоре после начала войны по приказу временного директора музея Зельмы Швагер, болезненно ненавидевшей все, связанное с духовным наследием России...». Остатки сборника, хранившегося на чердаке Трапезной, где располагалась библиотека Лавры, вероятно, были сожжены, но стоило ли так писать? З. Я. Швагер много сделала для развития народных художественных промыслов России. А в самые трудные военные годы была директором музея-заповедника и старалась его сохранить.

В сборнике первым потрясением стала для меня статья Ю. А. Олсуфьева об иконописи. Впервые я прочитала, что понимание иконы стало возможным в начале XX века не только потому, что древние иконы были расчищены, но еще и потому, что общество к этому времени увидело картины импрессионистов, кубистов ... То есть, общество воспринимало уже не только так называемое реалистическое искусство. (Олсуфьев использовал термин «рационалистический позитивизм»). Когда я только что поступила в Музей и заговорила с сотрудницей – специалистом по древнерусскому искусству о творчестве моего любимого художника Анри Матисса, то встретила пол-

ное непонимание. Не припомню и работ искусствоведов на эту тему. Боюсь, что многим музейным специалистам просто чужд эстетизм иконы. Иначе как бы мог музей-заповедник выпустить альбом «Спаси и сохрани» (М., 1993) на русском и английском языках, где иконы с XII по XX век расположены по сюжетам?

Олсуфьев в этой статье представил историю иконописи в виде кривой с максимумом в XV веке, что поразило наглядностью. Нет, из статей Евгения Трубецкого я это знала. Но тут так зримо это было показано!

А как он писал! «Однако близится великий век к концу, день уже вечереет, длиннеют тени чудесных видений в воплощениях гениального Дионисия, и как прекрасен этот тихий закат». Мне, проводшей два отпуска в храме Ферапонтова, это было так близко! И как радостно было много позже узнать из Книги посетителей этого храма, изданной Г. И. Вздорновым, что Олсуфьев был в Ферапонтове. Конечно, он вспомнил фрески Дионисия, когда так поэтично написал эти строки.

А о колокольне и колоколах неповторимо эмоционально и поэтично написал М. В. Шик. Наверное, он был очень музыкален. Недаром на заседаниях Комиссии настаивал на необходимости записи колокольных звонов Лавры. Он закончил свою статью словами: «Разрушенные здания оставляют следы в фундаментах, которые через тысячелетия будут открыты и изучены археологами, как в Микенах и Вавилоне, исчезнувшие книги подадут о себе весть в цитатах — скольких мыслителей древности мы знаем только по выпискам из них, сохраненных другими авторами. Но звук колокольный, прогудев, растает в воздухе, и эхо не повторит его через века». Этот человек будто провидел, что через несколько лет колокола будут сброшены и разбиты. И мы никогда уже не узнаем, как они звучали.

Спокойно, вдумчиво написанная статья С. П. Мансурова «О библиотеке» стала для меня полным откровением. Разумеется, я никогда не только не читала, но и не слышала имен тех древних авторов, о которых он писал. «Сейчас нам, привыкшим к морю книг, даже трудно отдать себе отчет, как велико было значение каждой отдельной книги, каждой данной рукописи в спокойной сосредоточенной атмосфере древнерусской культуры». Не стоит пересказывать содержание. Каждый должен прочитать сам. Я была ошеломлена. И как он понял, в какой век, какие книги пользовались наибольшим спросом?! Ведь библиотечных карточек тогда не было. А он посчитал, сколько

есть в библиотеке переписанных экземпляров той или иной книги. Те, что чаще переписывали, те, значит, и больше читали. Но главное: очевидна была кривая с тем же самым максимумом в XV в., о которой, имея в виду иконопись, писал Олсуфьев. А Г. П. Федотов в книге «Святые Древней Руси» (М., 1990) писал о максимуме святости, сосчитав число канонизаций в каждом веке. И получилось то же самое!

Надо было действовать. Нельзя же допускать, чтобы люди не знали таких статей! И я обратилась к Марии Сергеевне Трубачевой, внучке о. Павла Флоренского. Мы с ней пошли в издательство «Весь Сергиев Посад». Директор В. В. Захаров нас выслушал и проникся важностью дела. Сказал, что такую книгу издавать надо, и издавать «с золотым обрезом». Назначил следующую встречу. Мария Сергеевна взялась написать вступительную статью. На мою долю выпала обязанность составить биографические справки авторов статей, помещенных в сборник. Добавлю: в том экземпляре, который находился в доме Флоренского, части листов не хватало, так что М. С. Трубачевой пришлось обращаться в РГБ.

И вот мы снова пришли в издательство. Захаров нам сказал, сколько мы должны заплатить. Разочарование... Мы-то думали, что он издаст за свой счет — можно же вернуть деньги при продаже книги. Ни у М. С. Трубачевой, ни у меня денег тогда не было.

Мария Сергеевна предложила искать издательство в Москве. А так как она жила в Москве, то ей и пришлось заниматься этим. Она обратилась в издательство «Индрик», где обычно публикует свои труды по древнерусскому искусству Г. И. Вздорнов, и нашла понимание у директора К. А. Ваха. Дальнейшие отношения с издательством поддерживала уже она. Я только написала краткие биографии авторов сборника.

Прошло немало времени. Но вот как-то заведующий историческим отделом музея-заповедника В. А. Ткаченко сказал мне: «В Лавре, в Книжной лавке, продается книжка «Троице-Сергиева лавра». Бросилась в лавку, купила книгу. Обиделась на М. С. Трубачеву: почему же она мне не сказала, что книга вышла?! Позвонила ей. А она впервые от меня об этом услышала... Издательство не только не сообщило ей о выходе книги, не только ни одного экземпляра ей не дали, так ее не назвали и составителем. Составители вообще не были названы, хотя знак копирайта перед словом «Составители» имеется. И даже под вступительной статьей ее имени не поставили.

А мое имя есть – ведь она в конце вступительной статьи меня поблагодарила. Такое вот удивительное издательство.

Что касается оформления самого сборника, то мне оно не кажется особенно удачным. На мой взгляд, он перегружен фотографиями. Не совсем удачна, по-моему, и обложка книги. На ней дана гравюра В. А. Фаворского с изображением Лавры. (Кстати, ссылки на авторство Фаворского издательство тоже не сделало). Художник создал гравюру как раз в 1919 году, изобразив Лавру на фоне бесформенной черной тучи. Можно понять, что так он хотел показать положение, в котором оказалась русская святыня после закрытия. Но в моем представлении Лавра всегда остается такой, как она была изображена на картине Константина Юона «Купола и ласточки». Да, в стране разруха и голод. А художник увидел облака, птиц, купола и золотые кресты, возносящиеся в вечно голубое небо.

Но главное, конечно, то, что, наконец-то, каждый мог прочитать статьи этого сборника.

Оказалось, правда, что в Историческую библиотеку сборник почему-то не поступил. В ней имеется только брошюра М. Горева «Троице-Сергиева лавра и Сергей Радонежский: Опыт историко-критического исследования» (М., 1920).

История музея

Работа по истории Сергиево-Посадского музея-заповедника стала естественным продолжением моей работы по теме «бывших». Думаю, что каждое, по крайней мере, крупное учреждение или организация должно иметь свою написанную историю. Нынешний Сергиево-Посадский музей-заповедник берет начало в организованной осенью 1918 года Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Среди приехавших после революции «под покров Преподобного», были и те, кто начал работать в Комиссии. А саму историю Комиссии уже раньше написал о. Андроник (Трубачев), внук о. Павла Флоренского. Так как он – монах, то в те годы работу пришлось опубликовать под именем его сестры М. С. Трубачевой: «Из истории охраны памятников в первые годы советской власти» (Музей 5. М., 1994). Я решила продолжить тему.

Сначала заместителем директора по научной работе и ученым секретарем мне было разрешено заниматься с архивами музея, только не вынося папки из помещения. Я сидела в комнате рядом с кабине-

том начальства. Но скоро это сочли неудобным. Дело было не в том, что в той комнате не было отопления, а в том, что мне было слышно всё, что говорилось в кабинете. Перевели меня на другой этаж, в комнату, где в то время сидел заведующий историческим отделом. Там я проработала довольно долго. Потом пришлось перевозить из Лавры музейные фонды, и комната понадобилась для этой цели. Только тогда разрешили мне брать архивные документы на свое рабочее место.

Работала я с производственным архивом, научным архивом, архивом отдела кадров и с архивом Комиссии. Также прочитала в музейной библиотеке все работы научных сотрудников, сделала из них выписки. Очень большим оказался производственный архив: протоколы заседаний методического совета, планы, отчеты, письма разных организаций и пр. Протоколы порой были написаны от руки так, что практически невозможно прочитать. Были документы военного времени на разнокалиберных листках, почему-то пахнувших кошками. Надо было делать выписки, сразу выбирая главное из огромного объема документов, потом сводить в единый текст. Кропотливая работа. Раз в год я сдавала кусок текста, ограниченный временными рамками. Так шел год за годом. Ни разу на музейном совете мою работу почему-то не заслушивали. А потом, просматривая в очередной раз картотеку научного архива, я обнаружила, что карточек на мои работы по истории музея нет. Ученый секретарь на мой недоуменный вопрос сказала, что, значит, я работу не сдавала, потом сказала, что карточки где-нибудь в другом месте, потом еще что-то. А тут к 90-летию музея вышел в свет тяжелый, роскошно иллюстрированный том «Сергиев Посад. Взгляд сквозь века» (Сергиев Посад, 2009). Подготовка издания велась так, что я и не подозревала об этом. В книге была статья «Музейное строительство» за подписью С. В. Николаевой, заместителя директора Музея-заповедника по научной работе. После выхода этого издания в картотеке научного архива появились карточки на сданные мной работы по истории музея.

Однажды ко мне обратилась Э. А. Шулепова, зам. директора по научной работе Российского института культурологи, с предложением принять участие в работе над книгой о Сергиевом Посаде. Когда я согласовывала в музее этот вопрос с Т. Н. Манушиной, та меня предупредила: «Смотрите, чтобы Вас не обманули». Как в воду глядела.

Я передавала разделы по истории музея по мере наработки. А когда подошло время завершать книгу, Шулепова сказала, что мои материалы переработает их сотрудник Т. П. Поляков. Я могла сама сократить и обработать, но мое предложение она отвергла. Единственное, чего я добилась, это возможности посмотреть материал после обработки его Поляковым. Со многим я оказалась не согласна. Были и просто ошибки. Но Шулепова резко заявила, что меня это все не касается.

Книга вышла под названием «Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII—XX век». М., РОССПЭН, 2011. Раздел «Музей-заповедник: идеальный проект и реальность истории» числится за двумя авторами: Поляковым и мной. Я отказалась даже принять экземпляр этой книги. И, конечно, не вставила эту работу в данный указатель.

Но книгу все же посмотрела. В ней оказался еще интересный раздел: «Духовная элита в послереволюционном городе» автора А. В. Мяснжиновой. Вспомнила, что однажды во дворе музея летним вечером я встретила веселую парочку, желавшую посетить краеведческий отдел. Девушка представилась участницей книги о Сергиевом Посаде и объяснила опоздание тем, что сначала они заехали в Абрамцево и гуляли по парку. Однако помещение отдела я уже закрыла и опечатала, а ключи сдала в охрану. Мне оставалось только предложить придти в другой день. Позже Шулепова сообщила мне, что эта особа нашла текст моего доклада о «бывших» в альманахе Музея музыкальной культуры имени Глинки. О находке было сказано с нескрываемой гордостью. Стоит ли удивляться, что поместила Мяснжинова мою работу за своей подписью, лишь немного изменив и сделав несколько сносок на мой текст.

Получилось так, что у меня по теме истории музея долгое время была опубликована только статья, касавшаяся периода 1928–1941 годов (в сборнике трудов ГИМа в 2005 году). А в 2006 году в ГИМе состоялась Православная конференция, на которой я сделала доклад об истории Сергиево-Посадского музея-заповедника вплоть до 2003 года. Видя, что прошло почти 10 лет, а доклад не опубликован, я выделила из материала, доложенного на Православной конференции, раздел по истории музея 1941–1964 годов и сделала доклад на Забелинских чтениях в ГИМе. Но вот недавно материалы той конференции все же издали.

На Забелинских чтениях был мной также сделан доклад «Сергиево-Посадский музей-заповедник и Троице-Сергиева лавра: 1990-е

годы» о взаимоотношениях между Музеем и Лаврой в те годы. Тогда наместник Лавры архимандрит Феогност требовал выселения Музея из стен Лавры, а Музей под руководством директора К. В. Бобкова боролся против этого. Противостояние длилось около 10 лет. Тема достаточно трудная, к тому же значительная часть музейного архива того времени находилась в виде россыпи. Тем не менее, как мне кажется, удалось представить картину происходившего.

Для трехтомника «Сергиево-Посадский район в зеркале истории. XX век» меня попросили написать краткий текст об истории музея. Это издание вышло в 2013 году.

Естественным продолжением моей работы над темой истории музея стало составление биобиблиографического словаря сотрудников. Использовала я в этой работе и музейную библиотеку, и научный архив, и архив отдела кадров. В последнем особенно трудно было найти нужные сведения. Я также подходила к каждому сотруднику, чтобы уточнить, не пропущена какая-либо работа. Ведь некоторые сборники, в которых были опубликованы работы сотрудников музея, не попали в музейную библиотеку. С каждого взяла расписку, что человек не возражает против включения сведений о нем в словарь. Разыскивала с этой целью и тех, кто уже уволился. Порой проблема возникала с установлением даты смерти, если сотрудник скончался после ухода на пенсию. Так, и не удалось, например, выяснить, когда умерла одна из старейших сотрудниц музея А. М. Попова-Курбатова, несмотря на то, что некоторые еще работающие сотрудники были на ее похоронах.

Нужно было также выяснить, какая научная работа опубликована, а какая находится только в научном архиве – в большинстве случаев на архивных карточках таких отметок не делалось. Затруднение было и в том, что в картотеке научного архива содержались карточки научных работ как сотрудников музея, так и лиц из других учреждений – тех, кто прочитал доклад на конференции Сергиево-Посадского музея-заповедника.

Был такой случай. Просматривая в очередной раз картотеку, я обратила внимание, что под фамилией Сычев числится отчет о реставрации стенописи Троицкого собора. Текст огромный – 640 страниц. Я знала, что реставрацией занимался Петр Иванович Нерадовский – в 1960 году была опубликована его статья на эту тему. Знала, и кто такой профессор Николай Петрович Сычев, тем более что книгу о нем, изданную в 2006 году, мне подарила ее автор И. Л. Кызласова.

Все выяснилось, когда я получила из научного архива этот объемный труд. То был отчет П. И. Нерадовского с приплетенным к нему отзывом Сычева, так что в конце последней страницы стояло: «Профессор Н. Сычев». Оказалось, что статья Нерадовского, опубликованная в сборнике «Памятники культуры. Исследование и реставрация» относится только к небольшой части работы. Исключительно интересная часть, касающаяся, прежде всего, восполнения утрат стенописи, осталась неопубликованной. Эти сведения не вошли и в большую монографию «Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры», написанную коллективом музейных сотрудников и изданную Лаврой в 2003 году. Такова цена небрежности, допущенной одним из ученых секретарей музея при составлении картотеки.

Мной был сделан доклад об этой работе по реставрации стенописи на одной из музейных конференций. Однако в сборнике докладов конференции он не был опубликован без объяснения причин. Я опубликовала его в сборниках ГИМа и докладов Кадашевских чтений.

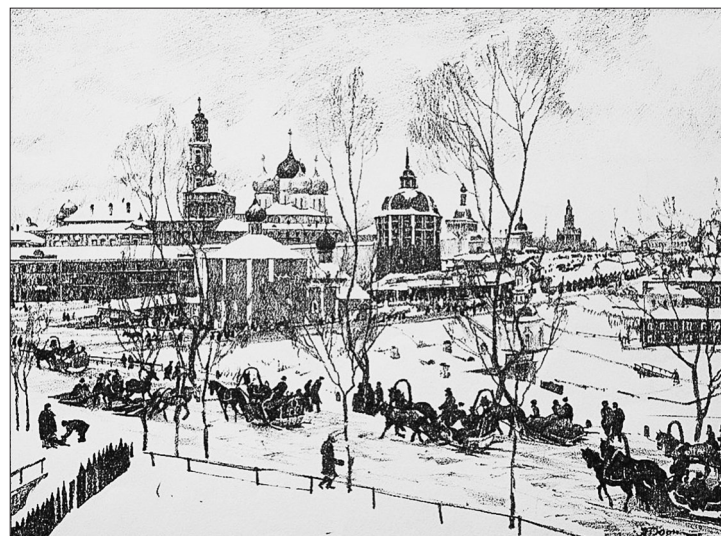
Биобиблиографический словарь сотрудников музея я сдала в научную часть и в августе 2013 г. из-за сложившейся обстановки ушла на пенсию. Словарь выложила в интернете на своем сайте. И получила письмо от С. В. Николаевой, заместителя генерального директора по научной части, с требованием убрать его под угрозой обращения музея на меня в суд. Причины мне не были объяснены. У меня нет сил судиться, и я выполнила требование.

Прошло с тех пор шесть лет. Никаких сведений об использовании музеем этого моего многолетнего труда не поступало.

Отношение ко мне со стороны руководства музея изменилось с тех пор, как впервые был опубликован мой доклад на Забелинских чтениях в ГИМе. Знаю, что ученый секретарь Сергиево-Посадского музея-заповедника (тогда им была Николаева С. В.) позвонила ученому секретарю ГИМа А. А. Смирнову. Хотя два сотрудника ГИМа независимо друг от друга рассказывали мне о впечатлении, которое на того произвел телефонный разговор, я не считаю возможным говорить здесь об этом. Скажу только, что в отличие от остальных сотрудников Сергиево-Посадского музея-заповедника я выступала и продолжаю выступать с докладами в ГИМе. Однажды я поехала с докладом на конференцию в ГИМ в свой музейный, то есть свободный день. И этот день был заранее согласован с заведующей отделом. Но мне поставили прогул и объявили выговор в приказе. Это единственный выговор за всю мою длинную трудовую жизнь.

Художники

Облик Сергиева Посада запечатлен многими художниками. Моей мечтой была небольшая книга или альбом с репродукциями картин самых известных художников, писавших виды этого города. Помнила, с каким интересом относились люди к репродукциям картин Константина Юона, когда я раскрывала так называемый «портфель экскурсовода». Это было, когда я недолгое время работала в городском экскурсионном бюро, еще до моего поступления в Музей-заповедник. Итак, я, в первую очередь, конечно, выбрала Юона, который запечатлел этот красочный город, еще не испорченный не слишком удачной реставрацией В. И. Балдина.

Троице-Сергиева лавра зимой. К. Ф. Юон. Литография. 1922

Борис Кустодиев не жил в Посаде, но свой автопортрет для галереи Уффици он написал на фоне Лавры. Так что, конечно, я и его включила в предполагаемый альбом.

Позже других увлекся Сергиевым Посадом Александр Осмеркин. Он впервые оказался в нем в 1944 году, когда произошел первый этап эвакуации Академии Художеств из Средней Азии в Ленинград. Но он так влюбился в этот город, называвшийся тогда Загорском, что позже подолгу жил в нем.

А Владимир Соколов прожил в этом Посаде большую часть своей жизни. Был он известен как представитель декоративного искусства, даже создал свой «соколовский» стиль росписи деревянных изде-

лий с выжиганием. Потом увлекся гравюрой и сделал, в частности, серию замечательных цветных литографий Сергиева Посада. Имя Соколова известно мало. Потому его биографии я уделила больше внимания. Тут очень кстати оказалась книга «Жизнь русского гравера» Н. П. Павлова (М., 1963), дружившего с Вл. И. Соколовым и подтолкнувшего его к занятиям гравюрой.

Частично статью на эту тему удалось издать в журнале «Русское искусство», но ее сократили, оставив только Юона и Соколова. Большие литографии Соколова любезно дала для сканирования М. С. Трубачева из Музея-квартиры священника Павла Флоренского. Но мне хотелось опубликовать работу о художниках полностью. Ее принял журнал «Подмосковный летописец», однако тоже из-за размера сократил ту часть текста, которая относилась к Вл. И. Соколову. Только через несколько лет текст о Соколове опубликовали в этом журнале отдельно.

О том, что А. В. Лентулов, один из самых известных «бубноволетчиков», жил некоторое время после революции в Сергиевом Посаде, я знала. Однако его пейзажи, написанные в этом городе, были мне неприятны, и я не включала его в предполагаемый альбом. Но будучи как-то в моем любимом Переславле-Залесском, увидела в музее работу Лентулова «У Черниговской». На ней были изображены строения Черниговского скита близ Лавры. Этот пейзаж резко отличался от более поздних изображений Сергиева Посада, сделанных Лентуловым. И я поняла, что закрытие Лавры и те изменения, которые произошли в жизни города в первые послереволюционные годы, стали причиной, почему так изменился стиль письма этого художника.

Я смогла поместить об этом лишь заметку в газете. Даю ее в качестве одного из приложений в этой книге.

Издать альбом «Образ Сергиева Посада в произведениях художников» мне так и не удалось. Но теперь существует мультимедийное издание этого материала, созданное образовательным центром «Нива».

В Сергиевом Посаде находится отделение Союза художников России, насчитывающее десятки членов. При нем есть художественный салон. Как-то зайдя в него, я увидела на прилавке большой буклет художника Аладина Гарунова и испытала настоящее потрясение. Но оказалось, что буклет не продается – единственный экземпляр. Попросила владелицу салона сообщить мне, если он будет в продаже. Оставила свои координаты.

Наш отдел находился тогда еще в крошечной комнате, в помещении бывшей кузницы. Всего три стола на четверых. Я сидела спиной к двери. Однажды дверь приоткрылась. Заведующая – она сидела к двери лицом – крикнула: «Рядом, рядом!» – и махнула рукой. Дверь закрылась. И из-за двери раздался голос: «Мне Татьяну Васильевну». Я вышла и увидела лицо «кавказской национальности». Это оказался Аладин Гарунов. Рядом была дверь, которую имела в виду заведующая. Та дверь вела в пункт приема вещей на продажу в художественном салоне музея-заповедника. Аладин Гарунов принес мне в подарок буклет с надписью.

Пока он жил в Сергиевом Посаде, я несколько раз бывала в его мастерской. Как-то привозила к нему академика Б. А. Рыбакова. Приглашал он меня и на свою выставку в Москве. Там собиралась дагестанская диаспора. Произвело впечатление собрание образованных, интеллигентных людей. Была там и дагестанская поэтесса-красавица в шляпке, напоминавшая цветок. Выступая, она сказала, что хотелось бы в будущем видеть инсталляцию не из мусора (такая была сделана художником), а из цветов.

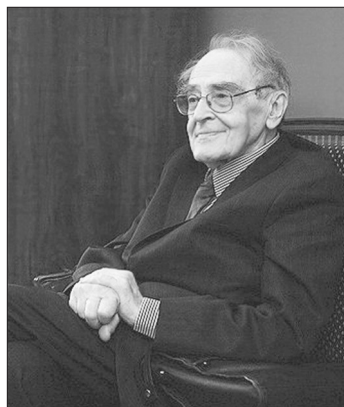
Потом и Сергиево-Посадский музей-заповедник сделал большую выставку Гарунова. Заведующую отделом изобразительного искусства и сотрудницу этого отдела я спрашивала, что они думают о художнике. Обе уверенно сказали, что он более интересен как скульптор. Конечно, Гарунов известен и как скульптор, и как фотограф, и как мастер инсталляций. Но мне он кажется, прежде всего, художником, в картинах которого мы видим спрессованное время.

Небольшую заметку о нем я дала в местной газете. Привожу ее в приложении. А сам художник живет теперь в Москве. Я давно его не видала.

С самого раннего детства у меня было несколько старых дореволюционных журналов, перешедших ко мне, видимо, от кого-то из родных. Особенно отличался высоким качеством иллюстраций журнал «Для детей», который издавал в 1917 году Корней Чуковский. Он привлек к работе нескольких самых известных художников-графиков, включая С. В. Чехонина. Я опубликовала об этих иллюстрациях небольшую статью в журнале «Русская галерея». А через несколько лет увидела в интернете, что оказывается сочинение Чуковского «Ваня и Крокодил» с рисунками Ре-Ми было переиздано в 1919 году. Сравнила рисунки 1917 и 1919-го годов и не могла не поделиться увиденным. Маленькую газетную заметку даю в приложении.

«Займитесь людьми»

Совет заняться людьми в 1995 году дал С. О. Шмидт, председатель Союза краеведов России, когда мы пришли к нему с Л. В. Гирлиной, заведующей только что созданным краеведческим отделом музея-заповедника. Совет показался мне сначала странным. Только со временем поняла, насколько он был прав.

С. О. Шмидт

Выше уже было сказано о тех, кто поселился в Сергиевом Посаде после революции, о тех, кто создавал музей на основе ценностей Лавры. Но на Сергиевской земле в разное время бывало немало и других замечательных людей. В 1987 году, еще задолго до того, как начала работать в музее-заповеднике, я узнала, что лето 1927 года в нашей местности провел Борис Пастернак. Тогда и был мной организован в Хотькове первый праздник поэзии Бориса Пастернака. Об этом есть в книге «Пастернаковское лето: произведения с конкурсов имени Бориса Пастернака» / сост., вступ. ст. Т. В. Смирновой. Сергиев Посад, 2006.

Финансовую помощь в издании оказал Сергей Евгеньевич Боков, генеральный директор культурно-коммерческой фирмы «Тонус», а набор текста сделали сотрудники Центральной районной библиотеки имени В. В. Розанова. У меня в то время и компьютера еще не было.

В 1990 году на доме, где жил Пастернак, была установлена памятная доска.

А в 2000 году удалось сделать в музее-заповеднике выставку «Мир Пастернака». Поэт выбрал в деревне необычный дом с балконом, нависшим над оврагом. Он называл его своим воздушным кораблем. Это предопределило и устройство в зале интерьера балкона с увеличенной фотографией пейзажа, открывавшегося с него, в качестве фона. На простом деревянном столе были поставлены плетеная корзинка с муляжами грибов, кринка для молока, маленькая кружечка, этюдник жены поэта, а рядом на мольберте портрет маслом их трехлетнего сына Женечки, с которым семья жила на даче. Выставку посетил и сын поэта Евгений Борисович Пастернак.

Руководитель литературного объединения «Свиток» Владимир Николаевич Сосин предложил провести на выставке поэтический

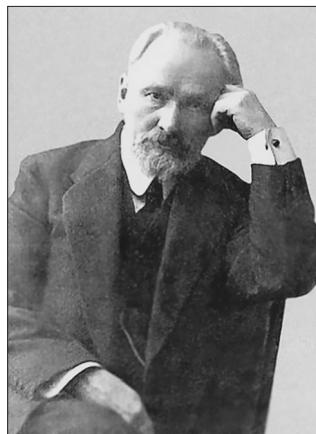
конкурс «Пастернаковское лето». Такой конкурс теперь проводится ежегодно в Центральной районной библиотеке имени В. В. Розанова.

Позже статью о пребывании поэта в деревне Мутовки, близ Хотькова, я поместила в «Подмосковном летописце». («Когда на дачах пьют вечерний чай...»).

В Хотькове на собственной даче жил академик Борис Александрович Рыбаков. В середине 1990-х годов заведующая краеведческим отделом Музея Л. В. Гирлина несколько раз приглашала его читать лекции в Сергиевом Посаде. Выступал он просто потрясюще. Я несколько раз была у него на даче. Иногда он оставлял у меня свою собаку, когда ему надо было поехать в Москву. Собака привыкла спать с ним в постели. Я пыталась на ночь закрыть ее в кухне, но она так выла, так царапала дверной косяк – отметины, хоть и покрашенные, отчетливо видны, – что пришлось ее из кухни выпустить. И она улеглась на мою постель. Борис Александрович очень любил собаку. Как я поняла, она косвенно оказалась причиной его гибели. Пес был очень непослушный. А академик был уже очень немолод. Собака сильно потянула его на прогулке, он упал на асфальт, ударился головой. Почему-то его отвезли в психиатрическую больницу. Там он получил еще удар по голове от какого-то пациента. Так он рассказал, когда я навестила его в доме престарелых ученых. Я тогда привезла по его просьбе только что вышедшую книгу «Хотьково». Не знаю точно, кто его туда устроил: сын или бывшие коллеги. Но там ему было очень комфортно. Он находился один в двухкомнатном номере. Сказал, что так хорошо не питался никогда в жизни. Помню, что на столе стояла тарелка с персиками и еще какими-то фруктами. Сейчас кто-то написал в интернете, что родные сдали его в богадельню. Дай Бог каждому старому человеку попасть под конец жизни в такие прекрасные условия. Жить ему одному было, конечно, просто уже невозможно.

Борис Александрович был очень гостеприимен, всегда сразу же приглашал пить чай. Я его расспрашивала. Он охотно рассказывал о детстве, о родителях, о своей работе над «Словом о полку Игореве». Два таких рассказа я записала и опубликовала в местной газете. А потом С. О. Шмидт поместил их в «Археологическом ежегоднике».

В. В. Розанов с семьей приехал в Сергиев Посад летом 1917 года, а скончался в феврале 1919-го. Очерк о нем, как я уже упомянула, лаврское издательство исключило из книги «... под покров Преподобного». Но на Международной научной конференции в Москве я сделала доклад «Семья Розанова в Сергиевом Посаде». Мое вы-

В. В. Розанов

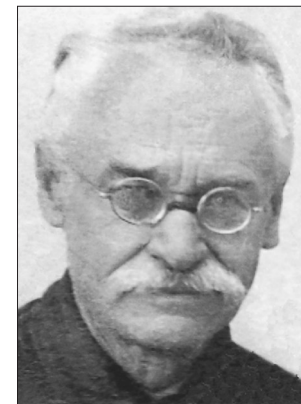
ступление поставили в конце дня. Все уже устало. Я увидела перед собой зал: стоял гул, никто не слушал, все разговаривали между собой. Но когда я начала говорить, вдруг всё замолкло. Встрепенулся и организатор конференции А. Н. Николюкин. Ему очень не понравилось то, что я говорила о Розанове. А говорила я о том, что тот не сумел воспитать своих дочерей, что они не были приучены ни к какому труду. И сравнивала положение этой семьи с семьей княгини Натальи Владимировны Урусовой, оказавшейся в то же время в Сергиевом Посаде, но в гораздо худшем положении. Книга Н. В. Урусовой «Материнский плач Святой Руси» (М., 2006) тогда еще не вышла, но от ее внучки Татьяны Константиновны Павловой я получила несколько номеров журнала «Русский паломник», издающегося в Америке. В нем были опубликованы эти замечательные воспоминания.

А. Н. Николюкин пытался меня остановить, ссылаясь на регламент. Ему была крайне неприятна моя критика по адресу Розанова. Но из зала закричали: «Пусть говорит!». На этой конференции мы впервые встретились с Ириной Анатольевной Едошиной, редактором журнала «Энтелехия» Костромского университета. Встреча стала началом нашей дружбы. Она порой вспоминает, как я тогда на Розановской конференции стойко не поддавалась давлению организатора. Но А. Н. Николюкину надо отдать должное: он опубликовал мой доклад полностью. И в «Розановскую энциклопедию» (М.: РОССПЭН, 2008) включил несколько моих заметок, написанных ранее по его просьбе. В данный указатель я их не стала включать. Поместила только две моих статьи о творчестве Розанова, опубликованные в «Энтелехии».

В «Энтелехии» я опубликовала еще несколько статей, в частности о Михаиле Савельевиче Елове, который издал в Сергиевом Посаде «Апокалипсис нашего времени» Розанова. Имя Елова встретилось мне в списке арестованных по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергеево» 1928 года, но известно было об этом человеке очень мало. Однако потом я обнаружила в Центральном государственном архиве Московской области личный фонд Федора Константиновича Попова. Этот человек, сын библиотекаря

Московской духовной академии, был членом Союза воинствующих безбожников. (В архиве Попов числится краеведом). Он подробно написал о М. С. Елове, всячески пороча его и обливая грязью. Но, несмотря на исключительно предвзятое отношение автора, можно было представить масштаб деятельности этого человека. И я опубликовала в костромском журнале небольшую статью о Елове, посетовав на то, что Розанов не поблагодарил своего издателя, взявшего на себя неблагодарный труд печатать «Апокалипсис» в такую пору.

Однажды в Краеведческий отдел музея пришел Владимир Валентинович Титов, внук бывшего сотрудника музея Ивана Федоровича Казакова. Принес разные документы и фотографии своего деда. Поразительна судьба Казакова, незаконно-рожденного ребенка прислуги. Он выбился в люди, закончил Археологический институт. На старости лет, уже инвалидом по зрению, пришел работать в музей. В архиве музея-заповедника я встретила запись: сотрудники обвиняли его в излишней интеллигентности (!). Статья о И. Ф. Казакове была опубликована в «Московском журнале». Мне хотелось назвать ее так: «Никогда не поздно начать новую жизнь». Но журнал ограничился в названии только именем этого человека.

И. Ф. Казаков

И еще я предложила принять его документы в музей, в личный фонд. Оказалось, что личных фондов в музее-заповеднике нет. Я настаивала. И такой фонд завели.

А с В. В. Титовым мы с тех пор поддерживаем дружеские отношения.

В Хотькове некоторое время существовал очень необычный музей – Музей детского народного календаря. Появился он потому, что в этом небольшом городе живет крупнейший специалист по игрушке, искусствовед Галина Львовна Дайн. Она вместе с художницей Галиной Петровной Осиненко создала такой музей сначала в детском саду, потом в начальной школе. В этом музее большая часть экспонатов была сделана самими детьми. О музее и его создательницах я писала и в местной газете, и в «Искусстве» – приложении к газете «Первое сентября». Сделала доклад в ГИМ на конференции, посвященной музеям нематериальной культуры. Но почему-то материалы той кон-

ференции так и не были опубликованы. Тем временем музей в школе пришлось свернуть сначала из-за ремонта, потом из-за нехватки помещения – детей стало больше. Трагическая гибель Г. П. Осиненко не дала возможности возродить музей. Только недавно мою краткую статью о нем напечатал костромской журнал (Детский народный календарь // Губернский дом. 2015, № 3).

В Хотькове, городе, в котором я живу, много лет директором одной из школ был Григорий Ефимович Агеев. Он преподавал историю и еще создал школьный музей. В листовке, недавно выпущенной Культурным центром города, Агеев был назван почетным краеведом. Однако, как оказалось, ни нынешние местные краеведы, ни сотрудница формирующегося городского краеведческого музея не знали его биографии. Мне посчастливилось разыскать его родственницу И. И. Шустилкову. Выяснилось, что за несколько лет до кончины Агеев написал для родных и близких подробную автобиографию, назвав ее «Трудовая книжка». Этот человек занимался краеведением в 1970-е годы, годы, когда краеведение было в загоне. И именно к нему обратились создатели трехтомника «Города Подмосковья» за статьей о Хотькове.

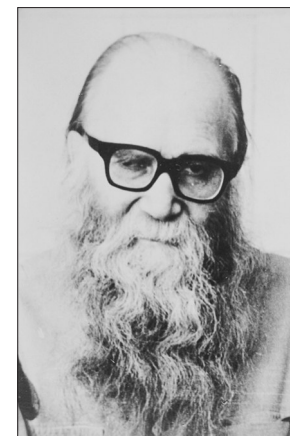
Выдающимся краеведом был Дмитрий Сергеевич Ганешин. Он посвятил много лет изучению Ахтырки, бывшей усадьбы князей Трубецких, расположенной близ города Хотьково. Только после кончины в «Панораме искусств» (1981, № 4) был опубликован его очерк об Ахтырке – он все считал свою работу незаконченной. О жизни автора известно было очень мало. Однако в интернете нашлись некоторые сведения. Оказалось, что он был скаутом и за это попал в Соловецкий лагерь.

Доклады об этих двух краеведах – Агееве и Ганешине я прочитала в Пушкине в 2015 году на конференции, посвященной краеведам прошлых лет. Конференция была очень содержательной. Однако Б. И. Васнев, председатель Пушкинского краеведческого общества, взявшийся за издание сборника докладов, не довел дело до конца. Так что, к сожалению, тексты моих докладов были опубликованы только в местной газетке «Хотьковский прорыв». Даю их в приложении

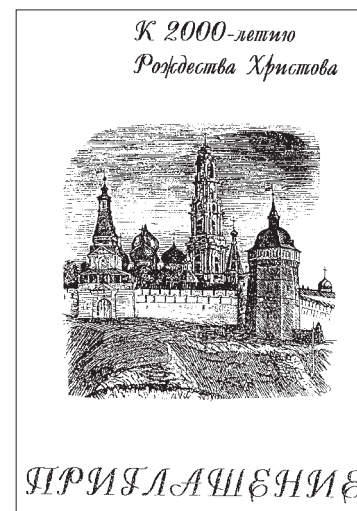
Художник Михаил Васильевич Боскин, являвшийся в 1920-е годы некоторое время членом Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, поселился в Сергиевом Посаде еще до революции. Его внучка Татьяна Сергеевна Боскина передала мне папку с бумагами своего отца, среди которых оказалась и биография ее деда. Это дало возможность опубликовать о нем небольшую заметку в газете. Она дана здесь в приложении.

Сергей Зосимович Трубачев был известен в городе как руководитель хора во Дворце культуры. Он был дирижером и церковным композитором. В конце жизни принял сан диакона.

В 1999 году в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки открылась посвященная ему выставка. О ней мне сказала Мария Сергеевна Трубачева, его дочь. Возникла мысль сделать выставку и в нашем музее. Она стала для меня первой самостоятельной выставкой, то есть выставкой по моему тематико-экспозиционному плану. Я решила показать не только главного героя, но и семью Флоренских (Трубачев – зять о. Павла Флоренского), а также представить акварели и копии древних фресок, сделанные Раисой Александровной Флоренской, сестрой о. Павла.

С.З. Трубачев

Хотелось показать и фрагмент обстановки в доме Флоренских. При этом произошла такая история. Как обычно, подиум для фрагмента интерьера был обтянут так называемой двуниткой. То есть он был серым. А я чувствовала, что жилище о. Павла должно быть показано светлым. Времени перед открытием выставки было уже очень мало. Если обращаться в хозяйственную часть, уже не успеть. И я бросилась в отдел тканей ближайшего магазина. Там оказался ярко-желтый ситец. Решила: не оплатят – возьму себе, ну, хоть простыни потом сделаю. Натянули ситец – невозможно: слишком ярко.

Л. В. Гирлина предложила намочить ткань в луковом отваре, как яйца на Пасху красят. И сама это проделала. Получилось!

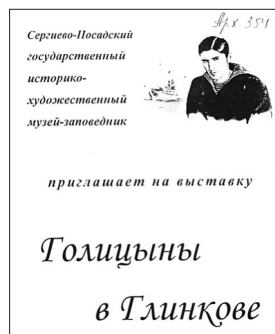
А я потом дала небольшую статью о С. З. Трубачеве в «Московский журнал». Послала по какой-то причине почтой. Ее и опубликовали в разделе «Почта».

Князя Голицыны

В книгу «... под покров Преподобного» вошел очерк только об одном из князей Голицыных: Владимире Михайловиче (старшем). Его потомки в 1920-е годы летом жили на даче в селе Глинкове, под Сергиевым Посадом. Самым известным из них был Владимир Михайлович Голицын (младший), моряк, художник и изобретатель детских игр. И вот в краеведческом отделе мы открыли выставку «Голицыны в Глинкове». В первом зале была выставлена графика В. М. Голицына, его фотографии и документы. Почти все экспонаты предоставил Илларион Владимирович Голицын, сын В. М. Голицына. Проблема была в том, что акварели сохранились, а вот оригиналы графических иллюстраций – нет. Они были только в журналах. Решили сделать ксерокопии. И целая стена зала была отведена великолепным юмористическим рисункам художника.

Крестьянскую жизнь в Глинкове в период НЭПа описал в «Записках уцелевшего» (М., 1990) брат художника Сергей Голицын. Задача была представить наглядно этот литературный материал. И во втором зале устроили интерактивную экспозицию – крестьянский двор в летнюю пору. Особенно это было интересно детям, ведь все вещи, кроме пилы, разрешалось трогать, брать в руки. Некоторые члены методической комиссии, принимавшей выставку, кривились: освещение в зале осталось прежним, то есть обычные верхние светильники. Но никто из посетителей этого даже не замечал.

Доклад о выставке я сделала на Голицынских чтениях в Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Больших Вяземах. Это было естественно. Но мне так нравится этот музей, что и в дальнейшем я старалась найти какой-либо материал, чтобы побывать на голицынских чтениях. В библиотеке Сергиево-Посадского музея-заповедника, в Фонде редких книг, нашла брошюру о поездке одного из Голицыных в Бородинский монастырь. А потом удалось узнать и о личности автора, благодаря книге «Князя Голицыны. 600 лет служения Москве и Отечеству» (М., 2010). На презентации я получила экземпляр этой книги. Оказалось, что князь Николай Сергеевич Голицын был очень известным военным историком. В РГБ я посмотрела несколько его брошюр о поездках в подмосковные монастыри. Очень интересным оказался и его рассказ о поездке в Троице-Сергиеву лавру.

Доклад мой на Голицынских чтениях был посвящен описаниям поездок в Лавру и Бородино. Н. С. Голицын смотрел на эти объекты, прежде всего, как военный историк. И еще он дал пример, как следует прорабатывать литературу. Так, говоря об осаде Троице-Сергиева монастыря в Смутное время, он привел мнения нескольких авторов о тех событиях, что выгодно отличало его от современных историков, которые пишут на эту тему.

В том же Фонде редких книг музейной библиотеки я обнаружила книгу князя Федора Сергеевича Голицына о кустарном деле в России. Как и большинство людей нашего времени, я не подозревала, какое огромное значение придавалось развитию кустарных промыслов в конце XIX – начале XX века. Эта книга и стала темой доклада.

А в журнале «Столица и усадьба», принесенном кем-то в краеведческий отдел, я наткнулась на иллюстрированную статью об усадьбе Тростянец, на Украине, куда князь Голицын приглашал П. И. Чайковского. Сначала было непонятно, кто это был из огромного рода Голицыных. Но, благодаря упомянутой выше книге о роде Голицыных, удалось установить, что Тростянцом владел князь Александр Васильевич Голицын. Однако Тростянца нет в перечне голицынских усадеб, перечисленных в этой книге. Так что на голицынских чтениях я выступила с докладом о Тростянце.

Таким образом, из-за любви к Музею-заповеднику А. С. Пушкина некоторые мои работы оказались посвящены и тем Голицыным, которые не имели отношения к Сергиеву Посаду.

Тростянец. Садовый фасад усадебного дома

Мои родные

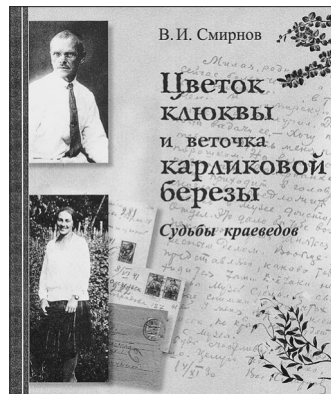

Несколько книг и статей посвящено моим родным. Мой отец Василий Иванович Смирнов был известным костромским краеведом. В годы Великого перелома краеведение было разгромлено. Его арестовали. Дальше были 8 месяцев тюрьмы и приговор – три года высылки на Север. Он каждый день писал письма жене, Лидии Сергеевне Кितिцной, пока она не смогла, наконец, приехать к нему в Архангельск. Письма были сданы в Отдел письменных источников ГИМа. Но, к счастью, моя мама, в 1960-е годы отдала их перепечатать на машинке. Одно большое

письмо, которое он вручил ей при встрече, стало книгой под названием «Народ в тюрьме». (2011). А письма, которые он посылал каждый день, стали основой другой книги – «Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов» (2016).

Мне очень помогла Лариса Ивановна Сизинцева, костромской краевед. Она организовала набор части писем в электронном виде. Обе книги я выпустила в сергиево-посадском издательстве «Все для Вас». Верстала их Татьяна Михайловна Фролова. Она не просто верстальщик, а еще и дизайнер, и, по сути, редактор. Эти книги – плод нашего совместного творчества.

Михаил Иванович Смирнов, мой дядя, был известным переславским краеведом. Он тоже был арестован. И выслан в Сибирь. Толчком к тому, чтобы написать о нем, стала книга некоего археолога И. Н. Ершова «Михаил Пришвин и российская археология» (М., 2012). Между М. И. Смирновым и М. М. Пришвиным, который жил некоторое время в Переславле-Залесском, возник конфликт. Ершов, рассказывая о Пришвине, как археологе, допустил массу домыслов, неточностей и ошибок, встав полностью на сторону писателя. А упоминая о моем отце, написал, что общих детей у моих родителей вовсе не было, то есть поставил под сомнение мое существование. И это при том, что обо мне ему говорила

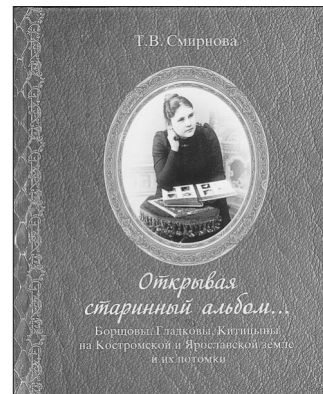
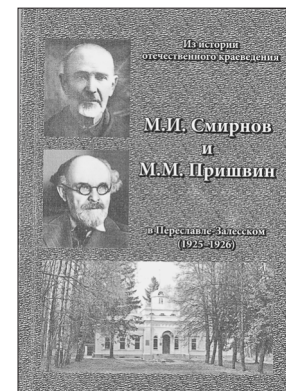
сотрудница ГИМ Ирина Валентиновна Белозерова, с которой я знакома много лет.

Благодаря Андрею Юрьевичу Фоменко, который занимается сейчас переславским краеведением, я получила текст статьи известного краеведа 1920-х годов Николая Павловича Анциферова, в которой тот сравнивал краеведческую деятельность Смирнова и Пришвина. Статья была опубликована в 1927 году. Разрешение на ее републикацию в книге «М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском. (Сергиев Посад, 2013)» дал мне М. С. Анциферов – внук автора статьи. Я встретила его на одной из известных «Встреч на Никольской», которые проводила кафедра краеведения РГГУ.

Лариса Ивановна Сизинцева как-то посоветовала на то, что я ничего не написала о третьем брате – Сергее Ивановиче Смирнове, профессоре Московской духовной академии по кафедре истории русской Церкви. Естественно, что я писала о тех родственниках, которые были краеведами. Но отчасти замечание справедливо. Судя по списку трудов С. И. Смирнова, некоторые его работы близки к краеведческому. Он присутствовал на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 году, который посетил и Пришвин.

Кстати, И. Н. Ершов привел издевательский отзыв М. М. Пришвина о С. И. Смирнове. Думаю, что ни Пришвин, ни Ершов трудов С. И. Смирнова не читали. А я прочла некоторые его работы в библиотеке МДА. Для меня особенно интересной оказалась его работа

«Как служили миру подвижники Древней Руси». (Сергиев Посад, 1903), не потерявшая, на мой взгляд, актуальности. В 2004 году я выступила в ГИМе на конференции «Проблемы изучения истории Русской Православной Церкви и современная деятельность музеев». Темой моего доклада «Монастыри: служение миру» была дискуссия, возникшая в начале XX века о том, является ли служение мирянам обязанностью монастырей. При этом мной была использована упомянутая выше работа С. И. Смирнова.

О нем мной была также опубликована небольшая газетная статья, которую я привожу в приложении.

Л. И. Сизинцева как-то упрекнула меня в том, что я пишу только о родных со стороны отца. Это не совсем так: биографическую справку о маме – Кितिцыной Лидии Сергеевне я дала в книге «Народ в тюрьме». И тогда созрел замысел новой книги. У меня сохранилось несколько старинных альбомов с фотографиями. Мама оставила отрывки воспоминаний о своем детстве. Бабушка по просьбе потомков написала воспоминания. В результате вышла книга «Открывая старинный альбом... Борщовы, Гладковы, Кितिцыны и их потомки на Ярославской и Костромской земле» (Сергиев Посад, 2016). За верстку и оформление книги со множеством фотографий я должна благодарить Татьяну Михайловну Фролову.

Добавлю, что свои воспоминания о нашей жизни в Архангельске, я дала в книге «Цветок клюквы...». А в книге «Открывая старинный альбом...» поместила воспоминания о маме Л. С. Кितिцыной.

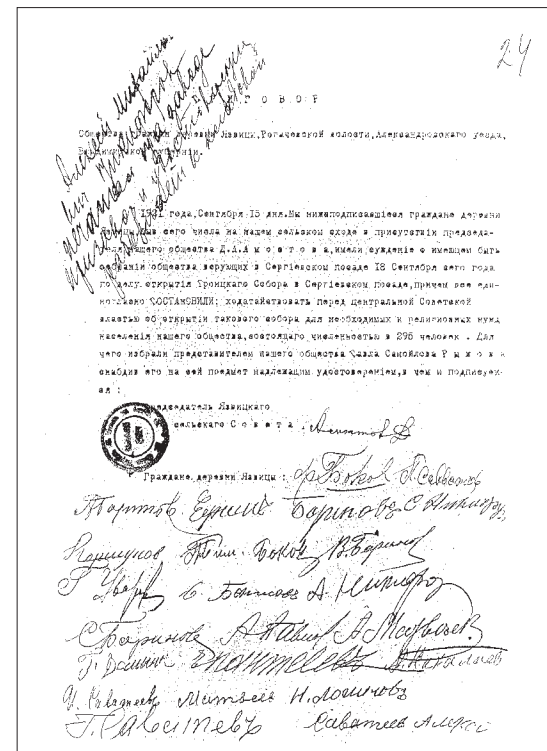
Все книги о родных были изданы за мой счет.

Репрессии

Тема репрессий меня всегда особенно волновала. Она нашла отражение в выставке «Князья Трубецкие в нашем крае» и в выставке, посвященной С. З. Трубачеву – ведь нельзя было не сказать о судьбе его тестя о. Павла Флоренского. Заняла эта тема большое место в выставке графики М. М. Осоргиной – многие из лиц, портреты которых она нарисовала, были репрессированы. На выставке акварелей В. Д. Девиза речь шла и о графе Ю. А. Олсуфьеве, вместе с которым Девиз работал над созданием музея. В 1938 году Олсуфьева расстреляли. В концлагере скончался князь В. М. Голицын – главный персонаж выставки «Голицыны в Глинкове».

И. Л. Кызласова, обнаружив в архиве ФСБ материалы по крестьянским волнениям 1921 года в Сергиевском уезде, любезно передала мне ксерокопии этих дел. Волнения были вызваны тем, что в 1920-м году власти закрыли Троицкий собор. Тогда в качестве зачинщика был арестован крестьянин Сергей Никитич Игнатьев. Через некоторое время я сделала на эту тему доклад. Он опубликован в сборнике докладов на Кадашевских чтениях. Любопытно, что в списке крестьян деревни Язвицы, просивших открыть собор, первой стоит подпись Ф. Бокова, очевидно, отца известного поэта В. Ф. Бокова, родившегося в Язвицах.

Лист приговора
крестьян
с подписями

Один из жителей Сергиева Посада как-то принес в краеведческий отдел три списка «лишенцев». Такие списки вывешивали на заборах и воротах. Лишение избирательных прав было серьезной репрессивной мерой, теперь мало понятной большинству людей. Изучение списков и сопоставление с данными по другим местностям, которые я нашла в Москве, в Исторической библиотеке, позволили выявить особенности Сергиева Посада в этом отношении. И я сделала на эту тему доклад на Забелинских чтениях в ГИМе.

Мне очень хотелось сделать в СПМЗ выставку, посвященную теме репрессий. Эта работа была включена в план. При подготовке я встретила исключительное внимание со стороны Музея и общественного центра Андрея Сахарова. Не могу тут не назвать имя заведующей библиотекой центра Инны Андреевны Щекотовой. Во всем была готова пойти мне навстречу и помочь получить экспонаты для выставки сотрудница «Мемориала» Светлана Яковлевна Фадеева. Сын скончавшегося художника И. В. Голицына Иван Илларионович

Голицын готов был дать на выставку замечательную картину отца «Трубецкие», о которой я писала выше. Но руководство музея-заповедника, несмотря на то, что выставка была в плане 2013 года, под всяческими предлогами так и не позволило ее сделать.

Несколько докладов о репрессиях 1920-х и репрессиях 1930-х годов в Сергиевом Посаде, а также репрессиях профессоров Московской духовной академии я сделала на конференциях в Кадашах И еще ко мне обратился иеродиакон Троице-Сергиевой лавры о. Пафнутий, работавший над Синодиком репрессированных жителей Сергиева Посада. Как оказалось, сначала за основу он взял мою книгу «... под покров Преподобного». В дальнейшем вносил дополнения и уточнения. И я принимала в этой работе некоторое участие. Радует то, что теперь Синодик, дополненный этим разделом, читают в Лавре. Важно, на мой взгляд, то, что в него включены не только «за Христа пострадавшие», но все те, кого удалось выявить в качестве репрессированных в сталинские годы.

Неожиданно от «Мемориала» мне поступило предложение сделать публикации на сайте «Уроки истории». Светлану Яковлеву Фадееву, прежде всего, интересовали материалы о тех репрессированных художниках, работы которых имелись в музее «Мемориал». Когда «Мемориал» еще только был создан, а было это в конце 1980-х годов, я передала на организованную им выставку одну работу художника Н. А. Фурсея – силуэт оленя и три работы художницы-скульптора А. С. Комеловой: портрет моей мамы, акварельный пейзаж заснеженной улицы и овальный гипсовый портрет Ломоносова. С этими ссыльными художниками мои родители познакомились в Архангельске. Передавала я работы временно, но «Мемориал» мне их так и не вернул. Потом я узнала, что мамин портрет помещен в альбоме, посвященном репрессированным художникам. Но у меня не было тогда денег, чтобы купить альбом. С. Я. Фадеева любезно сделала для меня слайды с портрета и с силуэта оленя. Для сайта «Уроки истории» я написала о Фурсее и дала текст моей мамы Л. С. Кितिцной о Комеловой. И в дополнение к рассказу о А. С. Комеловой С. Я. Фадеева предложила мне написать в этот сайт и о моей маме.

Наличие в музее «Мемориала» нескольких работ художника С. М. Ивашёва-Мусатова стало предлогом, чтобы рассказать о портрете князя Андрея Владимировича Трубецкого – художник написал его в лагере, – и о судьбе самого Трубецкого и его родных. Сам этот замечательный портрет находится в семье Трубецких. Файл с него

мне передала Елена Владимировна Трубецкая, вдова Андрея Владимировича. В тексте на сайте «Мемориала» я рассказала также о картине «Трубецкие» И. В. Голицына, где изображена эта семья, в том числе и А. В. Трубецкой еще мальчиком. Тут я впервые попробовала оформить текст в виде интервью со Светланой Яковлевной Фадеевой. Думаю, что читать такой текст удобнее.

В музее «Мемориала» нашлись и рисунки В. М. Голицына, сделанные им в лагере. Это позволило мне рассказать на сайте «Уроки истории» об этом замечательном человеке.

А еще в «Мемориале» мне подарили книгу американца Томаса Сговии, попавшего в колымские лагеря. О Колыме писали В. Шаламов, А. Жигулин, Е. Гинзбург, которым пришлось там побывать. Но книга Томаса Сговии выделяется и среди них. Она осталась как-то в тени, по крайней мере, для русских читателей. А, по-моему, она заслуживала бы Нобелевской премии. Хотелось бы, чтобы все люди прочитали ее. Автор был не только писателем, но и художником. И я написала для сайта «Уроки истории» об этой книге текст в виде беседы с учительницей истории.

Потом оказалось, что можно писать не только о тех художниках, работы которых хранятся в музее «Мемориала», и даже не только о художниках. Так я написала еще на несколько тем, связанных с репрессиями сталинского времени. И вскоре обнаружила, что разыскать мои труды на сайте «Мемориала» очень непросто, даже почти невозможно. Куда-то все очень быстро исчезает. Потому решила некоторые тексты привести здесь, правда, в основном без иллюстраций.

К сожалению, сведения о репрессированных дворянах, выложенные «Мемориалом» на одном из его сайтов, содержат такое число ошибок, что пользоваться этим сайтом не стоит.

Великая Отечественная война

Тема Великой Отечественной войны не была основной во время моей работы в Музее-заповеднике. Но в выставках о войне я принимала участие. Первой выставкой только что созданного краеведческого отдела музея стала выставка «Загорчане в годы войны». В 1995 году не было места в музее, где бы можно было ее разместить. И Л. В. Гирлина, заведующая отделом, проявила исключительную энергию, чтобы открыть выставку к юбилею Победы во Дворце культуры имени Юрия Гагарина. Мы тогда получили два больших зала. Один из них решили полностью посвятить художникам, участ-

Л. В. Гирлина

никам войны. Я занималась отбором экспонатов: побывала дома или в мастерской у многих художников: и у ветеранов-участников войны, и тех, кто был моложе, но создал картины на эту тему. Но саму развеску картин не смогла сделать – подвернула ногу и несколько дней совсем не могла ходить. Руководила развеской одна из старейших сотрудниц музея Л. Э. Калмыкова, работавшая в отделе народного и декоративного искусства.

На праздник города, состоявшийся в том году на Троицу, мы собрали на выставке художников-участников войны и вдов тех художников, кто не дождал до этого дня. Л. В. Гирлина привез-

ла массу скошенной травы. Ею покрыли пол. В центре зала на столе был специально испеченный каравай в окружение ромашек и яиц, крашенных в желтый цвет, как положено на Троицу. А перед каждым приглашенным стояли в маленькой вазочке незабудки. Ветеранов попросили поделиться воспоминаниями. Угощение по тем временам не могло быть богатым. Но встреча состоялась в теплой, неформальной обстановке.

Об этих художниках я написала статью для местной газеты. А у некоторых записала и тоже опубликовала в газете рассказы об отдельных эпизодах войны.

Никого из них сейчас уже нет в живых.

Следующую выставку, посвященную Великой Отечественной войне, открыли в 2000 году в помещении бывшего детского сада, которое городские власти предоставили краеведческому отделу музея. Тематико-экспозиционный план был разработан Л. В. Гирлиной. Выставка планировалась в большом зале. Но при рассмотрении плана возник вопрос: а что будет в небольшом зале, через который надо проходить на эту выставку. И тут мне пришло в голову предложить устроить в нем выставку «Первый день войны», чтобы получился контраст. Сделали фрагмент интерьера в летний день. На столе – швейная машинка, утюг, стопка только что поглаженной одежды. На стуле летний сарафанчик. Рядом патефон. А на отрывном календаре – 22 июня. Заранее было записано на магнитофон танго «Брызги

шампанского». Потом экскурсанты, слушали фрагмент выступления Молотова и под песню «Вставай, страна огромная!» проходили в зал военной выставки.

Сотрудники принесли из дома всякие вещи, характерные для предвоенного времени: коробку из-под духов «Кремль», узкую стеклянную вазу, чугунный утюг и пр. Труднее всего оказалось найти цветной ситец для сарафана – нигде почему-то его тогда не было. Пришлось мне ехать в Москву, в магазин «Трехгорки». Да и там выбор был не велик. Все же купила более или менее подходящий. А сотрудница отдела Екатерина Дмитриевна Ульянова сшила сарафан.

Тема войны нашла отражение и в некоторых других выставках. Так, на выставке, посвященной С. З. Трубачеву, который прошел всю войну и чудом остался жив, была представлена и эта часть его биографии. А на выставке акварелей В. Д. Давида было уделено место его внукам Никите и Ивану Фаворским, сражавшимся и погибшим в годы войны. Семье Фаворских посвящена и одна из глав книги «... под покров Преподобного».

К 70-летию Победы я опубликовала в «Подмосковном летописце» рассказ Натальи Дмитриевны Винокуровой, участницы войны. Эта одинокая женщина жила неподалеку от меня. Работала она в Абрамцевском художественно-промышленном училище – преподавала скульптуру и обработку камня. Еще к 40-летию Победы я записала ее рассказ, о том, как она и артиллерийским взводом командовала, и в разведку ходила. Но в районной газете, вышедшей к юбилею, рассказ сильно сократили. Ответственный секретарь редакции сказала мне потом: «Разве о таких ужасах можно писать?».

И сама Наталья Дмитриевна тоже осталась недовольна, но по другой причине.

– Как Вы могли написать: луна-собака?

– Так Вы же сами так выразились!

– Мало ли что я сказала! Так не пишут.

А ведь я записала ее речь точно. И ее возмущение луной было оправданным – когда идешь в разведку, лунный свет демаскирует.

Вот пример того, что существует цензура редакции и есть еще внутренняя цензура автора.

Еще о делах издательских

Еще с 1985 года я была нештатным корреспондентом районной загорской газеты «Вперед», ставшей сергиево-посадской, когда городу было возвращено историческое название. Первое время я ставила себе задачу давать в течение месяца заметки в каждый номер газеты – тогда выходило 12 номеров в месяц. Это было нелегко, так как я работала в учреждении со строгим пропускным режимом, следовательно, могла посещать какие-либо мероприятия только вечером или в выходные дни. И еще я сама себе ставила условие: написать заметку в электричке за 17 минут, пока еду из Сергиева Посада домой в Хотьково. Так, чтобы дома оставалось только переписать начисто.

Иногда печаталась и в других местных газетах, которые возникли в 1990-е годы. А с момента поступления в Сергиево-Посадский музей-заповедник стала постоянно давать материалы для публикации в «Краеведческом вестнике», приложении к газете «Вперед». Редактор «Краеведческого вестника» Л. В. Гирилина, она же заведующая краеведческим отделом Музея-заповедника, опытная журналистка, как-то сказала мне, что она впервые встречает человека, которого не надо редактировать. Но однажды моя знакомая, работавшая в Хотьковском краеведческом музее, сказала, что они читали-читали мою заметку, так и не поняли. Прочитав газетный текст сама, я убедилась, что это было правдой: Л. В. Гирилина редактировать меня продолжала. Мне пришлось поставить условие: или она будет показывать мои статьи после редактирования, или вернет мне все материалы. Она предпочла второй вариант.

Конечно, что-то я публиковала в ежегодном справочнике «Весь Сергиев Посад». Делала буклеты к выставкам. Но материалы скапливались. Выписки из разных книг и журналов заполняли тетради. И возникла мысль о книге для чтения. Я понимала, что как бы ни интересовался житель города родной историей, он не будет перелопачивать такой объем литературы. Хотелось дать в основном не мои мысли и слова, а высказывания писателей, художников, искусствоведов, то есть дать эмоционально-эстетическое восприятие о Сергиевской земле. В то же время мне не хотелось составлять хрестоматию, как это, например, сделали в Дмитрове, соединив механически совершенно разнородные материалы. Так получилась своего рода книга для чтения. Текст любезно согласилась посмотреть И. Л. Кызласова. Я очень ей благодарна ей. Она и предложила название – «Из прошлого Сергиевской земли», – и сделала несколько поправок, в частности, относительно расположения глав.

Итак, все было готово, но оставался вопрос, как издать. Рассчитывать на Музей-заповедник у меня и мысли не было. Раз уж плановая книжка об Ахтырке была издана только на деньги одного из Трубецких, то что говорить о книге неплановой, сделанной дома по вечерам. И я решила обратиться к директору сергиево-посадского издательства «Всё для Вас» В. Г. Штерну. Слышала, что он порой снижает стоимость заказа по просьбе автора. Но я просить милостыни не хотела. И предложила ему такой вариант: он издает книгу тиражом 1000 экземпляров за свой счет и продает ее. Если даст мне несколько экземпляров, то я буду благодарна.

Штерн, голубоглазый брюнет с обворожительной улыбкой, сначала объяснил мне, что и так он много занимается меценатством. А потом согласился на мое предложение. Вскоре вышла книжка, которую я постаралась сделать как можно дешевле. Чтобы не вводить издательство в большой расход, цветные иллюстрации на вкладке были уменьшены, насколько возможно. Но на обложке была репродукция одной из моих самых любимых картин – «Купола и ласточки» Константина Юона.

Штерн дал мне почти сто книг на подарки.

Но скоро я поняла, что раз у издательства нет своей сети для распространения книги, то мне надо как-то способствовать тому, чтобы их распродать. Брала тяжеленные пачки, относила их в Лавру – там брали охотно. Потом отдавала деньги в издательство. А тут вдруг зашла к нам в краеведческий отдел Галина Ивановна Суббота, не так давно назначенная первым заместителем генерального директора музея. И спросила меня, почему это моя книга не продается в музее. Я сказала, что в музее есть железное правило не брать на продажу книги, кроме тех, которые выпущены Музеем-заповедником или Министерством культуры, которому музей подчинен. Но она велела оформить часть тиража для продажи в музее. Я долго пыталась оформить договор. Бухгалтерия все с чем-то была не согласна. Потом главный бухгалтер почему-то оформила, не по договору, а по накладной. Книгу моментально распродали, и кассир, продававшая и билеты, и книгу, говорила мне несколько раз, что хорошо бы получить еще – книгу спрашивают. А меня беспокоил возврат издательству денег за проданные экземпляры. Несколько раз я обращалась по этому вопросу к Г. И. Субботе. Она вызывала главного бухгалтера, спрашивала. Та каждый раз отговаривалась тем, что вот сейчас конец квартала, денег нет. Вот в следующем квартале... В конце концов,

с Г. И. Субботой не был подписан договор на дальнейшую работу, и ей пришлось уйти. По-моему, денег издательству Музей так и не заплатил.

Пока Г. И. Суббота работала в Музее, года два выходила газета «Маковец», где она была главным редактором. Газету печатали в Лаврской типографии на хорошей бумаге, с цветными иллюстрациями. Я успела сделать в ней 36 публикаций. Четыре из них привожу в качестве приложений к данному указателю.

Желание популяризации, по-прежнему, одолевало меня. И тут я случайно узнала, что существует некий Сергиев фонд. Обратилась туда, встретила с человеком, называвшим себя Президентом этого фонда, предложила выпустить серию небольших научно-популярных книжек. Сергей Васильевич Чичков-Баженов ухватился за мое предложение. Но в этой серии вышло только три маленьких книжки, вернее, брошюры: «Троицкий собор Лавры», «По железной дороге от Москвы до Сергиева Посада» и «Святые окрестности Лавры». С. В. Чичков-Баженов оказался обычным мошенником. Получила я от него лишь по одной книжке, и то с трудом. А за набор брошюры «Сергиев Посад в творчестве художников» он так и не заплатил издательству. Кроме того, он взял у меня единственную ценную вещь – старинный портрет неизвестного итальянского художника, предложив отдать его в реставрацию. И не вернул.

А в 2016 году ко мне обратился директор издательского дома «Научная библиотека» Владимир Борисович Дерновой. Он намеревался выпустить путеводители по всем городам Подмоскovie. Прекрасная мысль! Я предложила два путеводителя: «Хотьково и Радонеж» и «Сергиев Посад и окрестности». Мне понравилось название путеводителя Н. В. Табуновой по городу Дмитрову: «Прогулки во времени и пространстве». В стиле прогулок я и решила сделать книжки. У верстальщика издательства не было никакого опыта работы с подобными книгами – раньше он имел дело только с научными журналами. Потому работа шла очень трудно. Не повезло и с типографией. Издатель выбрал самую дешевую. Цвет большинства иллюстраций оказался сильно искажен. Впрочем, возможно, что тут была вина не столько типографии, сколько неумелого верстальщика.

Но хуже всего было то, что путеводитель по Сергиеву Посаду, как мне потом сказал В. Б. Дерновой, он выпустил в количестве всего 100 экземпляров, указав тираж 1000. А дальше поступил еще хуже: какую-то неизвестную мне часть тиража напечатал ради дешевизны с черно-белыми иллюстрациями. Так что и этот издатель оказался

нечестным человеком. На этом мои отношения с издательским домом «Научная библиотека» закончились.

Поработала я в Сергиево-Посадском музее-заповеднике более 18 лет. За это время меня опубликовали в музейных сборниках два раза. Естественно, что мне надо было искать, где публиковать свои труды. Первой научной публикацией по музейной тематике стала публикация в «Московском журнале» в 1997 году. Получилось это так. Всегда меня больно задевала несправедливость. А тут в 1995 году я увидела в «Московском журнале» статью «Хозяин музыкальной Москвы» – о Н. Г. Рубинштейне. Как раз шла подготовка к выставке «Князья Трубецкие в нашем крае», и я знала о роли князя Н. П. Трубецкого в музыкальной жизни Москвы. Автор статьи о нем не упомянула. Я написала письмо в редакцию журнала, приложив фотографию князя, полученную в Музее музыкальной культуры имени Глинки. Письмо напечатали в «Почте журнала», что вдохновило меня на несколько дальнейших публикаций в этом журнале.

Потом, через 10 лет со времени первой моей публикации, пришла я в журнал со статьей о сотруднике музея И. Ф. Казакове. Редакция журнала к тому времени переехала на новое место. И Н. А. Копыловой, той сотрудницы редакции, с которой я имела дело раньше, не было. Я попала к другому человеку, который меня огоршил словами, что ему известно, будто бы я всегда не соглашаюсь с редактированием. А этого не было ни разу. Статью он взял, сократил ее и отредактировал. Больше я в этот журнал не обращалась.

Как раз в это время я узнала, что уже года три выходит журнал «Подмосковный летописец». В нем можно было давать цветные иллюстрации. Первое время, правда, просили не давать примечаний или давать их, как можно меньше. Но потом это требование отменили. В журнале было опубликовано несколько моих статей. А с ответственным секретарем журнала Н. В. Рыбалко мы даже сдружились. К сожалению, из-за финансовых трудностей теперь редакция вынуждена посвящать номера журнала отдельным районам области, договариваясь о закупке части тиража.

С главным редактором журнала Костромского университета «Энтелехия» Ириной Анатольевной Едошиной, доктором культурологии, я познакомилась в Москве на конференции, посвященной В. В. Розанову. Номера этого журнала посвящались В. В. Розанову и П. А. Флоренскому, двум философам, связанным с Костромской землей. В нем я опубликовала несколько статей. Хорошее отношение Ирины Анатольевны ко мне было так велико, что она заплатила свои

собственные деньги, чтобы поместить в журнале цветную репродукцию портрета Ю. А. Олсуфьева к моей статье о нем. Не так давно журнал прекратил свое существование.

Небольшое число моих публикаций было сделано в журналах «Русская галерея» и «Русское искусство». «Русская галерея» скоро закрылась. В редакции «Русского искусства» я столкнулась с недоброжелательным отношением сотрудницы Елены Степанян. В частности, она резко осудила меня за то, что мной не были указаны размеры литографий Владимира Соколова. Но почему-то, получив оригиналы литографий для сканирования, она не проставила их размеры в подписях. В том же номере, где была опубликована моя статья о художниках, я увидела перевод с французского, сделанный этой особой, о Борисе Кустодиеве. Название его картины 1912 года «Купчихи» она перевела как «Торговки». Больше дела с этим журналом мне иметь не захотелось.

Ирине Леонидовне Кызласовой, доктору исторических наук, я обязана возможностью выступать на чтениях в ГИМ. Наше знакомство началось так. М. С. Трубачева дала мне ее небольшую книжку об искусствовед А. И. Анисимове. Я помнила, что в архиве моего отца В. И. Смирнова были три письма Анисимова, и написала об этом Кызласовой. Она пригласила меня встретиться в ГИМе. К этому времени я успела сделать в Музее музыкальной культуры доклад о социальной диаспоре бывших, приехавших после революции в Сергиев Посад. Но доклад не был опубликован. (Неожиданно через несколько лет музей все же выпустил сборник докладов той конференции). Текст доклада я показала И. Л. Кызласовой. Она заинтересовалась и повела меня к ученому секретарю ГИМа А. А. Смирнову, представила. И я получила приглашение на участие в Забелинских чтениях ГИМа. Это было, должно быть, в 2001 году.

Благодаря И. Л. Кызласовой я узнала и о Кадашевских чтениях (в храме Воскресения Христова в Кадашах). Она же дала мне совет подать заявку на выступление с докладом в Третьяковской галерее.

В ГИМе у меня завязалась дружба со Светланой Николаевной Романовой, сотрудницей редакционного отдела. Через нее прошли все мои статьи, публиковавшиеся в сборнике докладов Забелинских чтений. В ней я вижу пример человека высокого профессионализма, к тому же отличающегося доброжелательным отношением к авторам. Очень дорожу ее дружбой.

Не сразу я узнала о Всероссийских краеведческих чтениях, проводившихся в РГГУ. Но узнав, старалась не пропустить. Исключительно хорошо отнеслись ко мне и Председатель Союза краеведов

В. Ф. Козлов

России Владимир Фотиевич Козлов, и его заместитель Александра Геннадиевна Смирнова. Их внимание ко мне в значительной степени объясняется тем, что и мой отец, и мой дядя были известными краеведами 1920-х годов. Но, по правде говоря, иногда это было чуть-чуть обидно. Ведь я и сама что-то сделала в краеведении. К сожалению, оба эти человека, руководившие краеведением России, вынуждены были в 2016 г. уйти из РГГУ. Не знаю, будут ли теперь выходить сборники докладов на краеведческие темы.

Свободная жизнь

В августе 2013 г. я уволилась из музея. Но работа в области краеведения не кончилась. Как и раньше, появляются мои публикации в сборниках Всероссийских краеведческих чтений, сборниках Кадашевских чтений, в «Подмосковском летописце», в сборниках Музея-заповедника А. С. Пушкина в Больших Вяземах. А ГИМ, наконец, через 10 лет, выпустил сборник, где опубликована моя статья по истории Сергиево-Посадского музея-заповедника.

Появилось больше времени, и я издала еще две книги о моих предках. Одна из них: «Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов» (Сергиев Посад, 2016) составлена в основном из писем моего отца В. И. Смирнова. Тут мне оказала помощь в работе с его эпистолярным архивом в ОПИ ГИМ И. В. Белозерова. Вышла и другая книга: «Открывая старинный альбом... Борщовы, Гладковы, Кितिцыны на Костромской и Ярославской земле и их потомки» (Сергиев Посад, 2016) – о моих предках со стороны Л. С. Кितिцыной, моей мамы.

Осуществилась моя давняя мечта: путеводители по Сергиеву Посаду и по Хотькову.

И на одной из встреч «На Никольской» руководители Союза краеведов России дали мне возможность презентовать новые книги.

Работа над моим «Биобиблиографическим указателем», переданным в издательство осенью 2017 г., затянулась из-за загруженности в

Т. В. Смирнова. Кадаши. 2014

то время Т. М. Фроловой, дизайнера и верстальщика. Я же продолжала делать доклады на конференциях. Доклад «О городской топонимике Сергиево-Посадского края, прочитанный на Всероссийской краеведческой научно-практической конференции в июне 2018 г., был очень быстро опубликован, но не включен в «Указатель». Дело в том, что его добавление потребовало бы изменения всей нумерации публикаций.

А доклады, прочитанные в декабре 2018 г.: «Особенности создания музеев в 1920-е годы» в ГИМ на Забелинских чтениях и «Усадьба Ахтырка и русские художники» на Мурановских чтениях, еще не опубликованы.

Летом 2018 г. состоялось семейное собрание Лопухиных. По просьбе его организатора я провела для них экскурсию по тем местам Сергиева Посада, где в 1920-х гг. жили родственники – Лопухины, Трубецкие, Голицыны, Комаровские, и написала текст брошюры «"Бывшие" в Сергиевом Посаде». Брошюра была издана Государственной исторической библиотекой на русском, английском и французском языках. К сожалению, дизайн не был согласован со мной. И единственная фамилия указана – моя, хотя переводы сделаны, естественно, иными лицами.

Порой ко мне кто-либо обращается за консультацией по краеведческим вопросам. Это неизменно доставляет радость.

Конечно, жаль, что из-за состояния здоровья я мало уже могу ездить в архивы и в музеи. Но все же побывала в Больших Вяземах на замечательной выставке Владимира Алексеевича Комаровского, устроенной Ириной Владимировной Остриковой. Увидела в подлиннике портрет графа Ю. А. Олсуфьева. А потом еще увидела и автопортрет В. А. Комаровского (на красном фоне), который привезли в ГМИИ имени А. С. Пушкина на выставку из Нукуса. Надеюсь дождаться большого каталога работ этого художника.

Были ли огорчения? Да. Запрет публикации в интернете моей долгой и кропотливой работы по созданию Биобиблиографического

словаря сотрудников СПМЗ. При этом первый заместитель генерального директора музея С. В. Николаева даже не сочла нужным объяснить причин запрета.

Огорчило то, что не вышел сборник докладов краеведческой конференции в г. Пушкино, которая была посвящена судьбам старейших краеведов северо-востока Московской области. Там были очень хорошие, содержательные доклады. И было обещание Б. И. Васнева, возглавлявшего тогда Пушкинское краеведческое общество, обязательно выпустить сборник. Он долго сулил его, но, в конце концов, не стал им заниматься, радостно сообщив, что ему теперь поручили написать о пушкинских комсомольцах. И дело не в том, что я сожалею о двух своих докладах. Такой сборник мог бы стать прекрасным памятником многим краеведам, так много успевшим сделать и уже ушедшим из жизни.

Вообще, то и дело я сталкиваюсь с тем, что проводятся конференции без публикации докладов, несмотря на обещания. Если уж нет средств на издание, или, как это случилось не так давно с конференцией в Щелкове, когда только четыре докладчика подали тексты своих выступлений, то лучше собирать не конференцию, а круглый стол.

Надо сказать, что порой, правда, и сами такие региональные конференции производят впечатление партхозактивов советского времени, где рапортовали о достижениях. Мне кажется, что краеведам на таких региональных встречах, прежде всего, стоило бы делиться опытом работы.

Безусловно, крайне огорчает то, что В. Ф. Козлов и А. Г. Смирнова, возглавляющие краеведение в нашей стране, вынуждены были уйти из РГГУ. Но радует то, что они не прекратили в связи с этим руководство Московским краеведческим обществом.

А в г. Хотьково, где я живу, образовано небольшое общество краеведов под руководством о. Виктора Григоренко. Собираемся мы раз в месяц в Библиотечно-краеведческом центре имени Б. В. Шергина, «северного» писателя, долгие годы жившего в Хотькове.

3. УРОКИ ИСТОРИИ

(ПУБЛИКАЦИИ НА САЙТЕ «МЕМОРИАЛА»)

«Олень трехногий» в музее «Мемориала»

[О художнике Н. А. Фурсее]

В музейном фонде «Международного Мемориала» есть редкий экспонат – силуэт северного оленя, сделанный художником Николаем Андреевичем Фурсеем (1897–1942) в архангельской ссылке. Об этом экспонате рассказывает Татьяна Васильевна Смирнова, передавшая «Оленя» в дар музею.

Сколько себя помню, у нас в комнате всегда висел черный силуэт оленя – картинка в размер открытки, в черной рамке. Олень не нарисован, а вырезан из черной бумаги. Таковую, по-моему, раньше применяли для конвертов с фотографиями, – и наклеен на белую бумагу. Аппликация или декупаж, как сейчас говорят. Я знала, что это работа Фурсея. Художник работал вместе с моим папой в Геолтресте, в Архангельске. И подарил ему этого оленя. И еще мама всегда вспоминала строчку из стихотворения Бориса Зубакина: «И стоит олень трехногий...». Поэт-импровизатор как-то приходил в гости и сочинил длинное стихотворение. На самом деле олень не трехногий – просто передние ножки у него плотно составлены.

Я родилась в 1935-м и помню себя лет с трех. Но сама ни Фурсея, ни Зубакина не видела – должно быть, они бывали у моих родителей еще до моего рождения. Оба они, как и мой папа, были ссыльными. А общаться таким людям между собой становилось все опаснее.

Как-то надо было вырвать мне зуб, еще молочный. Мама привела меня в поликлинику. Там на стенах были нарисованы красками сцены

Олень. Н. А. Фурсей

из басен Крылова: «Ворона и лисица», «Журавль и лиса» и другие. Было очень интересно рассматривать. А мама сказала, что это тоже работа Фурсея.

При всех наших скитаниях, путешествовал с нами и олень. Прошло много лет. И вот однажды во время отпуска я приехала в Архангельск. Пошла в Художественный музей. И увидела в витринах работы Фурсея: тончайшие пейзажи из черной бумаги, а один – из серой. В них была душа Севера, родного для меня края, края моего детства. На этикетках после имени художника была только одна дата – дата рождения. Так пишут, если автор жив. Без памяти от радости я бросилась к научным сотрудникам. Какое разочарование ... Обычная небрежность музейщиков.

Только с появлением интернета я узнала судьбу художника. Николай Андреевич Фурсей (1897–1942) родился на Украине, в Черниговской губернии. С 1922 г. жил в Москве, начал сотрудничать в художественных журналах. А в 1927-м его арестовали и, как бывшему офицеру, дали три года лагеря и три года ссылки. Отбыв срок на Соловках, он оказался в Архангельске. Еще на Соловках познакомился со своей будущей женой Верой Герман. В Архангельске они поженились.

Фурсей был разносторонне талантливым человеком – не только художником, но и музыкантом – играл на скрипке в оркестре Архангельского театра.

А в феврале 1941 года его арестовали «за антисоветские высказывания по поводу союза СССР с гитлеровской Германией». Приговор: 10 лет лагерей. Был он на лесоповале в Архангельской области. А там новый приговор за то, что «восхвалял вражескую культуру и немецких композиторов Баха, Бетховена, Моцарта называл гениями». 12 сентября 1942 года Н. А. Фурсей был расстрелян.

Расстрелян был и Борис Зубакин, строчка которого так запомнилась мне с детства.

А «Олень трехногий» теперь в Музее «Мемориала».

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 16 июня 2015 г.

К истории одного портрета [О скульпторе А. С. Комеловой]

В музее «Международного Мемориала» есть замечательный экспонат – портрет Лидии Сергеевны Китицыной, написанный в ссылке ее подругой Анной Сергеевной Комеловой. Недавно, разбирая семейный архив, дочь Лидии Сергеевны нашла несколько машинописных листков, датированных 1971-м годом – в них Л. С. Китицына рассказала об А. С. Комеловой. Нам показалось интересным сопроводить публикацию портрета этими записями – интересны не только биографии, вызывает уважение человеческое достоинство обеих женщин, как и обаятелен сам стиль, язык ушедшей эпохи.

С Анной Сергеевной Комеловой я познакомилась в 1926 г. в Москве на курсах переподготовки музейных работников, организованных Главнаукой НКП. Я была командирована на курсы Костромским музеем, она – Царскосельским. Жили мы в общежитии курсов. Женское общежитие помещалось в 4-м Ростовском переулке, в доме, на фасаде которого сохранилась старая лепная надпись: «Дом призрения бедных женщин», что нас очень сместило.

Общались мы с Анной Сергеевной тогда мало, так как были на разных отделениях. Она на искусствоведческом, я же изучала этнографию и археологию.

Анна Сергеевна – тонкая изящная женщина с почти седыми волосами (она поседела в ранней молодости). Она была на несколько лет старше меня. (Я родилась в 1903 г.). Работала Анна Сергеевна в музее научным сотрудником. О ее художественных работах той поры я ничего не знаю.

Вторая встреча с Анной Сергеевной произошла в 1931 г. в Архангельске при следующих обстоятельствах.

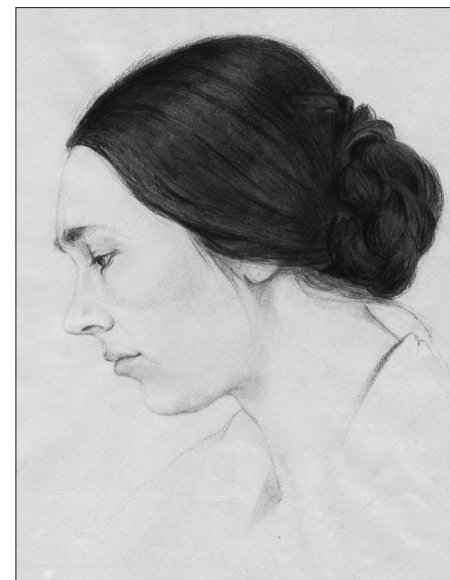
Я временно работала в отделе фондов Архангельского музея. Как-то раз Анна Сергеевна пришла в канцелярию музея (она брала разные мелкие заказы по этикетажу) и услышала мой голос в соседней комнате. Так мы встретились. Анна Сергеевна познакомилась с моим мужем и стала отныне другом нашей семьи.

Как она попала в Архангельск? Волна арестов 1930 г. захватила краеведов и музейных работников. И Анна Сергеевна подверглась административной высылке. Прибыв в Архангельск, Анна Сергеевна и ее сослуживица Ольга Александровна (фамилии не знаю)

бродили по улицам, не зная, где приклонить головы, и плакали. Какой-то старичок из высланных принял в них участие, он дал им адрес квартирохозяев. Так на одном из дальних проспектов Архангельска (кажется, на Костромском) Анна Сергеевна и ее подруга нашли себе пристанище. Их пустили в качестве угловых жильцов. Я была у них. Их квартира представляла собой логово, из чего-то сооруженное и впритык отгороженное занавеской. Все их вещи: сумки, мешки, узлы – висели тут же на вбитых в стену гвоздях.

Анна Сергеевна была мужественной женщиной. Храбрясь, она говорила, что ей все равно, где жить, лишь был бы парикмахер. Что было поразительно в Анне Сергеевне, так это ее отношение к людям: не взирая на ранги, на общественное положение, в каждом человеке она видела, прежде всего, человека. На сторожа в мастерской Союза художников она смотрела теми же глазами, какими смотрела на М. Горького, которого когда-то водила по Царскосельскому музею. Неудивительно, что люди незначительных профессий – уборщицы, сторожа, истопники, разные ремесленники – были ее искренними друзьями. Она отличалась тонкой наблюдательностью, которая помогала ей понимать внутреннюю сущность людей.

Зарабатывать на жизнь Анне Сергеевне приходилось разными диаграммами, картограммами и прочими заказами. Впоследствии она приступила и к серьезным работам. Для Архангельского музея она создала ряд скульптурных портретов местных деятелей: Павлина Виноградова, Чумбарова-Лучинского, стахановца Мусинского и еще стахановки и депутата Паши (или Жени – фамилию я забыла). Она тщательно изучала этих людей: познакомилась с вдовой Павлина Виноградова, ездила в Маймаксу к Мусинскому, чтобы видеть его в домашней обстановке, свела знакомство с Пашей (или Женей) и бывала у нее.

А.С. Комелова
Портрет Л. С. Китицыной
1935

Не зная за собой и тени вины, Анна Сергеевна тяготилась вынужденным пребыванием в Архангельске и положением административно высланной. Кто-то посоветовал ей подать прошение о досрочном освобождении (о помиловании, как тогда говорили), и она имела неосторожность это сделать... Но Анна Сергеевна могла доказать свою преданность только в пределах своей специальности.

В результате Анна Сергеевна была выслана вглубь Архангельского края на лесоразработки. Условия жизни там были тяжелые. Худенькая, слабенькая женщина надорвалась, таская баланы, но выжила. Помогли коллективные посылки архангельских друзей.

Это было в 1932 или 1933 г.

Не помню, сколько времени пробыла Анна Сергеевна на лесоразработках. Вернувшись в Архангельск, она вышла замуж.

Вернемся немного назад.

Надо же было случиться, что в тот день, когда Анна Сергеевна собирала вещи, чтобы отправиться вглубь страны, к ее квартирным хозяевам явился новый жилец – ленинградец, капитан дальнего плавания Василий Иванович Плотников. Его корабль когда-то стоял в Архангельске, и он жил у этих хозяев. Теперь он явился административно высланным. Хозяева приняли его и сказали, что у них живут две ленинградские художницы. Анне Сергеевне было не до знакомства, и они только мельком видели друг друга.

И вот эти почти незнакомые люди стали переписываться, и Анна Сергеевна вернулась из лагеря невестой.

Сняли они крошечную комнатку на чердаке на одной из улочек Кузнечихи. Анна Сергеевна продолжала свою работу, а ее муж преподавал иностранный язык (кажется, английский) в школе. На выставке архангельских художников были работы Анны Сергеевны, в том числе портрет В. И. Плотникова.

Через некоторое время В. И. Плотников тоже был отправлен на лесоразработки в Плесецкий район, где пробыл полтора года и потерял здоровье.

По окончании срока высылки (музейных работников обычно высылали на три года) Анна Сергеевна несколько раз ездила в Ленинград, чтобы навестить родных и попытаться там устроиться. Но ничего не выходило. Последняя работа Анны Сергеевны в Архангельске, которую я видела, – скульптура нимфы для фонтана. Видимо, фонтан не состоялся, и скульптура погибла.

В письме к В. И. Смирнову от 19. (неразб.) 41 г. Анна Сергеевна пишет: «Архангельское товарищество так и не присылает мне денег,

хотя я знаю, что мои изделия уже сданы заказчику и, стало быть, деньги уплачены. Беспокоюсь, хорошо ли отформовали. Помещены ли уже украшения на здание и прилично ли выглядят».

Не знаю, какую свою работу она имела в виду.

Перед войной она уехала из Архангельска, оставив за собой на всякий случай квартиру на чердаке.

Жизнь Анны Сергеевны и теперь не стала легкой, и она вспоминает свой чердачок, как потерянный рай. Уход за больным мужем, трудности с комнатой, хлопоты о работе, отсутствие денег, тревога о катастрофически растущем долге хозяевам архангельского чердака. Но Анна Сергеевна не сдается.

«Вчера сговорились с В. Шишковым лепить его портрет – мне необходимо участвовать на выставке, и это будет мой entree в лоно ленинградских скульпторов» (из письма к В. И. Смирнову 1940 г.). В своем последнем письме из г. Пушкина от 19.08. 41 г. она пишет: «... из-за отсутствия денег мы никуда не уехали ... На днях хотим маму переправить в Ленинград ... Мы с Василием Ивановичем охраняем чердак и несем всякие общественные обязанности ... Привет всему семейству. Любим и помним Вас. Авось, увидимся! Во всяком случае, сил и желания жить у нас достаточно».

Больше ничего об Анне Сергеевне не узнали.

Ходили мы с мужем на их чердак в Кузнечихе. Но и хозяева ничего не знали. Предлагали нам на память взять что-нибудь из вещей Анны Сергеевны. Мы отказались, о чем сейчас я сожалею.

У меня сохранились следующие работы Анны Сергеевны:

Мой портрет пастелью;

Гипсовый барельеф Ломоносова в овале;

Улица в Кузнечихе, акварель;

Фотография скульптуры оленя.

Что я знаю о родных Анны Сергеевны? Она происходила из обеспеченной в прошлом семьи ленинградцев. Отец ее умер. Мать, судя по последнему письму, была жива в 1941 г. Были сестры и брат-младше ее. У сестры были дети – девочки. Не знаю точно, где они жили в описываемый период – в Детском селе или в Пушкине.

Воспоминания дочери Л. С. Кителиной Татьяны Васильевны Смирновой

А. С. Комелова нарисовала портрет моей мамы, Лидии Сергеевны Кителиной, когда та склонилась над моей колыбелью. У нас в Архангельске был еще небольшой бюст Пушкина, вылепленный Анной Сергеевной из какого-то темного материала. Стоял на буфете. Мама в Костромском университете слушала самого С. М. Бонди, известного пушкиниста. «Моей первой любовью был Пушкин, – написала она в своих воспоминаниях. – Я перечитала о Пушкине все, что могла найти в Костромской научной библиотеке. Моей мечтой было посетить пушкинские места и могилу поэта. В 1928 году я совершила первое в жизни путешествие. На свои весьма скудные средства (немного денег дал мне взаймы мне мой начальник Василий Иванович Смирнов) я поехала в Псков и дальше. Побывала на могиле Пушкина, в Михайловском, Тригорском, на городище Воронич. Вступила в Общество друзей Пушкинского заповедника». А. С. Комелова делала скульптуру поэта к 100-летию юбилею со времени его гибели (эта работа сохранилась в Архангельском музее) и какой-то вариант в небольшом масштабе подарила маме.

Не помню, чтобы кто-нибудь бывал у нас в гостях в Архангельске, видимо, родители понимали, что ссылкой заводил близкие знакомства опасно. Но Анну Сергеевну я помню, и мужа ее тоже. Я звала его «Дядя Мышеловка», потому что он брал у нас на время мышеловку. Был он такой большой, высокий, что входя в нашу комнату, вынужден был в дверях наклонять голову. А Анна Сергеевна – маленькая завитая блондинка – часто-часто моргала. Мама объяснила мне, что это у нее тик.

Я написала, что родители были ссылкой, но это не совсем так. Административно высланным был папа, Василий Иванович Смирнов, известный краевед, археолог и этнограф, в прошлом директор Костромского музея и председатель Костромского научного общества. Он был, как и большинство краеведов, арестован в 1930 году, находился в тюрьме более 8 месяцев, а потом был выслан на три года под Архангельск, в Исакогорку. Моей будущей маме пришлось очень трудно после его ареста. С работы ее уволили. Но они писали письма каждый день – очень любили друг друга и очень боялись растеряться. Архангельск испытывал тогда острую нужду в работниках самых разных специальностей, но административно высланных брать на работу не разрешалось. Как только папе с огромным трудом удалось

устроиться на работу и найти угол, он дал телеграмму: «Приезжай!». И она сразу же приехала.

Потрясение, вызванное арестом мужа, потерей любимой работы, было таково, что несколько лет она не могла читать художественную литературу. Стоило открыть книгу, заливалась слезами. Пришлось осваивать совершенно чуждые специальности в Северном геологическом тресте, но она работала, как и всегда, с полной отдачей. А в 1938 г. поступила в школу учительницей русского языка и литературы. Папа умер в 1941 году. Умер внезапно, от разрыва сердца. Все силы во время войны мама положила на то, чтобы выжили я и бабушка. Очень болела. И продолжала работать в школе. В 1945 году врачи сказали, что следующую зиму я не переживу – нужна перемена климата. И мы уехали в станицу Глазуновскую Сталинградской области. Там мама продолжала работать в школе. И, благодаря ее стараниям, немало выпускников смогло продолжить образование в университетах и институтах Ленинграда и Москвы. Она не щадила себя в работе.

С 1958 года мы жили вместе с ней в Подмоскowie. Тут она восстановила связи с некоторыми археологами и участвовала в экспедициях. Платили по законам того времени только за два месяца в году. Остальное время она уже бесплатно обрабатывала археологические материалы, – ящики с черепками загромождали все наше тесное жилище.

Долго и настойчиво добивалась она реабилитации папы. Это, в конце концов, удалось. Спасла оставленный в Архангельске большой его архив. Сейчас он находится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Написала «Материалы к биографии В. И. Смирнова». Изданы мной в книге: В. И. Смирнов «Народ в тюрьме (1930–1931)» (Сергиев Посад, 2011).

Мы жили бедно, ведь мама, получавшая маленькую пенсию, многие годы помогала знакомым – посылала продуктовые посылки. И еще подбирала всех выброшенных кошек, кормила и лечила. Всех она жалела. Всем стремилась быть полезной.

В юности, когда она училась в университете, несколько девушек, составлявших кружок, решили определить, кто на какую литературную героиню похож. По общему признанию Лида Кителина была похожа на Юлианию Лазаревскую, святую начала XVII века. Вся ее последующая жизнь подтвердила правильность этого мнения.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 26 июня 2015 г.

«Был в плену, да еще князь, да отец расстрелян»
[Об А. В. Трубецком]

Сергей Михайлович Ивашёв-Муратов, художник (1900–1992), был арестован в 1947 году, обвинен в антисоветской агитации и терроризме, приговорен к 25 годам лагерей. Некоторое время находился одновременно с А. И. Солженицыным в «шарашке» Марфино. Солженицын вывел его под именем Кондрашева-Иванова в романе «В круге первом». Потом он находился в Степлаге под Джезказганом. В 1954 году освобожден из лагеря и отправлен на поселение в Караганду. Вернувшись в Москву, продолжил заниматься живописью. Считается, что его лагерные работы не сохранились. Сотрудник Музея «Мемориала» беседует с автором книги «Ахтырка и князя Трубецкие» Татьяной Васильевной Смирновой.

– Как я поняла, Вы знаете о существовании по крайней мере одной сохранившейся работы этого художника, написанной в лагере. Что это за работа?

Это портрет Андрея Владимировича Трубецкого. Он написан Ивашёвым-Мусатовым в 1954 году, в Степлаге. Познакомились они в 1951 г., когда Трубецкой находился в режимной бригаде, собственно внутренней лагерной тюрьме. Изредка заключенным разрешали ходить по зоне. Вот однажды и произошла первая встреча. Позже они довольно много общались.

– А что Трубецкой вспоминал о художнике?

Он писал, что С. М. Ивашёв-Мусатов, человек лет 50, высокий, худощавый, в очках, интеллигентного вида и обращения. Был он инвалидом по зрению, числился художником при так называемой культурно-воспитательной части (КВЧ) и писал картины для начальства. У него с собой было много открыток, и цветных, и черно-белых. Начальство выбирало. Так, один из начальников лагпункта захотел иметь «Сикстинскую мадонну» Рафаэля. Художник сделал картину, но капитану не всё понравилось, и он приказал «обуть женщину в тапочки, а у ребятешек убрать крылышки». В качестве платы дал указание банщику пустить художника помыться в душе, оборудованном для начальства.

Другой начальник (они часто менялись) захотел иметь необыкновенные шахматы. Эскизы фигур делал С. М. Он ко всему, что ка-

салось искусства, относился, по словам Трубецкого, очень серьезно. Белые фигуры он сделал христианскими рыцарями с войском, а черные – магометанами. Все было продумано до мельчайших деталей, даже позы фигур.

Для лагеря художник копировал репинских «Запорожцев». Потом эту копию будто бы повесили в городском клубе.

И еще Трубецкой вспоминал, что художник был очень интересным собеседником, хорошо знал историю искусства, философию, архитектуру. Называл его бессеребренником, идеалистом. Писал, что тот жил в бедности. Но, думаю, это относилось ко времени, когда тот находился «на воле», может быть, когда они встретились уже в Караганде, где Ивашёв-Мусатов был на поселении.

– Говорил ли Ивашёв-Мусатов о своем «деле»?

Он слушал чтение романа Даниила Андреева «Спутники ночи». Кто-то донес, и слушатели получили кто 25, кто – 10 лет. Села и жена Ивашёва-Мусатова – она тоже была среди слушавших роман. К сожалению, Даниил Андреев на следствии старательно припоминал всех. А на предупреждения сокамерников отвечал, что его долг говорить правду. Так что посадили двадцать человек. Сам роман был уничтожен на Лубянке.

– Были ли у художника в лагере возможности для творческой работы?

Да, он рисовал портреты заключенных. Трубецкой писал, что внешнее сходство у него получалось само собой. Но он стремился показать внутреннюю сущность человека через его внешний облик. Когда рисовал, все время разговаривал, задавал вопросы. Это помогало увидеть нутро человека. Трубецкой долго просил сделать его портрет, а художник все говорил, что не видит его. Только в 1953 г. нарисовал карандашный портрет, он не сохранился, а маслом написал уже в 1954-м.

– Но почему на портрете Трубецкой в белой шапочке?! Вы же говорили о режимной бригаде, значит, он был на общих работах.

Когда они впервые познакомились, так и было. Он работал в котловане на кирпичном заводе, в каменном карьере. А ко времени создания портрета был уже фельдшером в лагерном лазарете. Потому и белая шапочка. «Медики в зоне, – писал Трубецкой, – всегда носили такие шапочки, символ особого положения, охранная грамота».

Художник замечательно передал суть этого человека. И надо, наверное, рассказать о нем подробнее. О семье. О его необыкновенной судьбе.

– Расскажите, пожалуйста.

И. В. Голицын. *Трубецкие*. Х., м. 1989

Семью Трубецких изобразил Илларион Владимирович Голицын. Картина так и называется: «Трубецкие». На ней мы видим группу детей и взрослых, стоящих на фоне Троице-Сергиевой лавры. Их головы вторят золотым главам церквей. Фигуры удлинены, напоминают древнюю стенную живопись или икону. Рядом с фигурами людей жестко выделяются надписи: «зэк», «воин», кресты и даты смерти. Облик людей размыт, виден как сквозь слезы. А еще вдали черные машины и черные фигуры в галифе и с черной собакой. Это – картина-воспоминание.

В центре высокая фигура в белом парадном мундире – князь Владимир Сергеевич Трубецкой, отец семейства, в прошлом офицер полка синих кирасир лейб-гвардии Ее Величества императрицы Марии Федоровны, участник Первой мировой войны. В Сергиев Посад приехал с семьей в 1923 году. Зарабатывал на жизнь тапером в кинотеатре, игрой в ресторане, в театре и на похоронах. А еще писал веселые охотничьи рассказы, которые печатались в журнале «Всемирный следопыт». В 1934 году его и его старшую дочь Варвару арестовали по Делу «Российской национальной партии».

– Это очень известное Дело. Его еще называют «Делом славистов». По нему было арестовано много интеллигентов – искусствоведов, филологов, лингвистов, этнографов. Но при чем тут В. С. Трубецкой и его дочь?

Обвинили, что он будто бы является связным между зарубежными и отечественными лингвистами. Незадолго перед этим ему разрешили съездить во Францию – отвезти сына Григория, больного астмой, на лечение. Там он встретился со своим братом Николаем Сергеевичем, ученым с мировым именем, крупнейшим лингвистом, основателем новой науки фонологии. Может быть, и позволили-то Трубецкому съездить за границу с дальним прицелом – сострять международный заговор. А Варя Трубецкая была невестой Алексея Дурново, сына Н. Н. Дурново, известнейшего лингвиста, члена-корреспондента АН СССР. И отец, и сын Дурново были арестованы по этому делу.

В. С. Трубецкого и его дочь Варвару – ей было всего 17 лет – сослали в Среднюю Азию, в город Андижан. Елизавета Владимировна Трубецкая, урожденная княжна Голицына, после высылки мужа и старшей дочери с остальными детьми последовала к месту их ссылки. На картине она рядом с мужем, держит грудного ребенка – Георгия – на руках. А Варя стоит слева от родителей.

В 1937 году Владимира Сергеевича, его сына Григория, дочерей Варвару и Александру арестовали. Сам он и Варвара получили приговор «10 лет без права переписки». Григорий и Александра, в семье ее звали Татей, получили по 10 лет лагерей. Григорий отбыл весь срок и вернулся, а Татя в лагере заболела. Умерла в 1943 г. На картине Григорий стоит справа от родителей, а Александра с краю, на коленях.

Дольше всех дочерей оставалась с матерью младшая – Ирина. На картине она стоит, прижавшись к матери, с правой стороны.

А слева от матери, чуть позади, видна длинная фигура Андрея. Впереди маленький синеглазый мальчик – Сергей. А с удочкой стоит Владимир.

Андрей, Сергей и Владимир – воины.

Владимира призвали в начале 1943-го. Он участвовал в битве на Курской дуге. Был сапером, потом служил в разведывательной роте танкового полка. С боями дошел до Одера. Был ранен, пришлось ампутировать ногу. Вернулся с орденом Красной Звезды и медалями.

Сергей был мобилизован в 1944-м. Попал в бронетанковые войска. Участвовал в битве на Сандомирском плацдарме. Его танк подбили, а сам он получил ранение. Из госпиталя вышел инвалидом.

Андрея призвали еще в 1939-м, так что он оказался в боях с первого дня войны. Вскоре его тяжело ранило под Гдовом, раненым он и попал в плен. Оказался в Вильнюсе, в госпитале для военнопленных. Спасение его можно назвать чудом: благодаря «громкой» фамилии о нем узнал родственник, находившийся в Литве. Получил разрешение взять его из госпиталя, как прямого потомка Великого князя Литовского Гедимина (в XXI колене). Имя Гедимина носила тогда главная улица Вильнюса. А. В. Трубецкой подлечился и окреп. Побывал даже у родственников в Вене. Но мечтал вернуться домой. Наконец, ему удалось с несколькими товарищами попасть в польский партизанский отряд, действовавший в лесах под Кенигсбергом. Потом перешел в советский партизанский отряд. Отряд соединился с регулярными частями Советской Армии. Трубецкой был ранен в боях под Кенигсбергом, награжден орденом Славы 3-й степени. Встретил день Победы на подступах к городу Циттау в Германии.

При мне в Сергиево-Посадском музее-заповеднике на выставке «Князья Трубецкие в нашем крае» Андрея Владимировича спросили: «Почему вы вернулись? Вы же могли остаться за границей». Он ответил: Из-за Родины и из-за матери».

Вернулись братья-воины, а матери нет. Она оставалась в деревне под Талдомом (за 101-м километром). Туда перебралась из Андигана после ареста мужа и старших детей. Как вспоминал младший – Георгий, «уходила по деревням побираться, приносила 5–6 картошинок, иногда кусок хлеба». Потом одна пьяница донесла на «недобитую княгиню». Георгий помнил, что пришли двое в белых валенках с ордером, обнаружили при обыске белый мундир с золотыми пуговицами – мундир офицера кирасирского полка. Тот самый, в котором художник изобразил Владимира Сергеевича. «Надо было видеть выражения их лиц – не иначе самого Гитлера поймали. Эти, которые в белых валенках, все унесли и маму увели. Больше я ее не видел, через два месяца она умерла в тюрьме». Елизавета Владимировна успела только перекрестить сына. Он остался один, восьмилетний мальчик, больной тифом.

Вернулись братья-воины, а дома нет. Брат Гриша в лагере в Сибири. Тата умерла. Ирина ездит по стране в почтовом вагоне. Об отце и Варе ничего не известно. Тогда не понимали, что «10 лет без права переписки» означало – расстрел.

Но был родственник, дальний родственник – граф Николай Алексеевич Бобринский, профессор зоологии. Взял братьев. Сказал: учитесь.

– У него были возможности?

Он с женой и сыном Николаем жил в коммуналке. Да еще часто приезжал из Подмосковья племянник жены Николай Челищев, сейчас он профессор в Лондоне. И звали этих Николаев «Коля нижний» и «Коля верхний» – один спал под столом, а другой на шкафу. Сейчас, когда вижу по телевизору, какие баталии разыгрываются из-за квадратных метров, вспоминаю поступок Н. А. Бобринского.

– Но как Андрей Трубецкой оказался в лагере?

Да как могло быть иначе? Был в плену, да еще князь, да отец расстрелян. Нет, скорее удивительно, что не сразу арестовали. В 1946-м он демобилизовался, во второй раз поступил в МГУ. (В первый раз успел поступить в университет еще в 1939-м, но тогда его скоро взяли в армию). А тут стали настаивать на сотрудничестве с органами госбезопасности. Он отказался. В 1949 году его и арестовали. Несколько месяцев он находился в Лубянской тюрьме. А потом приговор: 10 лет лагерей. Попал в Степлаг под Джезказганом, где и встретился с Ивашёвым-Мусатовым. В лагере снова предложили сотрудничать с «органами». И снова отказался. Потому много времени провел в режимной бригаде, по сути, внутренней тюрьме в лагере. А потом его перевели в лагерный лазарет. Сначала был санитаром, потом фельдшером. Просил родных присылать в лагерь книги по медицине, учился.

– Как Вы думаете, почему художник не написал портрет Трубецкого сразу, когда они только познакомились?

Он написал портрет несломленного человека. Нет, я не хочу сказать, что во время тяжелой работы на каменном карьере или в котловане кирпичного завода Трубецкой был сломлен. Как раз в тот период к нему в лагерь приезжала жена – Елена Владимировна. Случай небывалый по тем временам! Свидания не дали. Но она увидела его через колючую проволоку, когда бригада возвращалась с работы на зону. Как боялась, что увидит его сломленным! Знала, что не может сломиться его сильный дух, с честью прошедший огонь и воду. И все же ... И тут увидела его. Он стоял перед ней «стройный, бодрый, загорелый, родной».

Видимо, эта несломленность духа особенно ярко выявилась в его внешнем облике, когда он попал на работу в лазарет. Тогда и написал его художник.

Трубецкой вспоминал: «Сергей Михайлович писал долго, усадив на табурет, который стоял на кушетке, и сделал мне очень длинную шею. Я протестовал, но он упрямо доказывал, что благодаря этому видно, что человек высокого роста». Вот такой прием!

А. В. Трубецкой был освобожден в 1955, в следующем году реабилитирован. И снова, уже в третий раз, поступил в МГУ. Было ему тогда 35 лет. Учился на биологическом факультете. Потом работал в области физиологии сердца и кровообращения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Свою одиссею он рассказал в книге «Пути неисповедимы. Воспоминания 1939–1956 гг.». (М., 1997). Скончался в 2002 г. в возрасте 82 лет.

Хочу привести слова Симона Шноля об этом человеке. «Андрей Трубецкой! Какую силу духа, какую мощь психики надо иметь, чтобы после всего этого сохранить аристократический облик, сдержанность и доброту». (Шноль Симон. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М., 2010).

Вот эти черты и передал С. М. Ивашёв-Мусатов в его портрете.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 20 ноября 2015 г.

Томас Сговбио: Колымские лагеря Разговор с учительницей истории

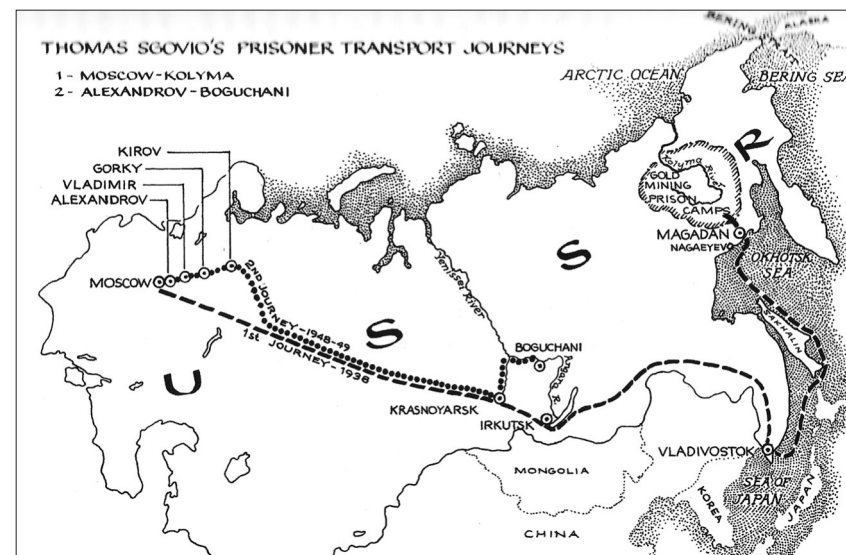
Мы предлагаем вашему вниманию эксперимент над жанром рецензии: познакомившись с книгой художника-сидельца Томаса Сговбио, Татьяна Смирнова не смогла найти лучшей формы для разговора о ней, чем воображаемая беседа-интервью с учителем.

– Не знаю я, как сейчас преподавать в школе историю. Не знаю. А уж историю XX века ...

– Почему же?

– Я ребятам говорю про репрессии. А они домой приходят – там у многих портрет Сталина на стене висит. И бабушка на него чуть ли не молится.

– Старых людей трудно переубедить. Конечно, та жизнь им вспоминается радостной – они тогда были молоды. И многого не знали или не хотели знать. Но дети ведь могут прочитать. Сейчас столько книг об этом периоде. Правдивых книг...

Маршрут перемещений заключенного Томаса Сговбио

– Прочитать?! Вы что думаете, они «Архипелаг ГУЛАГ» что ли будут читать? Да они вообще ничего читать не хотят!

– Скажите, а они будут смотреть картинки? Допустим, Вы им покажете в классе. И прокомментируете.

– Ну, картинки посмотрят. А какие?

– Я бы предложила иллюстрации к книге воспоминаний о своей жизни, написанной Томасом Сговбио (1916–1997). Он американец итальянского происхождения. Приехал в нашу страну 16-тилетним подростком. Думал, что попадет в Рай для Рабочих. А попал на Колыму. Его рисунки бесценны. Колымских фотографий того времени нет. На Колыму не разрешалось провозить фотоаппараты – мир никогда не должен был узнать, что там творилось. Даже в справку об освобождении, которую выдавали вместо паспорта, вклеивали не фотографию человека, а отпечатки его пальцев.

Томас изобразил свой путь на карте. Жирным пунктиром обозначен путь из Москвы до Владивостока по железной дороге, долгий путь – 28 дней. Потом страшный путь морем 6 суток в трюме парохода до Магадана, а дальше – лагеря. Лагеря заключенных, где добывали золото. Именно там, на Колыме, богатые месторождения золота. И, знаете, когда до революции царю был представлен проект освоения этого края, он наложил резолюцию: «Отклонить проект. Люди не мо-

гут существовать в столь суровом климате». А в Советском Союзе там работали, добывали золото миллионы людей. Вольных было немного. В основном – заключенные, их сокращенно называли зэками. Одной из причин массовых арестов, видимо, как раз и было желание обеспечить рабочей силой самые тяжелые отрасли промышленности: золотодобычу, лесозаготовки.

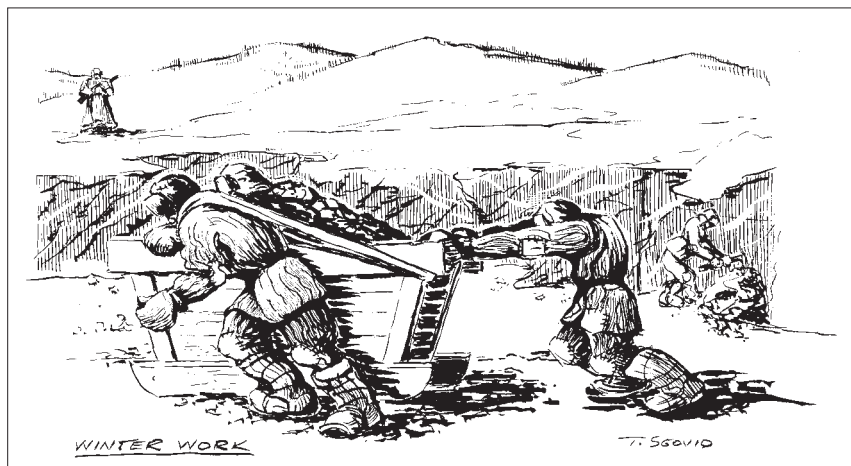
Температура воздуха на Колыме опускается ниже – 60°. Томас Сговвио пишет, как заключенным на утреннем построении читали распоряжение из Магадана: при температуре ниже 60° на работу не выходить. Но ни разу не отменяли выход на работу из-за мороза. Ни разу за все девять с половиной лет, что он пробыл на Колыме. Люди обмораживались, лица покрывались страшной черной коркой. Вот один из рисунков Томаса Сговвио.

И после работы согреться было негде. В бараках холод. А в некоторых лагерях бараки были без крыши, лишь накрытые брезентом. И при 60-ти градусном морозе заключенные сквозь дыры в брезенте видели звезды.

Школьники изучают Чехова. Его герои мечтали о будущем: «Мы увидим небо в алмазах!». Вот это небо, увиденное сквозь дыры в брезенте.

Обмороженный

Работа зимой

– Вы сказали, что автор книги провел 9 с половиной лет на Колыме. Но за что? За что его судили?

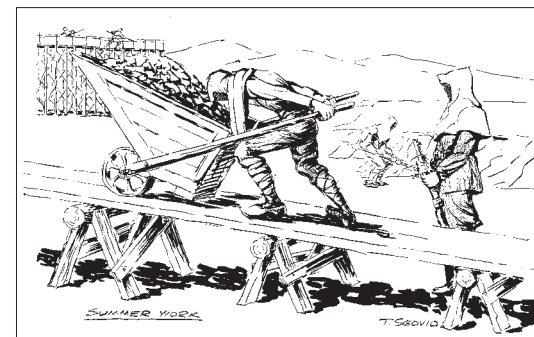
– А его и не судили. Срок он получил по ОСО. ОСО – «Особое совещание». Заключенные в тюрьмах ждали суда, надеялись узнать, в чем же их обвиняют, объяснить, оправдаться. Напрасно. Их судьбу без них решали сотрудники наркомата внутренних дел, которых они никогда и не видели – вот что такое ОСО. Более 442 тысяч человек получили свои сроки по решению этого внесудебного органа.

Сговвио получил не девять лет, а пять. Арестовали его в начале 1938-го. Значит, он должен был освободиться в 1943-м. Но пришло распоряжение: до окончания войны заключенных, у кого кончился срок, не отпускать. Да и после Победы освобождать зэков стали далеко не сразу.

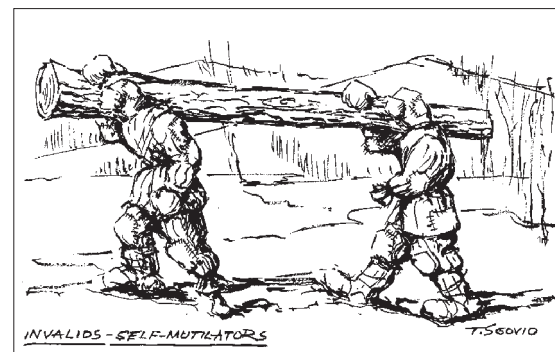
– Но ведь какая-то причина его ареста была.

– В годы Большого террора (1937–1938) в стране шли массовые аресты. Были планы, сколько тысяч человек надо арестовать в каждом городе, каждой области. В списки подлежащих аресту попадали самые разные люди. А иностранцев брали обычно по подозрению в шпионаже.

В Советском Союзе иностранцев тогда было не мало. Некоторых пригласили в качестве инженеров для работы на промышленных предприятиях. А профессиональные революционеры, деятели рабочего движения в своих странах, приехали в СССР, как в страну, где к власти

Работа летом

Инвалиды-саморубы на «легких работах»

пришли рабочие. Таким был отец Томаса Сговиво, американский коммунист. Сам Томас, тоже увлеченный идеями коммунизма, рассчитывал, что будет в Москве учиться живописи. Но скоро столкнулся с тем, что жизнь в Советском Союзе совсем не такая, как он ее себе представлял. А когда увидел, что идут аресты, хотел вернуться домой. Пришел в американское посольство. После этого его сразу задержали и отправили в тюрьму. Посещения посольства было достаточно, чтобы признать его СОЭ, то есть, социально опасным элементом, и приговорить к заключению в лагерь.

Давайте посмотрим иллюстрации, которые Томас Сговиво сделал к написанной им книге о своей жизни.

Труд на золотых приисках не был механизирован. И зимой, и летом зэки должны были выполнять тяжелую работу. Здесь вы видите, как они возят на тачках золотоносную породу. Рабочий день продолжался 12 часов, а часто и много больше, в любой мороз.

А летом на Колыме тучи комаров и мошкар. Обратите внимание на черные лица на иллюстрации «Работа летом». Это москитные сетки, без них работать было вообще невозможно.

Люди не выдерживали. И, чтобы выжить, калечили себя – отрубали или отмораживали руку или ногу. Но и это не освобождало от работы. Например, безруких «саморубов» посылали на лесозаготовки. Они носили бревна, как показано на этом рисунке. Эта работа считалась легкой.

А на иллюстрации «Доска показателей» мы видим охранников, тепло одетых, в тулупах и валенках. И зэков в одежде и обуви с какими-то надписями.

Вы можете предложить ученикам разобрать эти надписи, сделанные латинским шрифтом.

В чем тут дело? США во время Второй мировой войны посылали в Советский Союз оружие, боеприпасы, оборудование и продоволь-

Доска показателей

ствие. Только продуктов поставили 4 478 000 тонн. Одним из портов, куда приходили американские корабли с грузами, был Владивосток. А оттуда часть продовольствия поступала на Колыму. Мука была в мешках с надписями. Так вот из этой мешковины зэкам шили одежду. Обувь мастерили с подошвами из старых автомобильных шин.

Я не раз встречалась с тем, что некоторые люди желают преуменьшить значение помощи, которую Америка оказала нашей стране в то время. Один известный режиссер, не хочу называть его имя, сказал даже так: «Мы воевали кровью, а Америка – тушенкой». Нельзя так говорить. По крайней мере, в тылу смертность населения без американской помощи была бы гораздо больше. Я говорю это не с чужих слов – сама жила во время войны в Архангельске, куда тоже приходили американские корабли с продуктами.

Но заключенным, конечно, доставалось от этой помощи немного. Смертность в колымских лагерях была огромной. Тяжелая работа, голод, недосыпание... Людей не берегли. Власти нужно было золото, нужен лес. А люди... Одни зэки умрут, других привезут.

Характерно, что через некоторое время после начала войны условия жизни заключенных несколько смягчились. Из Москвы тогда пришло сообщение, что план по добыче золота придется выполнять, не рассчитывая на пополнение контингента заключенных, потому что навигация в японских водах опасна. А как только стало ясно, что Япония не будет нападать на СССР, это недолгое послабление режима закончилось.

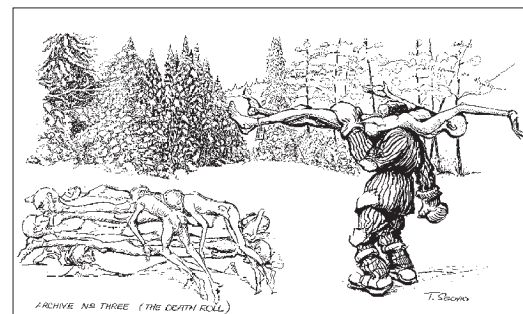
Вот еще одна иллюстрация.

Посмотрите, человек несет труп на плече. Труп взрослого мужчины. Он, что – такой силач? Нет. Человек, как пишет Сговиво, весил в лагере к концу жизни около 45 фунтов.

Предложите детям посчитать. Фунт – 400 граммов.

И носили не силачи, а доходяги. Так называли тех, кто дошел до последней черты. Аналогов этого слова в других языках нет. Доходягам, таскавшим трупы, оставалось жить месяц или два.

– Но, как же выжил сам автор, этот Томас?

Сваливание трупов в «Долине смерти»

– Он не всегда был на общих работах. На общих – на добыче золота, на лесоповале – выжить было практически невозможно, если только человек не становился бригадиром, то есть, человеком, который должен заставлять работать других. Впрочем, бригадиров нередко убивали.

Томас Сговвио три раза становился доходягой. Сам он считал, что выжил по двум причинам. Во-первых, у него были художественные способности. Поэтому иногда его переводили на работу художником. Посмотрим еще раз на картинку «Доска показателей». Лозунг «Только через честный труд можно вернуться в семью трудящихся» и другие надписи – это работа Томаса Сговвио. Порой ему удавалось подработать и другим способом. Бывало, что кто-нибудь из начальства хотел иметь картину. Так, один начальник принес ему открытку с репродукцией «Богатырей» Васнецова. И потребовал нарисовать для него такую картину. А тот никогда не рисовал раньше животных. Никогда не получались у него на картине лошади.

Может быть, вспомнят дети, когда будут в Третьяковской галерее, что художник писал копию этой картины руками, покрытыми черной коркой, со сгустками крови.

Иногда удавалось подработать у уголовников – их тоже было много в колымских лагерях. Они находились в несколько лучшем положении, чем те, кого называли политическими. Уголовник мог заказать портрет карандашом, либо татуировку. И Томас рисовал. И получал за это немного еды.

А другой причиной, почему он уцелел, видимо, было то, что на него смотрели, как на человека, прибывшего из какого-то другого, сказочного мира. Засыпали вопросами. Уголовников особенно интересовали рассказы Томаса про знаменитых гангстеров Америки и еще про Тарзана – был такой знаменитый кинофильм о человеке, выросшем в джунглях.

Иногда случалось, что какой-нибудь начальник просто его пожалел и немного помог. Совсем чуть-чуть – ведь и за себя боялся. Томас написал, что и в такой ужасной системе были хорошие люди.

Хотелось бы, чтобы дети запомнили это. В любых условиях человек может творить добро.

– На той карте, что Вы показали вначале, есть еще один маршрут – точками. Что это?

– Томас Сговвио освобожден в 1947-м. Ему долго оказывали в разрешении на выезд с Колымы, как и всем, кто попал туда по ОСО, то есть без суда. Все же ему удалось вырваться и приехать в Москву.

Но у него был «волчий билет» – паспорт с отметкой, не позволяющей жить в столице и крупных городах. Можно – на 101-м километре. Ближе к Москве или областному центру нельзя. Такое освобождение по-советски.

А в 1948 году по всей стране стали арестовывать тех, кто был освобожден. Их отправляли в ссылку в глухие места. Пожизненно! Томас попал в один из районов Красноярского края. Вот этот путь – второй путь и обозначил он точечным пунктиром. От города Александрова (101 км), через Владимирский централ – в Красноярск, а дальше на барже вверх по Енисею в Богучанский район, на лесоповал. Не так холодно, как на Колыме – всего 50°. А летом те же москитные сетки.

В марте 1953 года умер Сталин. В следующем году – амнистия. Много раз Томас подавал заявления на реабилитацию и просил разрешения на выезд из страны. Только в 1960-м ему удалось уехать. Сначала в Италию, а уже оттуда – в Америку, на родину.

– Скажите, что в этой книге поразило Вас больше всего?

– Самое большое впечатление на меня произвели два места в книге.

Первое: Томаса включили в бригаду по заготовке сена для лошадей. Реки и озера вокруг полны рыбы. Но эки могли только мечтать о ней, вдыхая запах жареной рыбы – ее ели начальники. Кругом были заросли кустов, которые прогибались под тяжестью ягод. Черная смородина, черника... Два специально назначенных эка ведрами заготавливали ягоды для начальства. Но ягоды были не доступны тем экам, кто работал на сенокосе. Зато начальники увезли домой варенья на всю зиму. И истратили на это весь выданный для бригады сахар. Эки ни кусочка сахара не получили. А работали они, стоя в ледяной воде, по 20 часов в день. И так голодали, что набивали желудки травой. Спросите детей: могут ли они назвать этих начальников людьми?

– А второй эпизод?

– Отец Томаса Джозеф Сговвио, освободившись, добрался до Москвы и пришел к родным. Он не мог сидеть на стуле. Невыносимая боль – кости прорывали кожу.

Но этот человек, превратившийся в скелет, обтянутый кожей, еще мог говорить. И, умирая, он просил передать сыну, если тот вернется, чтобы исполнил его последнюю волю – **рассказать миру правду.**

Томас Сговвио выполнил наказ отца. Написал книгу.

На обложке этой книги мы видим множество серых фигур – людей за колючей проволокой. Эта группа ограничена с одной стороны серпом и молотом – символом Советского Союза, с другой – лагерной вышкой. Такой и была жизнь в СССР в сталинские времена.

Верю, что придет время, и эта книга войдет в школьную программу. И дети обязательно ее прочитают. Потому что такое не должно повториться. Не должно!

Рисунки Томаса Сговии хранятся в Музее искусства и быта ГУЛАГа Международного общества «Мемориал».

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 9 февраля 2016 г.

О князе Голицыне

Голицын В. М. (1901–1943), князь, моряк, художник, изобретатель. Был арестован в подмосковном Дмитрове в начале Великой Отечественной войны, обвинен в том, что будто бы дожидался прихода немцев. Погиб в Свияжском лагере. Сотрудница Музея общества «Мемориал» беседует с Татьяной Васильевной Смирновой, автором посвященной В. М. Голицыну выставки, проходившей в Сергиево-Посадском музее-заповеднике в 2002–2003 гг.

– Почему выставка так называлась: «Голицыны в Глинкове»?

– Глинково – село под Сергиевым Посадом. Там в 1924–1929 годах большое семейство Голицыных снимало на летнее время дачу, точнее две избы. В одной жила семья Михаила Владимировича Голицына, в другой – его старший сын Владимир с женой и детьми. А Владимир Михайлович (старший), дед художника, жил в самом Сергиевом Посаде.

Сергей Михайлович Голицын, младший брат художника, ставший впоследствии писателем, замечательно передал жизнь этого села. В книге воспоминаний «Записки уцелевшего» он писал, что село, как и вся крестьянская жизнь в России, тогда процветало. Никогда народ так не работал, как во время НЭПа. Был брошен лозунг «Обогащайтесь!». И трудились на полях от зари до зари. По ночам молодежь с песней гуляла по улицам. Некоторые рубили новые избы, украшали фасады искусной резьбой. По праздникам церковь заполнялась нарядными прихожанами.

Глинково того времени с каменной церковью во имя Корсунской иконы Божией Матери так красиво стояло на высоком берегу речки. Оно было изображено В. М. Голицыным в 1927 г. Акварель была представлена на выставке, в том зале, который был сделан в виде крестьянского двора в летнюю пору.

А потом ... Этих-то, у кого новые избы, и взяли первыми. С женами и малыми детьми выслали в Сибирь, все имущество отобрали. Коллективизация. Смолкла гармошка. Церковь закрыли. Иконы вытаскивали и сожгли, колокольню взорвали. Старика священника с матушкой выселили, все имущество и скотину у них отобрали.

– Расскажите о работах, которые были на той выставке.

Там было много акварельных морских пейзажей и рисунков. Ведь В. М. Голицын в 19 лет попал в Заполярье, в экспедицию биолога Л. А. Зенкевича, в качестве художника. А рисованием он увлекался с детства. Потом он плавал на научно-исследовательском корабле «Персей». На выставке был даже сделанный по его эскизу флаг этого судна, синий, с изображением этого созвездия. На Севере, где художник провел три года, он навсегда полюбил море.

В 1920-х годах государство поощряло кустарные промыслы, изделия которых шли на экспорт – нужна была валюта. Кустарный музей в Москве, в Леонтьевском переулке, покупал у художников эскизы для росписи деревянных шкатулок. Голицын включился в эту работу. Сделал несколько десятков эскизов – таких ярких, веселых картинок жизни. В них чувствуется и влияние лубка, но художник вдохнул в рисунки и тогдашнюю современность. Одной из тем стало, конечно, море, Архангельский порт, Онежские верфи. Люди на этих картинках грузят рыбу, катят бочки, строят судно. И плывут корабли под красными и зелеными парусами. Масса точных, острых деталей. Очень декоративно и с добродушным юмором. На Международной выставке декоративных искусств в Париже в 1925 г. Голицын получил за эти работы золотую медаль.

– А он где-то учился изобразительному искусству?

Он очень хотел учиться живописи. По приглашению П. П. Кончаловского стал ходить в его мастерскую во ВХУТЕМАСе. Но скоро его отчислили, и все хлопоты оказались безрезультатны. Ответ был таков:

– Да пусть он будет хоть сверхталантлив, но он сын князя, и ему не место в семье советских художников.

Тем не менее, он стал известным иллюстратором, очень много работал в журнале «Всемирный следопыт» и других. Иллюстрировал книги.

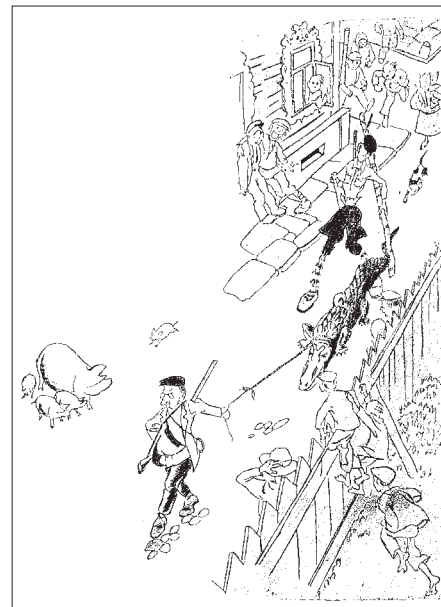
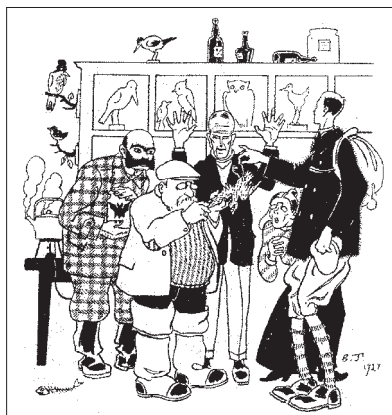
М. М. Осоргина сделала его портрет в типичной позе: он рисует, склонившись над столом.

Но самое интересное, на мой взгляд, это его рисунки к рассказам Владимира Трубецкого.

– Расскажите о них подробнее.

Владимир Сергеевич Трубецкой, родственник Голицыных, был разносторонне талантлив, очень музыкален. Он был главой большой семьи, всегда нуждался в деньгах. И вот однажды на охоте он подстрелил необычную галку – не черную, а светло-песочного цвета. Это редкое явление называется, кажется, хромизмом. Он решил продать ее в Зоологический музей. Приехал специально в Москву. В музее очень заинтересовались, предложили огромную сумму. Да, как на зло, не оказалось на месте нужного начальника. Договорились, что Трубецкой принесет галку на следующий день.

Окрыленный удачей, он отправился к Голицыным. Вещички положил на сундуке в прихожей. Пока целовался и обнимался, галку стащила кошка. Выход нашли: Трубецкой напишет рассказ об этом случае, а Голицын проиллюстрирует. Рассказ сначала назвался «Миллиард за галку» – ведь в 1922 году цены были астрономические. Но существовала инструкция – в печати их не упоминать. Так что в журнале рассказ появился под названием

«Драгоценная галка». Подписывать его настоящей фамилией князя тоже не стоило. И автор взял псевдоним В. Ветов.

В связи с этим вспоминаю такой случай. Пришел на выставку посетитель. А через некоторое время появился снова – принес старый журнал «Вокруг света» с каким-то скучным географическим рассказом автора, имя которого нам ничего не говорило. Но рисунок!!! Голицын?! Несомненно, его стиль. Да и никто, ну, просто никто другой не мог придумать такую уморительную иллюстрацию.

А подпись? Под рисунком только отпечаток печатки – всадник с мечом в поднятой руке. «Погоня», так называется это изображение в гербе Великого княжества Литовского. Ведь Голицыны (как и Трубецкие) имеют общим предком великого князя литовского Гедимина, жившего в XIV веке. И в гербах их родов, как и многих других дворянских родов – выходцев из Литвы, есть этот знак, или только верхняя его часть – рука с поднятым мечом. Позднее сын художника подтвердил, что у отца была такая печатка, и он ставил иногда ее отпечаток вместо подписи.

Но возвратимся к рассказам Трубецкого. За «Драгоценной галкой» последовали другие охотничьи рассказы с двумя главными персонажами: Хвощем и Боченкиным. Хвощ – карикатурный портрет самого автора рассказов – худой и длинный охотник,

в брюках-галифе и истрепавшихся обмотках, придающих ногам сходство с мохнатыми стеблями хвоща. Это остаток военной формы: князь – офицер, участник Первой мировой войны. Трубецкой высокий, а Боченкин маленького роста – смешная парочка. Действие всех рассказов происходит в Богородицке Тульской области, где тогда жила семья Трубецких. На некоторых иллюстрациях изображен дворец их родственников графов Бобринских в этом городе.

Порой сюжет рассказа придумывали коллективно, садясь за стол в квартире Голицыных. Например, кто-нибудь задавал вопрос:

– А что будет, если в Щадиловском пруду заведется крокодил?

И все начинали фантазировать на эту тему.

Подлинники не сохранились. Как же показать эти рисунки? Открыть и положить в витрину один-два старых журнала? Но этого явно недостаточно. К тому же бумага пожелтела, качество печати неважное. На выставке Голицыных в залах Академии Художеств на Пречистенке эту сторону творчества художника не показали, скорее всего, потому что не было оригиналов. Но ведь в этих работах такая бездна выдумки, столько забавных подробностей! И мы решили сделать ксерокопии рисунков из журналов и поместить на стене зала.

– А как тогда жила семья?

Художник много трудился и зарабатывал неплохо. У него родилось трое детей. Правда, время от времени его арестовывали. Но за него хлопотали родные, хлопотали художники. Помощь приходила от знакомой с семьей Голицыных Е. П. Пешковой, которая возглавляла Политический Красный Крест. Так что пребывание за решеткой каждый раз было непродолжительным. Но вот пришел 1929 год – год Великого перелома. И на воротах дома, где жили Голицыны, появился список лиц, лишенных избирательных прав. Голицыны были включены в список из-за социального происхождения. И все они, кроме двух несовершеннолетних сестер Владимира Михайловича, числились в нем нигде не работающими. На самом деле не работал только Владимир Михайлович Голицын (старший). А следом вышел указ о выселении из Москвы всех неработающих лишенцев без предоставления какого бы то ни было жилья:

– Выметайтесь, куда хотите.

На что-то еще надеялись, доставали в учреждениях справки о доходах, обращались в суд. Напрасно. Младший брат художника Сергей Михайлович вспоминал, как «явились двое в сопровождении управдома. Увидели, что вся мебель стоит на своих местах, начали кричать и грозить, что будут вещи выкидывать на улицу. Восьмидесятидвух-

летний дедушка, в былые годы, как городской голова, много добра и пользы принесший Москве, наше изгнание переносил тяжелее всех. В час прихода этих людей он сидел за столом и мирно раскладывал пасьянс. А тут закричал:

– Нет, нет, не могу, не могу! – и начал валиться на бок.

Управдом и я подхватили его и дали воды, А те двое стояли и посмеивались».

Простите, я не могу, не могу говорить об этом без слез.

Голицыны сняли зимнюю дачу в поселке по Савеловской дороге. Потом перебрались в Дмитров.

Были введены карточки на продукты. Лишенцам карточек не полагалось. Потом сделали исключение для малолетних детей. На 11 человек Голицыны получили 5 продовольственных и хлебных карточек. Лишенцы не имели права работать в государственных учреждениях. В. М. Голицына очень ценили в редакциях журналов, но новый редактор «Всемирного следопыта» приказал его изгнать, узнав, что он лишенец и князь. А через некоторое время журнал и вовсе закрыли. Иногда художнику удавалось подработать по договорам в других журналах, проиллюстрировать книги «морских» писателей – Б. С. Житкова, А. С. Новикова-Прибоя.

С. М. Голицын писал о брате, что тот «внешне держался бодро, острил, как и прежде, но я догадывался, что он переживал передраги нашей семьи, как бы не болезненнее всех нас, однако скрывал свои чувства. Именно по нему лишенство ударило особенно сильно».

А в 1932 г. пришла другая беда: у него начало болеть колено. Когда-то стукнулся, переходя рельсы. Он не смог ездить из Дмитрова в Москву в поисках заказов. И занялся изобретением игр. Благо, сыновья подросли. Вместе с ними и их приятелями отработывались разные варианты. Его сын Илларион вспоминал: «... что было самое интересное из нашего детства, самое заманчивое для наших дмитровских друзей, самое захватывающее и увлекательное – это отцовские игры ... Это были настоящие морские сражения, где ты был капитаном корабля, от твоей воли, храбрости и смекалки зависел исход поединка. Жестокие ураганы сменялись полными штилями ... Корабли тонули, победители торжествовали победы, а наши детские головы легко усваивали будоражащие мозг названия мысов, островов, проливов и ветров...».

Голицын создал больше 20 детских игр. Но их приходилось утверждать в стольких инстанциях! Так что денег это дало совсем

мало. Игра «Пираты» даже заслужила высокий отзыв Максима Горького, но издали ее только в 1996 г.

Жили очень скудно. И с больной ногой художнику приходилось ездить в Москву. Заказы на иллюстрации он получал все реже. А тут началась паспортизация населения. Голицыным паспортов не выдали – предложили в 24 часа выселяться за 101 км. Тогда помог Павел Корин, известный художник, использовавший знакомство с наркомом внутренних дел Г. Ягодой, портрет которого он написал. Так и остались Голицыны в подмосковном Дмитрове.

– А с чем был связан последний арест?

Соседка завидовала, что он, несмотря ни на что, был таким жизнерадостным, что семья была хорошая ... Так, по крайней мере, объяснял его брат Сергей Михайлович. Ну и написала донос, когда враг подошел к городу, будто бы он не эвакуировался, потому что ждал немцев. Его арестовали 22 октября 1941 г. А как он мог уехать? С больной ногой, и на иждивении у него было 7 человек.

Приговор ОСО НКВД: 5 лет лагерей за «антисоветскую агитацию».

Он очень беспокоился о судьбе семьи. Ведь жена, трое детей, родители и старая тетка остались без всякой помощи. Только почти через год ему удалось узнать, что семья уцелела, и наладить переписку.

«Дорогие мои! Наконец вчера получил открытку <...>. Вы, мои близкие, все живы и здоровы и выжили без меня <...>. Живу в исправительно-трудовой колонии <...>. Бывшем старинном монастыре в г. Свяжске. Я очень, видимо, переменялся, здесь все зовут меня дедушкой <...>. Живу сегодняшним днем – ни о чем думать не могу. Мозги засохли. Память ослабела. Туп я стал старчески <...>. Пайки хлеба здесь (как во всех лагерях) часто бывают с довесками, которые прикалывают сосновой палочкой <...>. Нижняя корка иногда бывает горелая. Я ее скребу в кружку и лью немного воды. За ночь получается настой. Утром наливаешь в него кипяток, и получается восхитительный напиток вроде кофе».

Это строки из его писем.

– Вы знали, что Голицын в лагере продолжал рисовать?

– Нет, только недавно в Музее «Мемориала» увидела эти его рисунки. Рисунки, которые он делал для девочки – дочки того врача, который пытался его спасти. Он упоминает его в письме, отправленном 5 сентября 1942 г.

«Дорогая моя женушка!

Получил от тебя 2-е письмо (1-е пропало, где ты обо всех пишешь). Рад, что вы стоите на ногах без меня. Ларю молодец – с натуры больше пиши. Хорошо бы его с Павлом Дмитриевичем свести [Кориным – Т. С.] – он его поучит. Я сейчас лежу в больнице. Что у меня – неизвестно. / Вымараны цензурой несколько строчек/. Но тут есть один врач, который обещает меня починить. Врач очень энергичный. Потом я бос. У меня украли сапоги и галоши. Поскорее пришлите мне ботинки. Зима меня страшит. Я сейчас все мерзну. Хожу в фуфайке и полушубке. Начальник обещает перевести в лучшие условия. Но все-таки холод это ужас. За 5 дней, что я лежу, живот вроде прошел. Ноги были, как бревна – даже смешно смотреть <...>. Сейчас нормальные. Напиши подробно, как осенью немец подходил к вам. Бомбил ли Дмитров? Кто у вас теперь соседи? <...>. Денег рублей 100 присылайте, если можете, в месяц. Можно молока купить 10–15 руб. за л., обед, пайку, овощи <...>. Целую мою душку и всех ребят».

6 февраля 1943 г. он умер в лагерной больнице от страшной болезни, вызванной голодом – пеллагры.

– Скажите, кто предоставил на выставку в Сергиево-Посадском музее работы Голицына?

– Илларион Владимирович, его младший сын, художник член Российской Академии Художеств.

В письмах В. М. Голицын все повторял, обращаясь к нему:

«Ларюшка, рисуй больше! Попробуй портреты. Для меня мамá напиши».

И. В. Голицын внял заветам отца. И стал главным ревнителем его памяти. Много сделал до своей трагической гибели в 2007 г. Показал выставку его работ более чем в 50 городах страны, участвовал в выпуске книги «Владимир Голицын. Страницы жизни художника, изобретателя, моряка». Но тогда в книге об аресте и гибели в лагере сказать было нельзя.

В 1980-х годах Илларион Владимирович Голицын вместе со своим родственником Михаилом Андреевичем Трубецким вделал в западную стену Свяжского монастыря две памятных доски – своему отцу и графине Софье Владимировне Олсуфьевой. Она была в том же лагере и находилась рядом с Владимиром Михайловичем в его последние часы. Сообщила родным о его смерти. И сама скончалась в следующем месяце.

– Вы упоминали книгу Сергея Голицына. Скажите о ней.

– Я счастлива, что получила книгу «Записки уцелевшего». Мне подарила ее младшая сестра писателя Екатерина Владимировна Перцова. Я читаю и перечитываю ее снова и снова. Считаю С. М. Голицына самым лучшим русским писателем XX века. Вас, возможно, удивит мое признание. На мой взгляд, книги С. М. Голицына «Записки уцелевшего» и «Записки беспогонника» (о периоде Великой Отечественной войны), превосходят «Войну и мир» Льва Толстого. Толстой ведь все же не был участником событий, о которых писал. К тому же, Голицыну «достался» сложный период русской истории. И он передал его не только правдиво, но и удивительно увлекательно. Думаю, что именно эти книги многим позволят понять, чем был сталинский режим.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 28 июня 2016 г.

Портрет графа Олсуфьева

«Уроки истории» продолжают серию материалов, посвященных судьбам российского дворянства в СССР. В этот раз Татьяна Смирнова рассказывает о графе Юрии Олсуфьеве, который ныне покоится во рву Бутовского полигона, и о его окружении.

Граф Юрий Александрович Олсуфьев (1878–1938) известен, прежде всего, как один из основных создателей Сергиевского историко-художественного музея (теперь Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника). Он закончил юридический факультет Петербургского университета. Еще в студенческие годы проявил интерес к искусству. После окончания университета поселился в усадьбе Буйцы Тульской губернии. Его отец начал строительство храма во имя Сергия Радонежского на Куликовом поле. После смерти отца Ю. А. Олсуфьев возглавил Строительный комитет и вплотную занялся древнерусским искусством, ездил по старым русским городам, по монастырям, изучал иконопись, которую только начали тогда раскрывать. А весной 1917 г., когда стало опасно оставаться в усадьбе, приехал с женой и сыном в Сергиев Посад, «под покров Преподобного». Работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, а потом в созданном на основе ее ценностей музее. С первого дня существования Комиссии с исключительным энтузиазмом вместе с о. Павлом Флоренским

составлял опись икон. Он изучал рукописные лицевые книги и их орнамент. Одновременно занимался массой хозяйственных и административных вопросов. Видимо, хозяйственная жилка была у него в крови, да к тому же он приобрел большой опыт, управляя более десяти лет своим имением. Историк Ю. В. Готье, много бывавший в ту пору в Сергиевом Посаде, в ноябре 1919 г. сделал в своем дневнике такую запись: «Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Троицкий собор и т. п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры».

Занимаясь описями икон, серебра, Ю. В. Олсуфьев написал и несколько теоретических работ по иконописи, принимал непосредственное участие в устройстве ряда выставок.

Интерес к древнерусскому искусству не был у Олсуфьева поверхностным. Он воспринимал XV век в России как совершенно особую эпоху, как «момент просветления»: «Время преподобного Сергия и его учеников озарило русскую культуру красотой Богопознания, – писал он. – Лавра преподобного Сергия, как центр, и целый сонм святых обителей оживили, освятили, благословили Россию в ее частной и государственной жизни на сотни лет. <...> Одним из важнейших средств познания той просветленной эпохи является иконопись того времени – этот творческий отблеск откровенных видений».

В мае 1928 г., когда в Сергиеве начались аресты, Олсуфьев уехал из города. По приглашению И. Э. Грабаря поступил в Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ) в Москве. Сразу же был привлечен к комплектованию заграничной выставки русских икон и к составлению ее каталога. Занимался текущей работой: писал учетные карточки, работал с негативами, вел журнал. Ежегодно ездил, обычно вместе с женой, в экспедиции – описывал произведения искусства, отмечал их сохранность, наличие записей и пробных расчисток. Спасал от гибели сотни икон, сваленных после закрытия церквей в неподходящие для хранения помещения. Обследовал состояние фресок, изучал причины их заболеваний, разрабатывал способы консервации и реставрации. После того как в 1934 году ЦГРМ были закрыты, руководил секцией реставрации древнерусской живописи Третьяковской галереи. И работал в ней до ареста 24 января 1938 г. Расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 14 марта 1938 г.

О том, каким человеком был граф, вспоминали его современники. «... даже граф Олсуфьев отпустил бороду, ходит в рубашке...», – воз-

мушчалась, по словам М. М. Пришвина, одна из жительниц Сергиева Посада. «Косил траву и Олсуфьев, – записала в 1922 г. в своем дневнике О. А. Бессарабова. – Живописная фигура. Длинная курчавая борода, красивое лицо с большим лбом на почти лысой голове.<...> В лаптях, в онучах полосатеньких, в белой рубашке тонкого полотна, в шляпе из материи. Он уже стал отвыкать от обычного своего жеста – в первый момент встречи в поле: маленькой загорелой рукой всполошенно трогает то место, где должен быть галстук и где теперь просто растегнутая пуговица». Да, надо было заготавливать сено: Олсуфьевы, переселившись в 1917 г. из своей усадьбы в Сергиев Посад, «под покров Преподобного», купили дом, держали лошадь и корову.

Таким, в белой рубашке, с длинной бородой и написал его портрет В. А. Комаровский. Скорее всего, это произошло летом 1924 г.: семья Комаровских приехала в Посад осенью 1923 г., а весной 1925-го художника арестовали и выслали.

Граф-трудящийся – так можно было бы назвать Олсуфьева. Вся жизнь в трудах. В своей усадьбе Буйцы в Тульской губернии. В строительстве храма на Куликовом поле. На Кавказском фронте во время Первой мировой войны. В Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В Сергиевском историко-художественном музее. В Центральном государственном реставрационных мастерских. В Третьяковской галерее. И в хозяйственных заботах. В 1921 г. «под влиянием голода предшествовавших лет и по инстинктивному тяготению к “земле” мы взялись за обработку участка земли, – писала Н. Д. Шик, урожденная княжна Шаховская. – Основными членами нашей маленькой артели были семьи Олсуфьевых, Мансуровых и наша. Главным нашим хозяйственным ресурсом была неутомимая энергия Ю [рия] А [лександровича] и собственные наши руки. <...> Староста нашей маленькой артели постоянно кипел хозяйственным азартом, заражая им моего мужа».

«В начале 1920-х годов Юрию Александровичу Олсуфьеву было сорок с небольшим лет. Не очень высокого роста, с сосредоточенным и живым лицом он, может быть, был похож на крестьянина, когда в зимнее время, в старенькой рыжей барашковой шапке и коричневой куртке, он со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова», – вспоминала его родственница графиня А. В. Комаровская.

Граф Владимир Алексеевич Комаровский был дружен с Олсуфьевым со студенческих лет – в начале XX века оба учились в Петербургском университете, вместе путешествовали по Италии, изучая памятники искусства. Оба женились на внучках князя Николая

Петровича Трубецкого. Комаровскому заказал Олсуфьев написать иконы для храма во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле – тот уже имел тогда опыт иконописца. Началась война, и художник оказался рядом с Олсуфьевым – вместе работали по организации походных санитарных отрядов во Всероссийском Земском союзе. В Сергиев Посад Комаровские приехали после того, как их выселили из подмосковной усадьбы Измалково. Жили в доме Олсуфьевых.

При взгляде на портрет становится очевидно, что художник писал с натуры, скорее всего за один-два сеанса. Достаточно сравнить его с законченностью сделанного Комаровским в тот же период известного портрета о. Павла Флоренского (в светлом одеянии), созданию которого предшествовали четыре или пять портретов о. Павла.

В те годы графа видел писатель Леонид Леонов, приезжавший в Лавру в середине 1920-х годов: «Водил меня по ризнице и тайникам старик Олсуфьев, (а ему не было и 50-ти! – Т. С.), <...> из прежних, судя по глазам, познавший юдоль жизни». Это почувствовал и передал художник. Светлый, размытый ореол вокруг головы – не предвиденье ли это мученического конца?

Слева – два герба: верхний – графов Олсуфьевых. Долго не удавалось установить, кому принадлежит второй герб. Но благодаря Валерию Владимировичу Бибикову – Президенту Союза Возрождения Родословных Традиций, – выяснилось, что это герб графов Соллогуб. Мать Ю. А. Олсуфьева Екатерина Львовна была из этого рода.

И что-то еще есть в этом необыкновенном, в этом гениальном портрете, портрете графа. И дело даже не в гербах. Есть в облике этого человека такое, что трудно выразить. Вспоминаются слова, занесенные в дневник писателем-деревенщиком Федором Абрамовым. Однажды в Европе он встретил француза – графа, работавшего на земле. «Как будто ничем не отличается. И все-таки чем-то отличается. Руки. Ум. <...> В природе мы редких животных заносим в Красную книгу. А почему не делать того же в отношении людей? Люди разве менее заслуживают внимания как явления природы?»

В ссылке, в Ишиме, В. А. Комаровский начал работать в иконописном стиле. В 1927 г. переслал несколько своих работ в Сергиев Посад, в том числе автопортрет на красном фоне (находится в Нукусе, в Каракалпакском музее искусств им. И. В. Савицкого) и второй портрет Олсуфьева, не сохранившийся. Жена написала ему: «...вчера мы открыли твои картины. <...> Юрию [Олсуфьеву] больше всего нравится твой автопортрет, сестрам о. П [авла] [Флоренского]

портрет Юрия, а самому о. П [авлу] другие вещи...». Сообщила, что Флоренский предполагает написать о нем статью.

В одном из писем художника из Ишима есть такие строки: «Между прочим, красный фон на портрете Ю [рия Олсуфьева], конечно, случаен по отношению к Ю [рию], но он не случаен для меня...». Тогда художник, интуитивно выбрав тревожный красный фон для портрета, видимо, еще не понял, как сходны окажутся их судьбы.

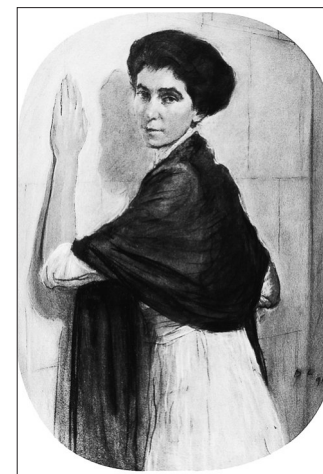
Комаровского расстреляли на Бутовском полигоне 5 ноября 1937 г., Олсуфьева – 14 марта 1938 г. там же.

В записной книжке Олсуфьева есть такие слова: «Прощаясь с жизнью, хотел бы с ней проститься здесь». 10/23 июля 1933 года, Старая Ладога. Не суждено было ему снова увидеть древнюю фреску Георгия на белом коне, увидеть как в Старой Ладоге, «липа цветет, гудят и выются пчелы», не почувствовать, что «воздух насыщен ароматами кашек, сурепицы, аниса и цвета липы».

Женат был Юрий Александрович на Софье Владимировне Глебовой (1884–1943), внучке князя Н. П. Трубецкого. Ее племянница графиня Антонина Владимировна Комаровская, жившая в 1920-е годы с родителями в Сергиевом Посаде в доме Олсуфьевых, так писала о ней. «Софья Владимировна была тогда молодой, но давно себя такой не считала. Выйдя очень рано замуж, она была тогда матерью взрослого сына. Высокая, худощавая, немного смуглая – такой изобразил ее Серов на известном портрете. Кажется, художник передал ее главную черту – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и большую внутреннюю жизнь. На портрете она причесана по моде 1910-х годов, одета в нарядное летнее платье. Я же ее помню в черном, повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, – или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив рано утром корову, она спешила в скит к ранней обедне (расстояние от города около трех километров) и так же торопливо возвращалась, чтобы поспеть к утреннему чаю дяди Юрия перед уходом его на службу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали сходить гулять в поле, начинавшееся в конце улицы, и возвращались в сумерках – бодрые, с букетами в руках».

Те, кто отстоял недавнюю очередь на выставку Валентина Серова в Третьяковской галерее, смогли увидеть этот замечательный портрет С. В. Олсуфьевой. (В трудные времена родные продали

его в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где он и хранится в фондах). Но все ли знают судьбу этой женщины? Верная соратница мужа, она с ним вместе ездила в экспедиции по изучению и спасению древних фресок. Сама работала как реставратор. А 1 ноября 1941 года, когда немцы подошли к Москве, ее арестовали. Возникла мысль, что будто бы бывшие аристократы ждут прихода врага. Софья Владимировна была приговорена к 10 годам лагерей. Отправлена в концлагерь, находившийся в Свияжском монастыре.

В. А. Серов
Портрет
С. В. Олсуфьевой
Картон, уголь, пастель. 1911

В ту стену монастыря, рядом с которой ров, куда сбрасывали тела умерших заключенных, вделана небольшая каменная доска с именем С. В. Олсуфьевой и датой ее кончины – 15 марта 1943 года.

Установил доску, как и доску памяти своего отца князя Владимира Михайловича Голицына, художник Илларион Голицын. Мягкий известняк потерялся, и теперь уже с трудом можно различить текст.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 20 сентября 2016.

Судьбы репрессированных краеведов

1920-е годы называют «золотым десятилетием краеведения». А в годы Великого перелома большинство краеведов было репрессировано. Сотрудник музея «Мемориала» беседует с Татьяной Васильевной Смирновой, краеведом и составителем книг о ее родных – краеведах 1920-х годов.

– Знаю, что Ваш отец Василий Иванович Смирнов (1882–1941), известный краевед и музейный деятель, был репрессирован, и Вы выпустили книгу его записей в тюрьме и ссылке. Что Вы можете сказать о репрессиях среди краеведов?

Большинство краеведов было репрессировано в 1930–1931 годах. Некоторые чуть раньше или немного позже. Чаще всего краеведы получали тогда административную высылку на три года.

– По сравнению с более поздними временами сроки очень маленькие. Да и высылка все же несравнима с концлагерем.

Те времена Анна Ахматова называла «сравнительно вегетарьянскими». Я встречала в интернете даже высказывание, что административную высылку и наказанием-то считать нельзя: ведь не в Антарктиду высылали, а туда, где советские люди жили. А хорошо бы человеку, написавшему такие слова, представить себя на месте административно высланного. Вот живет человек в каком-то городе, следовательно, имеет какое-то жилье, работу, круг родных, друзей, знакомых ... Но однажды ночью приходят и арестовывают его. И вот он в тюрьме. Беспокойство о близких. Беспокойство о незаконченных работах ... Он не знает за собой никакой вины и еще надеется, что вот-вот недоразумение разъяснится. А следователи предъявляют все новые обвинения. Перед ними поток арестованных, и они уже потеряли голову. Так, однажды моего папу следователь стал спрашивать: А в чем Вы, Василий Иванович, провозили динамит?». Тот сказал: «Если бы я только знал, в каком состоянии он находится: в твердом, жидком или газообразном, я бы Вам ответил».

И так месяц за месяцем. Знаете, многие интеллигенты не выдерживали: слишком абсурда была ситуация, слишком ужасна была для них тюремная обстановка, слишком страшна неопределенность. Теперь выяснилось, что из всех арестованных музейных работников не подтвердил обвинения, выдвинутые против моего отца, только Иван Петрович Пауль, сотрудник Костромского музея и библиотекарь Костромского научного общества. (В. И. Смирнов был председателем этого общества и директором Костромского музея). Можно ли их обвинять? Помню, как одна из них уже в 1960-е годы приехала к нам из Новокузнецка (была туда выслана, но потом устроилась неплохо) и плакала, и просила прощения у моей мамы. Мама простила. Известно ведь, что у каждого свой болевой порог. И это относится не только к боли физической.

– Сколько же времени Ваш отец провел в тюрьме?

Восемь с половиной месяцев. Сначала в качестве подследственного, потом, после объявления приговора, как срочный. Только не в тюрьме, а в тюрьмах. Места заключения были переполнены. Ведь шла коллективизация. И тюрьмы были заполнены теми, кого называли кулаками. Так что он успел побывать в нескольких тюрьмах Иваново, Владимира, Ярославля, Вологды. Его письма к жене полны хозяйственных забот о семье, беспокойства о незаконченных работах. Краеведов, арестовывая, лишали не просто работы, а любимой ра-

боты. Ведь они были энтузиастами. Это было «кораблекрушением». Именно так В. И. Смирнов назвал свершившееся. Он писал жене: «Во всех положениях мне хочется одного: отдать все силы делу. И еще: хоть чем-нибудь, хоть как-нибудь согреть твою жизнь».

– Получается, что человек, написавший так возмущившие Вас слова об административной высылке, не учел, что предварительно надо было отсидеть несколько месяцев в тюрьме.

Да, именно так.

– Вы говорите, что его без конца допрашивали, выдвигая абсурдные обвинения. Но на чем же «порешили»?

Его обвинили в децентрализации и аполитизации науки. Он написал предложенную формулировку о том, что его деятельность субъективно не была вредной, но объективно вредила социалистическому строительству.

– Децентрализация... Другими словами, чем больше развивает человек науку в провинции, тем больше виноват?

Да, так на это тогда смотрели власти. Между прочим, в костромской газете того времени была напечатана статья «Тюнтики и шен-тиберики». Это о работе моей будущей мамы. Она, как сотрудница Этнологической станции Костромского научного общества, занималась изучением народного питания. Успела опубликовать первую часть – «Хлеб». В ней говорилось, в частности, и об этих видах обрядового печения. Так вот автор статьи, разоблачавший ее деятельность, писал, что «сейчас, когда каждый сознательный гражданин должен заниматься сбором муравьиных яиц на экспорт, Л. С. Китицына и т. д.».

– Муравьиные яйца?.. Зачем они?

Это корм для птиц. Для птиц, которых держат в неволе, в клетках. Нужна была валюта для индустриализации страны. Считалось, что занятия наукой объективно вредят, отвлекают от действительно необходимого занятия.

– Но вот человек, приговоренный к высылке, наконец, попадает в назначенное место. Как дальше складывалась его жизнь?

Многое зависит от того, куда именно попадает. Но, конечно, и от характера самого человека, от возраста, состояния здоровья, специальности. И от того, кто остался у него на воле – могут ли помочь посылками, деньгами. Да и от случая тоже. Ведь в любой момент могли выдернуть и заслать куда-нибудь в леса.

Мой отец попал в Исакогорку – станцию под Архангельском. Работал на ремонте железной дороги. Но очень хотел перебраться

в город. Ему было уже под пятьдесят, сердце не в порядке. Врач предупредил, что на такой работе долго не выдержит. И главное: только найдя жилье и работу в городе, он мог воссоединиться с любимой женой. И он отчаянно искал такую возможность. Город переполнен ссыльными. Съемное жилье не найти. Работа?.. Образованных, да просто грамотных людей не хватает. Но, сначала пообещав, потом отвечали: «адмвысланных не берем». Какое упорство, какая сила характера и какая любовь к жене – моей будущей маме – видны в его письмах! А писал он их ей каждый день. Эти письма и составили сейчас основу новой книги.

– Но Вы ведь опубликовали их уже несколько лет назад? В книге «Народ в тюрьме».

Нет, то было одно большое письмо. Он его писал каждый день и отдал жене, когда она приехала к нему в Архангельск. По сути, это был дневник. Так и понял его Михаил Мельниченко, поместив на сайте личных дневников «prozhito.org». В нем речь шла в основном о тех людях, которых он встретил в тюрьме и ссылке. Но были еще ежедневные письма, которые он посылал по почте. Из тюрем – открытки, проходившие через цензуру. А из ссылки – уже письма в конвертах. При этом он сдерживал себя в выражении чувств, понимая, что их читает и его дочь от первого брака (он женился, будучи вдовцом). Но, видимо, не предполагал, что может быть перлюстрация. Вот эти письма и составили основу новой книги. Ее название: «Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов».

– Почему такое название?

В одном из писем он прислал жене эти образцы северной флоры. Он писал: «... даже в минуты тревоги и горя не могу оставаться равнодушным к природе». Речь в этой книге идет, прежде всего, о его жизни день за днем. О судьбе краеведа. Судьбе, сравнительно благополучной. Ему удалось устроиться сначала в фотографию, потом – в Геологический трест. Он создал там музей, занимался изданием «Трудов Геолтреста», опубликовал ряд работ о минеральном сырье края. И еще организовал массовый геологический поход, составил карту полезных ископаемых Северного края. А летом ездил в экспедиции.

– То есть он освоил новую специальность уже в немолодом возрасте? Но можно сказать, что оставался краеведом?

Да, на шестом десятке он стал геологом. Но не оставил полностью и занятий археологией и этнографией, которыми так увлечен

*Михаил Иванович
Смирнов
с женой
Натальей Викторовной
в Переславле-Залесском*

был в 1920-е годы. Так, летом 1940 г. во время отпуска он проводил раскопки под Каргополом на берегу озера Лаче. И мама участвовала, и даже я. Моей обязанностью было мыть неолитические черепки.

А в первое время, когда у него еще и жилья не было, он, увидев берестяные туюски, купил два. Позже изучил технологию их изготовления – весьма сложную – и написал статью в «Советскую этнографию».

Но многим пришлось гораздо хуже. Так, его старший брат Михаил Иванович Смирнов, очень известный краевед и организатор музея в Переславле-Залесском, попал в Сибирь, село Тогур – километров 120 от Нарыма.

– Да, Вы писали об этом своем дяде. Напомните название книги.

«М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926)». Ее, кстати, тоже можно найти на том же сайте М. Мельниченко.

Михаилу Ивановичу иногда удавалось устроиться счетоводом, но потом опять была безработица. А неработающим ссыльным в кооперативе ничего не продавали. Выжить без денежных переводов и посылок вообще было невозможно. Очень тяжело он переживал и разлуку с женой. А ей все никак не давали разрешения на переезд в Нарымский край.

Хотя почти все известные краеведы были уже на Севере или в Сибири, в печати продолжался поход против них. Так, в журнале «Советское краеведение» в 1932 г. была опубликована статья, по поводу которой М. И. Смирнов писал брату: «Быют лежачего. Прочел творение некоего В. Т. «За большевистскую бдительность». Я не узнал себя как

в части биографии, так и в остальном. Все пути-дороги после такого заказаны безнадежно. Работать не дадут. Жить нечем и незачем».

– **В чем Вы считаете, причина того, что так расправились с краеведением?**

Называют несколько причин. Например, то, что этим движением руководило ЦБК (Центральное бюро краеведения) в Ленинграде, которое возглавляли ученые-академики. И краеведы попали заодно с академиками, которых арестовывали по так называемому «Академическому делу 1929–1931 гг.». Мне же кажется, что не это было главным. Краеведение, начавшееся еще в XIX веке, расцвело и стало мощным движением в 1920-е годы. В него была вовлечена значительная часть интеллигенции. Ведь для многих просто не оказалось другого поля деятельности. При этом краеведы в своих исследованиях были независимы от властей. У них был собственный центр – уже упомянутое ЦБК. И получилось, что наряду с партийной сетью в стране существовала краеведческая сеть. В нее включена была не только интеллигенция. В ряды краеведов входили многие люди, жившие в провинции. Так мог ли все усиливавшийся тоталитарный режим вообще допустить существование какого-то неподконтрольного общества, а тем более – движения?

– **Кто-то из краеведов уцелел тогда?**

Да, конечно. Сначала оказались победителями те, кто громил краеведение, называя его старым и буржуазным, и противопоставлял ему «советское краеведение». Но в нашей стране есть грустная шутка: «Раньше сядешь – раньше выйдешь». Режим крепчал, сроки увеличивались. Вот «советский краевед» А. Ф. Вангенгейм арестован был в 1934-м. И получил уже не 3 года, а 10. И не высылки, а Соловецкого лагеря. Позже, в 1937-м, его расстреляли.

– **Можно ли сказать, что краеведение тогда кончилось?**

Те, кто выдержал тюрьму и ссылку, стремились вернуться к любимой деятельности. Но вот что писал солигаличский краевед И. В. Шумский в письме к моему отцу: «Есть краеведы, но нет краеведения!». А вот слова из письма Д. О. Святского, бывшего ученого секретаря ЦБК: «Много раз я думал над крахом краеведения и мироведения и задавал себе вопросы – неужели же они никогда не воскреснут в том виде, в каком мы их понимали. А хотелось бы дожить и видеть воскресенье!».

– **Настало ли оно, это воскресенье?**

Нет. Те краеведы умирали один за другим – сказалось пережитое. А восстановление краеведения, начавшееся через полвека, приняло

другие формы. Краеведы сейчас есть. Но такого руководящего центра, какой был в 1920-е гг., нет.

С 1990-го года во главе Союза краеведов России был С. О. Шмидт (1922–2013), очень много сделавший для развития краеведения. Последние годы краеведческая работа шла под руководством кафедр региональной истории и краеведения и москвоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Но сейчас это руководство оказалось под угрозой.

– **Что же случилось?**

Председатель Союза краеведов В. Ф. Козлов и его первый заместитель А. Г. Смирнова уволились из РГГУ. В стенах этого университета мы собираться уже не сможем. Боюсь, что получится так, как было в 1930-х годах: краеведы есть, а краеведения нет.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 7 октября 2016 г.

Письма в защиту репрессированных

Сотрудник «Мемориала» Светлана Фадеева и Татьяна Смирнова поговорили в форме даже не интервью, а просто беседы о специфическом жанре писем в защиту репрессированных.

– **Как Вы считаете, могли бы те, кто в сталинские времена оставался на свободе, помочь репрессированным людям?**

Не раз мне приходилось читать недоуменные возгласы советских журналистов о том, как могли немцы жить рядом с концлагерями в Германии. Почему-то не задают такой вопрос о людях, которые жили рядом с концлагерями в СССР. Конечно, кто-то не осознавал, что творится в стране, кто-то верил, что арестовывают настоящих врагов. Но большинство, вероятно, понимало, что ничего нельзя сделать, нельзя помочь всем. Однако когда арестовывали хорошо знакомого человека, порой находились те, кто пытался его защитить.

– **Вы имеете в виду письма в защиту осужденных?**

Да, и их тоже. Еще в 1997 году вышла небольшая книжка «Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных)». Ее составители В. Гончаров и В. Нехотин. В книге собраны в основном письма видных лиц – ученых-академиков, известных художников. Вероятно, это лишь небольшая часть посланий такого рода.

– **Вы говорите, что в книге собраны в основном письма людей известных...**

Наверное, рядовой человек понимал, что его письмо не будет иметь никакого веса. Хотя, наверное, были такие письма, в первую очередь, от близких родных.

– Была ли опасность для авторов таких писем?

Затрудняюсь сказать. Видимо, немедленных мер к ним не применялось. Некоторые из них прожили жизнь, не подвергаясь репрессиям, как академик В. И. Вернадский, другие были позже уничтожены, как академик Н. И. Вавилов. Но думаю, что нужно было мужество, чтобы написать письмо в защиту осужденного. Ведь это означало, что автор не согласен с постановлением суда. А считалось, что «органы не ошибаются». Во всяком случае, автор не мог знать, как отразится такое письмо на его собственной судьбе.

– Была ли от этих писем польза?

И на этот вопрос ответить трудно. Иногда арестованного выпускали. Но было ли это связано с письмом?.. Вероятно, какую-то пользу письмо могло принести, по крайней мере, в 1920-е годы. Так, архитектор А. В. Щусев написал в 1925 году письмо в защиту графа Ю. А. Олсуфьева, замечательного музейного деятеля. И подписался: «Академик архитектуры, автор Мавзолея В. И. Ленину». (Это письмо, кстати, в книгу, о которой мы с Вами говорим, не попало).

– Это помогло?

Ю. А. Олсуфьева тогда вскоре выпустили. Но я бы не решилась утверждать, что причиной тому было именно письмо. Хочу добавить, что у Щусева с Олсуфьевым раньше были существенные разногласия по поводу строительства храма на Куликовом поле. Строительный комитет возглавлял Олсуфьев. Дошло до того, что Щусев, как архитектор, по проекту которого возводился храм, отказался от участия в строительстве. Но, как мы видим, в трудную минуту пришел на помощь.

– Ю. А. Олсуфьева расстреляли в 1938 году. Щусев не помог?

Тогда было уже ясно: всякое вмешательство бесполезно. За 1937 год ни одного письма в защиту осужденных в книге не приведено. За 1938-й есть письмо М. А. Булгакова за писателя Н. Р. Эрдмана. Ну, Булгаков мог рассчитывать на особое отношение Сталина. А еще есть только письма академика В. И. Вернадского за геолога Б. Л. Личкова и за своего друга Д. И. Шаховского.

– Чем обосновывали в письмах необходимость пересмотра дела осужденного?

Упоминали, конечно, о невиновности. Но практически всегда упор делали на то, что арестованный является крупным ученым или

художником и т. п., что он может быть еще очень полезен государству. В этом, пожалуй, есть какой-то цинизм. Но авторы писем, видимо, понимали, что такой аргумент скорее дойдет до властей. И просили всегда только за одного человека. Исключение – письмо В. И. Вернадского, который написал Н. И. Ежову по поводу защищаемого им геолога, арестованного еще в 1934 году: «Я никогда не верил в возможность тех поступков, в которых его обвиняли и думал в начале, что это одна из тех ошибок, которые, к сожалению, неизбежны и постоянно бывают в этих делах. Но теперь, после известного процесса, [над Генрихом Ягодой, главой НКВД – Т. С.] для меня стало ясным, как и для многих других, что его заключение – дело Ягоды и тех его помощников, которые оказались в составе Академии Наук. Я уверен, что случай с Личковым не единичный и что есть какие-то общие меры, которые связаны с расследованием последствий преступной деятельности Ягоды – насколько они отразились на его жертвах».

Мне еще хотелось бы обратить внимание на то, что порой человек не ограничивался одним письмом. Так, Вернадский, как уже сказано, писал Ежову. Убрали Ежова, – писал Берии. Всё пытался помочь Шаховскому. А того уже и на свете не было – расстреляли. Но он об этом не знал.

Необыкновенное упорство проявил академик Л. А. Орбели, хлопотавший за физиолога Е. М. Крепса, арестованного в 1937 году. Орбели писал, начиная с 1939 г., и Берии и Молотову, и Ворошилову, и Чернышову, и снова Берии, потом – Меркулову.

– Помогло?

Да, этого ученого выпустили, а в 1944 году сняли и ограничения на проживание в стране («минус»).

– Скажите, встречались ли Вам какие-то иные меры помощи репрессированным, кроме писем?

В первую очередь, это передачи в тюрьму и посылки в лагерь или в ссылку. Надо учесть, что тот, кто посылал, сам зачастую находился в трудном материальном положении. Мы знаем, что жен «врагов народа» часто арестовывали, как и мужей. Но бывало и так, что не арестовывали, а увольняли с работы. Оставшись без заработка, женщина должна была как-то прокормить и себя, и детей и еще отправлять посылки или носить передачи.

Большое впечатление произвел на меня такой факт. М. Ф. Мансурову выслали в Среднюю Азию. И Ю. А. Олсуфьев платил за ее московскую комнату все три года. Благодаря этому она смогла вернуться, когда срок ссылки кончился. В Москве ей, правда, жить не разрешили,

П. И. Нерадовский

*Фото из следственного дела
1933 г.*

но она смогла поселиться в Московской области. А родство было не такое уж близкое: Мансурова – двоюродная сестра жены Олсуфьева.

– Вы можете привести какой-либо еще пример помощи осужденным?

Да. На меня большое впечатление произвело то, что сделал И. Э. Грабарь для П. И. Нерадовского (1875–1962). Нерадовский – художник, музейный деятель, которого называли душой Русского музея. Его арестовывали трижды. Освободили в 1943 году. Не все знают, что в это время было решено выпустить из лагерей «доходяг», чтобы не тратить на них продукты. Давали возможность умереть «на воле». И большинство таких

освобожденных умерло. Но Нерадовский выжил.

– Вы считаете, что благодаря Грабарю?

Да. И в этом огромная заслуга Грабаря. Грабарь был очень известным художником и искусствоведом. Он тут же написал Нерадовскому, когда узнал о его освобождении. Тот находился на краю гибели. Чтобы выжить, чтобы хоть что-то заработать, Нерадовский мог рисовать портреты. Некоторые готовы были заказать ему портрет с фотокарточки. Он ведь был замечательным портретистом. Вот посмотрите его графические портреты ученых, художников, жены. Они сделаны в 1920-е годы. Но чтобы рисовать, нужны были карандаши, бумага... Ничего этого, конечно, у Нерадовского, только что вышедшего из лагеря, не было.

– И Грабарь помог?

Грабарь не мог купить в то время художественные принадлежности. Но собрал из своих запасов и карандаши, и даже краски, кисти, хорошую бумагу. Вы только представьте, какой радостью было получить такую посылку! И не ограничился этим. Нерадовский находился тогда в одном из заводских поселков Горьковской области, в ужасных условиях. Так Грабарь организовал ходатайство за Нерадовского с просьбой разрешить ему жить и работать в Москве

– Вы имеете в виду письмо?

Да, письмо на имя главы НКВД Берии, но не от одного Грабаря, а от четверых человек – групповое (и это редкость в то время). Под-

писали его, кроме Грабаря, архитекторы – А. В. Щусев и В. А. Веснин, и музыковед Б. В. Асафьев. Они все тогда только что получили звание академиков.

– И что – помогло ходатайство?

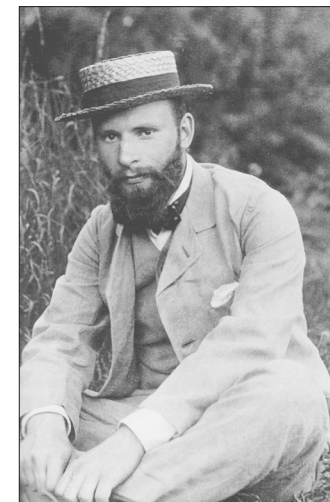
Представьте себе – помогло! И Грабарь устроил Нерадовского на работу в Загорском историко-художественном музее-заповеднике. Вскоре по настоянию Грабаря было решено реставрировать стенопись Троицкого собора – древнейшего собора. Возглавил бригаду художников-реставраторов Нерадовский. Мне посчастливилось обнаружить большой отчет об этой беспрецедентной работе.

Как-то я говорила с Г. И. Вздорновым, крупнейшим специалистом по древнерусскому искусству. Он начинал свой трудовой путь в Загорском музее и в 1950-х годах еще застал Нерадовского. Ему запомнилось, что тот всегда ходил в валенках. А в одном из писем Грабарю в 1943 году Нерадовский писал о своей радости: удалось купить старые валенки. Не в тех ли валенках, думаю я, он и работал в неотапливаемом соборе, поднимался на леса... А ему в то время шел восьмой десяток.

– Получается, что уверения тех, кто, обращаясь к властям, писал о пользе, которую может принести осужденный человек, были правы.

Да. По крайней мере, люди науки и искусства, если их освобождали, обычно продолжали плодотворно трудиться. Но сколько потеряно за то время, пока они находились в тюрьмах, ссылках, лагерях... Тот же Нерадовский. Он писал в просьбе о реабилитации, о восстановлении его доброго имени: «В результате арестов 23 года я был лишен возможности работать по своей специальности в любимой мною области русского искусства, которой я до того целиком отдавал все свои силы. Этот отрыв изуродовал всю мою жизнь. А жена моя Е. Г. Нерадовская перенесла много тяжелого и потеряла здоровье».

– Сейчас многие высказывают мнение, что потомки и жертв и палачей должны все простить. Получается, что как бы нет между ними разницы. Все виноваты...

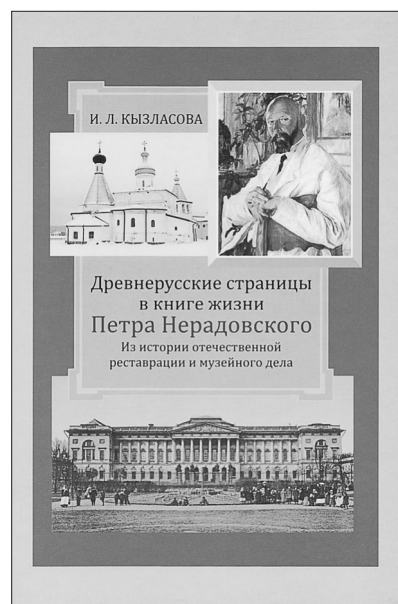
П. И. Нерадовский

1910 г.

Я никогда с этим не смогу согласиться. Есть разница между тем, кто писал донос, по которому человека арестовывали, и тем, кто писал письмо в защиту арестованного.

– Понимаю Вашу точку зрения. Хочу еще спросить, где можно прочитать об этом человеке?

В конце жизни он написал воспоминания «Из жизни художника». Книга вышла уже после его кончины – в 1965 году. Он писал о своей музейной работе, о встречах с художниками, архитекторами, реставраторами. Но, конечно, в воспоминаниях он вынужден был умолчать о своих арестах, о лагере. О заслугах его в области исследования и реставрации древнерусского искусства можно узнать из книги И. Л. Кызласовой «Древнерусские страницы в книге жизни Петра Нерадовского» (СПб, 2012).

Давайте посмотрим фотографии и портреты художников, на которых запечатлен облик этого человека. Вот он в соломенной шляпе – сфотографирован в имении Глебовых, родственников жены графа Ю. А. Олсуфьева. Олсуфьев был сводным братом Нерадовского. В 1926-м его писала маслом художница О. Л. Делла-Вос-Кардовская. А это фото из следственного дела – 1933 год, второй арест. И вот он на свободе – таким его запечатлел И. Э. Грабарь в 1946 году. А вот и сам Грабарь в роскошной шубе – 1947 год.

– Ничто не могло сломить этого человека!

Вы правы. Внучка о. Павла Флоренского Мария Васильевна видела Нерадовского, приходившего в дом Флоренских в 1953 году. Она запомнила его тихим, но державшимся с большим достоинством. Он опирался на палку, но спину держал прямо.

Опубл. на сайте urokiistorii.ru 1 ноября 2016 г.

ДОПОЛНЕНИЕ

ТРУДЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В УКАЗАТЕЛЬ

1. **Особенности создания музеев в 1920-е годы** // Забелинские научные чтения – год 2018-й г.: труды ГИМ. В печати.

Особенности краеведческих музеев, создававшихся в первые после-революционные годы рассмотрены на примере музеев в Костроме, Переславле-Залесском и Сергиеве Посаде.

Особенностями того периода было то, что создавались музеи при крайне малых штатах сотрудников, которые были настоящими подвижниками. Они стремились представить край всесторонне. Одним из основных источников формирования музейных коллекций были тогда ценности, поступавшие из национализированных дворянских усадеб, закрывающихся монастырей и церквей. Несмотря на все трудности, краеведы издавали много литературы. Музеи имели научную и просветительскую направленность, а отнюдь не развлекательно-досуговую.

2. **Усадьба Ахтырка и русские художники** // Мурановские научные чтения в декабре 1918 г. В печати.

Замечательный архитектурный ансамбль усадьбы князей Трубецких в подмосковной Ахтырке, созданный в 1820-х гг. в стиле ампир, не привлекал внимания членов Абрамцевского художественного кружка. Этих известных художников не интересовала дворянская культура. Отношение общества к ней изменилось позднее благодаря деятельности С.П. Дягилева и барона Н.Н. Врангеля. Поэзия уходящей усадебной жизни отразилась в творчестве В. Борисова-Мусатова, С. Виноградова, С. Жуковского. А праздничное, красочное народное искусство сказалось в картинах Ф. Малявина, Б. Кустодиева, А. Архипова.

Сама Ахтырка была запечатлена в нескольких произведениях В. Кандинского.

3. **О городской топонимике Сергиево-Посадского края** // Городская топонимика России как объект культурного наследия: история и судьбы топонимики городов и современные проблемы возвращения исторических названий. Материалы Всероссийской краеведческой научно-практической конференции Москва–Звенигород (Московская обл.) 22–23 июня 2018. – М.: ИЦ «Краеведение», 2019. – С. 379–387.

Рассмотрена история переименований города: Сергиевский Посад (Сергиев Посад), Сергиев, Загорск, Сергиев Посад, и история переименования улиц. Раньше они носили названия по направлению или по

храму. По инициативе комсомольцев первыми были переименованы улицы, названия которых «не соответствовали идеалам мировой революции». Потом распространилась практика переименований в честь всевозможных юбилеев. Значительный след оставила в топонимике города Великая Отечественная война. Так ряд улиц получили имена Героев Советского Союза, живших в Загорске.

В 1992 г. нескольким улицам вернули прежние названия. Однако продуманной политики в этом вопросе в городе нет.

4. **«Бывшие» в Сергиевом Посаде.** М.: Изд. Гос. публ. ист. библиотеки, 2018. – 42 с., цв. ил.

А. С. Лопухин

Фото из следственного дела 1928 г.

Брошюра на русском, английском и французском языках. Текст написан для семейного собрания Лопухиных 2018 года. Написан в виде путеводителя по тем местам, где жили после революции аристократические семьи Олсуфьевых, Комаровских, Лопухиных, Раевских, Хвостовых, Трубецких, Голицыных.

Алексей Сергеевич Лопухин с женой Феклой Богдановой, урожденной баронессой

Мейендорф, поселился в Посаде, после того как освободился из тульской тюрьмы в 1924 г. В городе он получил прозвище «чулочник», так как вязал на машинке чулки, чтобы кормить свою большую семью. В 1928 г. его арестовали по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». Он был выслан в Тверь. В 1934 г. братья его жены, жившие в Эстонии, выкупили за валюту свою сестру, ее мужа и их семерых детей. Лопухины сначала оказались в Эстонии, потом в Берлине, а затем уехали в Америку.

5. **Краевед М.И. Смирнов (1869–1949)** // Переславль-Залесский. 1152–2017 гг. Из прошлого в настоящее. М.: Агентство независимой журналистики, 2017. С. 10–30.

Книга выпущена к 865-летию города Переславля-Залесского.

Очерк о М. И. Смирнове перепечатан в ней из книги: М. И. Смирнов и М. М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926) / Сост. Т. В. Смирнова – Сергиев Посад: ООО «Все для Вас Сергиев Посад», 2013.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПРИЛОЖЕНИЯМ

Этот именной указатель относится к приложениям 2–4. В него включены только те лица, с которыми мне довелось общаться. С иными общение продолжилось на долгие годы. Одни подарили меня дружбой, с другими я разговаривала лишь однажды. Есть среди этих имен и несколько человек, с которым общение было только по почте. С горечью отмечаю, что многих уж нет. Но все они оставили какой-то след в моей жизни.

Агеев Григорий Ефимович **89, 122–125, 208**

Айлин (Eilin Barker) **149**

о. Алипий (Кастальский-Бороздин) **191**

о. Андроник (Трубачев) **169, 172, 191, 196**

Анисимова Татьяна Валентиновна **147**

Анциферов Михаил Сергеевич **213**

Астафьева Лидия Александровна **153**

Балдин Виктор Иванович **201**

Банников Николай Васильевич **150–151**

Белая Галина Андреевна **175**

Белозерова Ирина Валентиновна **213, 225**

Бибиков Валерий Владимирович **171, 261**

Бобков Константин Васильевич **199**

Бобринская Вера Сергеевна (Сидорова) **181–182**

Бобринский Алексей Николаевич **164, 171**

Бобринский Николай Николаевич **163–164, 181–182**

Боков Сергей Евгеньевич **165, 204**

Боков Виктор Федорович **214**

Валентин Иванович (Вьюшин) **138, 139**

Васнев Борис Иванович **208, 227**
 Васнецов Андрей Владимирович **94**
 Вах Кирилл Алексеевич **227**
 Веденеевы **148, 150**
 Веселовская Анна Степановна
 Веселовская Мария Михайловна, урожд. Голицына
 Веснин Юрий Николаевич **150**
 Вздорнов Герольд Иванович **144, 162, 166, 169, 194, 195, 273**
 Вильям Анна Николаевна **148**
 Винокурова Наталья Дмитриевна **219**
 о. Воробьев Владимир **189**
 Галкина Елена Сергеевна **133**
 Галуева Евгения Сергеевна **97**
 Гарунов Аладин Рамазанович **89, 107–109, 202–203**
 Гирлина Лидия Васильевна **158–159, 173, 205, 209, 217–218, 220**
 Глебова Ирина Федоровна **159**
 Голицын Илларион Владимирович **89, 94, 95, 109–111, 156–158, 161, 210, 215, 217, 238, 255, 257, 263**
 Головкова Лидия Алексеевна **172**
 Греков Александр Умарович **178, 184**
 о. Григоренко Виктор **227**
 Громова Наталья Александровна **171**
 Гусев Николай Владимирович **144**
 Дайн Галина Львовна **88, 95–97, 98, 207**
 Дервиз Григорий Георгиевич **176–179**
 Дервиз Петр Григорьевич **179**
 Дерновой Владимир Борисович **222**
 Доброва Лилия Александровна **125**

Дымент Лев Давыдович **149**
 Ермилова Людмила Григорьевна **88, 98**
 Егоршина Наталья Алексеевна **94**
 Едошина Ирина Анатольевна **171, 223–224**
 Жданова Наталья Николаевна **145, 151**
 Затонская Татьяна Ивановна **152**
 Захаров Виктор **161, 195**
 Иванов Анатолий **132**
 Калмыкова Людмила Эльмаровна **218**
 Каравай Ирина Георгиевна **184**
 Кितिцына Лидия Сергеевна **212, 214, 225, 230, 234–235, 264–265**
 Князьков Владимир Николаевич **148**
 Козлов Владимир Фотиевич **225, 227, 269**
 Колотилов Александр Афанасьевич **148**
 Комаровская Антонина Владимировна **158, 162–168, 181, 182, 186, 260, 262**
 Комелова Анна Сергеевна **216, 230–234**
 Копылова Надежда Алексеевна **223**
 Куншенко Алексей Иванович **88, 92, 93, 156, 185**
 Кызласова Ирина Леонидовна **169–170, 199, 214, 220, 224, 274**
 Лесневский Станислав Стефанович **147**
 Либединская Лидия Борисовна **148**
 Манушина Татьяна Николаевна **160, 197**
 Мельниченко Михаил Анатольевич **266, 267**
 о. Мень Александр Владимирович **150**
 о. Михалеич Савва **173–174**
 о. Можаяев Борис **160**
 Муратова Елена Петровна **145–146, 151, 152**

Мясянжинова А. В. **198**
 Николаева Светлана Викторовна **197, 200, 226**
 Николюкин Александр Николаевич **206**
 Никулин Кирилл Андреевич **150**
 Носырев Леонид Викторович **133**
 Овсянникова Елена Борисовна **169–170**
 Овчинников Адольф Николаевич **135–137, 138–139, 144**
 Олсуфьева Александра Андреевна **172**
 Осиненко Галина Петровна **207**
 Острикова Ирина Владимировна **167, 171, 226**
 Павлинова Варвара Петровна **182–184**
 Павлинов Петр Павлович **183**
 Павлова Татьяна Константиновна **206**
 Пастернак Евгений Борисович **148, 151, 152, 204**
 Пастернак Елена Владимировна **148**
 Пауль Иван Петрович **264**
 о. Пафнутий (Фокин) **216**
 Перцова Екатерина Михайловна, урожд. Голицына **167, 190, 258**
 Плотников Василий Иванович **232–234**
 Половинкин Сергей Михайлович **174–175**
 Поляков Тарас Пантелеймонович **198**
 Радомысленский Евгений Вениаминович **145–146, 151, 152**
 Раевский Кирилл Сергеевич **187**
 Раевский Сергей Петрович **175, 186–188**
 Романова Светлана Николаевна **224**
 Рыбаков Борис Александрович **88, 104–107, 186, 203, 205**
 Рыбалко Нина Владимировна **223**
 Рязанов Александр Михайлович **165, 188, 190**

Савинкова Татьяна Павловна **171**
 Сизинцева Лариса Ивановна **89, 212, 213, 214**
 Синявина Людмила Владимировна **147**
 Смирнова Александра Геннадиевна **225, 227, 269**
 Смирнов Александр Александрович **200, 224**
 Смирнов Василий Иванович **89, 212, 224, 225, 234–235, 263–267**
 Соловьев Николай Николаевич **151**
 Сосин Владимир Николаевич **152, 186**
 Степанян Елена **224**
 Стрижев Александр Николаевич **162**
 Суббота Галина Ивановна **221–222**
 Суркова Людмила Сауловна **147, 149**
 Табунова Наталья Васильевна **222**
 Таратута Евгения Александровна **146**
 Ткаченко Владимир Александрович **172, 195**
 Трубачева Мария Сергеевна **174, 189, 195, 196, 202, 209**
 Трубачева Ольга Павловна **174, 175, 181**
 Трубецкая Елена Владимировна, урожд. Голицына **162, 241**
 Трубецкая Ирина Владимировна **186, 239**
 Трубецкой Андрей Владимирович **157, 159, 186, 190–191, 216, 236–242**
 Трубецкой Михаил Андреевич **160**
 Трубецкой Николай Андреевич **160**
 Трубецкой Сергей Владимирович **239, 240**
 Ульянова Екатерина Дмитриевна **219**
 Унковский Юрий Михайлович **187**
 Устименко Валентина Тимофеевна **150, 152**
 Фаворская-Шаховская Мария Владимировна **178, 184**

Фадеева Светлана Яковлевна **215–217, 269**
 Фоменко Андрей Юрьевич **213**
 Фролова Татьяна Михайловна **212, 214, 225**
 Хмелевской Юрий Павлович **97**
 Хохлов Николай Васильевич **147**
 Хохлов Ромуальд Федорович **181**
 Цыпин Юрий Яковлевич **146, 149**
 Челищев Николай Федорович **191**
 Чичков-Баженов Сергей Васильевич **222**
 Чернышева Полина Николаевна **133**
 Шаховской Дмитрий Михайлович **168, 180**
 Шик Елизавета Михайловна **180**
 Шик-Старостенкова Мария Михайловна **181**
 Шмидт Сигурд Оттович **88, 204, 205**
 Штерн Виктор Георгиевич **221**
 Шулепова Элионора Александровна **197–198**
 Шустилова Ирина Изосимовна **208**
 Щекотова Ирина Андреевна **215**
 Юн Анна Дмитриевна **149**
 Ямпольская Тамара Васильевна **150**

СОКРАЩЕНИЯ

АН РТ – Академия наук республики Татарстан
 ВДВ – издательство «Всё для Вас»
 ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
 ВПШ – Высшая партийная школа
 Главнаука НКП – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГЛХМЗ – Государственный литературно-художественный музей-заповедник А. С. Пушкина
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
 ГУЛАГ – Главное управление лагерей
 ГЦММК – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки
 ДПР – Демократическая партия России
 ЗИХМ – Загорский историко-художественный музей
 ЗИХМЗ – Загорский историко-художественный музей-заповедник
 КВЧ – Культурно-воспитательная часть
 КГМУ – Курский государственный медицинский университет
 КГУ – Костромской государственный университет
 МВТУ – Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана
 МГОУ – Московский государственный областной университет
 МДА – Московская духовная академия
 МЖД – Московская железная дорога
 МХК – мировая художественная культура
 МЧК – Московская чрезвычайная комиссия

СОКРАЩЕНИЯ

НЭП – Новая экономическая политика
ОИРУ – Общество изучения русской усадьбы
ООН – Организация Объединенных Наций
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОРПК – Общество ревнителей православной культуры
ОСАН – Общество сохранения литературного наследия
ОСО НКВД – Особое совещание Народного комиссариата внутренних дел
Пезанпроб – Переславль-Залесское научно-просветительское общество
ПТУ – Профессионально-техническое училище
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РОССПЭН – Издательство «Российская политическая энциклопедия»
РПЦ – Русская Православная церковь
СИХМ – Сергиевский историко-художественный музей
СОЭ – социально опасный элемент
СПМЗ – Сергиево-Посадский музей-заповедник
СПИХМЗ – Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник
СТСЛ – Свято-Троицкая Сергиева Лавра
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦБК – Центральное бюро краеведения
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
ЧК – Чрезвычайная комиссия
ЮНЕСКО – специальное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.....	6
АННОТИРОВАННЫЙ ПРЕДМЕТНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ В ЖУРНАЛАХ, АЛЬМАНАХАХ И СБОРНИКАХ	8
I. Сергиев Посад; Троице-Сергиева лавра; Сергиево-Посадский музей-заповедник	8
II. Сергиево-Посадский район	30
III. Краеведение и краеведы	33
IV. Художники	40
V. Научно-популярные книги и брошюры краеведческого характера	43
VI. Разное	46
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И СТАТЕЙ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ	55
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	60
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	68
УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ	71
УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВ КНИГ, БРОШЮР И МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ИЗДАНИЙ	72
УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ	73
Примечания	87
ПРИЛОЖЕНИЯ	88
1. ИЗБРАННЫЕ ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ	88
«Бубновый валет» позади. Что дальше?	90
Выставка портрета в Абрамцево	93
В русле течения	95

Праздник цвета и праздник мысли.....	97
«Пегасы жизни и смерти»	99
«Как слово наше отзовется?..»	
[О работе с детьми в музее]	101
«Накануне юбилея. За чашкой чая	104
Спрессованное времяАладина Гарунова	107
Человек божественной энергии	
[О художнике Илларионе Голицыне]	109
Поныне актуален	
[О профессоре Московской духовной академии	
С. И. Смирнове]	111
Посад запал в душу[О художнике М. В. Боскине].....	114
Рождество по Чуковскому	116
Аристарх Лентулов в Сергиевом Посаде	120
Почетный краевед нашего города Хотьково Г. Е. Агеев.....	122
Влюбленный в Ахтырку[О Д. С. Ганешине]	126
Каким был наш край 90 лет назад	129
2. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ АВТОРА	133
Первая публикация. Ферапонтово.....	133
Борис Пастернак в Мutowках.....	145
Работа в школе	153
Музейные годы.....	156
Начало. Князя Трубецкие	156
«... под покров Преподобного».....	161
Сборник «Троице-Сергиева лавра»	192
История музея.....	196
Художники	201
«Займитесь людьми»	204
Князя Голицыны	210
Мои родные	212
Репрессии.....	214
Великая Отечественная война.....	217
Еще о делах издательских	219
Свободная жизнь.....	225

3. УРОКИ ИСТОРИИ	
(ПУБЛИКАЦИИ НА САЙТЕ МЕМОРИАЛА)	228
«Олень трехногий» в музее Мемориала	
[О художнике Н. А. Фурсее].....	228
К истории одного портрета	
[О скульпторе А. С. Комеловой]	230
Воспоминания дочери Л. С. Кितिцыной	
Татьяны Васильевны Смирновой	233
«Был в плену, да еще князь, да отец расстрелян»	
[Об А. В. Трубецком]	236
Томас Сговно: Колымские лагеря	
Разговор с учительницей истории	242
О князе Голицыне	250
Портрет графа Олсуфьева	258
Судьбы репрессированных краеведов	263
Письма в защиту репрессированных	269
ДОПОЛНЕНИЕ	
ТРУДЫ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В УКАЗАТЕЛЬ	275
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПРИЛОЖЕНИЯМ	277
СОКРАЩЕНИЯ	283

**СЕРГИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ:
БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ
Т. В. Смирновой**

Технический редактор
М. Хромова
Дизайн и компьютерная верстка
Т. Фролова

На первой странице обложки:
В. Д. Дервиз. Лавра зимой. Фрагмент. Б., акв. 1928 г.

На последней странице обложки:
Абрамцевский дуб, занявший второе место
на конкурсе «Европейское дерево 2019 года». Фото

Издание осуществлено на средства автора
Контакт с автором книги по e-mail
smirnowatw@mail.ru

Подписано в печать 24.10.2019.
Формат 70х84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Суг. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.
Заказ .

Допечатная подготовка ООО «Все для Вас Сергиев Посад».
Отпечатано в типографии ООО «Тверской Печатный Двор»,
170000, Тверская область, г. Тверь, пос. Никольское, 26.

Автор настоящей книги – известный краевед-исследователь, дочь знаменитого костромского краеведа и общественного деятеля 1920–1930-х гг. В.И. Смирнова (1882–1941).

Татьяна Васильевна Смирнова составила книгу необычную, оригинальную по замыслу и многосложную по структуре. Автор соединила воедино несколько жанров: традиционный для ученого мира жанр биобиблиографического указателя с научно-справочным аппаратом; жанр сборника текстов своих избранных газетных статей и статей, опубликованных на сайте «Мемориала»; и жанр воспоминаний (главным образом, о творческих встречах и обстоятельствах написания автором некоторых работ). Все это – своеобразная фиксация творческой жизни Т.В. Смирновой, интересная для современников вообще и крайне полезная для краеведов, в частности, для тех, кто изучает Костромской край, историю и культуру подмосковных Сергиева Посада и Хотьково.

*Руководитель Центра историко-культурного
краеведения и москвоведения РНИИ культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева, председатель
Московского краеведческого общества, канд. ист. наук
В.Ф. Козлов*

